198/202

П. Ивановъ.

СТУДЕНТЫ ВЪ МОСКВѢ

Бытъ. Нравы. Типы.

ОЧЕРКИ.

202 105

Москва.—1903.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, домъ князя Гагарина.

Государственная публичная историческая библиотека
901945

Бюджеты.

1. Средній бюджетъ.

Почти безошибочно мы можемъ признать 25 руб. нормой средняго студенческаго бюджета (мѣсячнаго). Получающіе изъ дома субсидію въ большинствѣ случаевъ получаютъ въ количествѣ около 25-ти руб. въ мѣсяцъ. Таковы же земскія стипендіи и нѣкоторыя другія. Разсмотримъ, какъ приходится жить студенту въ Москвѣ на эти деньги.

На квартиру съ прислугой идетъ 11 руб. За эти деньги можно найти комнату для одного. Правда, довольно скверную, но все-таки это будетъ помѣщеніе, гдѣ можно спать и изрѣдка заниматься, если позволятъ сосѣди и холодъ— эти два неизмѣнныхъ спутника студенческихъ квартиръ. Впрочемъ, прежде чѣмъ нападешь на комнату, гдѣ можно спать и изрѣдка заниматься, придется дней 5 побѣгать по Москвѣ, затѣмъ, приблизительно раза 3, перемѣнить квартиру. Во избѣжаніе подобныхъ хлопотъ многіе предпочитаютъ селиться вдвоемъ. Тогда квартирный бюджетъ обозначится цифрой 22 руб. Комната за 22 руб. уже сносная. Въ ней будутъ стоять 2 кровати, 3 стула, комодъ. Надъ комодомъ будетъ висѣть засиженное мухами зеркало, на окнахъ—пыльныя занавѣски.

Длина такихъ комнатъ обыкновенно 5 арш., ширина

4 аршина, 2 окна, 13° тепла (градуса на 3, иногда на 5 больше, чѣмъ въ одиночной комнатѣ. Сосѣди здѣсь поинтеллигентнѣе, стѣны потолще. Значитъ, заниматься можно почаще и посерьезнѣе. Но... вмѣсто сосѣдей здѣсь товарищъ, и вы должны приноравливаться къ его вкусамъ и привычкамъ такъ же, какъ и онъ къ вашимъ. На этой почвѣ между сожителями постоянно возникаютъ недоразумѣнія, иногда переходящія въ ссоры. Вѣдь вкусы и наклонности у людей чрезвычайно различны. Одинъ, напримѣръ, очень безпорядоченъ, другой не выноситъ, если по комнатѣ разбросаны вещи... Дѣлать замѣчаніе какъ-то неловко,—да и студенты очень обидчивы на замѣчанія. Нервы всегда раздражены, когда ваше спокойствіе всецѣло зависитъ отъ другого. Вотъ, напримѣръ, я вычитаю изъ газеты какое нибудь сенсаціонное извѣстіе и спѣшу подѣлиться имъ съ сожителемъ. Какъ на грѣхъ, оказывается, что онъ въ это время напалъ на разрѣшеніе важной математической формулы, и я испортилъ ему все дѣло своимъ сенсаціоннымъ извѣстіемъ. Или я рѣшилъ посвятить вечеръ церковному праву и, собравшись съ духомъ, раскрываю объемистую книгу, вдругъ двери распахиваются и на порогѣ появляются три друга моего сожителя.

— Слушай, Иванъ! Мы къ тебѣ, братецъ, вечерокъ скоротать пришли,—объявляетъ какой-нибудь рыжій дѣтина съ бородавкой на носу.

Я съ ненавистью взглядываю на эту бородавку и закрываю церковное право. Затѣмъ, отправляюсь гулять по городу или остаюсь слушать дружескую бесѣду...

Благодаря такимъ удобствамъ совмѣстнаго житья, самые закадычные пріятели живутъ вмѣстѣ maximum годъ. Послѣ этого, каждый подыскиваетъ себѣ новаго сожителя...

Иногда приходится селиться съ незнакомымъ студентомъ. Не всегда же можно найти какого-нибудь хорошаго знакомаго. Понятно это еще невыносимѣе.

Вотъ почему многіе все-таки предпочитаютъ жить въ одиночку, несмотря на ужасныя условія.

Итакъ, квартира обходится minimum въ 11 руб. Теперь другіе необходимые мѣсячные расходы. Большинство студентовъ пользуются полусытными и нездоровыми обѣдами въ кухмистерскихъ. Минимальная плата за обѣдъ въ этихъ столовыхъ 7 руб. 50 коп. Такая же цѣна и въ платной столовой «Общества для пособія нуждающимся студентамъ».

Чай четверка—50 коп. Сахару—по 4 куска утромъ и вечеромъ (студенты обыкновенно пьютъ по 2 стакана и кладутъ по 2 куска)—въ мѣсяцъ выйдетъ около 5 ф.—80 к. Хлѣба обыкновенно съѣдается утромъ на 5 коп. и вечеромъ на 5—въ мѣсяцъ 3 руб. Освѣщеніе при небольшой лампѣ—50 к. Прачка—1 руб. Мелкіе расходы (баня, мыло, почтовыя марки, бумага, зубной порошокъ и проч.)—50 коп.

Въ итогѣ 24 р. 80 коп.—20 коп. остается на табакъ, на театръ, на что угодно...

Я высчиталъ расходы на самое необходимое. Но развѣ возможно человѣку жить, какъ заведенная машина? Экстренные расходы всегда бываютъ. Нечаянно вечеромъ съѣлъ на гривенникъ колбасы, потому что ѣсть страшно хотѣлось, разорвались сапоги, заболѣлъ, вотъ и нарушено бюджетное равновѣсіе. Приходится все время быть настороже, слѣдить за каждымъ грошемъ, напрягать всю силу воли, чтобы отказывать себѣ въ малѣйшемъ желаніи. Неудивительно, что въ концѣ концовъ нервы разстраиваются до невозможности. Къ концу зимы студентъ чувствуетъ себя совершенно разбитымъ и съ радостью уѣзжаетъ домой на каникулы, чтобы поправить разстроенное здоровье. Хорошо, если у кого есть домъ!..

Расходами на матеріальныя потребности студентъ не можетъ ограничиться. Ему нужны книги—пособія къ лекціямъ. А университетскіе учебники, нужно отдать справедливость ихъ издателямъ,—чрезвычайно дороги. На нихъ студентъ тратитъ ежегодно 10 — 50 руб. (смотря по факультету и курсу). Этотъ расходъ тяжелымъ бременемъ ложится на его бюджетъ. Приходится еще болѣе сокращать свои насущныя потребности.

2. Минимальный бюджетъ.

Большинство студентовъ единогласно утверждаютъ, что въ Москвѣ почти невозможно прожить меньше, чѣмъ на 25 руб. въ мѣсяцъ. Однако, не всѣ студенты имѣютъ 25 руб. въ мѣсяцъ. Даже далеко не всѣ. Какъ же они живутъ?

Зайдемте въ этотъ домъ на Маломъ Козихинскомъ переулкѣ. Тамъ у меня живутъ три товарища въ одной комнатѣ. Держитесь за мою руку, иначе разобьете себѣ голову: здѣсь въ коридорѣ ужасная темень: ни одного окна. Чувствуете этотъ острый запахъ? Это отъ дѣтскихъ пеленокъ... Да гдѣ же она ручка?.. А - а вотъ! Пожалуйте... Темно? Нѣтъ это у нихъ называется еще свѣтло. Видите ли единственное окно выходитъ въ стѣну сосѣдняго дома—поэтому здѣсь всегда нѣчто въ родѣ сумерекъ...

Небольшая комната. Въ ней еле помѣщаются три кровати. У окна стоитъ столъ. Онъ такъ малъ, что около него нельзя помѣститься сразу троимъ.

— Господа, неужели вы ничего не нашли лучшаго?

— Да было кое-что и получше. Но втроемъ не пускаютъ. А здѣсь съ большимъ удовольствіемъ приняли. Нужно какъ-нибудь комнату сплавить. И, представьте, какой курьезъ! Когда мы первый разъ пришли сюда смотрѣть квартиру, мы говоримъ хозяйкѣ...

— Неудобно, что темно.

— Да зачѣмъ,—говоритъ,—студентамъ свѣтъ нуженъ? Вѣдь они цѣлый день дома не бываютъ...

Такая комната стоитъ 20 руб., а вмѣстѣ съ прислугой 21 руб. На каждаго приходится, значитъ, 7 руб.

Хлѣба у нихъ у троихъ выходитъ на 15 коп. въ день. Ѣдятъ полуситникъ или «вчерашній» сухой хлѣбъ (онъ дешевле). Пьютъ цейлонскій чай (выходитъ по восьмушкѣ (25 коп.) на брата въ мѣсяцъ). Сахара съѣдаютъ по 3 ф. (пьютъ чай въ-прикуску). Керосинъ обходится 60 коп. на

троихъ. На мелкіе расходы положено у каждаго по 30 коп. (это значитъ, что въ банѣ бываютъ разъ въ два мѣсяца, домой пишутъ письма по разу въ мѣсяцъ). Прачка—1 руб.; обѣдъ—7 руб. 50 коп. Всего на все 18 руб. 3 коп. Въ случаѣ экстравагантныхъ расходовъ — недѣльное сидѣніе на жиденькомъ чаѣ и трехъ-копеечномъ ситномъ.

Вотъ такъ-то и живутъ эти студенты въ комнатѣ, гдѣ за столъ нельзя усѣсться всѣмъ жильцамъ сразу...

Но есть, разумѣется, студенты, располагающіе менѣе чѣмъ 18 руб. Такимъ приходится пользоваться безплатными обѣдами въ комитетскихъ столовыхъ «Общества для пособія нуждающимся студентамъ», ихъ двѣ: одна — на Бронной, другая (для медиковъ) – на Плющихѣ. Вакансій тамъ и здѣсь 600. Вакансій часто не хватаетъ для удовлетворенія всѣхъ желающихъ. Новички иногда не сразу могутъ получить билетъ въ столовую, потому что тамъ удовлетворяютъ прежде всего старыхъ столовниковъ, раньше пользовавшихся безплатными обѣдами...

Какъ же все-таки живутъ тѣ, которые имѣютъ менѣе 18 руб. въ мѣсяцъ? Они тратятъ въ день 15 коп. на обѣдъ, питаясь чаемъ, сыромъ и чернымъ хлѣбомъ. Въ мѣсяцъ обѣдъ обойдется въ 4 руб. 50 коп. Ихъ бюджетъ равенъ 15 руб. Но, разумѣется, этотъ бюджетъ—скорѣе фикція, чѣмъ дѣйствительность. Это—«переходный» бюджетъ до... счастливаго случая или освободившейся вакансіи въ комитетской столовой. Впрочемъ, нѣкоторые предпочитаютъ сухояденіе и изъ самолюбія не обращаются въ столовую съ просьбой выдачи имъ безплатнаго обѣда.

Круто приходится всѣмъ этимъ бѣднякамъ и съ одеждой, въ особенности потому, что она непремѣнно должна быть форменной. Въ университетъ не пустятъ не въ формѣ. И вотъ многіе покупаютъ пальто и тужурку гдѣ-нибудь по случаю: у товарищей, у старьевщиковъ на Сухаревкѣ или у Ильинскихъ воротъ. У Ильинскихъ воротъ есть даже двѣ лавки спеціально студенческихъ старыхъ костюмовъ. Тутъ не приходится разсуждать, пріятно или непріятно

носить платье неизвѣстно съ чьего плеча,—быть-можетъ, больного или умершаго отъ заразной болѣзни.

Когда у студента нѣтъ ни копейки за душой или нѣсколько копеекъ, онъ идетъ жить «на Ляпинку». Туда принимаютъ всѣхъ...

Въ заключеніе маленькій парадоксъ.

Прислугѣ богатыхъ или даже среднихъ москвичей живется гораздо лучше, чѣмъ бѣднымъ или среднимъ студентамъ. Столъ у первыхъ гораздо сытнѣе и лучше студенческаго, помѣщеніе болѣе прилично... А деньги? Какая-нибудь горничная получаетъ на всемъ готовомъ 7—10 р. въ мѣсяцъ. А если у студента за покрытіемъ насущнѣйшихъ потребностей останется еще 7—10 руб., то вѣдь его считаютъ «состоятельнымъ».

3. Высшій бюджетъ (35 руб. и 50 р.)

Нѣкоторые студенты (конечно, ихъ меньшинство) могутъ располагать большей суммой денегъ, чѣмъ средній бюджетъ (25 р.). По нашему мнѣнію, 35 рублевый и 50 рублевый бюджеты являются типическими для высшаго мѣсячнаго оклада студента.

Нужно замѣтить прежде всего, что получающіе такія деньги изъ дома, обыкновенно, обезпечены въ смыслѣ платы за лекціи и полной обмундировки. На это родные ассигнуютъ суммы сверхъ бюджета. Тѣ же студенты, которые уроками зарабатываютъ средства, разумѣется, должны откладывать изъ нихъ 15—20 руб. на вышеупомянутые расходы и, такимъ образомъ, ихъ бюджетъ сводится къ среднему или даже минимальному.

35 рублевый бюджетъ даетъ возможность легче дышать. Студентъ чувствуетъ себя болѣе спокойно, не дрожитъ вѣчно надъ каждымъ кускомъ сахара и копейкой. Бюджетное равновѣсіе уже не нарушается отъ съѣденнаго пирожка или разорванной ботинки.

Можно нанять небольшую комнатку рублей за 15 и

жить въ одиночку, не стѣсняя себя непріятностями совмѣстной жизни. Правда, придется тратить много времени и энергіи, чтобы отыскать за эту цѣну комнату, удовлетворяющую минимальному требованію удобствъ. Быть-можетъ, не разъ придется перемѣнить квартиру... Поэтому нѣкоторые и при такомъ бюджетѣ предпочитаютъ селиться вдвоемъ. Обѣдомъ можно пользоваться дома руб. за 9—10, или въ дешевыхъ ресторанахъ. Обѣдъ будетъ условно сытный средняго качества.

Итакъ, 25 руб. положимъ на квартиру (съ прислугой) и обѣдъ. Далѣе пойдетъ 4 р. 50 коп. на хлѣбъ, чай и сахаръ, 1 р. 50 коп. мойка бѣлья. Столько же на мелкіе расходы и керосинъ.

Обыкновенно, при такомъ бюджетѣ удовлетворяются и болѣе культурныя потребности: подписываются въ библіотеку 50 коп. и выписываютъ газету 65—85 коп. (хотя газету ухитряются выписывать и съ меньшимъ бюджетомъ). Остается 1 рубль съ небольшимъ.

Конечно, на эти деньги не разойдешься, въ особенности, если принять во вниманіе, что студенту необходимо покупать лекціи. Экономить приходится изрядно и при 35 рубляхъ. Но этотъ бюджетъ отличается отъ 25 рублеваго большей эластичностью. «Средній» бюджетъ ставитъ человѣка въ суровыя рамки existens minimum'a—все высчитано, вымѣрено и если нарушишь балансъ, то придется возстановлять его, отказывая себѣ въ чемъ-нибудь существенномъ, напримѣръ, въ обѣдѣ. Имѣя же 35 руб., можно сдѣлать и необычный расходъ, замѣнивъ 9-ти рублевый обѣдъ—обѣдомъ въ 7 р. 50 коп., или перемѣнивъ квартиру на болѣе дешевую.

Разумѣется все это чрезвычайно условно. Но уже есть возможность сохранить спокойствіе духа, не раздражая себя каждой мелочью, и потому занятіе наукой можетъ итти успѣшнѣе.

Получая 50 руб., студентъ почти всегда живетъ одинъ, нанимая комнату или номеръ за 20 руб. Комната будетъ болѣе или менѣе прилична съ казенной мягкой мебелью

(только не въ частныхъ квартирахъ). Обѣдъ 12 руб. Прислугѣ на чай въ номерахъ 3 руб. (minimum). Затѣмъ чай, хлѣбъ, мелкіе расходы, бѣлье 7 р. 50 коп. Газета и библіотека 1 р. 35 коп. Является возможность ужинать, тратя среднимъ числомъ по 12½ коп. (½ фунта колбасы, сыру, капчушекъ и т. п.)—3 р. 75 коп. На лекціи 1 р. (или больше).

Иногда можно поужинать гдѣ-нибудь въ ресторанчикѣ или пивной. Послѣдніе теперь стали очень приличны. Въ особенности 2 изъ нихъ, открытые до 1 часу ночи (на Неглинномъ проѣздѣ и на Тверскомъ бульварѣ). Блюдо изъ ужина стоитъ 25 коп., вмѣстѣ съ бокаломъ пива и съ «чаемъ» посѣщеніе обойдется 40 коп.

Благодаря эластичности 50 рублеваго бюджета, просыпаются и утонченныя потребности. Когда въ карманѣ позвякиваютъ вмѣсто копеекъ рубли, которые понадобятся еще не сейчасъ, да вѣдь и въ полумѣсяцѣ можно нѣсколько дней не ужинать—очень хочется того, о чемъ при среднемъ бюджетѣ страшно и подумать.

Одного, напримѣръ, тянетъ вечеромъ «посидѣть», какъ выражается Чеховъ, въ хорошемъ ресторанѣ, другой любитъ симфоническую музыку... А новыя книги въ разноцвѣтныхъ обложкахъ, выставленныя въ витринахъ книжныхъ магазиновъ—невольно подмываютъ пріобрѣсти ту или иную изъ нихъ, если уже нельзя купить всѣ. Во многихъ студенческихъ комнатахъ средней руки я видѣлъ на стѣнахъ гравюры съ картинъ знаменитыхъ художниковъ, больше всего Штука и Беклина, которыми заполнены теперь всѣ эстампные магазины. Коллеги тратятъ на нихъ послѣднія деньги...

Есть отрицательная сторона эластичности 50 рублеваго бюджета. Это, именно, возможность соблазна, т. е. увлеченія черезъ мѣру нѣкоторыми утонченными потребностями. Впрочемъ, при посѣщеніи, напримѣръ, увеселительнаго заведенія Омона, ужасно легко переступить черезъ «мораль», вѣдь хочется испытать «все». Вотъ почему кое-кто изъ студентовъ съ 50 рублевымъ, а иногда и большимъ бюджетомъ вѣчно сидитъ безъ денегъ и даже въ долгахъ. И гораздо легче надѣлать долговъ именно при 50 рублевомъ бюджетѣ, чѣмъ при среднемъ или минимальномъ.

Идеальный бюджетъ.

Во всякомъ случаѣ мы считаемъ, что только при бюджетѣ въ 50 рублей создаются болѣе или менѣе сносныя условія для занятій. Только въ этомъ случаѣ студентъ можетъ безпрепятственно выполнять свою миссію.

Такимъ образомъ *идеальный* (конечно, мы говоримъ относительно) годовой бюджетъ студента при 9 учебныхъ мѣсяцахъ выразится въ суммѣ 450 рублей. Къ этому нужно прибавить плату въ университетѣ, учебники и обмундировку.

Ежегодный взносъ въ университетъ 100 руб. (иногда немного меньше,—что большей разницы не составитъ).

Обмундировка средняго достоинства. Ее придется высчитать за первые 2 года вмѣстѣ (время носки). Сюртучная пара—45 руб., тужурка—12 руб., брюки—6 руб., теплое пальто—40 руб., фуражка—2 руб., штиблеты 5 руб., калоши 2 руб. Бѣлье готовое (по полдюжины) всего—33 р. 66 к. (Рубахи—6 р., кальсоны—6 р., простыни—6 р., полотенца—3 р., носки—2 р., наволочки—3 р., платки носовые дюжина—1 р. 80 коп., манжеты—2 р. 70 коп., воротнички 2 р. 10 коп., черный галстукъ—1 руб.).

Итого 145 р. 60 коп. Это необходимая сумма при поступленіи въ университетъ. На второмъ курсѣ придется обновить брюки, фуражку, штиблеты, калоши, тужурку,—(27 руб.). Значитъ 172 р. 60 коп. за курсъ. Все обновить придется на 3 курсѣ и 4 курсъ=2. Значитъ, весь университетскій курсъ обойдется 345 р. 20 коп.

Плата за учебники чрезвычайно неопредѣленная, отъ 10 руб. до 60 и болѣе.

Квартирный вопросъ

Сущность квартирнаго вопроса.

Молодые студенты—вѣчные скитальцы—цыгане квартиръ. Они постоянно кочуютъ съ мѣста на мѣсто. Нѣкоторые квартирохозяева даже не сдаютъ комнатъ студентамъ.—«Больше трехъ мѣсяцевъ не простоитъ,—говорятъ они въ свое оправданіе,—а мы хотимъ настоящаго жильца, положительнаго.» Одной изъ причинъ непосѣдства является, конечно, отъѣздъ домой—въ провинцію на лѣтнія и зимнія каникулы. Студенты никогда не оставляютъ квартиры за собой.

Другая причина—это почти полное отсутствіе въ Москвѣ сносныхъ и недорогихъ студенческихъ квартиръ (меблированыхъ отъ хозяевъ комнатъ). Мало-мальски приличная комната стоитъ 20—25 руб, но и эта цѣна не гарантируетъ отъ дурной квартиры. А болѣе дешевыя комнаты прямо невозможны. И вотъ студентъ мечется по городу въ поискахъ за хорошей квартирой. Но, увы! Эти квартиры подобны голубому цвѣтку, вѣчно ускользающему отъ романтиковъ. Вотъ, вотъ, кажется, нашелъ нѣчто порядочное. Не тутъ-то было. Призрачныя достоинства найденной квартиры исчезаютъ при одномъ приближеніи. Масса свѣта несетъ съ собой невыносимый холодъ. Новенькіе обои покрываютъ досчатую перегородку, сквозь нея доносится отъ сосѣдей каждый шелестъ юбки или скрипъ пера. «Блестящая» мебель ломается, какъ игрушка. Печка дымитъ. Каждое утро угаръ. Это образецъ «отдѣланной заново» комнаты... И, посылая проклятія обманчивому миражу,

студентъ собираетъ свои пожитки и снова стремится въ таинственную даль въ поискахъ за лучшимъ жилищемъ...

Есть, конечно, комнаты, относительно порядочныя. Но онѣ страшно дороги. А дешевыя и хорошія студенческія квартиры — сочетаніе почти немыслимое. И нужно благословлять судьбу, если въ Москвѣ на 100 квартирныхъ неудачниковъ-студентовъ найдется одинъ-другой сомнительный счастливецъ. Можно навѣрное сказать, что у каждаго стараго студента есть на памяти одна, двѣ квартиры, которыя мерещатся ему, какъ два ужасныхъ призрака отвратительныхъ и вонючихъ.

Прежде чѣмъ детально ознакомиться съ жилищами студентовъ въ Москвѣ, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ общаго характера. Это необходимо. Иначе для большой публики будетъ теменъ смыслъ нашихъ дальнѣйшихъ бесѣдъ. Будемъ говорить о вещахъ до тошноты знакомымъ всѣмъ посвященнымъ въ тоскливую исторію студенческаго бытья въ Москвѣ.

Набросаемъ схему квартирнаго вопроса. Стремленіе каждаго человѣка – жить невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ сосредоточенъ его главный интересъ, заставляетъ, разумѣется, и студента селиться, какъ можно ближе къ университету. Но многое препятствуетъ ему въ этомъ законномъ стремленіи. И прежде всего, конечно, средства—зыбкость студенческаго бюджета. Нужно отыскать такую квартиру, которая не только была бы желательной, но и возможной съ точки зрѣнія бюджетнаго равновѣсія. Университетъ въ центрѣ Москвы. Прямое слѣдствіе отсюда—квартиры вокругъ него очень дороги. Нужно отойти версты за 3, чтобы очутиться въ районахъ болѣе или менѣе дешевыхъ квартиръ. Подобное разстояніе отъ мѣста, куда приходится ходить ежедневно, иногда по два раза въ день, въ полномъ смыслѣ слова уничтожаетъ возможность регулярныхъ занятій. Значитъ, необходимо помириться съ величайшими неудобствами скверной квартиры въ центрѣ, или невдалекѣ отъ центра, лишь бы не упускать изъ вида главной цѣли пребыванія въ Москвѣ—научныхъ занятій.

Къ счастію (вѣрнѣе было бы сказать, къ несчастію), Москва—городъ контрастовъ. На каждомъ шагу дворцы здѣсь соприкасаются съ лачугами. И около роскошныхъ особняковъ прекрасно уживаются свиные хлѣвы. Иллюстраціей къ этимъ жилищнымъ контрастамъ служатъ улицы, ближайшія къ университету, т. е. самыя центральныя. Взять хотя бы ту же пресловутую «Ляпинку», затесавшуюся среди прекрасныхъ домовъ Б. Дмитровки. И такъ почти на каждомъ шагу. Три дворца и гдѣ-нибудь въ глубинѣ двора свиной хлѣвъ, населенный бѣдняками, въ числѣ которыхъ непремѣнными членами состоятъ студенты. Но не думайте, ради Бога, что если свиной хлѣвъ, то и жизнь въ немъ обходится грошами. Нѣтъ, тамъ тоже необходимы серебряные рубли, десятки рублей. Нѣкоторые домохозяева сумѣли извлечь выгоду изъ московскаго положенія вещей. Они понастроили огромные мрачные корпуса. Построили ихъ какъ-нибудь, на скорую руку, вовсе не заботясь о томъ, что въ этихъ домахъ будутъ жить все-таки люди. Раздѣлили свои убѣжища на безчисленное количество квартиръ. И, назначивъ за каждую квартиру кругленькую сумму, растопырили свои карманы, ожидая золотого дождя... Ожиданія, разумѣется, вполнѣ основательныя. Дождикъ хлынулъ. А расплачиваться за него приходится несостоятельнымъ людямъ. Подобныя квартиры снимаются, обыкновенно, нуждающимися людьми. Эти, въ свою очередь, стараются хоть сколько-нибудь покрыть свои расходы сдачей комнатъ внаймы.

Впрочемъ, немногіе изъ квартиронанимателей, сдавая комнаты, желаютъ только подѣлиться со своими жильцами расходами на квартиру. Большинство старается эксплоатаціей комнатъ совершенно окупить эти расходы, такъ чтобы самимъ ничего не платить. Въ Москвѣ есть даже цѣлый классъ людей, живущихъ исключительно своими жильцами. Сдача комнатъ сдѣлалась особаго рода занятіемъ,—способомъ, не работая, получать деньги. Нанимается квартира въ нѣсколько комнатъ. Меблируется съ грѣхомъ пополамъ и на воротахъ вывѣшивается билетикъ: Въ квартирѣ №№ отдаются комнаты. Часть квартиры занимается хозяйкой, а «лишнія» комнаты должны дать доходъ. Понятно къ чему сводится въ данномъ случаѣ роль хозяина квартиры: всячески уменьшить расходы на нея, возвысивъ до максимума цѣны. Такимъ образомъ, вырабатывается типъ студенческой квартиры съ ея неизмѣнными атрибутами: грязью, холодомъ, насѣкомыми, полу-рухлядью, полу-мебелью.

Эксплоататоры-комнатосодержатели въ Москвѣ разсѣяны повсюду, но не вездѣ замѣтны. Есть же кварталы, представляющіе изъ себя цѣлыя гнѣзда квартиръ съ комнатами, отдающимися внаймы. Такъ какъ студенты представляютъ наиболѣе выгодный матеріалъ для подобныхъ аферъ, то нѣкоторые кварталы можно назвать студенческими. Такъ, напримѣръ, районъ Козихинскихъ и Бронныхъ переулковъ давно уже носитъ почетное наименованіе—студенческаго. Это гнѣздо кишмя-кишитъ грязными, отвратительными пауками — квартирохозяевами, паутину которыхъ со всѣхъ сторонъ облѣпили студенты. Здѣсь сосредоточеніе студенчества. И здѣсь, къ стыду Москвы, самыя отвратительныя санитарныя условія.

Разумѣется, большинство квартиросодержателей люди совершенно некультурные или малокультурные. Главнымъ образомъ, особы женскаго пола,—какая-нибудь вдова мелкаго чиновника, бывшая приживалка, состарѣвшаяся камелія. Кому неизвѣстенъ типъ московской хозяйки, отдающей комнаты внаймы,—этой неинтеллигентной, крикливой, грязной женщины...

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, создается обстановка, невыносимая для серьезныхъ занятій. Происходитъ странное смѣшеніе некультурной, неинтеллигентной среды съ «цвѣтомъ русской молодежи». И «цвѣтъ» невольно блекнетъ, теряетъ краски въ несвойственной ему атмосферѣ. Грубость, ожесточеніе, наконецъ, пьянство—являются прямымъ послѣдствіемъ сближенія съ подонками столичнаго общества. Въ этомъ обществѣ много микробовъ, заражающихъ новичка.

Студенту нельзя быть бѣднымъ человѣкомъ, иначе заѣстъ его голодъ и холодъ. Замерзнутъ, отупѣютъ всѣ лучшіе порывы. Смрадный туманъ выѣстъ энергію, бодрость, стремленіе вверхъ. Университетскіе годы пришибутъ, приколотятъ къ землѣ. И вмѣсто живого человѣка въ жизнь вступитъ трупъ. Въ концѣ университетскаго курса остается только одно узенькое, маленькое стремленіе. «Поскорѣй бы дипломъ. Теплое мѣстечко. Отогрѣться бы поскорѣй!» И больше ничего!

На младшихъ курсахъ, пока еще не усталъ человѣкъ, не выбился окончательно изъ силъ, пока еще не проникла въ душу привычка — отвратительная привычка,—студентъ мечется по городу, ища лучшихъ условій для своего житья. И благо ему, если онъ сумѣетъ пристроиться къ мѣсту, хоть немножко выбьется изъ оковъ бѣдности. Иначе... призракъ тупой, бездушный, холодный приблизится и жизнь обратится въ медленное тягучее существованіе.

Вотъ причина, почему на первыхъ курсахъ студенты мѣняютъ квартиры, какъ перчатки, а, дѣлаясь старше, постепенно свыкаются съ печальной дѣйствительностью и довольствуются тѣмъ, что есть.

Хожденіе по мытарствамъ.

Исканіе квартиры? Знаете ли вы, что это за инквизиція?

Многіе студенты пріѣзжаютъ съ каникулъ въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ—не селиться въ «проклятыхъ» переулкахъ «Козихи», Бронныхъ et cetera. Но... какая-то роковая сила, въ концѣ концовъ, приведетъ многихъ изъ нихъ въ эти ненавистныя улицы. По пріѣздѣ въ Москву студентъ останавливается у товарища и сейчасъ же начинаетъ искать квартиру. Прежде всего отправляется на Никитскую улицу вблизи университета. Если онъ пріѣхалъ въ серединѣ августа, то за 20 руб. и дороже есть

шансы найти тамъ квартиру. Но такъ какъ большинство студентовъ съѣзжается въ первыхъ числахъ сентября и позднѣе, имъ приходится скоро перенести свои поиски за бульвары на Арбатъ, Поварскую, Пречистенку. Вотъ тутъ-то и начинаются муки квартироисканія. Съ ранняго утра бѣгаетъ студентъ по улицамъ, переулкамъ, тупикамъ. Дождь—осенью, зимой—адскій холодъ въ разсчетъ не принимаются. Время не ждетъ. А онъ полонъ энергіи — рѣшился непремѣнно открыть квартирную Америку. Но... въ кварталахъ не-студенческихъ бѣлыхъ билетиковъ, указывающихъ, что «здѣсь отдается комната со столомъ и безъ онаго» — совсѣмъ немного. Пробѣжишь одинъ переулокъ, другой—нѣтъ билетика. «А-а вотъ, наконецъ!» «Отдается квартира за 2,000 руб.»... Дальше! Минутъ черезъ 10 снова билетикъ на той сторонѣ. «Отдается комната для одинокой». Не подходитъ. Вотъ еще комната 30 руб. въ мѣсяцъ. Не по карману. Та слишкомъ грязна. Эта, сразу видно, очень сырая... Одолѣваетъ усталость. Отправляешься на Бронную обѣдать. Послѣ обѣда—снова поиски съ тѣмъ же успѣхомъ... Вотъ билетикъ! Звонокъ дворнику. Черезъ минуту еще звонокъ, и еще. Наконецъ, появляется угрюмый и строгій дворникъ.

— Вамъ кого?

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь квартира № 15.

— Да вонъ прямо ступайте, потомъ налѣво и третья дверь направо, во второмъ этажѣ.—Иду.—По дорогѣ для вѣрности спрашиваю кухарку: «гдѣ № 15?» Указываетъ. Вхожу. Хозяйка съ подвязанной щекой. За ея юбку держится грязное существо младенческаго возраста. Гдѣ-то вблизи пищитъ ребенокъ. Въ отдаленіи тявкаетъ собаченка. Въ передней темно, пахнетъ протухшей селедкой. Комната 16 руб. въ мѣсяцъ.

— Тутъ что же придется черезъ 2 комнаты проходить прежде, чѣмъ къ себѣ попадешь?

— Да.—Высовывается еще дѣтская головка.

— Мама, я ѣсть хочу!

— Подожди, куда лѣзешь. Видишь, занята!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ

— Я ѣсть хочу!... — Подзатыльникъ. Поднимается ревъ. Знаете, этотъ пронзительный дѣтскій плачъ...

— Хорошо! Я еще зайду говорятъ, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ хозяйкѣ и выскакиваютъ на дворъ,— на улицу.

Наконецъ, становится противно переходить изъ комнаты въ комнату, кажется, что это неделикатно по отношенію къ хозяевамъ... И въ раздумьи останавливаешься передъ новымъ билетикомъ—войти или не войти? Наконецъ собираешься съ духомъ и опять звонишь дворнику. И опять повторяется прежняя процедура...

Проходитъ день—два въ такихъ поискахъ. У нѣкоторыхъ студентовъ хватаетъ духа продолжать свои поиски на Стрѣтенкѣ, Мясницкой, Покровкѣ. У большинства энергія падаетъ и они рѣшаются поискать «что-нибудь подходящее» на Бронной. Здѣсь масса билетиковъ. Чуть ни на каждыхъ воротахъ по нѣскольку. Но, конечно, не во всякое время года. Иногда и тутъ все занято. Зато здѣсь чаще приходится вылетать стремглавъ изъ отдаваемыхъ внаймы комнатъ. Чаще можно встрѣтить хозяекъ съ подвязанной щекой. Рѣже выходятъ дворники на звонокъ. Приходится самому искать № квартиры. Часто попадаешь на грязную лѣстницу и оказываешься съ глазу на глазъ съ какой-нибудь отвратительной личностью... Нервы разстраиваются. Энергія ослабѣваетъ въ конецъ. И думаешь только о томъ, чтобы скорѣй приткнуться къ какому-нибудь мѣсту, устроиться. У товарищей спать приходится на какомъ-то инквизиціонномъ диванѣ съ остріями-торчащими пружинами, такъ что съ дороги и выспаться ни разу не пришлось, какъ слѣдуетъ. Хочется поскорѣй начать регулярную жизнь... И приходишь, наконецъ, къ такому рѣшенію.

«Э! да чортъ съ ними совсѣмъ. Займу первую попавшуюся комнату. Черезъ мѣсяцъ можно перемѣнить».

И занимаешь первую попавшуюся.

„Гиршъ".

На стражѣ «Бронныхъ», у самыхъ воротъ студенческаго поселенія, стоитъ призракъ—отвратительное начало безконечныхъ омерзительныхъ пытокъ, уготованныхъ Москвой для прибывающихъ въ ея нѣдра молодыхъ людей, ищущихъ свѣта истины.

Истину стережетъ драконъ; имя ему бѣдность. Его жилище — студенческія поселенія. Его тріумфальная арка— дома Гирша—«Гирши». Вы видѣли эти громадные кирпичные корпуса. Эти выстроенныя въ шеренгу безобразныя чудовища. Длинныя, неуклюжія, грязныя. Запрячьте куда-нибудь поглубже чувство красоты, когда вы приближаетесь къ этимъ домамъ... Все здѣсь дышитъ стремленіемъ къ простотѣ. Не къ простотѣ античной жизни—нѣтъ, а къ современной простотѣ —къ наиважнѣйшему сокращенію расходовъ по устройству людскихъ жилищъ. Къ отрицанію всѣхъ удобствъ, къ экономическому сведенію до existens minimum'а насущнѣйшихъ потребностей человѣка — свѣта, воздуха и тепла... Узкіе дворики, застроенные погребами и помойными ямами, отдѣляютъ одинъ корпусъ отъ другого. Невыносимая, смрадная вонь окутываетъ атмосферу этихъ домовъ «конца вѣка». Видъ кругомъ унылъ до отупѣнія, однообразный досмерти... Всего у «Гирша» насчитывается 123 квартиры. Эти квартиры—центральная школа московскихъ квартирныхъ хозяекъ, спеціализировавшихся на отдачѣ комнатъ внаймы. Здѣсь онѣ начинаютъ свою карьеру. И здѣсь учатся выбивать копейку изъ своего квартиранта. «Гиршъ» — это ихъ царство. И, расползаясь потомъ по Москвѣ, подданныя этого царства всюду вносятъ свой духъ, свои законы и принципы. «Жить на средства своихъ жильцовъ» это лозунгъ здѣшнихъ хозяекъ. «Гиршевская хозяйка» — это ихъ почетный титулъ, который остается за ними, куда бы онѣ ни переѣхали.

— Ахъ, чортъ возьми,—говоритъ студентъ,—опять попалъ къ «гиршевской хозяйкѣ». И товарищъ, которому онъ

сообщаетъ эту грустную вѣсть, понимаетъ безъ комментаріевъ.

Если характеризовать хозяйку подобнаго типа, то придется употреблять все полукачества: она полу-женщина, полу-чиста, столовниковъ полу-кормитъ, кормитъ ихъ полутухлятиной, комнату полу-отапливаетъ, держитъ полугрязную кухарку (очень грубую обыкновенно)... Въ одномъ только хозяйка—цѣльная натура—это въ аккуратной получкѣ денегъ со своего жильца...

Три типа комнатъ исчерпываютъ все разнообразіе здѣшнихъ студенческихъ квартиръ. Начнемъ съ лучшей. «Парадный» входъ. Пахнетъ жаренымъ лукомъ. 6 дощечекъ съ обозначеніемъ 6-ти квартиръ (три этажа). Темно, хоть глазъ выколи. Грязная, сырая лѣстница. Карабкаться нужно на третій этажъ. Разъ споткнулся, два споткнулся... Нервы непріятно вздрагиваютъ. Въ воздухѣ носится теплый паръ отъ желѣзной печки, пропитанный сыростью промозглыхъ стѣнъ. Наконецъ, третій этажъ. Зажигаешь спичку и ищешь № квартиры. Грязная кухарка, съ подоткнутымъ фартукомъ, растворяетъ дверь.

— Вамъ кого?

— Комнату можно посмотрѣть?

— Пожалуйте.

Передняя темная (это во всѣхъ гиршевскихъ квартирахъ). Изъ кухни, которая тутъ же подъ бокомъ, несется непріятный запахъ всякихъ «пригорѣвшихъ вещей». Передняя освѣщается изъ кухни, куда дверь, обыкновенно, отворена. Еще небольшая подробность. Ватеръ-клозетъ у «Гирша» находится въ кухнѣ, за тонкой перегородкой... Слѣва слышно «мелодичное» треньканье гитары. Справа—громкій споръ. Откуда-то доносится женскій визгъ.

Вотъ и комната.

«О-о, роскошная! Мягкая мебель, кровать приличная, комодъ, этажерка.»

— Сколько?

— 25 рублей.

— Г-мъ. Послѣ зайду.

— Заходите!

Въ передней надѣваю чужія калоши — старыя и продранныя. Выбираюсь на дворъ и полной грудью вдыхаю гиршевскій воздухъ.

Слѣдующая квартира. Съ такой же темнотой и грязью. Комната вдвое меньше и втрое грязнѣе. Комодъ, столъ, стулъ, грязный матрацъ на кровати, обои съ пятнами, клопы и проч.

— Сколько?

— 18 рублей въ мѣсяцъ.

Не сказавши ни слова, отправляюсь къ выходу и отыскиваю третью квартиру.

Встрѣчаетъ хозяйка съ заспаннымъ видомъ и угрюмымъ лицомъ.

— Вотъ комната!

Холодно. Стоитъ кровать съ тремя ножками. Два стула въ чехлахъ... И только.

— А гдѣ же другая мебель?

— Поставимъ. Вамъ что нужно?

— Комодъ, зеркало, столъ...

— Все будетъ. Только зеркало маленькое и разбитое.

— А эта дверь куда?

— Въ сосѣднюю комнату. Тамъ мужъ съ женой живутъ... Кроватью и дверь заставлена.

— Слышно, какъ разговариваютъ?

— А то какъ же, конечно, слышно! Да они смирные. Въ недѣлю больше двухъ разъ не бранятся. Все больше цѣлуются.

— А поцѣлуи слышны?

— А то какъ же, конечно, слышны.

— Цѣна за комнату?

— 16 рублей.

Существуетъ характерный анекдотъ о Гиршахъ. Говорятъ, что при закладкѣ этотъ домъ предназначался для солдатскихъ казармъ, но когда постройка была окончена, то спеціальная комиссія нашла, что домъ для казармъ не годится—слишкомъ плохъ во всѣхъ отношеніяхъ. И здѣсь устроили квартиры.

Студенческій лагерь.

Отправимся въ самый центръ студенческихъ поселеній. Осмотримъ Бронные, Козихинскіе и прилегающіе къ нимъ переулки. Эта прогулка откроетъ передъ нами всю перспективу удивительной картины съ заманчивымъ названіемъ: «Студенчество, покоящееся на лонѣ Москвы».

Прежде всего общее впечатлѣніе.

Узкія, преузкія улицы—квинтъ-эссенція московскихъ. Невзрачные деревянные домишки съ полинявшей краской, грязные, противные. Иногда кирпичный двухъ или трехъ-этажный домъ мрачный, какъ Ляпинка,—съ облупившимся карнизомъ, покрытый смрадной плѣсенью здѣшнихъ улицъ. Небольшія колоніальныя лавочки съ немытыми окнами. Отталкивающаго вида ворота. Безобразные дворы — антисанитарные до послѣдней возможности. И всюду вонь, смрадная вонь подваловъ, отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ. Въ воздухѣ словно носятся ядовитыя испаренія лихорадочныхъ болотъ, дымящійся смрадъ отложеній цѣлаго города. Когда проходишь по этимъ улицамъ, что-то тягостное, давящее сопутствуетъ тебѣ, ведетъ тебя за руку, наваливается на плечи... Населеніе почти сплошь состоитъ изъ пролетаріата—людей безъ опредѣленныхъ занятій, мелкихъ канцелярскихъ служащихъ, вдовъ и женщинъ разнаго типа. Весь составъ богемы Тверского бульвара имѣетъ убѣжище въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь обитаетъ пьяное веселье рука объ руку съ вѣчной нуждой, перебиваніемъ съ хлѣба на квасъ. Здѣсь свила гнѣздо грязная, растрепанная старуха – неугомонная забота о завтрашнемъ днѣ...

Это обстановка, въ которой живутъ студенты. Живутъ въ одиночку, вдвоемъ, втроемъ, вчетверомъ—смотря по средствамъ. Но не думайте, что квартиры здѣсь дешевы. Дешевле 15 рублей очень трудно найти комнату — въ особенности въ серединѣ года. Впрочемъ, есть комнатки и

по 10 руб. въ мѣсяцъ. Сейчасъ я вамъ покажу 2 такихъ квартиры.

Надъ грязной калиткой виситъ билетикъ. На немъ каракулями начертано: «Здеся аддаеца комната». Три ступени черной лѣстницы приведутъ васъ въ темный подвалъ. Темнота и грязь, которую вы ощущаете даже руками. Лоханка съ помоями, вѣникъ и русская печь. Налѣво дверь въ какой-то кожухъ. Это и есть комната, которая «аддаеца». Если вы видѣли когда-нибудь грязныя кухни или крестьянскія избы, то вотъ какъ разъ онѣ напоминаютъ эту десятирублевую комнату. Нары съ матрацомъ ужаснаго вида. Табуретъ. Засаленный столъ...

Вотъ другая комната. Во-первыхъ, мегера-хозяйка, во-вторыхъ, сногсшибательный запахъ, въ-третьихъ, проходная комната—совершенно пустая.

— А мебель? Кровать?

— Мебели нѣтъ и кровати нѣтъ. И самоваровъ тоже нѣтъ, — безапелляціонно заявляетъ мегера, злобно косясь на васъ.

Въ страхѣ ищешь дверь въ темной, крохотной передней. Натыкаешься на что-то склизкое. Пачкаешь лицо, руки, задыхаешься. И, наконецъ, вылетаешь на улицу...

Изъ разнообразія запаховъ этого квартала можно было бы создать цѣлую декадентскую поэму. Вообще, я бы совѣтовалъ декадентамъ почаще заглядывать въ эту часть города. Настроеній здѣсь хоть отбавляй. Вотъ, напримѣръ, этюдецъ съ натуры... Лѣстница на второй этажъ, окутанная клубами бѣлаго пара отъ парящагося грязнаго бѣлья (внизу прачечная). Приторно-тошнотный запахъ. Комната за 15 руб. въ бельэтажѣ. Стѣнъ нѣтъ—вмѣсто стѣнъ перегородки: за одной перегородкой помѣщается милое, но падшее созданіе, лѣтъ 30—вѣчно пьяное. Въ ея комнату дверь. Другая дверь въ комнату супруговъ. Его цѣлый день не бываетъ дома. Зато «она» дома цѣлый день. Объ этомъ сообщаетъ она сама, умильно и сладко глядя на васъ. На рукахъ у примѣрной «супруги» ребенокъ...

Конечно, есть комнаты, въ студенческомъ лагерѣ по-

лучше и похуже—разныя. Двѣ кровати, три стула, столъ, продранный диванъ, старый комодъ, жестяной умывальникъ—вотъ обычная обстановка комнатъ цѣной 16—20 руб.

Однако, вмѣстѣ съ растущей дороговизной жизни и въ здѣшнемъ грязномъ гнѣздѣ растутъ цѣны на квартиры. Отчасти поэтому, а также благодаря измѣнившемуся настроенію у московскихъ студентовъ, студенческій лагерь теперь не такъ густо населенъ, какъ бывало въ доброе старое время.

Не даромъ мрачный, сосредоточенный Гиршъ, глубокій выразитель идей своего квартала, говоритъ, хмурясь и посылая изо рта отвратительный запахъ:

«Въ прежнее время у меня находили пріютъ 300 студентовъ, а сейчасъ осталось только 150».

И эта старая, видавшая виды проститутка, переболѣвшая всѣми болѣзнями—Козиха—теперь уже не распѣваетъ старинную пѣсенку, посвященную ей:

Есть въ столицѣ Москвѣ
Одинъ шумный кварталъ—
Онъ Козихой большой прозывается—
Отъ зари до зари, лишь зажгутъ фонари,
Вереницей студенты шатаются...

Теперь она въ скверномъ настроеніи. Студенты давно перестали толпами шататься по ея переулкамъ и тупикамъ. Они бѣгутъ отъ нея, чуждаются ее или угрюмо сидятъ въ ея сырыхъ и мрачныхъ подвалахъ. А она прекрасно помнитъ, что когда-то въ этихъ подвалахъ царствовало веселье...

Замолкъ и Тверской бульваръ: не слышно на немъ громкихъ пѣсенъ пьяныхъ коллегъ, почти не видно синихъ фуражекъ. Измѣнился духъ студенчества. Пришли новые люди, которые знать не хотятъ никакихъ традиціонностей. Старый студентъ считалъ Козиху родной. Онъ вѣровалъ, что селиться внѣ студенческаго лагеря стыдно порядочному студенту и что потертая фуражка на затылкѣ и разстегнутый сюртукъ выражаютъ идею студенчества.

Никогда онъ не стригъ волосъ. И разгильдяйство считалъ шикомъ.

Современный студентъ не терпитъ, прежде всего, неглиже. Одѣтъ просто, но прилично. Сюртукъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы и изъ воротника выглядываетъ бѣлая манишка. Красной рубахи никогда не надѣваетъ...

Молодого студента шокируетъ репутація студенческаго лагеря. И онъ съ удовольствіемъ покидаетъ его при первой возможности. Конечно, среди московскаго студенчества и до сихъ поръ много старыхъ могиканъ, но несомнѣнно «индивидуализмъ» съ каждымъ днемъ одерживаетъ все новыя и новыя побѣды. И студенческій лагерь постепенно обезстуденчивается. Впрочемъ, есть еще причины, которыя—увы! — привязываютъ многихъ студентовъ къ бывшему «шумному кварталу». Это прежде всего обиліе дешевыхъ квартиръ въ этомъ районѣ. Для занимающагося студента очень важно сократить до минимума хлопоты по исканію квартиры. И потому онъ предпочитаетъ мѣстность, хотя и нездоровую во всѣхъ отношеніяхъ, но зато не отнимающую драгоцѣннаго времени, благодаря своему центральному положенію въ городѣ. Не нужно забывать, что на Бронной сосредоточены дешевыя столовыя. Тутъ же находятся платная и безплатная комитетскія столовыя. Мало кому пріятно путешествовать на обѣдъ изъ одного конца города въ другой. Поневолѣ будешь жить гдѣ-нибудь вблизи столовой.

Собственно говоря, къ студенческому лагерю теперь нужно отнести также Грузины и Живодерку—мѣста, по своей антисанитарности, даже превзошедшія Козиху и Бронныя—сюда за послѣднее время переселились бѣднѣйшіе студенты, спасаясь отъ дороговизны квартиръ.

Чтобы вѣрнѣе судить о степени разселенности студенчества по Москвѣ, мы обратимся къ статистическимъ даннымъ, добытымъ въ 1900 году изъ адресныхъ книгъ университета.

Москва раздѣлена на 4 района.

Первый отъ университета—между Никитскими и Твер-

ской улицей и, дальше, между Прѣсней и Тверской-Ямской до окраинъ города,— сюда входятъ старый студенческій лагерь (Бронныя) и нарождающійся (Грузины и Прѣсня). Второй районъ простирается отъ Москвы-рѣки до Никитскихъ и Прѣсни (медики старшихъ 3 курсовъ, живущіе около клиникъ, не вошли въ это число). III районъ— остальная часть Москвы, кромѣ Замоскворѣчья. IV — Замоскворѣчье. Процентное отношеніе живущихъ по этимъ районамъ ко всему числу студентовъ по факультетамъ выразится въ такихъ цифрахъ:

Районы:	Медики.	Естественники.	Математики.	Филологи.	Юристы.	Общій %
I	53%	49%	48%	44%	43%	46%
II	19%	23%	21%	34%	23%	23%
III	22%	19%	25%	16%	29%	25%
IV	5,5%	8%	6%	5,5%	5%	6%

Итакъ, большинство студенческихъ квартиръ все-таки приходится на Никитскую, Бронныя, Грузины. Но уже внушительная цифра, падающая на остальные районы (наприм., юристовъ 57%) указываетъ, что студенты не довольствуются только студенческими кварталами. Консервативнѣе всѣхъ медики, которыхъ приходится 53% на эти мѣста; прогрессивнѣе всѣхъ юристы (43%). Впрочемъ, можетъ-быть, тутъ играетъ извѣстную роль характеръ занятій въ университетѣ, гдѣ медики и естественники проводятъ большую часть дня, между тѣмъ какъ юристы являются въ аудиторіи часа на 2, на 4, а многіе изъ нихъ вовсе не посѣщаютъ лекцій.

Для того, чтобы точнѣе узнать распредѣленіе студентовъ по Москвѣ, я воспользовался адресами шестисотъ студентовъ, записавшихся въ бюро для пріисканія занятій. Само собой разумѣется, что эти студенты нуждающіеся и въ огромномъ большинствѣ пріѣзжіе. Поэтому

ихъ мѣстожительства служатъ прекраснымъ указателемъ распредѣленія по Москвѣ «спеціальныхъ квартиръ».

Процентное отношеніе этихъ квартиръ таково.

Районъ, ближайшій къ университету (до бульваровъ: Тверского, Пречистенскаго, Страстного и Лубянки)—13%; Бронныя, Козиха и Патріаршіе пруды—22%; Грузины и Прѣсня—13%; Поварская, Пречистенка, Арбатъ и Остоженка — 11%; районъ Срѣтенки и Покровки — 4%; отъ Садовой къ окраинамъ (районъ между Тверской и Сухаревой башней, сюда же Цвѣтной бульв., Смоленскій и Плющиха)— 8%; у вокзаловъ и дальняя Садовая 4% и Замоскворѣчье 2%.

Нельзя сказать, чтобы внѣшнія квартирныя условія были непремѣнно хуже въ спеціальныхъ кварталахъ. Нѣтъ! Вездѣ дешевыя квартиры плохи. Вездѣ найдутся лачуги среди шикарныхъ домовъ. Вездѣ можно встрѣтиться съ уродливымъ типомъ «гиршевской хозяйкой». И холодъ, и грязь, и скверная мебель—отъ этого не гарантированъ ни одинъ студентъ, имѣющій квартирный бюджетъ не свыше 20 руб. Но все-таки кварталы неспеціальные имѣютъ свои преимущества. Во-первыхъ, здѣсь можно встрѣтить интеллигентныхъ хозяекъ. А это страшно важно въ смыслѣ вліянія среды и условій для занятій, чистоты и добропорядочнаго отношенія къ жильцу. Кромѣ того здѣсь нѣтъ того мерзкаго колорита и удручающаго зловонія, — неотъемлемыхъ качествъ спеціальныхъ кварталовъ. Не такое унылое настроеніе въ самихъ улицахъ. Не давитъ отвратительная атмосфера сплошныхъ помойныхъ ямъ. Кругомъ живутъ люди, не какое-то отребье рода человѣческаго.

Все это менѣе способствуетъ разложенію моральнаго чувства въ душѣ студента.

«Chambres Garnies».

До сихъ поръ мы говорили о студенческихъ жилищахъ-комнатахъ, сдаваемыхъ въ частныхъ квартирахъ. Но есть

еще одинъ родъ комнатъ. Это, такъ называемыя, «Chambres Garnies» или попросту «Меблировка».

Подъ такой кличкой слыветъ гостиница, номера которой сдаются не только по-суточно, но и по-мѣсячно. Даже преимущественно по-мѣсячно. И такъ какъ подобная гостиница низшаго разряда предназначается для людей малосостоятельныхъ, то она обыкновенно отличается непрезентабельнымъ видомъ, часто грязью и другими достоинствами жилища ниже-средняго человѣка.

Наша Москва развела въ огромномъ количествѣ подобный типъ квартиръ. Ихъ очень легко описать, потому что большинство меблированныхъ комнатъ словно вылито по одному образцу.

Небольшая швейцарская внизу. Швейцаръ въ поддевкѣ, съ золотымъ, полинявшимъ галуномъ на картузѣ, обыкновенно грубый или по крайней мѣрѣ равнодушный, отворяетъ двери, разсчитывая такъ, чтобы жильцу или гостю, не дававшему на чай, пришлось самому растворять ихъ.

Узкая лѣстница на 2-й или на 3-й этажъ съ грязнымъ половикомъ. Длинный мрачный коридоръ съ дверями направо и налѣво—въ номера... Бѣгущій по коридору номерной въ пиджакѣ и жилетѣ, изъ-подъ котораго виднѣется грязная бумажная манишка «Мей и Эдлихъ» и такой же воротничекъ. Въ рукахъ у номерного подносъ съ кипящимъ самоваромъ и чайнымъ приборомъ... Горничная съ половой щеткой и съ подоткнутой юбкой... Какой-нибудь ѣдкій запахъ. Таково первое впечатлѣніе.

Если мы начнемъ заходить въ отдѣльные номера, то и здѣсь врядъ ли найдемъ что-нибудь болѣе привлекательное. Слой грязи, какъ печать цѣлаго ряда смѣняющихся обитателей номера, тонкимъ флеромъ покрываетъ все, что здѣсь находится: стекла оконъ, занавѣси, обои, мебель, кровать... Обыкновенно, номеръ состоитъ изъ полутора комнатъ. Деревянной коричневой перегородкой, наводящей уныніе, отгорожено небольшое темное помѣщеніе для кровати. Это—спальня. Въ гостиной мягкая мебель—эта обычная, дешевая, страшно однообразная «меблированная» мебель. Диванъ, столъ, два кресла, ломберный столъ, зеркало...

Цѣна дешевыхъ «Chambres Garnies» 20—25 руб. Если номеръ чуть-чуть почище, цѣна сразу возвышается до 30—35—40 руб. и т. д.

Нельзя указать, въ какой мѣстности наибольшее сосредоточіе «меблированныхъ комнатъ». Они разсѣяны повсюду. Очень много ихъ въ переулкахъ и улицахъ вокругъ университета. Пресловутыя вывѣски указываютъ то тутъ, то тамъ на ихъ присутствіе. «Данія», «Кавказъ», «Сѣверный полюсъ», «Сербія», «Черногорія»—таковы оригинальныя названія, которыя даютъ хозяева своимъ владѣніямъ.

Отставные лакеи, составившіе капиталъ, повара, бывшія содержанки, персидскіе подданные и т. п. сорта люди являются предпринимателями въ дѣлѣ устройства подобныхъ гостиницъ. Нуженъ небольшой капиталецъ, чтобы начать дѣло. Капиталецъ будетъ приносить изрядный доходъ. Необходимо только сократить до минимума расходы по содержанію комнатъ. Это вполнѣ понятная тенденція предпринимателя. Рѣже производить ремонтъ. Рѣже топить, при чемъ класть въ печку по 3—4 полѣна. А въ случаѣ, если какой-нибудь претенціозный жилецъ будетъ жаловаться, что ему холодно, поставить въ его номеръ лампу-молнію: она во всякомъ случаѣ обойдется дешевле дровъ. Постараться ничего не платить прислугѣ и пріучить ее исключительно питаться «чаями» жильцовъ. Какъ можно больше грязи и какъ можно меньше неожиданныхъ расходовъ (въ крайнемъ случаѣ, выгоднѣе даже заплатить штрафъ, чѣмъ исполнять санитарныя предписанія—штрафъ вѣдь это исключеніе, когда-то его еще наложатъ).

Вотъ основные принципы, которымъ долженъ слѣдовать добропорядочный хозяинъ меблированныхъ комнатъ.

Лишній доходъ—это обѣды отъ «гостиницы». Мѣсячная цѣна этихъ обѣдовъ обыкновенно 12 р. По качеству они ничѣмъ не отличаются отъ кухмистерскихъ обѣдовъ, разница только въ цѣнѣ (тамъ 8—9 руб.). И если кто обѣдаетъ «дома», живя въ «Меблировкѣ», то только един-

ственно изъ одного удобства, чтобы лишній разъ не «таскаться» въ кухмистерскую.

Что еще интереснаго въ традиціяхъ «Chambres Garnies», это удивительная спеціализація номерной прислуги. Горничная «убираетъ» комнату, лакей подаетъ самовары и обѣдъ, посыльный бѣгаетъ въ лавочку, швейцаръ отворяетъ дверь, печникъ топитъ, полотеры натираютъ полъ, «мальчикъ» замѣняетъ иногда лакея, иногда посыльнаго. При швейцарѣ часто состоитъ подъ-швейцаръ. Обязанность жильца въ концѣ мѣсяца вознаградить каждаго по «заслугамъ». Это обычай, обойти который невозможно. Однимъ нужно давать не меньше рубля, другимъ не меньше полтинника. Вотъ, напримѣръ, какъ приходится иногда платить прислугѣ при 20 рублевой комнатѣ: лакею—1 р. 50 к., горничной—1 р. 50 к., посыльному—1 р., печнику—50 к., чистильщику сапогъ—50 к., одному швейцару—50 к., другому—50 к. (подъ-швейцару). Всѣ они вамъ служатъ и всѣмъ необходимо платить. И все это minimum.

Кто осмѣлится нарушить священный обычай, рискуетъ остаться безъ прислуги, кто платитъ мало, тому *плохо* (особый терминъ) служатъ. Вообще, жильцы дѣлятся по разрядамъ и для каждаго существуетъ у прислуги особенная степень услужливости. Выбирая между частной квартирой и меблированными комнатами, многіе студенты предпочитаютъ послѣднія. И дѣйствительно chambres garnies имѣютъ одно существенное преимущество: поселившійся въ нихъ избѣгаетъ непріятнаго соприкосновенія съ квартирной хозяйкой, и поэтому чувствуетъ себя болѣе независимымъ, чѣмъ на частной квартирѣ. Нѣтъ ничего противнѣе чувствовать на себѣ «чужой глазъ» посторонняго человѣка, а квартирныя хозяйки, обыкновенно донельзя любопытныя, обладаютъ именно такимъ «чужимъ глазомъ».

Студенты очень чутки къ посягательству кого-либо на ихъ свободу. Быть самостоятельнымъ, это для *настоящаго* студента своего рода idée fixe. Онъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь стоялъ надъ нимъ, а въ особенности надъ его личной жизнью. Онъ избавился отъ гнета гимназіи и до

извѣстной степени отъ опеки семьи. И всякій надзоръ теперь выводитъ его изъ себя. Онъ хочетъ быть въ полномъ смыслѣ слова: «самъ по себѣ».

Поэтому онъ съ особенной охотой выбираетъ жилищемъ меблированныя комнаты, гдѣ уже никто не будетъ «торчать у него передъ носомъ» и гдѣ ему предоставляется полная возможность наслаждаться одиночествомъ.

Впрочемъ, не всѣ раздѣляютъ взглядъ подобнаго рода. Нѣкоторыхъ пугаетъ это одиночество. Люди, привыкшіе къ семьѣ, къ домашней обстановкѣ, часто не въ состояніи разорвать со всѣмъ, что напоминаетъ имъ объ уютномъ родительскомъ домѣ. И такіе студенты для иллюзіи селятся на частной квартирѣ—въ семьѣ, какъ они говорятъ. Но вѣдь семья семьѣ рознь. И ужъ меньше всего можно подыскать «семью» въ студенческихъ квартирахъ.

Студенты послѣдняго типа являются принципіальными врагами меблированныхъ комнатъ. Дѣйствительно, трудно подчасъ вынести гнетъ одиночества. Тяжело чувствовать себя замкнутымъ среди четырехъ стѣнъ своего номера. И какъ часто мрачный коридоръ и унылая обстановка номера, освѣщаемаго въ долгіе зимніе вечера маленькой «студенческой» лампой, съ зеленымъ абажуромъ, наводитъ на грустныя мысли и будитъ тоску. Хорошо еще, если соберется подходящій ансамбль жильцовъ, напримѣръ, нѣсколько студентовъ одного лагеря, т. е. такихъ, которые не прочь собраться у того или другого изъ товарищей побесѣдовать о различныхъ вопросахъ научнаго или общественнаго характера, да, наконецъ, просто поболтать. Лишь бы было ощущеніе, что вблизи тебя есть люди.

Къ сожалѣнію, меблированныя комнаты—это въ полномъ смыслѣ слова пріютъ для всякаго сброда людей, часто не имѣющихъ ровно ничего общаго между собой: пѣвецъ, продавщица изъ магазина, студентъ, офицеръ, репортеръ газеты, сомнительный господинъ, проститутка. При такомъ подборѣ жильцовъ нужно только молить Бога, чтобы не произошло смѣшенія элементовъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы студентъ не попалъ въ «чуждую» компанію. Эта

компанія очень легко можетъ сыграть роль затягивающей среды. Впрочемъ, не всегда сходятся между собой и студенты, живущіе въ однѣхъ и тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ. Вкусы и наклонности у нынѣшнихъ студентовъ чрезвычайно различны.

Въ то время, какъ одному хотѣлось бы поговорить объ интересующихъ его научныхъ вопросахъ, другой не признаетъ ровно никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ бѣгового общества или карточной игры. Студентъ второй категоріи, разумѣется, скорѣе найдетъ себѣ компаньоновъ среди жильцовъ «Chambres garnies», чѣмъ первый.

Часто, благодаря извѣстному подбору жильцовъ «меблировки», составляется въ данныхъ номерахъ коалиція. Начинаются постоянныя сборища у какого-нибудь изъ членовъ коалиціи. Поднимается шумъ, гамъ, бѣганье по коридору, иногда скандалы. Скука и бездѣліе собрало этихъ людей въ одну группу, и они совмѣстно стараются веселиться. Но веселье выходитъ какое-то скучное, заключающееся въ пустыхъ разговорахъ, шляніи по коридору, безцѣльномъ ухаживаніи за женщинами и т. п.

Хуже всего отъ такого веселья приходится остальнымъ жильцамъ, благодаря шуму и безпорядкамъ, которые производитъ коалиція.

Бываютъ и такія «картинки».

Слѣва рояль, справа рояль, вдали рояль.

И все-заглушающій ревъ баса ученика филармоническаго училища. Если къ этому прибавить нѣжныя трелигаммы, которыя распѣваетъ любительница пѣнія, то жизнь къ «меблировкѣ» освѣтится à giorno.

Курьезы квартиръ.

Въ маленькой, низенькой комнатѣ сидѣли три товарища-студента и бесѣдовали. Единственное окно съ грязнымъ стекломъ растворялось прямо на мостовую двора (квартира была полуподвальная). На дворѣ столбомъ стояла

пыль и отворить окно было невозможно. Поэтому въ комнатѣ было душно, накурено и отвратительно пахло изъ сосѣдней кухни и отхожаго мѣста въ коридорѣ... На столѣ стоялъ грязный подносъ съ потухшимъ самоваромъ, недопитый стаканъ чая, чайникъ съ отколотымъ носомъ и полоскательница, въ которой плавали окурки папиросъ. Окурки папиросъ валялись и на полу... Два студента сидѣли на стульяхъ, а одинъ полулежалъ на кровати, положивъ ноги на корзину—эту знаменитую «студенческую» корзину, замѣняющую чемоданъ и путешествующую съ хозяиномъ по Россіи—лѣтомъ на кондиціи (уроки), зимой на Рождество—домой въ провинцію...

Разговоръ шелъ объ экзаменахъ, объ этомъ ужасѣ пришедшей весны...

Въ самомъ интересномъ мѣстѣ разговора за стѣной вдругъ раздался отчаянный дѣтскій плачъ...

Онъ долго, очень долго не прекращался...

— Эге,—замѣтилъ одинъ изъ гостей-товарищей,—не особенно здѣсь пріятная обстановка для занятій.

— Пустяки,—живо отвѣтилъ хозяинъ,—это цвѣточки. Тутъ есть ягодки, — такія, что просто не знаю, куда дѣваться... Главное, заплатилъ за мѣсяцъ впередъ—теперь и сиди въ самую горячую пору... Чортъ знаетъ, что такое!

— Въ чемъ дѣло?

— Да видишь ли, придвиньтесь сюда, надо шопотомъ говорить, вѣроятно, подслушиваютъ, —онъ указалъ рукой на стѣну сосѣдней комнаты,—дня три тому назадъ, ночью, вдругъ слышу сквозь сонъ, что кто-то ходитъ по моей комнатѣ и вздыхаетъ. Перепугался страшно;—кричу: «кто здѣсь?». Слышу женскій голосъ говоритъ полушопотомъ: «Это я, Гаврила Семеновичъ, не пугайтесь, это я!»—«Да кто вы?»—«Развѣ вы меня не узнаете»?—И тутъ я, братъ, чувствую, что садятся прямо ко мнѣ на кровать. И опять женскій голосъ: «Гаврила Семеновичъ, вамъ, вѣдь, трудно, голубчикъ, жить одному, хлопотливо. И мнѣ грустно. Все я одна, одна... И мужъ покойный ко мнѣ всегда при-

дирался. Несчастливая моя жизнь... Голубчикъ, пожалѣйте, хоть вы меня». И вдругъ слышу, плачетъ женщина. Тьфу, ты пропастъ! Очнулся совсѣмъ. Чирикъ спичку,— смотрю хозяйка у меня на кровати сидитъ полураздѣтая и плачетъ. Что за дьявольщина? «Марья Ивановна, ради Бога, успокойтесь, успокойтесь»,—говорю ей. А самъ еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. «Нѣтъ, не успокоюсь,—говоритъ,—пока вы меня не пожалѣете. Голубчикъ, Гаврила Семеновичъ, полюбите меня, хоть чуточку полюбите. Вы такой добрый на видъ, отзывчивый... А я—несчастная, несчастная»... Меня досада разобрала. Спать хочется, завтра рано нужно вставать. Говорю: — «Марія Ивановна, пожалуйста, идите къ себѣ. Завтра это дѣло уладимъ. Завтра поговоримъ». — А она еще сильнѣе плачетъ и причитаетъ. Ужъ она ныла, ныла — до 4 часовъ утра. Всю душу вымотала. Такъ въ ту ночь почти не спалъ... Вчера опять приходила. Не могу я ее прогнать,— какъ-то неловко. Да и жаль ее—какая-то она худая, болѣзненная.—Но и въ любви же, чортъ меня возьми совсѣмъ, не могу я ей объясняться—противна она мнѣ. Ну, что жъ тутъ дѣлать, скажите, пожалуйста? Просто, хоть на улицу иди ночевать... Чувствую, что сегодня опять придетъ.

Товарищи хохотали, глядя на разстроенную физіономію хозяина комнаты.

— Да, братъ, бываетъ—сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ. — Въ прошломъ году я тоже попалъ на квартиру; смѣю сказать, польстился тѣмъ, что дешево—9 руб. отдѣльная комната, хотя и съ хозяйскими сундуками. Но семейство тихое — мамаша и двѣ дочки... — Ну-съ, переѣхалъ я. Первый день — ничего, и второй день ничего. На третій вдругъ является хозяйка. Садится и начинаетъ разговоръ. Что, думаю, ей нужно? Говоритъ о погодѣ. Потомъ о холостой жизни заговорила, объ одиночествѣ, о томъ, какъ трудно жить холостому человѣку и т. д. Поговорила, поговорила и ушла. Черезъ полчаса является старшая дочка и тоже начинаетъ разговоръ. Такъ чортъ знаетъ о чемъ говоритъ — знаете этотъ мѣщанскій,

женскій разговоръ... А мнѣ нужно было къ слѣдующему дню приготовляться къ лекціямъ... Изъ вѣжливости все-таки поддерживаю разговоръ. Ушла и эта. Черезъ часъ другая дочь... И пошла писать губернія. Каждый день по порядку: мамаша, старшая дочка, младшая дочка. Мамаша о холостой жизни говоритъ, а дочки о кавалерахъ. Наконецъ, вывели меня окончательно изъ терпѣнія. — Говорю мамашѣ: «Извините меня, Пелагея Саввишна, мнѣ нужно заниматься, а вы и ваши дочери, ей-Богу, мнѣ мѣшаете»... Разсердилась и ушла. Съ тѣхъ поръ ни она, ни дочки ни ногой. Только въ концѣ мѣсяца приходитъ ко мнѣ «сама» и заявляетъ.

«Вы ужъ, Александръ Данилычъ, подыщите себѣ другую квартиру. Вы для насъ *неподходящій* жилецъ»...

— На Долгоруковской, — вдругъ басомъ заговорилъ третій изъ товарищей, — живетъ одна мамаша, — такъ у той цѣлая система для выдачи дочерей замужъ. Троихъ уже успѣла по своей системѣ пристроить. Для четвертой женихъ тоже готовъ—курсъ университета въ этомъ году оканчиваетъ.

— Интересно, что жъ это за система?

— А вотъ что за система. Подыскиваетъ «мамаша» бѣднаго студента-первокурсника и предлагаетъ ему безплатно «харчи» до окончанія курса, т. е. даровую квартиру и столъ, съ условіемъ, что по окончаніи университета онъ долженъ жениться на одной изъ ея дочерей. Если студентъ согласенъ, то выдаетъ соотвѣтствующее обязательство, разумѣется, въ такомъ видѣ, что оно будетъ считаться законнымъ.—Такимъ, вотъ, образомъ троихъ успѣла пристроить...

— Господа, а вы слыхали, что Синегубовъ женится?

— Да, ну? Не можетъ быть! эскетическаго образа мыслей и вдругъ...

— На почвѣ квартирнаго вопроса разыгралась эта комедія. Искалъ, говоритъ, квартиру, сообразную съ бюджетомъ — не нашелъ. Съ товарищемъ селиться не можетъ, потому что трудно характерами сойтись. Ну, а жен-

щина дѣло другое — тутъ можно по рыцарскому чувству иногда уступить, примѣниться... Узналъ, что одна знакомая курсистка тоже квартиру ищетъ; предложилъ ей вмѣстѣ жить и, чтобы не было зазорно, сдѣлалъ формальное предложеніе. Черезъ недѣлю и свадьба, меня шаферомъ пригласилъ...

Картинка съ натуры.

— Ну, дворникъ, неси вещи!—говорилъ я, радуясь, что нашелъ товарищей.

Я только что пріѣхалъ съ рождественскихъ каникулъ изъ дому—съ далекаго Кавказа. Непріютно встрѣтила меня Москва. Дѣло было въ концѣ января. Морозъ стоялъ адскій. Ища квартиру своихъ товарищей, которые поселились близъ Патріаршихъ прудовъ—въ Ермолаевскомъ переулкѣ, я промерзъ до костей...

Поднявшись по деревянной, грязной лѣстницѣ, дворникъ растворилъ дверь, и мы вошли въ темный коридоръ. Сырымъ, прокисшимъ воздухомъ пахнуло на меня...

— Тише!—говорилъ откуда-то хриплый женскій голосъ.— Не ушибитесь! Входите во вторую дверь направо!

Двѣ небольшихъ комнатки, грязныхъ, съ удушливымъ запахомъ — таково было мое будущее жилище. Тутъ мы должны были жить втроемъ. 2 кровати, 2 стола, диванъ, никуда негодный комодъ, кувшинъ съ чашкой и три стула замѣняли мебель. На стѣнахъ виднѣлись огромныя сѣрыя пятна отъ сырости.

Съ холода мнѣ показалось, что въ комнатѣ очень тепло. Но черезъ полчаса почувствовалъ, что мерзну...

Въ это время пришли товарищи.

— Что, братъ, какова квартира?—сказалъ одинъ,—сравнительно мы выбрали лучшую и недорогую, 20 руб. въ мѣсяцъ. Но бѣгали зато 3 дня, высунувъ языки, по городу.

— Нельзя ли умыться, господа,—попросилъ я.

— Можно-то можно! Только воду нужно поэкономнѣе лить. Намъ хозяйка даетъ только одинъ кувшинъ воды, а ужъ другой наливаетъ неохотно и всегда только до половины. Еще бы! На всю квартиру беретъ два ведра въ день. А въ домѣ, кромѣ насъ троихъ, живетъ еще наша сосѣдка по комнатѣ, да сама хозяйка съ дочерью—всего, значитъ, 6 человѣкъ. Поневолѣ нужно разсчитать, чтобы умыться хватило, да на самовары; и изъ той же воды хозяйка обѣдъ себѣ ухитряется готовить. Изъ-за воды мы уже 2 раза ругались. Да ничего не подѣлаешь. Сама она женщина бѣдная и живетъ, кажется, только на тѣ деньги, которыя получаетъ съ квартирантовъ. Прислуги тоже нѣтъ. Придется самимъ другъ другу подавать умываться и въ лавочку по очереди бѣгать за хлѣбомъ и за всѣмъ прочимъ.

— Господа, отчего вы не освѣжите комнату? — спросилъ я.—Вѣдь тутъ совсѣмъ дышать нечѣмъ.

Товарищъ усмѣхнулся.

— Ну, братъ, какое тутъ освѣженіе, когда въ комнатѣ 6° ниже нуля. Посмотримъ, что ты завтра утромъ запоешь.

Но я «запѣлъ» уже и въ этотъ вечеръ, когда ложился спать. Раздѣвшись и предвкушая удовольствіе тепла и отдыха послѣ 3-дневной ѣзды по желѣзной дорогѣ, я разомъ бросился въ постель... И вскрикнулъ. Показалось, что меня посадили въ холодную воду. Простыни были мокрыя отъ сырости.

Товарищи хохотали.

— Я каждый день плачу, когда ложусь въ постель,— сказалъ одинъ изъ нихъ.—Нужно пролежать по крайней мѣрѣ съ полчаса, чтобы простыни высохли отъ теплоты твоего собственнаго тѣла.

Я укрылся двумя одѣялами, шинелью—и черезъ полчаса заснулъ.

Утромъ проснулся отъ страшнаго холода.

— Слушай,—сказалъ я товарищу, который спалъ рядомъ со мной,—у меня носъ замерзаетъ.

Тотъ высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и взглянулъ на меня.

— Ну, милый другъ,—сказалъ онъ, смѣясь,—у тебя носъ красенъ, какъ свекла.

— Да и у тебя не лучше — отвѣтилъ я — расцвѣлъ, какъ піонъ...

— Смотри, смотри — паръ изо рта валитъ, какъ изъ «локомотива»...

— Нѣтъ худа безъ добра, — донесся голосъ третьяго товарища изъ другой комнаты, — по крайней мѣрѣ клоповъ нѣтъ. Всѣ вымерзли.

И мы захохотали еще громче.

— Однако, пора вставать. Девятый часъ.

— Да! это легко сказать, а попробуй—встань-ка!

— Да ты одѣнься подъ одѣяломъ. Я всегда такъ дѣлаю.

Наконецъ, мы поднялись.

— Не угодно ли я васъ провожу въ мѣста не столь отдаленныя?—галантно предложилъ мнѣ товарищъ.

И онъ вывелъ меня въ холодный коридоръ.

— Не безпокойся,—сказалъ онъ,—здѣсь на 3 градуса теплѣе, чѣмъ на воздухѣ. Всего только 20° мороза...

— Опять я не могъ заснуть вчера до 2-хъ часовъ — говорилъ одинъ изъ моихъ коллегъ, сидя за чаемъ.

— Неужели опять та же исторія? — спросилъ другой.

— Въ чемъ же дѣло? — заинтересовался я.

— Сегодня вечеромъ услышишь, въ чемъ дѣло!—уже злобно отвѣтилъ мой товарищъ.

И они оба ушли на лекцію.

Усѣвшись къ столу, я раскрылъ Римское право и сталъ усердно читать. Черезъ четверть часа всталъ и надѣлъ фуфайку. Еще черезъ четверть часа поверхъ старой тужурки надѣлъ новую... Кромѣ холода, въ комнатѣ стоялъ отвратительнѣйшій запахъ сырости и затхлаго воздуха.

Заниматься рѣшительно не было никакой возможности. И мнѣ оставалось только захлопнуть Римское право на 3 страницѣ и отправиться гулять...

— Сколько разъ въ день *она* топитъ?—спрашивалъ я у товарищей за вечернимъ чаемъ.

— Утромъ *она* топитъ одну печку (печки были же-

лѣзныя). А вечеромъ другую. Дровъ же на каждую печку полагается по 4 полѣна.

— Э-хъ, чортъ возьми, знаете что, господа, — сказалъ мой товарищъ по спанью,—отправимся-ка мы къ Коршу зайцами на галерку. Разъ въ недѣлю, куда ни шло. Ужасно хочется жары извѣдать—что она такое?—Кстати и эстетическое удовольствіе...

Разумѣется, мы съ радостью согласились.

Насладившись Коршемъ, мы къ 12 часамъ уже вернулись домой. Снова оханье и стоны при опусканіи въ постель. И снова согрѣваніе простыни по способу тѣльнаго отопленія...

Наконецъ, мы въ постели... Прошло четверть часа въ молчаніи. Никто изъ насъ еще не спалъ.

Вдругъ за стѣной послышалась возня и глухой женскій голосъ заговорилъ, какъ будто продолжалъ начатую рѣчь:

— Вотъ увидите. Буду я ходить по Тверскому бульвару. Какъ вы меня держите? Не могу я этого переносить. Я барышня, я удовольствій какихъ-нибудь хочу. Платья всѣ скверныя. Я ѣсть хочу. Что я сегодня ѣла? Вы съ голода меня уморите!

Я удивленно взглянулъ на товарища.

— Это дочь хозяйки съ матерью разговариваетъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ на нѣмой вопросъ.

— Да откуда же я возьму?—слышался другой голосъ.

— А мнѣ какое дѣло... И уйду, вотъ уйду отъ васъ. Пансіонъ кончила, а по бульвару все-таки буду ходить. И почему...

— Вотъ этакъ уже цѣлую недѣлю, каждый день, — шепталъ мнѣ товарищъ.—Всѣ нервы вымотали.

А глухой, надтреснутый голосъ все звучалъ, все звучалъ за стѣной. Голосъ безразличный, монотонный до отупѣнія.

И казалось, что онъ долбитъ мозгъ, какъ капли воды, размѣренно и безконечно падающія на голову... Прошло полчаса, часъ. Голосъ все не смолкалъ. Я чувство-

валъ, что голова моя наливается свинцомъ. На рукахъ и ногахъ лежала тяжесть. И не было силъ подняться.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!—крикнулъ мой сосѣдъ въ изступленіи.—Спать невозможно!

Голосъ умолкъ. Но черезъ пять минутъ снова продолжалъ свою пѣсню. Свою озлобленно-безразличную пѣсню, которой ни до чего нѣтъ дѣла...

И такъ повторялось каждый день.

Черезъ мѣсяцъ мы съ большимъ трудомъ разыскали себѣ новую квартиру.

Дня черезъ 2 послѣ того, какъ мы переѣхали, я нарочно пошелъ взглянуть: «Пустуютъ ли наши комнаты?»

Билетика на воротахъ не было.

— Кто занялъ комнаты?—спросилъ я у дворника.

— Вчера-сь какіе-то два студента переѣхали.

!?!!..

О студенческомъ питаніи

Общая характеристика.

Московскій студентъ всегда немножко голоденъ.

Впрочемъ, это «немножко» довольно растяжимо. Немножко голоденъ—послѣ обѣда, въ остальное время—просто голоденъ. И, кажется, никогда студентъ не можетъ сказать, положа руку на сердце: «Я сытъ».

Развѣ послѣ чьихъ-нибудь именинъ эта фраза неосторожно сорвется съ его устъ. А на завтра то же недовольство главнаго органа человѣческаго организма. И такое недовольство длится безъ конца.

Въ самомъ дѣлѣ. Какъ питается студентъ?

Ѣстъ онъ обыкновенно три раза въ день. Утромъ чай съ хлѣбомъ и вечеромъ чай съ хлѣбомъ. Въ серединѣ дня обѣдъ. Чай съ молокомъ пьютъ только счастливцы, имѣющіе въ бюджетѣ не менѣе 35 р.

Обѣдъ таковъ, что именно послѣ него пробуждается самый настоящій аппетитъ.

«Ахъ, вотъ бы теперь хорошо пообѣдать въ хорошемъ ресторанѣ»,—мечтаетъ коллега, выходя изъ кухмистерской.

На первомъ курсѣ студентъ, если, конечно, бюджетъ ему позволяетъ, норовитъ послѣ обѣда зайти по дорогѣ изъ кухмистерской въ булочную и съѣсть тамъ нѣчто въ родѣ шведскаго хлѣба за 5 к., – вообще что-нибудь такое, чтобы было и немного сладенькое и вмѣстѣ съ тѣмъ сытное.

Въ началѣ университетскаго курса студенты охотно

ѣдятъ бѣлый хлѣбъ. И ѣдятъ его въ большомъ количествѣ. Онъ дешевъ, отлично утоляетъ голодъ и очень вкусенъ послѣ провинціи, гдѣ его не умѣютъ готовить. Но бѣлый хлѣбъ имѣетъ способность надоѣдать до невозможности, до одурѣнія. Утромъ—хлѣбъ, въ полдень—хлѣбъ, вечеромъ—хлѣбъ и за обѣдомъ, главнымъ образомъ,—хлѣбъ.

Мало-по-малу порціи его сокращаются. Это дѣлается какъ-то само собой. Хлѣбъ переходитъ въ необходимость: имъ стараются только «заморить червячка», а заморить его необходимо. Иначе никакое дѣло не пойдетъ на ладъ. Съѣшь кусочекъ хлѣбца, смотришь: является такое ощущеніе, какъ будто и на самомъ дѣлѣ чего-нибудь поѣлъ.

Но постоянно «замаривать червячка» можетъ далеко не всякій. Не всѣмъ это по средствамъ. Многіе довольствуются трехкопеечнымъ калачомъ, который они съѣдаютъ рано утромъ. Потомъ ждутъ до 3 — 4 часовъ, чтобы несытно пообѣдать. И въ перспективѣ еще калачъ за вечернимъ чаемъ. Нѣкоторые нарочно оттягиваютъ время обѣда, чтобы послѣ него дольше не чувствовать непріятныхъ позывовъ голода.

— Куда вы идете? Отчего у васъ печальный видъ?— спросилъ я недавно у знакомаго студента около двухъ часовъ дня.

— Иду на лекцію, а видъ плачевный, потому что ѣсть хочется.

— Такъ что жъ вы не зайдете пообѣдать?

— А потомъ, чтобы снова въ 5 часовъ ѣсть захотѣлось. Нѣтъ ужъ, слуга покорный! Потерплю какъ-нибудь до 4 часовъ.

Можно себѣ представить, какъ этотъ голодный студентъ будетъ внимателенъ къ лекціи. Извольте тутъ слушать и соображать, когда все внутри поетъ неумолимую пѣсню о голодѣ.

Студенты, располагающіе бюждетомъ немного большимъ, чѣмъ средній, ужинаютъ. Но ужинаютъ «съ осторожностью». Тутъ вниманіе большо всего обращается не на кушанье, а на сумму, которую приходится затрачивать.

Поэтому самое дешевое — самое желательное. И самое любимое то, чего «больше даютъ» на меньшую сумму денегъ. Издревле сыръ и колбаса считались студенческимъ блюдомъ.

Колбаса стоитъ 25 коп. фунтъ. Въ нѣкоторыхъ колбасныхъ за фунтъ ея берутъ 20 коп. Фунтъ дѣлятъ на 4 части, чтобы хватило на 4 дня. Особенно лакомымъ блюдомъ считается «горячая» колбаса. Русскій сыръ есть по 20 коп. ф. Сыръ легче раздѣлить на части. Поэтому его покупаютъ охотнѣе. По $^1/_4$ фун. въ день — 5 коп. Пятачокъ—средняя норма студенческаго ужина. Конечно, сюда нужно прибавить стоимость хлѣба. Но хлѣбъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ остается отъ вечерняго чая. Или иногда чай соединяется съ «ужинами».

Есть особаго сорта сыръ въ 12 коп. Нѣкоторые, соблазняясь дешевизной этого продукта, покупаютъ его на ужинъ. Но, нужно сказать, что этотъ сыръ имѣетъ скверный запахъ и атмосфера комнаты, гдѣ онъ хранится, вся пропитывается тонкимъ запахомъ своеобразной гастрономической закуски.

— Слушай, да убери же ты свой сыръ!—приставали мы къ товарищу, когда онъ вздумалъ ужинать такимъ сыромъ.

— Да, куда же я его уберу?

— Между окнами что ли положи.

Сыръ спрятали туда; но запахъ отъ него вовсе не думалъ улетучиваться изъ комнаты...

Не знаю, есть ли теперь такой сыръ, но годъ или $1^1/_2$ тому назадъ въ сыроварняхъ продавался «тильзитскій» сыръ за 7 коп. фунтъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей съ большой охотой покупали его и хвастались, что ужинъ имъ очень дешево обходится. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ какъ-то сознался мнѣ по секрету, что купилъ фунтъ этого сыра и раздѣлилъ на 4 дня, но успѣлъ съѣсть только первую порцію. Остальныя пришлось выкинуть: въ комнатѣ запахло покойникомъ...

Пикантное блюдо на ужинъ—соленые огурцы съ чер-

нымъ хлѣбомъ. Дешевле этого блюда ничего нѣтъ. Полдесятка огурцовъ и полфунта хлѣба вполнѣ достаточно, чтобы ѣсть вовсе не хотѣлось. А это все, что требуется доказать!

Вопросъ о томъ, черезъ сколько времени послѣ такого здороваго питанія откроется катаръ желудка —предоставляю разрѣшить самому читателю. А что рано или поздно катаръ несомнѣненъ, за это ручается тотъ студенческій принципъ питанія, который гласитъ: безразлично чѣмъ бы ни наполнить желудокъ, лишь бы онъ не мѣшалъ заниматься. Наполнять приходится самыми скверными продуктами, потому что на порядочные не хватитъ средствъ. И организмъ отравляется медленно, но вѣрно.

Обѣды.

Гдѣ и какъ обѣдаютъ студенты?

Обѣдаютъ они на квартирѣ, гдѣ живутъ, или въ кухмистерскихъ. Нѣкоторые пользуются, такъ-называемыми, домашними обѣдами. Наконецъ, болѣе тысячи человѣкъ получаютъ обѣды въ 2 безплатныхъ комитетскихъ столовыхъ или платятъ 7 руб. 50 коп. въ малой и платной комитетскихъ.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій обѣдовъ въ отдѣльности.

Трудно подвести подъ какую-нибудь общую мѣрку все разнообразіе обѣдовъ, отпускаемыхъ квартирохозяевами жильцу-студенту. Здѣсь все зависитъ отъ индивидуальности даннаго лица—хозяина или хозяйки. Ничего нельзя сказать опредѣленнаго и о платѣ за обѣдъ. Она колеблется между 9—12 руб. въ мѣсяцъ. Разумѣется, бываетъ дороже; дешевле — рѣдко. Сравнительное качество стола иногда обратно пропорціонально стоимости. Попадется порядочная хозяйка—она за 9 руб. угоститъ такъ, что студентъ и доволенъ, и сытъ вполнѣ. Но зато другая, взявши предварительно 12 руб. (деньги берутся обыкновенно впередъ),

заставитъ жильца въ половинѣ мѣсяца обратиться къ помощи кухмистерской. Въ связи съ этимъ и мнѣнія студентовъ относительно «хозяйскихъ» обѣдовъ очень разнообразны и противорѣчивы до смѣшного. Одни впадаютъ чуть ли ни въ бѣшенство, если при нихъ упомянутъ о домашнемъ столѣ, другіе, напротивъ, восторженно описываютъ явства, которыми ихъ угощаютъ добродѣтельныя хозяйки. Но, нужно сознаться, первыхъ гораздо больше, чѣмъ вторыхъ. Подавляющее количество хозяекъ исповѣдуютъ принципъ — «побольше содрать и поменьше дать». Вотъ почему студенты предпочитаютъ кухмистерскую всякому «хозяйскому» столу. Отчасти въ этомъ виновата и сравнительная дороговизна обѣда «у себя дома». Но главная причина, конечно, кроется въ невозможной эксплоатаціи квартирантовъ хозяйками. Преслѣдуя исключительно цѣль наживы, послѣднія часто не понимаютъ собственной выгоды. Въ результатѣ у студента пропадаетъ всякая охота когда-либо столоваться у себя на квартирѣ.

Важную роль въ добросовѣстномъ столованіи жильца играетъ интеллигентность хозяекъ. Болѣе или менѣе интеллигентная женщина совѣстится кормить нахлѣбника чортъ знаетъ чѣмъ. Затѣмъ, въ интеллигентномъ семействѣ студенту подаютъ то же, что ѣдятъ сами хозяева, тогда какъ у неинтеллигентныхъ готовится для постояльцевъ одно, а для самихъ квартиросодержателей другое. Это стоитъ дороже и убытокъ идетъ на счетъ доброкачественности обѣда. Вотъ, по моему мнѣнію, наиболѣе вѣрное распредѣленіе качественности домашнихъ обѣдовъ по мѣстностямъ. Менѣе культурные хозяева живутъ въ районѣ пресловутыхъ «Бронныхъ», затѣмъ отъ Новинскаго бульвара и Кудринской-Садовой -- къ окраинамъ (Прѣсня, Живодерка и проч.). Въ этихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, и свили свои гнѣзда студенческія кухмистерскія. Гораздо меньшее количество дешевыхъ столовыхъ на Арбатѣ и Пречистенкѣ. Кажется, даже вовсе нѣтъ. И нѣкоторые студенты, живущіе въ тѣхъ краяхъ, ходятъ обѣдать къ Никитскимъ воротамъ. Но большинство тамошнихъ обитателей столуются дома. Это по-

тому, что тамъ комнаты сдаются болѣе или менѣе интеллигентными людьми, которые кормятъ своихъ постояльцевъ сносно.

Есть особый типъ хозяекъ, искусившихся въ дѣлѣ столованія студентовъ,—это хозяйки, живущія исключительно своими квартирантами. Такой типъ очень распространенъ въ Москвѣ. У нихъ выработалась своеобразная манера кормить жильцовъ. Въ началѣ кормятъ превосходно. Студентъ (обыкновенно новичекъ) не нарадуется столомъ.

— Ну братъ, вотъ кормитъ, такъ кормитъ...—говоритъ онъ каждому встрѣчному товарищу. И лицо у него при этомъ радостное, какъ у именинника.

Проходитъ 2 мѣсяца. Вы встрѣчаете этого господина и сами спрашиваете:

— Ну, какъ столъ?

— Да, что, ничего,—сносно—говоритъ онъ. И лицо его остается равнодушнымъ.

Приближаются праздники. Недѣли за три до отъѣзда домой на рождественскіе каникулы вы видите, что онъ мчится навстрѣчу вамъ съ злымъ, какъ у учителя латинскаго языка, лицомъ.

— Это чортъ знаетъ,что такое,—кричитъ онъ уже издали. Просто невозмомно обѣдать. На первое—помои, на второе—подошва. Голоденъ какъ собака.

— Да ты бы обѣдалъ въ другомъ мѣстѣ.

— Обѣдалъ! За мѣсяцъ впередъ заплачено. Вчера только заплатилъ. Эхъ поскорѣй бы домой!..

По пріѣздѣ изъ дому повторяется та же исторія на новой квартирѣ. На слѣдующій годъ студентъ говоритъ:

— Эге, шалишь, теперь не обманешь. И отправляется обѣдать въ кухмистерскую.

Часто въ университетскихъ витринахъ можно прочитать объявленія о «домашнихъ обѣдахъ». Это значитъ, что въ частной квартирѣ желаютъ имѣть нѣсколькихъ приходящихъ столовниковъ. Обыкновенная плата за такіе обѣды 10—12 руб. Кормятъ здѣсь такъ же, какъ въ кухмистерскихъ. Можно наткнуться и на хорошій «домашній

обѣдъ». Пользуются этого рода обѣдами, обыкновенно, мнительные студенты, которые глубоко убѣждены, что въ кухмистерскихъ они непремѣнно заполучатъ катаръ. По-моему, шансы заболѣть катаромъ одинаковы, какъ для пользующихся домашнимъ столомъ, такъ и для обѣдающихъ въ кухмистерскихъ. И тутъ, и тамъ преслѣдуется исключительно нажива. Все основано на началахъ эксплоатаціи.

Результаты понятны.

Еще объ одномъ способѣ обѣдать у «себя дома». Захожу какъ-то разъ къ знакомому студенту въ обѣденное время. Вижу на столѣ стоитъ полоскательная чашка, накрытая «Римскимъ правомъ».—«Что это?»—спрашиваю. «Сосиски на обѣдъ себѣ готовлю. Бензинки нѣтъ, такъ я ихъ горячей водой въ чашкѣ обвариваю».—«Сколько же у васъ на обѣдъ идетъ сосисокъ?»—«Штуки четыре, да фунтъ хлѣба съѣдаю при этомъ». Рядомъ съ чашкой я замѣтилъ свертокъ съ чернымъ хлѣбомъ. Выходитъ, что стоимость обѣда не превышаетъ 9 коп. (7 коп. $^1/_4$ фун. сосисокъ и 2 коп. хлѣбъ).

Когда я съ удивленіемъ разсказалъ про «такой» обѣдъ одному товарищу, онъ засмѣялся.

— То ли еще бываетъ! Я знаю нѣкоторыхъ студентовъ, которые по мѣсяцамъ питаются однимъ чаемъ съ хлѣбомъ. Утромъ—чай, въ полдень—чай и вечеромъ—чай. Къ чаю покупаютъ сухой бѣлый хлѣбъ у Филиппова. Сухой дешевле. За одну и ту же цѣну сухого даютъ вдвое больше, чѣмъ свѣжаго. А то сосиски! Да я разъ зашелъ на квартиру къ такимъ «чаевникамъ», а они меня съ ликованіемъ встрѣчаютъ: Ура, кричатъ, у насъ сегодня праздникъ, рублемъ раздобылись, сосиски ѣсть будемъ!

Комитетскія столовыя.

Трудно выразить на словахъ, какое огромное благодѣяніе оказываетъ университетской молодежи «общество для пособія нуждающимся студентамъ» своей полезной

дѣятельностью вообще и своими безплатными обѣдами въ частности. Но тамъ, гдѣ безсильны слова, на помощь приходятъ цифры. Заставимъ ихъ говорить. За послѣдній отчетный годъ (1902) Общество выдало студентамъ въ двухъ своихъ столовыхъ большой и малой 94,149 безплатныхъ обѣдовъ. Израсходовано на эти обѣды 21,262. А за 10 лѣтъ дѣятельности малой и 9 лѣтъ большой комитетскихъ столовыхъ израсходовано на нихъ 209,231 руб. (малая стоила обществу 59,729 руб., а большая 149,502. Безплатныхъ обѣдовъ выдано тамъ и тутъ 1,051,862.

Приблизительно 11% всего московскаго студенчества пользуются безплатными обѣдами.

Ознакомимся подробнѣе съ дѣятельностью столовыхъ. Большая столовая, открытая въ 1893 году (въ концѣ), помѣщается на М. Бронной въ собственномъ домѣ. Мѣсто выбрано прекрасно—въ самомъ центрѣ студенческихъ кварталовъ. Помѣщеніе состоитъ изъ одной большой комнаты и трехъ малыхъ. Расчитано на 400 человѣкъ. Но число желающихъ пользоваться обѣдами этой столовой такъ велико, что въ нѣкоторые мѣсяцы выдается 450—470 билетовъ. И все-таки иногда приходится отказывать за неимѣніемъ мѣста. Предпочтеніе отдается, конечно, бѣднѣйшимъ студентамъ (наводятся справки о матеріальномъ положеніи, обращающихся въ столовую).

Впрочемъ, наплывъ студентовъ въ столовую не отличается постоянствомъ. Въ декабрѣ и январѣ, когда студенты разъѣзжаются изъ Москвы, число обѣдающихъ сильно сокращается. Право на обѣдъ въ видѣ красныхъ бланковъ-билетовъ выдается на мѣсяцъ; каждое первое число бланки обмѣниваются на новые. Въ 1902 году было выдано такихъ билетовъ 3,524 и по нимъ безплатныхъ обѣдовъ 72,822. Столовая функціонировала 9 мѣсяцевъ (въ маѣ обѣдало 293 человѣка, въ ноябрѣ 470).

Всѣ приведенныя цифры такъ же, какъ и послѣдующія, типичны для столовыхъ (только первые года дѣятельности столовыхъ хозяйство велось на болѣе скромныхъ началахъ).

Малая комитетская столовая, основанная въ 1892 году

(за годъ до открытія большой), помѣщается теперь на Б. Царицынской улицѣ. Она предназначена исключительно для медиковъ старшихъ курсовъ (3—5). Условія выдачи обѣдовъ тѣ же, что и въ большой. Число пользующихся безплатными обѣдами доходитъ до 150. Въ 1902 г. было выдано 21,327 обѣдовъ по 1083 билетамъ. Наравнѣ съ безплатной тутъ функціонируетъ платная столовая, открытая по желанію медиковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Плата 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Обѣдаетъ до 130 человѣкъ.

Непосредственное наблюденіе за столовыми возложено на особую комиссію, назначенную комитетомъ Общества. Завѣдуютъ столовыми экономки. Подъ ихъ начальствомъ находятся нѣсколько горничныхъ и кухонный персоналъ.

Обычное меню обѣдовъ состоитъ изъ двухъ блюдъ: тарелка супа съ мясомъ и мясного жаркого (съ какой-нибудь приправой); два раза въ недѣлю къ горячему даются пирожки. Черный хлѣбъ, конечно, не ограниченъ порціями. Главное, что любятъ студенты, это—квасъ. Его можно пить сколько угодно. Обѣдающіе въ комитетскихъ столовыхъ расхваливаютъ этотъ напитокъ на всѣ лады. Дѣйствительно, квасъ служитъ большимъ плюсомъ къ обѣду, хотя и питательному и вполнѣ здоровому, но не всегда сытному. Поэтому хлѣбомъ съ квасомъ студенты стараются пополнять свои желудки.

Въ «Исторической замѣткѣ о дѣятельности общества» говорится: «Всякій студентъ имѣетъ право потребовать себѣ вторую порцію того же блюда, но столъ такъ сытенъ, что таковыя требованія случаются чрезвычайно рѣдко». Это не совсѣмъ такъ. Требованія вторыхъ порцій *перваго блюда* (второго другой порціи не полагается) рѣдки просто потому, что студенты стѣсняются.

— Приходится итти къ горничной, просить,—всѣ смотрятъ,—говорятъ они и предпочитаютъ лучше наѣдаться хлѣбомъ, чѣмъ исполнять процедуру полученія второй порціи. Вообще, просить вторую порцію горячаго не принято.

Каждый обѣдъ обходится комитету въ среднемъ въ большой столовой 20,53 коп., въ малой 27,26 коп. Несо-

отвѣтствіе расходовъ объясняется тѣмъ, что для малой столовой приходится снимать помѣщеніе, тогда какъ большая помѣщается въ собственномъ домѣ. Расходы по столовымъ покрываются ежегодными пожертвованіями Ю. И. Базановой въ размѣрѣ израсходованныхъ суммъ. Въ прошломъ году большая столовая обошлась ей въ 14,981 р., а малая въ 6,215 руб. Эти цифры съ небольшими колебаніями постоянны для послѣднихъ лѣтъ.

Не стоитъ распространяться о томъ, что внѣшній видъ столовыхъ вполнѣ благоприличенъ. Чистота и опрятность тамъ внѣ всякихъ сомнѣній. Единственно, на что можно сѣтовать, говоря объ удобствахъ большой столовой, это на отсутствіе въ ней уютности. Послѣднимъ объясняется и неудача попытки комитета ввести въ столовой дешевый чай. Помѣщеніе и обстановка не способствуютъ «чайному» настроенію.

Впрочемъ, въ данный моментъ большая комитетская столовая находится наканунѣ новой эры своего существованія, которая начнется съ переходомъ ея во вновь строящійся обширный корпусъ. Желательныя измѣненія въ постановкѣ дѣла въ комитетскихъ столовыхъ сводятся, по нашему мнѣнію, къ уменьшенію разницы между Петербургской и Московской студенческими столовыми въ пользу первой изъ нихъ. Ниже мы приводимъ описаніе этой образцовой по устройству столовой.

Во флигелѣ дома большой комитетской столовой уже нѣсколько лѣтъ очень успѣшно функціонируетъ платная столовая. Неубывающее число посѣтителей этой столовой (доходитъ до 350 человѣкъ) показываетъ, что студенты довольны обѣдами. Несомнѣнно, что число обѣдающихъ могло бы возрасти вдвое, если бы не препятствовало полное отсутствіе мѣстъ. Съ переходомъ столовой въ помѣщеніе нынѣшней безплатной это препятствіе будетъ устранено. Хотѣлось бы, чтобы вообще не было раздѣленія студентовъ на овецъ и козлицъ, т. е. обѣдающихъ безплатно и платно въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Въ Петербургѣ сумѣли не раздѣлять, почему же у насъ не хотятъ по-

слѣдовать хорошему примѣру? Необходимо, кромѣ того, измѣнить стѣсняющую очень многихъ студентовъ систему выдачи платныхъ обѣдовъ подъ условіемъ непремѣнно взять 10 билетовъ за 2 руб. 50 коп. Въ роли различныхъ распорядителей въ столовыхъ было бы желательно видѣть студентовъ, а не дамъ. Дамы слишкомъ любезны: онѣ иногда берутъ на себя чрезвычайно хлопотливыя обязанности въ родѣ разливанія супа. Не нужно забывать только, что *атмосфера благотворительности* для студентовъ невыносима. Не лучше ли предоставить имъ самимъ разливать супъ, отрывать купоны на билетахъ и проч.

Столовая въ Петербургѣ.

Эта столовая устроена на средства «общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета». Система выдачи обѣдовъ здѣсь удивительно своеобразна. Цѣны назначаются не на обѣды, а на отдѣльныя порціи. Въ столовой есть касса, гдѣ студентъ, выбравъ себѣ порціи, покупаетъ марки на соотвѣтствующую сумму.

Вотъ нѣкоторыя блюда изъ меню: борщъ малороссійскій—6 коп., $^1/_2$ порціи (1 тарелка)—3 коп., супъ перловый—5 коп., $^1/_2$ порціи—3 коп.; вареное мясо—3 коп., антрекотъ—22 коп., лангетъ—22 к. ($^1/_2$ порціи—11 к.), паштетъ—11$^1/_2$ к. ($^1/_2$ порціи—6 к.). Котлеты 2 штуки—12 коп. (1—6 коп.). (Замѣтимъ, что котлеты расходятся въ громадномъ количествѣ). Гречневая каша безъ масла—1 к., съ масломъ 4 коп. Горошекъ—3 коп., картофель—1$^1/_2$ к.

Такимъ образомъ, имѣя въ карманѣ всего даже 3 коп., студентъ можетъ съѣсть тарелку горячаго съ хлѣбомъ, (хлѣбъ въ неограниченномъ количествѣ). Десятикопеечный бюджетъ даетъ уже возможность пообѣдать какъ слѣдуетъ. На первое предположимъ тарелку борща—3 коп., на второе котлету—6 к. и къ ней каша—1 коп. Эта система говоритъ сама за себя.

Переходимъ къ описанію внутренняго и внѣшняго быта

столовой. Цѣль столовой «не только доставить студентамъ здоровую пищу, но и дать имъ возможность провести, хоть одинъ часъ въ день, въ уютной комнатѣ, пользуясь достаточнымъ свѣтомъ и воздухомъ». Поэтому самое устройство столовой приноровлено къ такой цѣли. Большія четыре комнаты освѣщены электричествомъ, что придаетъ имъ очень уютный видъ. Для чтенія—36 газетъ, высылаемыхъ редакціями безплатно. При столовой—буфетъ, гдѣ продается чай, шоколадъ, пиво... (чай за стаканъ—3 коп.; шоколадъ—8 коп., кофе—5 коп., со сливками 6 к.).

Неудивительно, что столовая играетъ у студентовъ роль маленькаго клуба; сюда они приходятъ побесѣдовать за кружкой пива, почитать газету. *Всѣ обязанности при столовой исполняютъ сами студенты.* Кушанья получаютъ обѣдающіе у кухонной стойки, сдавъ марку дежурному студенту. Служащіе мальчики только уносятъ грязную посуду или замѣняютъ ее чистой. Дежурныхъ студентовъ ежедневно 10 человѣкъ. На ихъ обязанности касса, пріемъ провизіи, присутствіе при раздѣлѣ порцій. Это гораздо удобнѣе, чѣмъ у насъ, гдѣ даже билеты провѣряютъ и выдаютъ дамы-патронессы.

Также при совѣщаніи хозяйственной комиссіи (изъ членовъ комитета) присутствуютъ 2 студента, принимающіе горячее участіе въ вопросахъ столовой. При столовой находится книга записей, куда студенты вносятъ свои замѣчанія.

Комитетъ выдаетъ бѣднѣйшимъ студентамъ безплатные обѣды. Интересна система выдачи этихъ обѣдовъ. Финансовыя дѣла комитета не смѣшиваются съ финансовыми дѣлами столовой. Комитетъ отъ себя выдаетъ недостаточнымъ студентамъ абонементныя книжки, состоящія изъ отрывныхъ купоновъ различной стоимости (всего на 3 руб.). Купоны въ кассѣ столовой обмѣниваются на марки для полученія порцій. Стоимость купоновъ уплачивается комитетомъ столовой. Выдача безплатныхъ абонементныхъ книжекъ носитъ характеръ постояннаго *пособія,* выдаваемаго *2 раза* въ мѣсяцъ однимъ и тѣмъ же лицамъ. При

выдачѣ книжекъ съ нихъ берется обязательство на 3 руб. Въ прошломъ отчетномъ году комитетъ выдавалъ билетовъ на сумму до 500 руб. въ мѣсяцъ (83 человѣка). Какъ видитъ читатель, количество обѣдающихъ безплатно въ Петербургѣ гораздо меньше, чѣмъ у насъ (500 съ лишнимъ человѣкъ). Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Въ Петербургѣ можно пообѣдать за 10 к., а у насъ только за 25 к., да и то при условіи взять сразу билетъ на 10 обѣдовъ. Въ результатѣ приходится кормить 500 — 600 человѣкъ. Неудивительно, что и денегъ переплачивается изрядное количество.

Сопоставимъ цифры петербургской столовой и всѣхъ 3-хъ московскихъ за 1899 годъ. Въ петербургской за годъ перебывало 112,550 посѣтителей (нужно при этомъ замѣтить, что вслѣдствіе извѣстныхъ неблагопріятныхъ условій столовая функціонировала только 6 мѣсяцевъ). Средняя плата за обѣдъ опредѣлилась въ 19,81 коп. Въ 3-хъ московскихъ столовыхъ выдано за годъ 136,232 обѣда. Израсходовано въ петербургской — 36,380 р. (безъ платы за наемъ помѣщеній), изъ этихъ денегъ исключительно на провизію пошло 29,875 р. Въ московскихъ всего 26,615 р. (безъ помѣщенія), изъ нихъ на провизію—21,209 р. Значитъ, на одного посѣтителя тамъ истрачено 32,5 коп., въ Москвѣ 19,5 коп. Въ Петербургѣ студенты сами заплатили за себя 24,551 руб. Остальная сумма (11,729 руб.) пополнена деньгами, выданными столовой комитетомъ за безплатно обѣдающихъ (по 500 р. въ мѣсяцъ—3,000 р. за 6 мѣс.), пособіемъ (ежегоднымъ) отъ университета въ размѣрѣ 2,000, выручкой отъ университетскаго буфета, который тоже находится въ вѣдѣніи комитета и приноситъ ему порядочный доходъ и др. пожертвованіями. Въ Москвѣ студенческихъ денегъ числится въ приходѣ только 8,202 р. (плата за обѣды въ платной столовой). Постороннихъ денегъ, слѣдовательно, пошло 18,413 рублей.

Кухмистерскія.

«Отравляетъ себя кухмистерскими обѣдами» — это изреченіе сдѣлалось, кажется, поговоркой. За свое право дешево обѣдать студентъ платитъ постепенно развивающимся катаромъ желудка. Не правда ли—довольно дорогая плата.?

Мало чѣмъ различаются между собой московскія кухмистерскія. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Всѣ одинаково скверно кормятъ и недорого берутъ за обѣдъ. Мѣсячный абонементъ стоитъ 7 р. 50 к., 8 р. и 8 р. 50 к. На Рождественскомъ бульварѣ есть кухмистерская съ платой 6 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Иногда студентамъ дѣлается скидка (вмѣсто 9—8 руб., 8—7 р. 50 к.). Отдѣльный обѣдъ стоитъ 30 к. Въ средней кухмистерской столуется человѣкъ 150, 200 постоянныхъ посѣтителей. Тутъ обѣдаютъ студенты, курсистки, мелкіе актеры, вообще люди малосостоятельные. Нѣкоторыя кухмистерскія можно назвать студенческими въ томъ смыслѣ, что въ нихъ преобладаютъ студенты-столовники. Таковы—Большая Тверская столовая (противъ Брюсовскаго пер.), столовая у Никитскихъ воротъ, Прохорова (на Малой Бронной) и одна на Патріаршихъ прудахъ.

Войдемъ въ одну изъ кухмистерскихъ. Небольшая полутемная прихожая (иногда прихожей нѣтъ). Здѣсь мальчикъ снимаетъ и подаетъ пальто. Одна средняя или 2 небольшія комнаты составляютъ помѣщеніе столовой. Потолки низкіе. Воздухъ удушливый. Общее впечатлѣніе унылое. Тѣсно. Небольшія, давно немытыя окна бросаютъ тусклый свѣтъ. На окнахъ выцвѣтшія занавѣски. На подоконникахъ пыльные, полузасохшіе цвѣты. Темныя обои. По стѣнамъ развѣшаны старыя-престарыя преміи къ *Нивѣ*, въ черныхъ рамкахъ. Въ простѣнкѣ висячее зеркало. Часы съ маятникомъ. Посрединѣ комнаты большой столъ, по стѣнамъ—маленькіе столики, покрытые бѣлой получистой скатертью. На столахъ графины съ водой, горчица, перечница. За столами сидятъ студенты, статскіе въ вытертыхъ пиджакахъ, женщины въ шляпкахъ и жакетахъ. Они

обѣдаютъ. Выраженіе у всѣхъ сумрачное. Ѣдятъ торопливо, жадно. Не слышно ни разговоровъ, ни смѣха. Одни угрюмо уткнулись въ свои тарелки, другіе стараются въ одно и то же время и обѣдать, и читать газету (въ кухмистерскихъ выписываются, обыкновенно, по 2 газеты,—въ «студенческихъ» непремѣнно *Русскія Вѣдомости*). Въ комнатѣ тихо. Слышенъ только стукъ ножей и тарелокъ, да усиленное движеніе челюстей. Тишина словно узаконена въ такихъ столовыхъ. Если кто говоритъ, то старается говорить шопотомъ. Рѣзкій звукъ голоса обращаетъ на себя вниманіе, какъ нѣчто несуразное, странное.

Входитъ съ измученнымъ, блѣднымъ отъ голода лицомъ новый посѣтитель. Отыскавъ свободное мѣсто, онъ по «меню» заказываетъ себѣ обѣдъ. Прежде всего подается приборъ съ полугрязной салфеткой и тарелка съ тремя кусками чернаго хлѣба и однимъ кускомъ бѣлаго. Горничная приноситъ небольшую миску съ супомъ (полторы тарелки). Посѣтитель вынимаетъ изъ миски небольшой кусочекъ варенаго мяса и въ одну минуту съѣдаетъ его... Горячее всегда ужасно жидко. Супъ, напримѣръ, совсѣмъ какой-то «пустой». Поэтому студенты спрашиваютъ, обыкновенно, щи или борщъ. Вообще, первое блюдо зависитъ отъ времени, когда обѣдаешь: въ 1 часъ вамъ подадутъ что-то похожее на борщъ, въ четвертомъ часу уже мало похожее, а въ 5—просто помои. Меню второго блюда всегда съ громкими названіями: отбивныя котлеты, ростбифъ, антрекотъ, бефъ строганый, котлеты пожарскія, соусъ пиканъ. Отбивныя котлеты — кусокъ мяса, вываленный въ сухаряхъ, наполовину жирный. Антрекотъ и ростбифъ—кусокъ жареной, иногда пережареной говядины. «Бефъ строганый»—мелко накрошенные кусочки мяса. Ко второму подается всегда въ видѣ приправы традиціонный картофель. Нужно быть дѣйствительно голоднымъ человѣкомъ, чтобы ѣсть этотъ, ужасно приготовленный, картофель. Чуточку макаронъ или полъ-ложки горошка—это роскошь, которую позволяютъ себѣ очень рѣдкія кухмистерскія. Но каковы бы ни были яства—они уничтожаются чрез-

вычайно быстро. Обѣдъ конченъ. Голодъ утоленъ. Надолго ли?

«Не успѣешь дойти до дому, какъ опять хочется ѣсть»—говоритъ, обыкновенно, студентъ, характеризуя свой обѣдъ.

Есть, конечно, приличныя «дешевыя» столовыя, но плата въ нихъ совершенно не по карману среднему студенту. Такъ въ началѣ Тверского бульвара очень чистая столовая, гдѣ обѣдъ стоитъ 50 к. (15 р. въ мѣсяцъ). Поэтому здѣсь больше обѣдаетъ студенческая «аристократія», получающая не менѣе 50 р. въ мѣсяцъ. Впрочемъ, нѣкоторые студенты изъ «среднихъ» предпочитаютъ хоть 10 разъ пообѣдать въ хорошемъ мѣстѣ и потомъ до конца мѣсяца сидѣть на «сухояденіи», чѣмъ пользоваться невыносимыми кухмистерскими.

Есть еще одна столовая, довольно охотно посѣщаемая студентами. Это образцовая столовая «Общества распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами». Одинъ мой знакомый студентъ для сокращенія называетъ эту столовую — «Обѣдами у полезныхъ женщинъ». Эти «полезныя женщины» кормятъ своихъ столовниковъ сравнительно прилично, главное, провизія у нихъ всегда свѣжая и кушанья готовятся на маслѣ (въ кухмистерскихъ, конечно, на салѣ). Въ кулинарномъ отношеніи обѣды здѣсь отличаются непостоянствомъ. Дѣло въ томъ, что выпускъ ученицъ въ образцовой столовой производится черезъ каждые три мѣсяца. Въ началѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ кушанья, обыкновенно, пережарены, переварены, недосолены, пересолены—однимъ словомъ, приготовлены неопытными ручками. Зато въ серединѣ и въ особенности къ концу трехъ мѣсяцевъ обѣды приготовляются очень вкусно. Одинъ обѣдъ стоитъ 40 коп. Помѣщается эта столовая тоже у Никитскихъ воротъ.

Организація помощи недостаточнымъ студентамъ.

Мнѣ говорилъ недавно знакомый студентъ, угрюмый и уставшій отъ 4-хлѣтней университетской жизни въ сырыхъ подвалахъ-квартирахъ,—человѣкъ, истомленный хроническимъ недоѣданіемъ, этимъ чисто студенческимъ недугомъ: «Плохо, братъ, когда твоя жизнь зависитъ отъ случая: повезетъ или не повезетъ. Хорошій урокъ—счастливый случай, стипендія—тоже счастливый случай, изъ университета не выгонятъ за невзносъ платы—счастливый случай. Да и, наконецъ, самое окончаніе университета—часто развѣ не счастливый случай—и только?» Большинство студентовъ состоитъ именно изъ такого рода счастливцевъ или неудачниковъ. Бѣдность среди студенчества прогрессируетъ съ каждымъ годомъ. Все возрастающее оскудѣніе дворянъ и наплывъ студентовъ изъ малоимущихъ классовъ общества сильно способствуютъ этому. Вмѣстѣ съ тѣмъ дорожаетъ въ Москвѣ сама жизнь, непомѣрно возвышаются цѣны на квартиры.

По крайней мѣрѣ 50% учащихся въ Московскомъ университетѣ нуждаются въ помощи.

А, быть-можетъ, ни для кого такъ не тяжела бѣдность, какъ для студента. Вѣдь для умственной жизни, для успѣшнаго занятія наукой необходимо прежде всего спокойствіе духа. Матеріальная необезпеченность создаетъ атмосферу, почти невозможную для человѣка, посвятившаго себя служенію чистой наукѣ. Мелочи жизни отвлекаютъ вниманіе, разсѣиваютъ всякую сосредоточенность. Вѣчная

пѣсня о голодѣ, холодѣ, о завтрашнемъ днѣ капля за каплей вливаетъ ядъ въ жизнь человѣка...

Борьба за существованіе играетъ громадную роль въ жизни студента. А что можетъ быть общаго между борьбой за существованіе и занятіемъ чистой наукой? Поневолѣ наука часто отходитъ на задній планъ...

Вотъ почему помощь студентамъ необходима и вотъ почему студенту не стыдно пользоваться частной благотворительностью и казеннымъ пособіемъ. Впослѣдствіи онъ съ лихвой отдастъ свой долгъ обществу и государству.

Въ Москвѣ существуютъ три инстанціи, которыя служатъ отчасти посредниками, отчасти иниціаторами въ дѣлѣ помощи нуждающему студенчеству*). Это, во-первыхъ, университетъ, который освобождаетъ отъ платы извѣстный процентъ учащихся, выдаетъ единовременныя пособія и назначаетъ стипендіи, существующія при немъ; во-вторыхъ, — студенческая инспекція, черезъ руки которой проходятъ случайныя частныя пожертвованія, различные сборы съ концертовъ и вечеровъ, даваемыхъ въ Москвѣ и провинціи и т. п., наконецъ, въ-третьихъ, «общество для пособія недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета», функціонирующее въ столицѣ уже 29 лѣтъ.

Разсмотримъ, какъ организуетъ помощь недостаточнымъ студентамъ каждая изъ этихъ инстанцій и насколько продуктивна эта помощь. Нѣтъ ли недостатковъ въ дѣлѣ организаціи?

Университетскія стипендіи распредѣляются приблизительно между 600 студентами, что составляетъ при четырехъ съ половиной тысячъ московскихъ студентовъ около 15%. Размѣръ стипендіи опредѣленъ отъ 44 до 1332 р. въ годъ. Средняя стипендія (ихъ большинство) 20—22 р. въ мѣсяцъ. Свыше 25 р. стипендія считается уже большой рѣдкостью.

Кромѣ стипендій университетъ выдаетъ единовременныя пособія. Въ отчетномъ 1902 году было выдано пособій

*) Мы не говоримъ въ этомъ очеркѣ объ „Общежитіяхъ“, которыя послужатъ темой слѣд. главы.

на 27,516 р. (666 студентамъ въ первомъ полугодіи и 320—во второмъ полугодіи, въ среднемъ по 25 р. на человѣка; дѣйствительный же размѣръ пособій простирался отъ 4 р. 50 коп. до 100 руб.). Въ отчетѣ 1900 года опубликована сумма пособій въ количествѣ 40,417 руб. (850 студентамъ были выданы въ первомъ полугодіи и 427—во второмъ пособія въ размѣрѣ отъ 4 р. 50 коп. до 100 р., въ среднемъ по 33 р. на человѣка). Такимъ образомъ, пособіями пользуются приблизительно 15% всѣхъ учащихся въ университетѣ, что составитъ вмѣстѣ съ стипендіатами 30%. Но эти «благотворимые» клієнты университета получаютъ далеко не одинаковыя суммы: отъ 4 р. 50 коп. до 1332 руб. въ годъ.

Неравномѣрность пособій вызвана не различіемъ степени нужды того или иного студента, а совершенно особыми причинами. И въ этихъ причинахъ заключается слабая сторона организаціи помощи недостаточнымъ студентамъ при Московскомъ университетѣ.

Какіе же это причины? Намъ придется, конечно, обойти молчаніемъ размѣръ стипендій, установленныхъ жертвователями—это ихъ личное дѣло. Но мы остановимся на томъ, какъ распредѣляются университетомъ эти стипендіи между недостаточными студентами, кого университетъ считаетъ недостаточнымъ и затѣмъ, какъ распоряжается университетъ единовременными пособіями. Постоянныя пособія или стипендіи выдаются недостаточнымъ студентамъ только на второй годъ пребыванія ихъ въ университетѣ и только тѣмъ изъ нихъ, которые получили отличныя отмѣтки на полукурсовыхъ испытаніяхъ (исключенія составляютъ спеціальныя стипендіи, но ихъ очень немного). Значитъ, стипендіи являются наградой за успѣхи. Благодаря такой системѣ выдачи стипендій, студенты 1-го курса вовсе лишены стипендій, а круглые бѣдняки рискуютъ не получить пособія...

Этимъ нарушается самый принципъ помощи. Учиться только тотъ можетъ хорошо, кто болѣе или менѣе обезпеченъ матеріально. Если человѣкъ хронически голодаетъ,

если холодъ парализуетъ мысль, а невыносимая забота гложетъ его съ утра до вечера, то нельзя учиться «на пятерки». И не трудно хорошо подготовиться къ экзамену, если окружающая обстановка не мѣшаетъ заниматься. Странно помогать человѣку только въ томъ случаѣ, если голодный и холодный онъ отзубритъ на пятерку Римское или иное право...

Это полная профанація справедливости!

А чѣмъ виноваты несчастные первокурсники, что они еще не успѣли сдѣлаться благонравно-успѣшными студентами? Между тѣмъ положеніе бѣдняковъ, только что явившихся въ столицу, поистинѣ ужасно. Университетъ не хочетъ протянуть имъ руку помощи:—«Подите, поживите въ подвалахъ, поголодайте,—а потомъ, можетъ-быть, мы вамъ поможемъ, если *учиться будете хорошо*»...

И молодой человѣкъ, почти мальчикъ, прямо со школьной скамьи попавшій въ большой городъ, совершенно теряется...

Всѣ студенты, подавшіе прошеніе о назначеніи имъ стипендіи и представившіе свидѣтельство о недостаточности, являются одинаковыми претендентами на эти стипендіи. Изъ двухъ конкурентовъ предпочитается студентъ съ лучшими отмѣтками. Поэтому часто бываетъ, что университетъ назначаетъ стипендію студенту, получающему отъ родителей 25—30 руб. въ мѣсяцъ и отказываетъ круглому бѣдняку. Свидѣтельство о недостаточности вещь чрезвычайно условная...

Необходимо было бы выяснить степень нужды каждаго обращающагося за помощью. Свидѣтельства о недостаточности вовсе не выясняютъ эту степень. А экзаменаціонныя отмѣтки, какъ указано выше, часто имѣютъ обратное значеніе. Стипендіи распредѣлены по факультетамъ далеко не пропорціонально численности на нихъ слушателей. Изобиліемъ стипендій отличается филологическій факультетъ. Тамъ со второго курса всякій желающій (часто даже «нежелающій», какъ сострилъ кто-то) можетъ получить стипендію. Между тѣмъ на юридическомъ факультетѣ полученіе стипендіи имѣетъ характеръ неожиданнаго сюрприза. Многимъ онѣ выдаются только съ третьяго курса.

Если при выдачѣ стипендіи университетъ придерживается хоть какой-нибудь системы, то инспекція, раздавая попадающія въ ея руки благотворительныя суммы, раздаетъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, по вдохновенію. Придетъ, попроситъ, — дадутъ. Спросятъ у одного, у другого студента, кто изъ ихъ товарищей нуждается,—тому тоже дадутъ. Лишь бы раздать. Подобная «система» раздачи благотворительныхъ суммъ инспекціей ни для кого изъ студентовъ не секретъ. Да инспекція и не держитъ ея въ секретѣ. Оправданіе одно: нѣтъ никакой возможности собрать необходимыя свѣдѣнія. Это совершенно справедливо. Изыскивать же какіе-нибудь особые пріемы—на это нѣтъ ни охоты, ни времени,—вѣдь раздача благотворительныхъ суммъ не входитъ въ спеціальныя функціи инспекціи.

Однимъ словомъ, задача распредѣленія благотворительныхъ суммъ вовсе не по силамъ университетскому начальству. Единственно, кто въ этомъ случаѣ могъ бы быть полезенъ—это товарищескіе кружки. Никто не посвященъ такъ въ тайну нужды даннаго студента, какъ его товарищи-земляки.

Помощь, которую оказываетъ студентамъ комитетъ «общества для пособія недостаточнымъ студентамъ», очень разнобразна. Впрочемъ, самую значительную часть его расходовъ составляетъ взносъ платы въ университетъ за слушаніе лекцій. Нечего и говорить, что это очень необходимая статья расходовъ, но, къ сожалѣнію, подобная помощь носитъ характеръ чисто пассивный; матеріальное положеніе студента не улучшится отъ того, что его не исключатъ изъ университета. Конечно, въ этомъ менѣе всего виновато «общество».

Зато огромную, чисто матеріальную услугу студенчеству оказываетъ «общество» своими даровыми обѣдами въ комитетскихъ столовыхъ*). Кромѣ обѣдовъ, при комитетѣ

*) См. о студенческомъ питаніи. (Безплатныя комитетскія столовыя).

уже съ давнихъ поръ практикуется раздача одежды бѣднымъ студентамъ и отчасти учебныхъ пособій—лекцій и книгъ. Впрочемъ, книгъ раздается немного —и тутъ уже прямая обязанность оканчивающихъ курсъ университета позаботиться о своихъ младшихъ товарищахъ и отдать «комитету» оставшіеся безъ употребленія учебники такъ же, какъ и ненужное платье. Удѣляя ежегодно огромную сумму на взносъ платы за студентовъ въ университетѣ (приблизительно половину всѣхъ расходовъ), «общество» принуждено сильно ограничивать единовременныя пособія (въ 1902 году онѣ достигли 6,472 руб.: изъ нихъ 222 студентамъ выданы единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ двухъ рублей до 75, затѣмъ 720 руб. на лѣченіе медикамъ на югѣ. Остальныя деньги выдавались въ видѣ стипендій—16 человѣкамъ 1,838 руб.

Система, принятая комитетомъ для отысканія наиболѣе нуждающихся студентовъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Городъ раздѣленъ по районамъ, и каждому изъ членовъ комитета поручено по одному району. Въ своемъ районѣ члены посѣщаютъ всѣхъ, обращающихся за помощью къ «обществу», и на мѣстѣ знакомятся съ положеніемъ будущихъ кліентовъ «общества»—путемъ личнаго впечатлѣнія и путемъ опросовъ. И «общество» приходитъ на помощь тѣмъ, кого члены комитета признаютъ наиболѣе нуждающимся. Понятно, что подобная система гораздо цѣлесообразнѣе университетской стипендіальной системы. Хотя опять-таки долженъ повторить, что только одни земляки могутъ справедливо судить о своихъ нуждающихся товарищахъ.

Если многіе студенты нуждаются въ матеріальной поддержкѣ, то еще большее количество ихъ страдаетъ отъ университетской повинности—взноса платы въ университетъ. Если родители помогаютъ своимъ сыновьямъ ежемѣсячными субсидіями, то единовременный взносъ, да еще два раза въ годъ, въ размѣрѣ 50 руб., кромѣ субсидій, для нѣкоторыхъ разорителенъ, а для другихъ даже невозможенъ. И вотъ на почвѣ этой необходимости — годового взноса 100 руб. — разыгрываются маленькія драмы, невидимыя

и незамѣтныя, но тяжелыя и стоящія очень много крови, нервовъ и силъ. Громадное количество прошеній въ университетъ и въ «общество для пособія недостаточнымъ студентамъ» объ освобожденіи отъ платы лучше всего указываютъ на критическое положеніе студентовъ въ данномъ случаѣ. Университетъ при освобожденіи отъ платы руководствуется свидѣтельствами о бѣдности и опять-таки успѣхами студентовъ. Новичкамъ гораздо меньше шансовъ быть освобожденными отъ взноса за лекціи, чѣмъ старымъ студентамъ.

Вслѣдствіе массы обращающихся въ комитетъ послѣднему приходится быть чрезвычайно разборчивымъ. Такъ, напримѣръ, студенту, имѣющему ежемѣсячно по 15 руб., отказываютъ въ прошеніи, считая его способнымъ внести за себя плату. Понятно, что это болѣе чѣмъ условная способность. Университетъ освобождаетъ отъ платы приблизительно 18% всѣхъ учащихся, комитетъ—10% (это его главная статья расхода). Такимъ образомъ 28% всѣхъ московскихъ студентовъ освобождаются отъ платы. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что 50% всей учащейся молодежи вовсе не въ состояніи вносить за себя плату. И тѣмъ изъ нихъ, которыхъ ни университетъ, ни комитетъ не освободитъ отъ взноса за лекціи, приходится очень плохо. Приходится ждать какихъ-нибудь случайныхъ пожертвованій, — сборовъ съ концертовъ въ провинціи, пожертвованій частныхъ лицъ и проч., т. е. вѣчно трепетать, чувствовать себя подъ Дамокловымъ мечемъ, ежеминутно задавать себѣ, терзающій душу, вопросъ: быть или небыть—выключатъ или не выключатъ? И какъ ужасно это хроническое, изъ полугодія въ полугодіе повторяющееся, трепетаніе души. Какъ оно разлагаетъ человѣка, какъ обезсиливаетъ и какъ жестоко мѣшаетъ заниматься.

Половина студентовъ вовсе не въ состояніи платить за лекціи, а изъ другой половины только какихъ-нибудь 25% вносятъ плату, не стѣсняя себя ничѣмъ, между тѣмъ какъ остальнымъ 25% дорого обходятся эти 100 руб. Вотъ почему въ университетской витринѣ долго красуется объ-

явленіе, гдѣ поименованы списки студентовъ, не внесшихъ въ срокъ плату и подлежащихъ увольненію. Три четверти университета попадаютъ на эти скорбные листки. Большинство студентовъ тянетъ до послѣдней минуты въ тоскливой надеждѣ. Многимъ высылаютъ бумаги изъ университета (т. е. увольненіе) черезъ полицію, и имъ приходится вновь повторять процедуру поступленія въ университетъ вновь сдѣлавши предварительно взносъ за лекціи... А нѣкоторыхъ исключаютъ вовсе...

Сколькихъ исключаютъ это тайна. Но намъ удалось узнать, что въ 1901 году число совсѣмъ исключенныхъ достигло 69 человѣкъ. Подведя итоги организаціи помощи недостаточнымъ студентамъ, мы придемъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ.

Университетская помощь въ видѣ стипендій и пособій далеко не вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Въ этомъ виновата безалаберность господъ, которымъ поручено распредѣленіе пособій, и затѣмъ неудовлетворительность принципа, положеннаго въ основу стипендіальной системы при Московскомъ университетѣ. Что изъ того, что 30% всѣхъ учащихся въ университетѣ получаютъ пособіе, если сплошь и рядомъ помогаютъ тѣмъ, кому не нужно, и лишаютъ многихъ истинно нуждающихся въ матеріальной поддержкѣ, а нѣкоторымъ бѣднякамъ (для потѣхи что ли?) выдаютъ четыре съ полтиной на годъ.

«Общество для пособія недостаточнымъ студентамъ» кормитъ своими даровыми обѣдами 600 человѣкъ (что составляетъ 14% всѣхъ учащихся), кой-кому выдаетъ одежду (въ 1902 году было выдано 33 теплыхъ и 8 лѣтнихъ пальто, 30 сюртуковъ и т. д.) и, наконецъ, нѣсколько тысячъ рублей тратитъ на пособія. Всѣ остальныя его деньги съѣдаются платой за лекціи недостаточныхъ студентовъ *).

*) Интересно привести цифры доходовъ и расходовъ Общества. Вотъ онѣ за 1902 г. (мало отличаются отъ цифръ прошлыхъ лѣтъ):

	руб.	к.
Остатокъ на 1 января 1902 г.	15827	02

Всѣ ли нуждающіеся студенты получаютъ помощь? Разумѣется, ее не получаетъ половина бѣдныхъ студентовъ, а большинство получающихъ должны довольствоваться крохами...

	руб.	коп.
Поступило:		
Членскихъ взносовъ	5217	—
Единовременныхъ пожертвованій	43555	69
Отъ Москов. Городск. Кредитнаго Общества	2000	—
Отъ Московской Городской Думы.	1500	—
Сборъ на обѣдахъ 12 января	900	—
Отъ концерта и лекцій	1263	33
% на запасн. капиталъ и по текущему счету.	3400	54
Въ уплату долговъ отъ бывшихъ студентовъ	13469	20
Отъ продажи пожертвованныхъ О-ву книгъ	26	60
Итого	71332	36
Израсходовано:		
На взносъ платы въ Университетъ за слушаніе лекцій . .	28079	50
На взносъ платы въ испытательныя комиссіи	1620	—
На выдачу пособій	6427	68
На содержаніе большой комитетской столовой	14947	41
На содержаніе столовой имени Ю. И. Базановой	6215	21
Канцелярскіе, почтовые и проч. расходы по Комитету . . .	2563	81
Храненіе % бумагъ и страхованіе выигрышныхъ билетовъ.	103	65
Итого	59957	26

Общежитія.

«Ляпинка».

Среди элегантныхъ домовъ Б. Дмитровки домъ Ляпиныхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ самой глубинѣ двора этого дома стоитъ мрачное трехъэтажное зданіе кирпичнаго цвѣта. Угломъ къ нему расположено другое—поменьше. Подъ окнами растутъ деревья и валяется нѣсколько кучъ камней. Эти два дома — и есть знаменитое «Ляпинское общежитіе» или «Ляпинка», какъ прозвали его студенты. Общежитіе въ полномъ смыслѣ слова оправдываетъ репутацію, которая сложилась о немъ среди московскаго студенчества. Всемогущая нужда — только она одна поставляетъ жильцовъ въ этотъ домъ.

Широко растворяетъ двери Ляпинка для всякаго, кто стучится въ эти двери. Она даетъ пріютъ не однимъ студентамъ. Сюда принимаются всѣ учащіеся города Москвы за исключеніемъ гимназистовъ: комиссаровцы, художники, техники... Но студентовъ все-таки преобладающее количество (приблизительно $^2/_3$). Въ этомъ году общежитіе пріютило у себя нѣсколько человѣкъ, окончившихъ курсъ университета и не имѣющихъ пока занятій. Всего тамъ имѣется 124 вакансіи при 34-хъ номерахъ. Итакъ, благотворительность оказывается сравнительно многимъ лицамъ. Что же даетъ эта благотворительность?

Три этажа, соединенные грязной желѣзной лѣстницей. Узкіе, длинные коридоры отъ одного конца зданія до другого. Лѣвая стѣна коридоровъ оштукатурена. Это

капитальная стѣна дома. Въ ней продѣланы на приличномъ разстояніи другъ отъ друга небольшія, круглыя, глубокія отверстія—окна—такія же, какъ въ казематахъ. Изъ отверстій льется тусклый свѣтъ. Онъ освѣщаетъ мрачную стѣну коридора и рядъ дверей, ведущихъ въ номера. Стѣна, отдѣляющая коридоръ отъ номеровъ, представляетъ изъ себя тонкій, досчатый заборъ, не достигающій потолка—съ рѣшеткой наверху. Въ концѣ коридора безъ всякихъ дверей грязная комната съ двумя кранами для умыванія 40 человѣкъ. Тутъ же за перегородкой клозетъ. Запахъ распространяется по всему коридору, смѣшивается съ сырымъ, затхлымъ воздухомъ и проникаетъ въ жилыя помѣщенія. Номера Общежитія устроены очень своеобразно и очень неудобно. Своеобразность заключается въ томъ, что каждые три номера отдѣляются отъ слѣдующихъ трехъ номеровъ капитальной стѣной, а между собой ихъ раздѣляетъ тонкая перегородка съ рѣшеткой наверху. Такимъ образомъ, разговоръ двухъ лицъ прекрасно слышенъ во всѣхъ трехъ смежныхъ номерахъ. На номеръ полагается по 4 жильца. Но при здѣшней системѣ перегородокъ вмѣсто стѣнъ оказывается, что цѣлыхъ 12 человѣкъ пользуются удобствами совмѣстнаго житья. И если я—жилецъ этого дома—имѣю глупость когда-нибудь заниматься, то мнѣ нужно выбрать моментъ, чтобы настроеніе всѣхъ 11 моихъ сожителей соотвѣтствовало моему желанію. Когда въ одномъ номерѣ играютъ на скрипкѣ, а въ другомъ 2 студента спорятъ, остальные же 8 человѣкъ молчатъ, то этотъ моментъ слѣдуетъ считать удобнѣйшимъ для занятій, потому что, обыкновенно, бываетъ еще хуже. Благодаря тѣмъ же перегородкамъ, въ коридорѣ всегда стоитъ гулъ разнообразныхъ звуковъ. Это аккомпанементъ для отдѣльныхъ голосовъ.

Войдемте въ отдѣльный нумеръ. Прежде всего васъ поразитъ что-то тусклое, грязное, унылое. Это колоритъ Ляпинскаго общежитія. Коричневыя досчатыя стѣны. Сорные полы (ихъ моютъ 1 разъ въ мѣсяцъ). Убогія кровати. Грязныя одѣяла (казенныя). Вонъ изъ-подъ одѣяла виднѣется кончикъ простыни, которую мѣняютъ разъ въ мѣсяцъ. По-

срединѣ комнаты старый-престарый столъ, весь изрѣзанный, исписанный и грязный, покрышки на немъ никакой нѣтъ. Рядомъ стоятъ простые табуреты, какъ въ кухняхъ второстепеннаго разряда. Жестяная маленькая лампа тускло освѣщаетъ унылую комнату. Ея свѣтъ усиливаетъ мрачный, тяжелый колоритъ жилища людей, ищущихъ свѣта и знанія. Удушливый запахъ носится въ воздухѣ. Все здѣсь засалено, загрязнено до невѣроятія, начиная съ потолка и кончая подоконникомъ. Грязь словно впиталась въ стѣны. И потому всякое желаніе порядка тонетъ въ этомъ основномъ колоритѣ Ляпинскаго общежитія.

Неряшливость обстановки невольно передается жильцамъ. Вонъ, посмотрите на столъ! Что тамъ такое? Брошенныя, какъ попало, книги, окурки папиросъ, бумага съ табакомъ и гильзами, два жестяныхъ чайника, рядомъ чей-то сапогъ. И на всемъ лежитъ густой слой пыли. Прислуги не полагается. Каждый самъ долженъ заботиться о чистотѣ своей комнаты. Но въ комнатѣ живутъ четверо. Да и что можетъ подѣлать тотъ или другой жилецъ съ тѣмъ, что давно перешло въ традицію, освящено десятками лѣтъ... Либо подчиняйся, либо уходи прочь.

По желѣзной лѣстницѣ спустимся внизъ и пройдемъ во флигель рядомъ, гдѣ помѣщается ляпинская столовая. Это низкая комната, въ которой поставлено нѣсколько деревянныхъ, не крашеныхъ и ничѣмъ не покрытыхъ столовъ. Сидѣніемъ служатъ длинныя простыя скамьи, какъ въ баракахъ для рабочихъ. Налѣво отъ входной двери—дверь въ кухню—и маленькое окошко, черезъ которое подаютъ кушанья. Немного далѣе конторка. Рядомъ черный шкафчикъ, вѣроятно, купленный на Сухаревкѣ, для хлѣба. У противоположной стѣны кухонный буфетный столъ, гдѣ хранится посуда.

Утромъ и вечеромъ въ этомъ помѣщеніи пьютъ чай. Кипятокъ выдается изъ куба безплатно въ чайникахъ, а чай и сахаръ вы покупаете у человѣка, стоящаго у конторки. Подойдите и спросите у него порцію чаю и сахару. Сначала изъ одного ящика онъ достанетъ малюсенькій сверточекъ изъ газетной бумаги—это порція чаю. Потомъ

выдвинетъ другой ящикъ—довольно грязный на видъ. Въ немъ валяется безъ всякой подстилки сахаръ. Вы *лъзете* прямо рукой въ этотъ ящикъ и достаете три грязноватыхъ куска сахару. Все это удовольствіе стоитъ 2 копейки. Для сахара не полагается никакихъ блюдечекъ. Его прямо кладутъ на мокрый полузасаленный столъ. Прежде чѣмъ приступить къ чаепитію, нужно вымыть глиняныя кружки, потому что ихъ полагается очень ограниченное количество и прежде васъ пившіе чай уже успѣли загрязнить весь комплектъ этихъ кружекъ. Видъ столовой и процедура чаепитія очень напомнили мнѣ солдатскія столовыя въ казармахъ. Всякую брезгливость нужно отбросить, идя въ такое мѣсто.

Днемъ за 15 коп. въ Ляпинской столовой даются обѣды изъ 2-хъ блюдъ. У конторщика вы покупаете марку и отправляетесь съ ней на кухню. Тамъ стряпуха нальетъ вамъ въ небольшую миску жидкихъ-прежидкихъ, но зато очень горячихъ, щей и кинетъ туда кусокъ не то вареной говядины, не то еще чего-то, чего разобрать невозможно. Налегая больше на хлѣбъ, вы опустошите эту миску и отправитесь на кухню за вторымъ блюдомъ. На второе—одна сосиска и къ ней гречневая каша. Отъ сосиски идетъ душокъ. Это придаетъ ей нѣкоторую пикантность. Каша воняетъ скверным саломъ. Въ концѣ концовъ, послѣ такого обѣда ужасно хочется ѣсть. Обѣдаютъ здѣсь человѣкъ 40—50.

Говорятъ, что владѣлецъ Ляпинскаго общежитія нарочно поддерживаетъ «здѣшніе» порядки, чтобы «не засиживались гости дорогіе на *даровыхъ харчахъ*, чтобы не зазнавались очень». И онъ, конечно, достигъ своего.

На людяхъ, живущихъ въ Ляпинкѣ, всегда лежитъ отпечатокъ уныніи, озлобленности, неловкости передъ другими и самими собой, что они попали въ эту яму. Вообще, постоянныхъ жильцовъ здѣсь очень мало. Для большинства Ляпинка служитъ чѣмъ-то въ родѣ этапа. Лишится человѣкъ заработка, настанетъ для него критическая минута—и онъ записывается въ жильцы этого дома.

Но чуть обстоятельства улыбнутся, подвернется какой-нибудь урочишко—студентъ бѣжитъ безъ оглядки изъ Ляпинскаго общежитія. Впрочемъ, говорятъ, бывали случаи, что студенты начинали и оканчивали курсъ университета, будучи жильцами «Ляпинки».

Да размыслитъ читатель, сколько нужно силы душевной, чтобы свыкнуться съ этой ужасной обстановкой, провести въ ней 4 года и не свихнуться. Сколько нужно воли, чтобы заниматься при здѣшнихъ условіяхъ! А говорятъ еще, что среди нашей молодежи нѣтъ героевъ. Вотъ вамъ геройство несомнѣнное! Оно повыше сортомъ всякихъ другихъ геройствъ...

Но бывали и другіе примѣры. И ужасная тѣнь этихъ примѣровъ призракомъ тяготѣетъ надъ Ляпинскимъ общежитіемъ. Попавшіе сюда спивались и прямой дорогой отправлялись на Хитровъ рынокъ. Эпидеміей пьянства заражена атмосфера Ляпинскаго общежитія. Нужно признаться, пьютъ тамъ многіе. Да и трудно не запить. Кругомъ нечистота, грязь, уныніе. Кругомъ блѣдныя, испитыя лица. Бѣдность тяжелая, неприглядная охватила кольцомъ, и трудно вырваться изъ ея когтей. А впереди на этомъ отвратительномъ фонѣ рисуются мрачныя картины...

— Запьешь!—говаривалъ мой старинный пріятель.— Запьешь!..

«Ляпинка»—это собраніе бѣдняковъ среди бѣднѣйшей обстановки, гдѣ нельзя забыть, что ты бѣднякъ. И потому она имѣетъ способность *затягивать*...

— Перебираемся! — говорилъ мнѣ одинъ товарищъ, встрѣтившись на порогѣ ляпинской столовой и указывая на третій этажъ.—Осталось 5 руб. въ карманѣ. Довольно имъ по свѣту рыскать вмѣстѣ съ хозяиномъ. Въ семъ мѣстѣ будемъ ждать, когда судьбѣ будетъ угодно улыбнуться намъ. А пока въ перспективѣ ни чорта, съ позволенія сказать...

— Часто ты живалъ въ Ляпинкѣ?

— За 4 года приходилось-таки пожить. Мѣсяца по $1^1/_2$ живалъ.

— Много ли тутъ постоянныхъ жильцовъ?

— Ну, нѣтъ, не особенно! Ихъ сейчасъ можно узнать. Да вотъ полчаса тому назадъ вхожу въ свой будущій номеръ и вижу: сидитъ на кровати субъектъ, воротъ разстегнутъ, рубаха нижняя разорвана, грудь волосатая видна. Тужурка на немъ студенческая, но совершенно безъ пуговицъ. Видъ угрюмый, озлобленный, голова косматая, лицо испитое...

— Что же онъ, пьянъ?

— Какой пьянъ! Просто обстоятельства одолѣли. Не везетъ. Найти занятія никакъ не можетъ. Да и мыслимое ли дѣло найти занятія въ такой тужуркѣ и съ такимъ видомъ. Ну, и опускается полегонечку. Изъ университета исключили за невзносъ платы. Положеніе, хоть куда. Трудно, братъ, выбраться, когда въ карманѣ ломаный грошъ, а на плечахъ тужурка безъ пуговицъ. Не успѣлъ найти занятій, когда платье было сноснѣе. Ну, а теперь—прощай! А ты знаешь, вообще, вѣдь намъ, ляпинцамъ, нельзя говорить, гдѣ мы живемъ, иначе никакого урока намъ не дадутъ. Но все-таки одно скажу: не унывай!—это главное. Вотъ я не унываю. Есть у меня 5 рублей въ карманѣ — значитъ, обѣдать могу въ кухмистерской и чай пить. Авось занятія подвернутся какія-нибудь. А тотъ, который на кровати сидитъ,—вѣдь у него на обѣдъ 15 к. не всегда есть, а чай уже два мѣсяца не пьетъ. Поневолѣ озлобишься и отупѣешь.

— Что жъ онъ пьетъ?

— На что пить? Безъ копейки въ карманѣ не особенно напьешься. Разумѣется, если пригласятъ,—выпьетъ.

— Что жъ дальше будетъ?

— Дальше? Отправятъ по этапу на мѣсто жительства. А такъ какъ такового не имѣется, то предоставятъ гулять по Россійской Имперіи въ качествѣ свободнаго гражданина.

Лепешкинское общежитіе.

Говоря о Ляпинскомъ общежитіи, для контраста слѣдуетъ упомянуть о другомъ частномъ общежитіи студентовъ—имени Лепешкина. Его благоустройство контрастируетъ съ абсолютнымъ неустройствомъ «Ляпинки». Господинъ Ляпинъ выстроилъ домъ, раздѣлилъ его на клѣтушки, назвалъ эти клѣтушки дешевыми квартирами и... почилъ отъ дѣлъ своихъ. Онъ предоставилъ свое дѣтище на волю судебъ. И вотъ уже 20 лѣтъ стоитъ бѣдная «Ляпинка», брошенная на произволъ стихій и «человѣковъ». Читатель знаетъ, какого процвѣтанія достигла она за это время. Совершенно не такъ поступилъ г. Лепешкинъ. Онъ создалъ, устроилъ и *поддерживаетъ до сихъ поръ* свое учрежденіе.

Каково же это учрежденіе? Вы подходите къ трехъэтажному, очень приличному на видъ, дому въ Филиповскомъ переулкѣ (на Арбатѣ) и нажимаете пуговку электрическаго звонка. Швейцаръ распахиваетъ передъ вами парадную дверь Лепешкинскаго общежитія. По барской лѣстницѣ вы подниметесь на площадку перваго этажа. Налѣво будетъ дверь къ завѣдующему общежитіемъ, направо въ библіотеку и столовую...

Все общежитіе состоитъ изъ трехъ этажей и 6-ти отдѣльныхъ квартиръ (по 2 въ каждомъ этажѣ). Въ квартирахъ 2-го и 3-го этажей помѣщаются номера для студентовъ. Всего 24 номера при 42 вакансіяхъ. Въ 2 комнатахъ живетъ по 3 человѣка, въ 14—по 2, а въ остальныхъ 8— по одному. Одиночные номера предназначаются для студентовъ старшаго курса. Въ противоположность «Ляпинкѣ» здѣсь не только никогда не бываетъ свободныхъ мѣстъ, но всегда есть масса кандидатовъ, чающихъ движенія воды. Поэтому попасть въ жильцы Лепешкинскаго общежитія очень трудно.

Теперь войдемте въ библіотеку общежитія. Тутъ мы, навѣрное, встрѣтимъ кого-нибудь изъ студентовъ, и онъ

съ удовольствіемъ покажетъ намъ свое жилище. Именно, съ удовольствіемъ. Въ противоположность «ляпинцамъ», которые неохотно говорятъ, еще неохотнѣе показываютъ и, вообще, относятся съ большимъ недовѣріемъ къ посѣтителямъ. У «лепешкинцевъ» совершенно другое настроеніе. Имъ не стыдно за свое жилище. Они чувствуютъ подъ собой почву. Бѣдность не угнетаетъ ихъ и не давитъ ихъ ужасъ обстановки. Тонъ студентовъ лепешкинскаго общежитія жизнерадостный и довольный, какъ сама ихъ жизнь, избавленная отъ мелочей. А вѣдь мелочи играютъ такую скверную роль въ жизни нашего студенчества!

Но объ этомъ еще будетъ рѣчь... Теперь осмотримъ библіотеку: полукруглая, свѣтлая комната. По стѣнамъ— шкафы съ книгами. Посрединѣ—большой столъ, заваленный множествомъ газетъ—столичныхъ и провинціальныхъ. На противоположной стѣнѣ витрина, гдѣ хранятся новые нумера журналовъ (выписываются почти всѣ русскія періодическія изданія). Колоритъ комнаты бѣлый, чуждый грязно-зеленому тону нашихъ библіотекъ. Нѣтъ специфически-тяжелой атмосферы, свойственной библіотекамъ. Десятокъ тысячъ томовъ составляетъ богатство здѣшняго книгохранилища. Нѣкоторые научные отдѣлы каталога не оставляютъ желать ничего лучшаго. Таковъ, напримѣръ, юридическій отдѣлъ. По согласію всѣхъ членовъ общежитія, отдѣлы библіотеки ежегодно пополняются новыми сочиненіями. Для этого отпускается извѣстная сумма денегъ. Завѣдуетъ библіотекой студентъ.

Библіотека длиннымъ коридоромъ соединяется со столовой, которая служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и заломъ общежитія. Въ коридорѣ виситъ трапеція для гимнастическихъ упражненій студентовъ. Столовая-залъ представляетъ изъ себя обширную комнату съ очень высокимъ потолкомъ. Здѣсь стоятъ 2 рояля для желающихъ заниматься музыкой. По воскресеньямъ устраиваются танцовальные вечера. Приглашенныхъ бываетъ человѣкъ до 200. И хотя угощеніемъ для публики служитъ только ведро холодной воды, веселье отъ этого нисколько не страдаетъ. Вечера Лепешкинскаго общежитія пользуются успѣхомъ.

Шумъ этихъ вечеровъ забавляетъ исключительно лицъ, присутствующихъ въ залѣ и отчасти въ библіотекѣ. Желающіе заниматься могутъ уйти въ свою комнату. Тамъ они гарантированы отъ всякихъ мѣшающихъ элементовъ. Ни звуки рояля, ни шумъ дружеской бесѣды не достигнетъ ихъ слуха: таково устройство общежитія.

Поднимемся во второй этажъ общежитія. Лампа, красиво установленная на колонкѣ лѣстницы, освѣщаетъ намъ путь. Зайдемъ въ одну изъ квартиръ бельэтажа. Отворивъ дверь, мы очутимся въ коридорѣ, гдѣ справа и слѣва расположены номера.

Въ каждой комнатѣ общежитія паркетные полы, чистенькія гардины на окнахъ, платяной шкафъ, этажерка для книгъ, столъ и стулья. На стѣнахъ различныя картины, украшающія комнату. Въ углу стоитъ кровать. Постельное бѣлье на ней мѣняется черезъ 2 недѣли. Полагается казенное одѣяло. Все это не блеститъ новизной, но все безусловно чисто.

Двойные номера, конечно, помѣстительнѣе одиночныхъ; сюда полагается 2 стола (для каждаго жильца по столу) и соотвѣтственно — 2 лампы. Для занятій это очень важное удобство.

Изъ коридора мы можемъ пройти въ умывальню. Здѣсь нѣсколько крановъ и общій резервуаръ подъ ними. На стѣнѣ висятъ полотенца. На особыхъ подставкахъ разложены мыло, зубной порошокъ, щеточки и пр.

Описаніе общежитія было бы не полно, если бы мы не прибавили, что при немъ имѣется телефонъ.

Жаль только, что всѣми этими удобствами пользуются всего 42 человѣка. Это совсѣмъ ничтожный процентъ на 4,500 московскихъ студентовъ.

Общежитіе находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лица, которое жалованья не получаетъ, довольствуясь только даровой квартирой. Хозяйствомъ завѣдуетъ экономка, на обязанности которой лежитъ и разливаніе чая утромъ и вечеромъ. Затѣмъ три швейцара (они же исполняютъ должность коридорныхъ), дворники и кухонный персоналъ—вотъ и всѣ служащіе при общежитіи.

Кормятъ въ общежитіи превосходно; обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдъ. Первое подается въ неограниченномъ количествѣ съ кускомъ варенаго мяса для каждаго обѣдающаго. По воскресеньямъ бываетъ пирогъ или пирожки. Второго полагается извѣстная порція, вполнѣ достаточная. Иногда бываетъ сладкое. Кромѣ того, утромъ и вечеромъ—чай и булка. На ужинъ—молоко. Свѣжесть провизіи безусловная.

Лепешкинское общежитіе—безплатное. Живущіе тамъ пользуются квартирой, столомъ, библіотекой и всѣми имѣющимися удобствами въ одинаковой степени.

Въ личной жизни студентъ общежитія не стѣсненъ никакими особыми правилами. Не мѣшать товарищамъ заниматься, не приглашать дамъ къ себѣ въ номеръ и избѣгать употребленія спиртныхъ напитковъ — вотъ требованія, которыя предъявляетъ общежитіе къ своимъ питомцамъ...

Лепешкинское общежитіе, дѣйствительно, находка для студентовъ.—Здѣсь не тычутъ людямъ въ глаза, что они бѣдняки. Не заставляютъ спать въ какихъ-то лошадиныхъ стойлахъ и заниматься при такой обстановкѣ, при которой занятія невозможны. Не истязаютъ самолюбія благотворимыхъ. Человѣкъ, создавшій подобное учрежденіе, дѣйствительно, филантропъ, слѣдовательно, прямая противоположность владѣтелю Ляпинскаго общежитія.

Общежитіе имени Императора Николая II *).

Сама жизнь покажетъ, могутъ ли привиться въ Россіи казенныя общежитія, есть ли у нихъ большее будущее, или все дѣло ограничится 3—4 зданіями и сравнительно небольшимъ числомъ живущихъ въ нихъ студентовъ. Но несомнѣнно, что открытое 4 года тому назадъ Общежитіе

*) Казенныхъ общежитій съ осени 1903 г. въ Москвѣ будетъ 3 (одно для медиковъ).

имени Императора Николая II не заставляетъ желать ничего лучшаго въ этомъ направленіи.

На самомъ высокомъ мѣстѣ района Большой Грузинской и Прѣсни гордо возвышается бѣлое четырехъэтажное зданіе, одиноко стоящее среди зелени окружающихъ садовъ *). Въ солнечный день съ балкона четвертаго этажа этого зданія открывается широкая панорама. Городъ исчезъ, утонулъ въ зелени, изъ которой выглядываютъ золотыя главы церквей, возвышаются оригинальныя башни и причудливой архитектуры высокіе дома. Внизу—Зоологическій садъ и вода пруда съ отраженнымъ въ ней солнцемъ. Налѣво огромный садъ пріюта, расположенный на горѣ и тоже прудъ, окруженный старыми деревьями. Вдали—Воробьевы горы и лѣсъ. Немного ближе красныя башенки и стѣны Новодѣвичьяго монастыря. И всюду зелень, зелень... Шумъ города доносится сюда, какъ шумъ далекаго моря. Онъ не нарушаетъ спокойствія, разлитаго кругомъ...

... Мы въѣзжаемъ въ ворота. Ѣдемъ между желѣзными рѣшетками двухъ палисадниковъ. Справа и слѣва кусты сирени. Огромное бѣлое крыльцо выступомъ съ балкономъ наверху. Массивныя наружныя двери. Другія стеклянныя двери; черезъ нихъ мы входимъ въ вестибюль; по стѣнамъ его разставлены диваны; справа—телефонная будка; налѣво—вѣшалка и витринка для писемъ. Три швейцара къ услугамъ студентовъ и посѣтителей.

Въ простѣнкахъ вдѣланы зеркала и по бокамъ ихъ дощечки съ обозначеніемъ номеровъ и фамилій студентовъ. По дощечкамъ мы узнаемъ, что въ общежитіи 101 номеръ. Въ трехъ номерахъ живетъ по 3 человѣка, въ 43 по 2 и въ 55 по 1. Всего 150 человѣкъ. Въ простѣнкахъ верхней части вестибюля висятъ двѣ мраморныя доски. На лѣвой золотыми буквами выгравировано:

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ о предположеніи Его Высочества Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора устроить въ Москвѣ при участіи казны и частныхъ благотворителей общежитія для студентовъ Высочайше соизволилъ повелѣть отпустить изъ Государственнаго казначейства въ видѣ почина на устройство сихъ общежитій 300,000 р.».

*) Теперь рядомъ выстроено новое Общежитіе.

На другой мраморной доскѣ выгравированы имена жертвователей. Всего 16 человѣкъ. Пожертвовано ими 132,200 руб. (изъ нихъ проф. Новацкій пожертвовалъ—50,000 и гофм. Нечаевъ-Мальцевъ — 20,000). Изъ этихъ денегъ 62,000 руб. пошли на покупку земли, 215,000 стоила постройка зданія и 25,000 руб. обстановка. Пожертвованія частныхъ лицъ составили неприкосновенный капиталъ, предназначенный на постройку новыхъ общежитій. Дѣла общежитія вѣдаетъ попечительный совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа изъ членовъ правленія университета въ полномъ составѣ, нѣкоторыхъ профессоровъ, жертвователей и завѣдующаго общежитіемъ. При совѣтѣ нѣсколько комиссій, предсѣдателями которыхъ состоятъ профессора университета.

Внутреннимъ распорядкомъ жизни въ общежитіи завѣдуетъ приватъ-доцентъ московскаго университета.

Осмотримъ общежитіе. Зданіе выстроено въ видѣ буквы Г; вдоль каждаго этажа тянутся широкіе, словно улицы, коридиры, заканчивающіеся громадными окнами; по обѣимъ сторонамъ коридоровъ расположены номера, отдѣленные другъ отъ друга капитальными стѣнами. Въ номерахъ — масса свѣта и воздуха, высокіе потолки, идеальнѣйшая чистота. Все блещетъ новизной и солидностью: массивныя, дубовыя двери съ никкелевыми ручками, мебель прочная, какъ желѣзо, и вмѣстѣ съ тѣмъ изящная.

Зайдемте въ столовую. Это длинная комната шириной въ 12 арш. Рядъ колоннъ дѣлитъ ее на двѣ неравныя части. 8 оконъ освѣщаютъ ее. Между колоннами и стѣной разставлены столы, покрытые клеенчатыми скатертями. Вѣнскіе стулья разставлены вдоль столовъ. Съ потолка свѣшиваются 6 бронзовыхъ лампъ. На стѣнѣ висятъ рѣзные, деревянные часы съ маятникомъ. Въ глубинѣ ком-

наты—огромный дубовый буфетъ. Противъ него эстрада, гдѣ стоитъ концертный рояль. Полы метлахскіе.

Рядомъ со столовой буфетная. Изъ нея можно пройти внизъ—на кухню и въ помѣщеніе для служащихъ (цѣлый подвальный этажъ). Но мы поднимемся вверхъ—въ бельэтажъ, гдѣ помѣщается библіотека. Громадное тройное окно и шесть другихъ проливаютъ въ эту комнату массу свѣта... Посрединѣ 2 стола, обитые краснымъ сукномъ. На нихъ газеты и журналы. 4 колонны въ іоническомъ стилѣ поддерживаютъ своды потолка. По стѣнкамъ разставлены шкафы. Въ одномъ изъ угловъ изящная конторка для библіотекарей. Этихъ библіотекарей 7 человѣкъ (студентовъ). Библіотека составлена изъ нѣсколькихъ источниковъ. Во-первыхъ, изъ пожертвованной библіотеки покойнаго засл. проф. Легонина, очень цѣнной юридической библіотеки С. А. Муромцева и изъ книгъ, пожертвованныхъ академіей наукъ и многими профессорами. Затѣмъ, пополняется она тѣми сочиненіями, которыя желаютъ выписать студенты. Для этого они собираются по факультетамъ и обсуждаютъ необходимость пріобрѣсти ту или иную книгу. Ихъ мнѣнія утверждаются завѣдующимъ библіотекой, профессоромъ и затѣмъ попечительный совѣтъ отпускаетъ деньги на покупку требуемыхъ книгъ (на это уже затрачено 2,000 руб.). Число томовъ библіотеки 5,000. Редакціи почти всѣхъ московскихъ газетъ и журналовъ, очень многихъ петербургскихъ и нѣкоторыхъ иногородныхъ присылаютъ свои изданія безплатно.

Изъ библіотеки мы пройдемъ въ пріемную (въ томъ же этажѣ), а по дорогѣ зайдемъ въ одинъ изъ номеровъ. Общій колоритъ дома отражается и въ комнатахъ его жильцовъ. Чистота и порядокъ невольно поражаютъ каждаго посѣтителя, знакомаго съ обычнымъ безпорядкомъ студенческихъ комнатъ. Номеръ имѣетъ въ длину 8 арш., въ ширину—5 арш. Полы паркетные. Высота 5 арш. Огромное почти во всю длину стѣны окно. Спускающаяся занавѣска. Стѣны выкрашены зеленовато-бѣлой краской съ сѣрымъ карнизомъ. Дубовый письменный столъ. Нѣсколько стульевъ съ очень

удобной спинкой. Тумбочка. Платяной шкафъ съ отдѣленіями для вещей. Въ дверяхъ шкафа вдѣлано зеркало. Прочная кровать съ тюфякомъ; при ней одѣяло, подушка и постельное бѣлье. Полки для книгъ... И, замѣтьте, вся мебель исключительно дубовая. Здѣсь нѣтъ ничего лишняго, но все удобно и блещетъ новизной. Въ каждый номеръ полагается большая лампа. Отопленіе производится паромъ... Для измѣренія температуры въ каждомъ номерѣ градусникъ. Для услугъ студентовъ на каждый коридоръ полагается по два служащихъ...

Пріемная—большая комната, съ деревянной изящной мебелью: кресла, стулья, диваны, столы... Бронзовая люстра. На стѣнѣ виситъ портретъ Государя Императора и портретъ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Изъ этой комнаты дверь на балконъ.

При общежитіи имѣется аптека съ наборомъ хирургическихъ инструментовъ. Завѣдуетъ ею докторъ, помощниками при немъ состоятъ 4 студента-медики старшаго курса—жильцы общежитія.

Студенты общежитія пользуются извѣстной долей самоуправленія. Кромѣ библіотечной комиссіи, есть еще хозяйственная, которая завѣдуетъ столомъ (слѣдитъ за пріемкой провизіи, назначаетъ меню). Столъ, по отзывамъ всѣхъ студентовъ, превосходенъ. Не говоря объ идеальной свѣжести провизіи, приготовленъ обѣдъ всегда такъ, какъ могутъ приготовить только въ хорошемъ ресторанѣ. Къ обѣду подается квасъ (въ неограниченномъ количествѣ). Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ. Вотъ, наугадъ, два обѣда изъ недѣльнаго меню: 1) Борщъ съ ватрушками, ростбифъ съ картофелемъ, пудингъ, 2) Супъ съ фрикадельками, boeuf à la Stroganoff, ванильный кремъ. По праздникамъ подается пирогъ. Недѣльное меню вывѣшивается къ общему свѣдѣнію. Нечего и говорить, что студенты всегда бываютъ сыты. Утромъ отъ 8 — 10 час. и вечеромъ отъ $6^1/_2$—$8^1/_2$ чай съ молокомъ или лимономъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Порцій никакихъ нѣтъ. Можно пить чай и ѣсть хлѣбъ

сколько угодно и даже угощать гостей. При буфетѣ для услугъ студентовъ находятся безотлучно три буфетчика.

Толки среди студенчества, предшествовавшіе открытію общежитія, были не въ пользу его. Указывали, во-первыхъ, что плата не по плечу среднему студенту (300 р. за 9 мѣсяцевъ). Кромѣ того, эта плата должна вноситься впередъ за цѣлое полугодіе. Затѣмъ говорили о стѣсненіяхъ, которыя будто бы готовились для студентовъ въ общежитіи. Все это оказалось, однако, выдумкой. Никакихъ стѣснительныхъ порядковъ въ общежитіи нѣтъ. Никто не касается внѣшней, а тѣмъ болѣе внутренней жизни жильцовъ общежитія. Жизнь регламентирована только постольку, поскольку требуетъ общее удобство. Обѣдъ подается въ 3 очереди, чай отъ 8—10, дамъ нельзя принимать въ номерѣ, а въ пріемной—вотъ и всѣ правила. Домой возвращаться можно въ какомъ угодно часу. Что касается платы, то она понижена: за одиночный номеръ (съ полнымъ содержаніемъ) взимается 130 руб. въ полугодіе, со студентовъ же, поселяющихся въ двойномъ, берется $112^1/_2$ рублей.

Кромѣ того, 40 человѣкъ пользуются удешевленными квартирами (удешевленіе производится на проценты съ капитала жертвователей); одни изъ нихъ платятъ по 80 р., другіе по 65 руб. и двое всего по 45 руб. въ полугодіе. 22 квартиры совершенно безплатныя. Своекоштныхъ, значитъ, 88 человѣкъ. Стремленіе попечительнаго совѣта направлены къ тому, чтобы сдѣлать по возможности всѣ квартиры удешевленными. Мѣсячная плата на удешевленной квартирѣ (20—16 руб. на полномъ содержаніи) гораздо ниже, чѣмъ средній бюджетъ студента, живущаго не въ общежитіи. А удобства даже и сравнивать нельзя!

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать это новое начинаніе въ дѣлѣ физическаго оздоровленія студенчества. Нужда тяжко мѣшаетъ современному студенту работать. Душитъ его обстановка, въ которой приходится заниматься. Общежитіе это устраняетъ. И одиночество, которое тяжелымъ гнетомъ ложится на душу молодыхъ студентовъ и подчасъ

заставляетъ ихъ бѣжать изъ дому, часто ходить по трактирамъ и пивнымъ—здѣсь уже не играетъ никакой роли. Я могу быть одинокимъ, запершись у себя въ комнатѣ, и могу всегда найти общество, если пожелаю: стоитъ мнѣ отправиться въ столовую, библіотеку или просто въ номеръ къ товарищамъ. Кто знаетъ тоску одиночества, тотъ пойметъ великое благо, которое приноситъ общежитіе для студентовъ.

Нужно отдать справедливостъ,—профессора университета и завѣдующій общежитіемъ всячески стараются отвѣтить на умственные запросы студентовъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыхъ развлеченій. Одинъ профессоръ ведетъ практическія занятія со студентами-юристами. Но эти занятія такъ интересны, что въ нихъ принимаютъ участіе и студенты другихъ факультетовъ. Другой профессоръ 2 раза въ недѣлю даетъ для желающихъ уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ. Иногда студенты читаютъ рефераты. Иногда въ общежитіи устраиваются музыкальные вечера и послѣ нихъ танцы. Въ общежитіи нѣсколько шахматныхъ досокъ. Шахматная игра тамъ очень развита. Имѣется, наконецъ, гимнастическій залъ. Нѣкоторые театры предоставили студентамъ общежитія извѣстное количество безплатныхъ мѣстъ. Директоръ Зоологическаго сада выдалъ всѣмъ студентамъ безплатные годовые билеты. Въ общежитіи живутъ и круглые бѣдняки, и состоятельные люди. Но общій тонъ здѣсь таковъ, что трудно подмѣтить разницу между первыми и послѣдними. Общія права и одинаковыя условія жизни сглаживаютъ разницу между богатымъ и бѣднымъ. Всѣ сыты и всѣ довольны. Нѣтъ здѣсь и поводовъ къ озлобленію противъ общества, да и не можетъ быть. Только тамъ, въ темныхъ подвалахъ, сырыхъ и смрадныхъ, гдѣ люди въ одиночествѣ изнываютъ отъ тоски, отъ ужаса обстановки, болѣютъ отъ голода и дурной пищи—только тамъ ютится темная сила общественныхъ золъ. Только тамъ бѣдные молодые люди становятся противниками общества. Вѣдь они слетѣлись къ свѣту, къ великому свѣту... А ихъ заперли въ мракъ подваловъ!..

Борьба за существованіе.

Самое трудное въ жизни недостаточнаго студента это—необходимость совмѣщать научныя занятія съ работой для добыванія средствъ къ жизни. Трудно найти заработокъ, который, отнимая небольшое количество времени, достаточно бы обезпечивалъ въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому часто приходится забывать о главной цѣли — наукѣ—и всѣ свои силы и нервы отдавать возможности жить въ Москвѣ. Въ этомъ трагедія жизни бѣднаго студента въ большомъ городѣ. Какъ много студентовъ не кончаютъ курса потому, что «увлеклись» заботами о завтрашнемъ днѣ! Еще больше такихъ, которые только выдерживаютъ экзамены, готовясь къ нимъ урывками и по вечерамъ, а самъ университетъ, его лекціи, семинаріи принесены въ жертву идолу повседневной жизни.

Я зналъ одного студента, который буквально сгорѣлъ, страдая желаніемъ учиться и принужденный въ то же время заботиться о хлѣбѣ насущномъ. Это былъ тщедушный, небольшого роста двадцатидвухлѣтній юноша съ болѣзненно-румянымъ лицомъ, хромой на одну ногу. Онъ занимался статистикой въ земской управѣ, получая 30 руб. въ мѣсяцъ. Каждый день въ десятомъ часу утра,—время, когда начинаются лекціи,—онъ отправлялся въ управу и пять часовъ, не сходя съ мѣста, считалъ и подсчитывалъ невѣдомыя и неинтересныя цифры. Онъ мечталъ въ это время объ интересныхъ лекціяхъ, о химической лабораторіи. Изъ управы онъ шелъ обѣдать и возвращался домой около пяти часовъ вечера. Разбитый нравственно и уставшій, взбиралсл бѣдняга на четвертый этажъ, въ квартиру, гдѣ жилъ, и долго-долго не могъ отдышаться. Но терять время было некогда — зажигалась лампа и раскрывались лекціи. Вечеръ посвящался наукѣ. И все время онъ какъ-то странно хрипѣлъ и кашлялъ, надрывая душу сожителю. Такъ миновали зима и лѣто, которое, чтобы не потерять мѣсто, пришлось провести въ Москвѣ — въ управѣ. На исходѣ другой зимы онъ поѣхалъ въ отпускъ домой на Пасху. И дома уже заболѣлъ... Я навѣстилъ его. Онъ лежалъ въ постели, почти не шевелясь, но сейчасъ же заговорилъ о томъ, какъ хорошо здѣсь — на Волгѣ, какъ хочется ему жить и какъ удивительно интересны естественныя науки... А въ сосѣдней комнатѣ въ это время тихо плакала его мать: докторъ нашелъ у ея сына водянку, къ которой онъ былъ предрасположенъ и которая развилась въ страшной степени отъ чрезмѣрнаго напряженія нравственныхъ и физическихъ силъ... Къ концу недѣли, когда кончался срокъ отпуска, бѣднягу снесли на кладбище...

Казалось бы, что студенту не слѣдуетъ браться за трудъ, который мѣшаетъ его университетской жизни, несовмѣстимъ съ ней. Но вѣдь не корысть причина этому, а нужда. Если студентъ занимаетъ какія-нибудь сверхштатныя мѣста въ различныхъ учрежденіяхъ, — мѣста, оплачиваемыя сплошь и рядомъ хуже, чѣмъ многіе уроки, — то только потому, что предложеніе студенческаго труда очень велико сравнительно со спросомъ на этотъ трудъ. Некогда разсуждать, удобенъ или неудобенъ данный заработокъ, приходится брать его, чтобы не остаться вовсе за флагомъ. Обычный заработокъ—уроки—не можетъ достаться всѣмъ желающимъ. Вотъ почему сфера приложенія студенческаго труда чрезвычайно разнообразна. И хотя мы еще до Америки не дошли,—обыкновенный физическій трудъ не принятъ среди студентовъ, — но уже «интеллигентность» ихъ труда нужно понимать въ очень широкомъ смыслѣ. Подсчетъ избирательныхъ шаровъ въ какомъ-нибудь кредитномъ обществѣ: чѣмъ особеннымъ

это «интеллигентное» занятіе отличается отъ занятія простого рабочаго? То же самое можно сказать и о лидерахъ, т. е. ѣздящихъ лѣтомъ на рекламныхъ велосипедахъ отъ какой-нибудь велосипедной фабрики, или о позированіи одного студента въ качествѣ натурщика у художника (получалъ онъ за двухчасовой сеансъ 1 рубль). Вообще, характеръ заработка студентовъ рѣдко соотвѣтствуетъ ихъ призванію. Многіе, напримѣръ, служатъ пѣвчими въ различныхъ церквахъ, другіе играютъ въ оркестрѣ. Играютъ даже въ оркестрѣ увеселительнаго заведенія г. Омона. Въ лѣтнее время нѣкоторыя желѣзныя дороги приглашаютъ студентовъ на службу въ качествѣ дачныхъ контролеровъ съ жалованьемъ рублей по 40 въ мѣсяцъ. Лѣтомъ, кромѣ того, многіе студенты служатъ разъѣздными земскими статистиками, получая небольшое вознагражденіе—рублей 30 въ мѣсяцъ. Столько же получаютъ зимой немногіе счастливцы (кандидатовъ бываетъ масса), занимаясь статистикой въ земской управѣ. Дума—еще болѣе привилегированное учрежденіе въ этомъ смыслѣ: тамъ зарабатываютъ до 50-ти рублей въ мѣсяцъ. Но попадаютъ туда уже по «чрезвычайной» протекціи. Самымъ соблазнительнымъ и, по правдѣ сказать, наименѣе соотвѣтствующимъ достоинству студента занятіемъ является служба контролеромъ тотализатора на бѣгахъ и скачкахъ. По величинѣ жалованья это, дѣйствительно, очень выгодное мѣсто (за день на бѣгахъ—8 рублей, на скачкахъ—4 руб.): говорятъ, что за лѣто можно выработать здѣсь рублей 500 и болѣе. Въ тотализаторскомъ трудѣ очень утомляетъ напряженность и продолжительность его (8—9 часовъ въ день), да и нравственное состояніе не особенно завидно: приходится дрожать за каждое упущеніе. Благодаря огромной конкуренціи на эти мѣста, тотализаторъ со служащими-студентами не церемонится.

Трудно перечислить всѣ виды студенческаго заработка: при редакціяхъ газетъ, секретарями при различныхъ конторахъ, у присяжныхъ повѣренныхъ, статистами въ театрахъ,—на всѣхъ этихъ поприщахъ приходится фигурировать студентамъ.

Характернѣйшей чертой студенческаго заработка является его случайность и непостоянство. И, какъ во всякомъ случайномъ трудѣ, его оцѣнка не зависитъ ни отъ количества, ни отъ качества затраченнаго труда. Никакихъ критеріевъ для этой оцѣнки нѣтъ; есть только воля лица, предлагающаго заработокъ. И потому выгодность его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—капризъ судьбы, счастье даннаго студента. Въ общемъ же интеллигентный студенческій трудъ цѣнится дешево (напримѣръ, пять занятыхъ часовъ въ день оплачиваются 30 рублями въ мѣсяцъ). Но дешевизна не останавливаетъ студентовъ. Каждое мѣсто берется съ бою. И все-таки масса нуждающихся остаются безъ заработка,—конкуренція слишкомъ велика!

Исканіе заработка бываетъ подчасъ горше и тяжелѣе, чѣмъ самый трудъ, и умѣніе добывать его составляетъ чуть ли ни науку. Требуется практическая сметка, опытность, необходимы, кромѣ того, знакомство и связи. Все это, конечно, ничего общаго съ задачами университета не имѣетъ. И потому тѣ, которые *искусились* въ отысканіи заработка, обыкновенно, не далеко ушли въ наукѣ. А многіе изъ тѣхъ, которые остаются въ теченіе университетскаго курса вѣрными рыцарями almae matris, въ концѣ концовъ обезсиливаютъ и выходятъ въ жизнь больными и надорванными... Часто на неблагодарной почвѣ борьбы студента за существованіе вырастаетъ самый ядовитый современный цвѣтокъ—желаніе во что бы то ни стало пробить себѣ дорогу. Чистый адептъ науки постепенно превращается въ карьериста и перестаетъ быть студентомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Есть и другія несообразности въ настоящемъ положеніи вопроса о студенческомъ заработкѣ. Благодаря отсутствію посредниковъ между предложеніемъ труда и студентами,—на газетныя публикаціи и студенческое бюро, какъ увидимъ ниже, плохая надежда,—знакомства и связи пріобрѣтаютъ исключительное значеніе. Въ результатѣ—лучшія мѣста всегда заняты людьми болѣе обезпеченными. И это вполнѣ понятно, — послѣднимъ легче завести знакомство:

они одѣваются лучше (что ни говори, а вѣдь «по платью встрѣчаютъ»), у нихъ больше апломба, столь необходимаго въ данномъ случаѣ. А безпомощнѣе всѣхъ—нуждающійся болѣе другихъ. Вотъ почему такъ трудно выбраться изъ тисковъ ненавистной «Ляпинки» *). Бѣднякамъ рѣдко приходится даже пользоваться услугами опытныхъ студентовъ, которые спеціализировались въ умѣніи находить работу и уроки. У этихъ послѣднихъ *свой* кругъ товарищей, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, какъ и они сами, и, конечно, «лишніе» уроки они передаютъ «своимъ». Вообще же при современномъ положеніи студенческой среды, когда всѣ идутъ вразбродъ, когда почти нѣтъ точекъ соприкосновенія, кромѣ офиціальныхъ встрѣчъ въ университетѣ,—вопросъ о студенческой взаимопомощи стоитъ на точкѣ замерзанія. Въ критическое положеніе попадаютъ первокурсники, только что явившіеся изъ провинціи: имъ уже вовсе приходится ждать у моря погоды,—развѣ какой-нибудь захудалый урокъ, передаваясь изъ рукъ въ руки, нечаянно достанется тому, кто не чаялъ, не гадалъ. Старые студенты, какъ болѣе опытные, все-таки могутъ еще на что-нибудь надѣяться. Но съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе увеличенія конкуренціи, получить заработокъ становится все труднѣе. Давно уже прошли тѣ счастливыя времена, когда какой-нибудь приличный господинъ останавливалъ проходящаго студента съ просьбой указать ему репетитора для сына. «Вѣчные» студенты еще помнятъ объ этихъ, теперь даже непонятныхъ случаяхъ. Въ настоящее время нуждающіеся студенты переживаютъ репетиторскій кризисъ,—съ «ослабленіемъ» классическихъ языковъ въ гимназіяхъ «урокъ» лишился своего главнаго оплота. Латынь и греческій являлись пугаломъ для родителей и заставляли ихъ приглашать студента, если даже Миша и Гриша преуспѣвали въ этихъ «наукахъ», — на всякій случай, а ну какъ вдругъ... Кромѣ того, мертвые языки были китай-

*) Студенческое Ляпинское общежитіе въ Москвѣ,—олицетвореніе студенческой бѣдноты.

скою грамотой для маманекъ, тетенекъ, сестрицъ,—грамотой, въ которой могли разобраться только гимназическіе чехи, да студенты; а теперь съ исторіей, ариѳметикой или русскимъ можно отлично справиться домашними средствами. Разумѣется, репетиторскій трудъ никогда не потеряетъ своего значенія, какъ главная статья студенческаго заработка:—всякаго рода подготовка или малоуспѣшность гимназистовъ — обстоятельства вѣчныя и неизмѣнныя,—мы говоримъ только о современномъ кризисѣ и видимомъ сокращеніи этого труда.

Между студентами, предлагающими свой трудъ, и людьми, нуждающимися въ немъ, есть два посредника, къ содѣйствію которыхъ могутъ прибѣгать всѣ студенты безъ исключенія. Это, во-первыхъ, газетныя публикаціи, во-вторыхъ, «бюро для пріисканія студентамъ занятій при Обществѣ для пособія недостаточнымъ студентамъ». Публикуются обыкновенно желающіе давать урокъ. Всѣ газеты дѣлаютъ студентамъ скидку съ цѣны объявленій на 4-й страницѣ *) и помѣщаютъ ихъ публикаціи во главѣ другихъ. Но публикуются не во всѣхъ газетахъ, а въ тѣхъ, гдѣ принято. Успѣшны ли подобныя публикаціи? Это зависитъ, во-первыхъ, отъ времени, когда публикуются, отъ умѣнія составить публикацію и, наконецъ, просто отъ счастливой случайности. Что касается времени, то самая обильная жатва уроковъ бываетъ въ концѣ октября послѣ 1-й четверти, когда папенькины и маменькины сынки обзаведутся двойками въ четвертяхъ, затѣмъ послѣ Рождества, когда родителей начинаетъ тревожить забота о страшныхъ экзаменахъ. Но студенческая нужда, конечно, не ждетъ этихъ удобныхъ моментовъ. Обыкновенно масса публикацій появляется въ началѣ сезона, когда съѣзжаются новички и провинціальные студенты и чувствуется особенно острая нужда въ заработкѣ. Понятно, что большинство въ этомъ случаѣ напрасно затрачиваетъ «капиталъ»:

*) Обыкновенно скидку въ 50%, вмѣсто 15 коп. 7½ коп. за строку за среднюю публикацію, значитъ, въ четыре строки—30 коп.

предложенія чрезвычайно рѣдки. Вообще публиковаться—вещь рискованная. Тутъ много значитъ умѣніе публиковаться. Прежде всего на успѣшность публикаціи вліяетъ адресъ предлагающаго свои услуги. Предпочитается студентъ, который живетъ въ лучшихъ кварталахъ города, а такіе кварталы, какъ Бронныя или «Живодерка» съ Грузинами игнорируются. Особенно ненавистны Гирши. Студенты это прекрасно знаютъ и потому многіе, живущіе въ невыгодныхъ кварталахъ, публикуются на имя товарища, снимающаго квартиру гдѣ-нибудь въ Петровскихъ линіяхъ. А жильцы Ляпинскаго общежитія поголовно избѣгаютъ заявлять о своемъ мѣстожительствѣ. Умѣло составленная публикація имѣетъ очень важное значеніе. Интересно поэтому привести нѣсколько образцовъ студенческихъ публикацій. «Студентъ ищетъ урока. Б. Козихинскій пер., д. Х.» — это публикуется неопытный и наивный первокурсникъ. Можно навѣрное сказать, что подобное предложеніе останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. «Студентъ, опытный репетиторъ, ищетъ урока»,—такъ публикуется старый универсантъ, не желающій злоупотреблять рекламой. «Студентъ съ 10-тилѣтней практикой, опытный репетиторъ, спеціальность—древніе языки и математика, успѣшно исправляетъ безграмотныхъ»,—это слогъ бойкаго рекламиста. «Студентъ ищетъ урока, согласенъ на всѣ условія, разстояніемъ не стѣсняется»,—публикуется отчаявшійся во всѣхъ публикаціяхъ коллега. «Литературно-начитанный студентъ желаетъ быть репетиторомъ или воспитателемъ», — изощряется какой-нибудь подающій надежды юристъ. «Студентъ-филологъ, имѣющій солидныя рекомендаціи, окончившій курсъ гимназіи съ золотой медалью, предлагаетъ свои услуги въ качествѣ репетитора»,—съ апломбомъ пишетъ господинъ, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ. «За квартиру и чай ищу урока»,—заявляетъ бѣднякъ, не знающій, на какія средства придется ему жить черезъ недѣлю. И опять рекламистъ: «Съ ручательствомъ, студентъ высшаго курса готовитъ во всѣ классы средняго учебнаго заведенія». Нужно признаться, что всякія рекламы и много говорящія публикаціи имѣютъ гораздо большій успѣхъ, нежели скромныя предложенія своихъ услугъ.

Съ публикующимися студентами не церемонятся нуждающіеся въ ихъ услугахъ. Принято, напримѣръ, посылать «открытки» съ приглашеніемъ явиться для переговоровъ каждому изъ публикующихся въ данный день, а затѣмъ примѣняется нѣчто въ родѣ естественнаго подбора: кто окажется наиболѣе подходящимъ, а иногда и просто, кто раньше придетъ. Тутъ разыгрываются цѣлыя сценки. Студентъ, обрадованный, что получилъ «приглашеніе», летитъ версты за двѣ, за три — часто на другой конецъ города, звонитъ. Отпираетъ кухарка: «Вамъ кого?» — «Мнѣ прислали письмо относительно урока».—«Это лепетиторъ-то, наняли ужъ, давеча приходилъ одинъ». — «Какъ наняли, зачѣмъ же меня просили? Позовите барыню!» (такъ говорятъ наиболѣе смѣлые; большинство послѣ такого пріема предпочитаетъ удалиться). Выходитъ въ переднюю разсерженная барыня.—«Удивляюсь, милостивый государь, — говоритъ она обиженнымъ тономъ,—вѣдь вамъ сказали, что репетиторъ приглашенъ,—къ чему же вы меня еще тревожите? Какая невоспитанность!» На этомъ обыкновенно «діалогъ» прерывается, потому что барыня уходитъ изъ передней и захлопываетъ дверь. Иногда въ газетѣ промелькнетъ объявленіе, что тамъ-то требуется репетиторъ. Пройдитесь по улицѣ, названной въ публикаціи, незадолго до назначеннаго для пріема часа—вы воочію убѣдитесь, какъ жаждутъ студенты заработка. Еще издали можно узнать заповѣдный домъ. Онъ буквально осажденъ студентами. Они стоятъ у подъѣзда въ очереди—длинной вереницей и ждутъ, когда пробьетъ условленный часъ. А отовсюду — справа и слѣва прибываютъ новыя партіи «репетиторовъ». Еще за нѣсколько улицъ можно услышать такой діалогъ между студентами:—Коллега, вы куда?—Да вотъ тутъ гдѣ-то урокъ предлагаютъ.—Э-э,—поздно! тамъ и безъ насъ достаточно, я только что оттуда—а, впрочемъ,пойдемъ-те еще, посмотримъ... И вотъ одни приходятъ, другіе уходятъ безконечнымъ, непрерывающимся потокомъ. И когда какой-

нибудь счастливецъ побьетъ рекордъ, оставшіеся за флагомъ уныло бредутъ въ разныя стороны, по дорогѣ захватывая многихъ, стремящихся еще только туда—за сказочнымъ перомъ Жаръ-птицы!

«Бюро для пріисканія студентамъ занятій» функціонируетъ уже три года. Въ идеѣ это прекрасное учрежденіе. Къ сожалѣнію, дѣятельность его не такъ плодотворна, какъ хотѣлось бы. Вотъ результаты первыхъ лѣтъ. Въ 1898 году поступило заявленій отъ студентовъ, желающихъ получить занятія,—1,248. Разными лицами, нуждающимися въ студенческомъ трудѣ, сдѣлано 256 предложеній, которыя касались разнаго рода занятій. Число студентовъ, согласившихся принять предложенія, 252. Въ 1899 году поступило отъ студентовъ заявленій 908, состоялось соглашеній съ 186 студентами (89 несостоявшихся соглашеній). Въ 1900 году: заявленій—578, предложеній—277, соглашеній—171. Въ 1901 году: заявленій—890, предложеній—352, соглашеній—201. Въ 1902 году: заявленій—642, предложеній—338, соглашеній—235.

Результаты не особенно блестящіе, если сравнить цифры обращающихся въ бюро съ числомъ получившихъ заработокъ. Если же принять во вниманіе, что многіе изъ нуждающихся старыхъ студентовъ, обезкураженные неуспѣшностью своихъ заявленій, считаютъ совершенно излишнимъ записываться въ «Бюро» (50% кліентовъ Бюро первокурсники), то намъ станетъ ясно, что «Бюро» далеко не на высотѣ своей задачи. Причина этого – незначительный спросъ на интеллигентный трудъ въ Москвѣ, а затѣмъ — малое рекламированіе бюро Что ни говорите, а бюро — дѣло коммерческое, требующее широкой огласки и достаточной рекламы. А между тѣмъ объявленія въ газетахъ отъ него почти не дѣлаются, такъ что многіе, навѣрное, не знаютъ даже о самомъ фактѣ его существованія въ Москвѣ. Небольшіе ежемѣсячные отчеты въ газетной хроникѣ проходятъ, конечно, безслѣдно. Нельзя винить въ данномъ случаѣ завѣдующихъ бюро,—учрежденія благотворительнаго, которое не имѣетъ какихъ-либо спеціальныхъ средствъ. Все,

что могутъ, завѣдующіе дѣлаютъ: разсылаютъ извѣщенія съ предложеніемъ студенческаго труда въ нѣкоторыя земскія управы, правленія желѣзныхъ дорогъ и проч. *). Многимъ, быть-можетъ, покажется страннымъ, что число предложеній труда въ бюро не соотвѣтствуетъ числу соглашеній со студентами; скажутъ, пожалуй, что студенты «привередничаютъ». Но дѣло въ томъ, что въ бюро поступаетъ масса такихъ предложеній труда, оплата котораго ни съ чѣмъ несообразна. Кто согласится взять, напримѣръ, такой урокъ: заниматься ежедневно по три часа съ двумя мальчиками и дѣвочкой за 10 руб. въ мѣсяцъ, при чемъ ходить нужно на край города? Много несостоявшихся соглашеній также благодаря требованію практическаго знанія новыхъ языковъ или отъѣзду на долгій срокъ изъ Москвы.

Студенты жалуются, что бюро сбило цѣну на уроки. Дѣло въ томъ, что за урокъ, предложенный черезъ знакомыхъ или товарищей, можно всегда получить 20—25 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ въ бюро этотъ же урокъ пройдетъ за 15 руб., разумѣется, благодаря конкуренціи. Такимъ образомъ понижается средняя плата за репетиторскій трудъ. Но зато безъ бюро «уроки» всегда будутъ привилегіей лицъ, имѣющихъ знакомыхъ или обладающихъ практическими способностями, между тѣмъ какъ бюро въ идеѣ уравниваетъ всѣхъ: каждый студентъ можетъ надѣяться на полученіе заработка **).

*) Въ 1901 году число требованій повысилось на 75. Это „повышеніе, какъ сказано въ отчетѣ, бюро склонно отнести на счетъ напечатаннаго воззванія въ газетахъ и разсылки печатныхъ объявленій". Но, разумѣется, эта реклама еще не велика.

**) Интересно привести здѣсь таблицу состоявшихся въ бюро соглашеній одного года (1901 г.):

Уроковъ въ Москвѣ. . . .	149	на	сумму	2653	р.	50 к. въ мѣсяцъ.
„ въ отъѣздъ	21	„	„	770	„	— „ „ „
Гувернерство	2	„	„	85	„	— „ „ „
Переводъ съ иностран. язык.	4	„	„	92	„	— „ за работу.
Переписки.	4	„	„	16	„	25 „ „ „
Конторскія занятія.	2	„	„	42	„	50 „ въ мѣсяцъ.

Разберемъ условія репетиторскаго труда въ Москвѣ, какъ наиважнѣйшаго оплота студенческаго заработка. Принципъ случайной оцѣнки студенческаго труда особенно рельефно сказывается на платѣ за уроки. Единственнымъ мѣриломъ здѣсь являются средства предлагающаго урокъ, его прихоть или доброта. Поэтому одни студенты живутъ въ роскошныхъ дворцахъ милліонеровъ и пользуются всѣми выгодами богатой жизни, получая, кромѣ того, хорошее вознагражденіе *), а другіе бѣгаютъ по грязнымъ переулкамъ и даютъ грошевые уроки. До какого минимума доходитъ репетиторскій гонораръ, сказать трудно. Одинъ мой товарищъ обучалъ грамотѣ какого-то взрослаго господина, «отбывшаго воинскую повинность», и получалъ за три урока въ мѣсяцъ 1 рубль. Бываютъ уроки за чай, т. е., занявшись съ ученикомъ извѣстное количество времени, студентъ получаетъ за это два стакана чаю и трехкопеечную булку. Сравнительно съ этимъ лучшій урокъ—за обѣдъ и чай, а иногда за квартиру. Средняя плата за урокъ—20 рублей. Наличность нѣкоторыхъ условій даетъ преимущество данному студенту. Таковымъ является спеціалистъ: филологъ, математикъ, теперь, навѣрное, будутъ въ боль-

---

Агентура въ конторѣ. . . .	1	на сумму	25 р.	— к. съ заказа.
Агентура по продажѣ энциклопедическаго словаря. . .	1	„ „	6 „	— „ съ прод. экз.
Уходъ за больнымъ.	4	„ „	175 „	— „ въ мѣсяцъ
Массажъ	4	„ „	145 „	— „ „ „
Веденіе подвижныхъ игръ въ Ессентукахъ	1	„ „	275 „	— „ за сезонъ.
Другія медицинскія занятія .	3	„ „	110 „	— „ въ мѣсяцъ.
Юридическія занятія	1	„ „	40 „	— „ „ „
Устройство библіотеки. . . .	1	„ „	25 „	— „ „ „
Контроль на жел. дор. . . .	2	(16 чел.)	530 „	— „ „ „
Занятія по переписи (счетчики)	1	(213 чел.)	2500 „	— „ „ „
Занятія по химіи.	1	„ „	120 „	— „ „ „
Работа по библіографіи . . .	1	„ „	100 „	— „ „ „
Всего. . . .	203	на сумму	7690 р.	25 к.

*) Впрочемъ, максимумъ вознагражденія 100 р., но это—рѣдкость отличный урокъ считается 50—75 руб.

шомъ фаворѣ естественники. «Разносторонній талантъ»—юристъ, не пользуется успѣхомъ какъ репетиторъ. Большую роль играетъ знаніе новыхъ языковъ. Немногіе студенты владѣютъ ими, въ особенности практически, а спросъ на репетиторовъ, знакомыхъ съ языками, очень великъ. Хорошо одѣтый студентъ имѣетъ преимущество передъ своимъ товарищемъ, явившимся «уговариваться» въ засаленной тужуркѣ. Иногда даже наружность можетъ сыграть извѣстную роль.

Между студентами-репетиторами и лицами, пользующимися услугами ихъ, не заключается никакихъ письменныхъ условій, что нерѣдко даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ всякаго рода со стороны работодателей. Впрочемъ, это обычная исторія свободнаго найма. Задерживаніе гонорара, а иногда и вовсе отказъ платить за трудъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вынуждали не разъ студентовъ прибѣгать къ помощи суда. Въ очень непріятное положеніе попадаютъ часто студенты, берущіе уроки «въ отъѣздъ», въ особенности на лѣтнія каникулы. Тутъ студентъ совершенно оказывается во власти своихъ патроновъ. Въ Москвѣ всегда можно въ крайнемъ случаѣ бросить «урокъ», что сдѣлать не такъ-то легко, когда тебя завезутъ куда-нибудь въ имѣніе, въ дальнюю губернію. Мнѣ пришлось наблюдать въ Тульской губерніи, какъ у одной помѣщицы смѣнились за два мѣсяца три студента. Студентовъ приглашали заниматься съ десятилѣтнимъ мальчикомъ всего по два часа въ день, сулили имъ всякія удобства.. Но въ деревнѣ ихъ ждало разочарованіе. Заниматься сразу заставляли по четыре часа въ день, потомъ «просили» немного «подзаняться» съ гимназистомъ 4-го класса, который плохъ по-латыни. Кромѣ того, хозяйка требовала, чтобы «репетиторъ» сопровождалъ ее въ поѣздкахъ по ея знакомымъ и очень обижалась, если онъ отказывался. Разные мелкіе конфликты приводили къ крупнымъ недоразумѣніямъ, помѣщица начинала придираться уже ко всему, чисто по-женски. Дѣло кончалось тѣмъ, что злополучный студентъ уѣзжалъ обратно въ Москву и среди лѣта оста-

вался безъ денегъ и безъ урока. Вообще, заманиваніе студентовъ различными прелестями деревенской жизни въ большомъ ходу. Очень легко соблазнить человѣка, истомленнаго городской сутолокой, картинами вольготной жизни въ деревнѣ. Но еще легче не исполнить обѣщаній.

Отсутствіе семьи.

Молодой человѣкъ, оторванный отъ семьи и заброшенный въ большой городъ, чувствуетъ себя страшно тяжело. Вѣдь книгой еще не исчерпывается жизнь. Человѣкъ не можетъ всецѣло отдаться работѣ, и одиночество даетъ себя чувствовать. Оно давитъ и гнететъ. И моменты порываній и тоски отзываются болѣзненно на настроеніи юноши, попавшаго въ столицу издалека. Изъ близкихъ нѣтъ ни души, нѣтъ ни одного семейства, гдѣ можно было бы развѣять тоску одиночества. Кругомъ лишь одни чужіе люди, и нѣтъ имъ никакого дѣла до юношеской тоски и одиночества. Студенческая квартира, — это военный этапъ, походная палатка, гдѣ все напоминаетъ о чемъ-то временномъ, гдѣ ни на одну секунду нельзя почувствовать себя дома. Походная корзина, которая вѣчно торчитъ предъ глазами, голыя стѣны, убогая мебель, мертвенный холодъ—все словно нарочно подчеркиваетъ одиночество и бездомность.

Есть масса студентовъ, которымъ до окончанія курса не удается завести прочныхъ связей съ однимъ, двумя интеллигентными семействами. Нѣкоторыхъ по рукамъ и ногамъ сковала бѣдность; другимъ не хватаетъ смѣлости, умѣнья знакомиться съ людьми. Да, наконецъ, много ли найдется точекъ соприкосновенья между исконнымъ московскимъ семействомъ и бѣднымъ студентомъ. Не легко дается возможность студенту быть принятымъ въ тотъ или иной семейный домъ. Если же у юноши нѣтъ «приличныхъ» манеръ или порядочнаго сюртука, тогда и совсѣмъ плохо дѣло.

Вотъ почему многіе студенты ищутъ облегченія своей тоски въ средѣ совершенно не подходящей. Приходилось ли вамъ слышать разсказы о знакомствахъ студентовъ съ женщинами Тверского бульвара? И имѣете ли вы понятіе о томъ, какой характеръ носятъ часто эти знакомства?.. Вотъ, напримѣръ, два сожителя *пригласили* бывать у нихъ одну изъ «падшихъ» женщинъ. И она приходитъ къ нимъ каждое воскресенье и разливаетъ чай. Она является чѣмъ-то въ родѣ хозяйки дома — призвана создать иллюзію домашней обстановки.

А знакомства на бульварахъ! Эти чисто юношескія наивныя попытки отыскать въ бульварной камеліи живую душу, коснуться еще не замершихъ струнъ и подѣлиться съ женщиной своимъ лирическимъ настроеніемъ. Быть-можетъ, это смѣшно, а между тѣмъ рѣдкій изъ студентовъ не хранитъ въ памяти одну или двѣ такихъ встрѣчи юности и знакомствъ, возникшихъ на почвѣ чистой идеализаціи. Но воскрешать давно уже умершее выше молодыхъ силъ, и студенты скоро отказываются искать лѣкарство отъ своей болѣзни здѣсь. Нѣкоторые, впрочемъ, остаются. Но эти уже не ищутъ. Увлеченные бульварной жизнью, не находя лучшаго, они всецѣло отдаются тому, что можетъ дать имъ эта жизнь. Подруги быстро знакомятъ своихъ возлюбленныхъ съ пивными и трактирами. Онѣ знакомятъ ихъ съ тѣмъ ощущеніемъ пьянаго забытья, когда человѣку безразлично все на свѣтѣ, когда онъ чувствуетъ высшее наслажденіе потопить всякія чувства въ пивѣ или винѣ.

Помню одну свою встрѣчу на бульварѣ съ тремя товарищами-студентами старшаго курса. Всѣ трое были замѣтно навеселѣ. Подъ руку съ однимъ изъ нихъ шла женщина, — тоже не совсѣмъ трезвая, плохо одѣтая, некрасивая, но разрумяненная и напудренная. Младшій изъ компаніи присталъ ко мнѣ, чтобъ я непремѣнно отправился съ ними въ трактиръ на Страстной площади. Онъ говорилъ, что у нихъ сегодня журфиксъ. Каждую субботу они проводятъ вечеръ въ этомъ трактирѣ. Цѣлую недѣлю

работаютъ въ университетѣ, а сегодня пьютъ... Въ трактирѣ, куда мы попали, было много студентовъ и женщинъ. На столикахъ закусокъ не было видно: всѣ исключительно пили. Виднѣлись посоловѣвшія лица, слышались бранныя слова, звучала безсвязная рѣчь. Большинство чувствовало себя подавленнымъ. Не было веселья. Вмѣсто него царствовалъ пьяный смѣхъ, безсмысленный смѣхъ человѣка, стоящаго на границѣ человѣческаго.

Это называлось субботнимъ отдыхомъ студентовъ и повторялось каждую субботу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ!..

Студенту доступно знакомство въ средѣ, его окружающей, т. е. съ квартирохозяевами и съ сосѣдями по общей квартирѣ. Но кто не знаетъ студенческихъ квартирныхъ хозяекъ?! Это особый типъ, интересный для бытописателя, но не для студенческой молодежи. Сосѣди-жильцы, въ большинствѣ случаевъ, затравленный жизнью пролетаріатъ, ушедшій съ головой въ будничные, мелочные интересы дня. Однимъ словомъ, среда, которая скорѣй затянетъ, чѣмъ дастъ какое-либо успокоеніе. Близкое же знакомство съ дамами этого круга угрожаетъ еще большей опасностью для молодого студента—опасностью быть пойманнымъ на удочку какой-нибудь ловкой особы, ищущей себѣ жениха или возлюбленнаго. Того и гляди, что нѣжная подруга втянетъ молодого человѣка въ кругъ своихъ интересовъ, не имѣя ни желанія, ни силъ подняться до него. И попадаются многіе. Рѣдко хватаетъ у кого-нибудь силы воли разорвать уже укрѣпленную временемъ связь. А слѣдствіемъ этой связи является постепенное «угашеніе духа», просыпается ненавистная апатія, равнодушіе къ идейной жизни и отсталость отъ интересовъ товарищей. Часто и университетъ оказывается брошеннымъ.

Обстановка меблированныхъ комнатъ (Chambres garnies) нисколько не лучше. Живутъ здѣсь такіе же бездомные скитальцы, какъ и сами студенты, большею частью занятые или вовсе ничего не дѣлающіе, въ родѣ женщинъ бульвара и кофейныхъ. И мало кому придетъ въ голову создавать домашній очагъ въ меблированныхъ комнатахъ. Всегда

здѣсь будетъ чувствоваться недостатокъ въ теплѣ, въ отсутствіи своего угла. Поэтому знакомства въ номерахъ какія-то сумбурныя. Ничего кромѣ распущенности они не вносятъ въ жизнь разнородныхъ людей, случайно оказавшихся подъ одной кровлей...

Настоящій студентъ одиноко и гордо переживаетъ боль своего одиночества. Она перегораетъ въ немъ. И только тоска, острая тоска, доходящая до ощущенія физической боли, является прямымъ слѣдствіемъ неудовлетворенности отъ отсутствія семьи. На почвѣ именно этой тоски выросло безцѣльное стихійное блужданіе вечерами по городу въ призрачномъ стремленіи найти то, чего нѣтъ... Знаете ли вы ужасное настроеніе, когда человѣкъ срывается съ мѣста и идетъ, идетъ, куда глаза глядятъ, лишь бы не быть дома, не видѣть противныхъ стѣнъ, грязной мебели, освѣщенной тусклымъ свѣтомъ маленькой лампы? Заниматься нѣтъ возможности! Нѣтъ силъ взятья за работу... На улицѣ тоже темно и холодно, и безпріютно, но можно итти, по крайней мѣрѣ, все впередъ въ безумной надеждѣ на что-то!.. Хочется заговорить съ встрѣчной одинокой женщиной. Кажется, что именно въ ней найдется успокоеніе отъ невыносимой тоски... А позади стоитъ призракъ одинокой комнаты, тусклой маленькой лампы, холодной обстановки студенческаго жилища. Этотъ призракъ не даетъ покоя и безжалостно гонитъ куда-то впередъ... По дорогѣ попадаются освѣщенныя окна, и за портьерами часто мелькаетъ нѣжный свѣтъ цвѣтного абажура. Воображеніе рисуетъ теплый уголокъ семейнаго очага, сердце сжимается больнѣе и одинокій путникъ прибавляетъ шагу. И бродитъ онъ по угрюмымъ улицамъ до тѣхъ поръ, пока усталость не возьметъ своего и сонъ не задернетъ занавѣсью геречь минувшаго дня...

О студенческомъ бракѣ.

Къ женатому студенту Павлову собрались нѣсколько человѣкъ гостей. Здѣсь были 3 — 4 студента, только что испеченный кандидатъ правъ, молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, еще не защищавшій ни одного дѣла, и хорошенькая курсистка.

Посрединѣ комнаты Павлова стоялъ ломберный столъ, покрытый чистой, но далеко не новой скатертью. На столѣ были поставлены тарелки съ традиціонными сыромъ и колбасой, и кипѣлъ самоваръ. Компанія размѣстилась вокругъ стола. Миловидная 22-лѣтняя хозяйка разливала чай. Около нея стояли на столѣ стаканы, чашки и глиняныя кружки. Въ большой комнатѣ съ убогой студенческой обстановкой чувствовалось, однако, присутствіе женщины. По стѣнамъ были развѣшены кое-какія украшенія собственной работы; кухонный столъ, замѣнявшій письменный, былъ покрытъ синей бумагой; на столѣ были разложены въ тщательномъ порядкѣ книги, стояли портреты въ рамкахъ. Въ углу находилось единственное мягкое кресло, покрытое бѣлымъ чехломъ.

— Нѣтъ, Василій Григорьевичъ,—сказалъ, обращаясь къ кандидату, хозяинъ, симпатичный студентъ, лѣтъ 24,— что ни говорите, а я счастливъ. Мы съ Вѣрой живемъ на 45 рублей въ мѣсяцъ и чувствуемъ себя отлично. Правда, иногда не хватаетъ, но вдвоемъ это не чувствительно. Мы довольствуемся немногимъ и счастливы, потому что каждый изъ насъ поддерживаетъ другого въ минуту тоски. Да и не бываетъ почти никогда этой тоски. Мы вѣримъ въ будущее — и это главное. Черезъ годъ я кончу курсъ, и

мы уѣдемъ куда-нибудь въ провинцію—тамъ найдется работа! А, по правдѣ сказать, Москва съ ея утонченными потребностями, съ ея блескомъ жизни вверху и съ отсутствіемъ всякой жизни внизу—не привлекаетъ меня. Душно здѣсь.

— И вы увидите, какъ мы будемъ въ провинціи работать!—проговорила хозяйка, показывая изъ-за самовара свое оживленное лицо и блестящіе глаза.

— Еще годъ тому назадъ,—продолжалъ Павловъ,—я чувствовалъ себя одинокимъ и неуравновѣшеннымъ. Я все искалъ чего-то. Было страшно тяжело. Я видѣлъ кругомъ себя людей, изъ которыхъ одни стремились куда-то къ блеску жизни, другіе тосковали и жаловались. Недоставало тепла и сочувствія, холодъ ощущался во всемъ. Идейность предохраняла отъ окончательной тоски, но равновѣсія поддержать все-таки не могла. А безъ равновѣсія человѣкъ не можетъ быть цѣльнымъ, не можетъ отдаваться чему-нибудь безпредѣльно. Теперь я чувствую себя полнымъ энергіи, способнымъ итти къ намѣченной цѣли. Угнетающіе душу и разслабляющіе волю моменты рефлексіи совершенно исчезли. Я исцѣленъ отъ ужасной болѣзни...

— Но позвольте, Николай Александровичъ,—замѣтилъ кандидатъ,—вы слишкомъ субъективны. Неужели вы думаете, что студентъ можетъ спастись женитьбой отъ той болѣзни, симптомы которой вы только что указали? Мнѣ кажется, что скорѣй, напротивъ, онъ попадетъ изъ огня да въ полымя. Я знаю примѣры... Что же касается вашего брака, то въ немъ есть три черты, которыя дѣлаютъ его рѣдкимъ *студенческимъ* бракомъ и, несомнѣнно, служатъ причиной вашего счастія. Это, во-первыхъ, самое главное — наша милая энтузіастка Вѣра Осиповна съ ея неподдѣльной вѣрой въ жизнь и людей, во-вторыхъ, позвольте мнѣ быть откровеннымъ, отсутствіе дѣтей и, въ-третьихъ, извѣстная обезпеченность, потому что 45 рублей все-таки какъ-никакъ, а деньги.

— Однако, въ прошломъ году мы 2 мѣсяца прожили на 40 рублей,—вставила Вѣра Осиповна,—у мужа въ это

время не было урока. Было не легко, но унынія въ настроеніи не замѣчалось.

— Это просто потому, что ваша нужда не достигла еще кульминаціонной точки, когда подъ ногами начинаетъ колебаться почва, въ душу вползаютъ сомнѣнія и спокойствію наступаетъ конецъ. Позвольте мнѣ разсказать о студенческомъ бракѣ при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ ваши.

Года 4 тому назадъ я жилъ въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ. Вы знаете характеръ этихъ комнатъ—грязь, унынie, захудалые жильцы... Невеселая въ общемъ жизнь. Словно оторвали ее отъ большой московской суеты и заключили среди четырехъ мрачныхъ стѣнъ. Скучно дѣлается, когда сидишь одинъ въ холодномъ, грязномъ номерѣ, а еще скучнѣе, когда выйдешь въ длинный, тускло освѣщенный коридоръ. По вечерамъ по этому коридору гуляютъ «меблированныя» барышни — эти невыносимыя барышни, рожденныя, кажется, въ мусорѣ столичной жизни. По цѣлымъ вечерамъ шляются онѣ по коридору съ кавалерами. Заглядываютъ въ чужіе номера, ищутъ свиданій, затрогиваютъ, цѣлуются въ укромныхъ мѣстахъ... Одинъ мой товарищъ-студентъ, желая избѣжать одиночества своего номера, присоединился къ этой компаніи... И черезъ мѣсяцъ такого гулянья уже пригласилъ меня быть шаферомъ на его свадьбѣ. Недавно я заходилъ къ нему и былъ свидѣтелемъ результатовъ этой женитьбы. Нанимаетъ онъ небольшую полутемную комнату, гдѣ царитъ тяжелая атмосфера, безпорядокъ, неуютность. Двое полуодѣтыхъ ребятишекъ на сорномъ полу, жена въ полномъ неглиже съ керосинкой, и супругъ гдѣ-то въ углу съ книгой въ рукахъ—такова была семейная картинка, которую я засталъ. Товарищъ страшно обрадовался моему приходу, усадилъ на табуретку. И сейчасъ же, словно по заказу, онъ началъ говорить о себѣ... «Плохо, вовсе плохо, братъ. Заниматься почти некогда — нужно хлѣбъ зарабатывать. Уроковъ хорошихъ найти не могу—знакомыхъ нѣтъ, а тужурка единственная вся въ заплатахъ. Обѣдаю въ безплатной коми-

тетской столовой, т. е. беру оттуда 2 обѣда для себя и для жены — позволили въ виду крайне стѣсненныхъ обстоятельствъ. Вотъ кое-какъ и дѣлимся 2 обѣдами на всю братію. Да! Ну, а что касается высшихъ интересовъ — отсталъ, сознаюсь. Не понимаю товарищей, и они меня не понимаютъ. Тоже и съ университетомъ: вотъ уже 2 годъ на третьемъ курсѣ сижу. На первомъ оставался — справлялъ медовый «мѣсяцъ», а теперь тризну по своей жизни справляю»!— Онъ долго говорилъ въ такомъ же тонѣ; видно было, что очень наболѣла душа. Когда я собрался уходить, онъ пошелъ меня провожать... На улицѣ стояла отвратительная осенняя погода, моросилъ дождь. Было темно и холодно. А мой товарищъ продолжалъ свои жалобы.— «Обстановка давитъ. Не на чемъ отдохнуть. Все сѣро, тускло—одна и та же картина, вѣчно одна и та же: комната мрачная, жена полуодѣтая, скучная, ноющая, больныя дѣти, тошнотворные уроки... Не съ кѣмъ поговорить, да и не о чемъ. Мысли вертятся въ заколдованномъ кругу семьи и завтрашняго дня и кажется, что иной жизни и быть не можетъ... Нѣтъ душевнаго подъема. Нѣтъ возрожденія мысли, какъ бывало отъ прочитанной хорошей книги, отъ музыки, отъ спора. Кромѣ дешевой пивной, ничего недоступно. Затуманишь мозгъ подлымъ пивомъ— тогда только и счастливъ... Слушай, вотъ пивная, зайдемъ! Деньги есть?» Мы зашли. Товарищъ скоро захмелѣлъ, размякъ, расплакался...—Да, господа, не хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ!

—Вы разсказали очень, очень грустную исторію,— промолвила задумчиво хорошенькая курсистка. Но вѣдь не всѣ же такіе браки—есть много счастливыхъ.

— Не знаю, что назвать счастьемъ. Пожалуй, я разскажу про другой студенческій бракъ—счастливый. Но по-моему это счастье покупается такой дорогой цѣной, что лучше бы его и не было... Первую роль, если можно такъ выразиться, въ этомъ бракѣ играетъ супруга,—идеальная во всѣхъ отношеніяхъ женщина. Прекрасная мать—у нихъ 4 дѣтей—заботливая и идейная жена, и, главное, незамѣнимая работница. Но въ общемъ ея жизнь похожа на подвигъ.

— Ну, ужъ сейчасъ и подвигъ,—скептически замѣтилъ «адвокатъ».

— Разумѣется, подвигъ, подвижничество въ настоящемъ смыслѣ этого слова! Вы послушайте только ея распредѣленіе дня. Встаетъ въ 8 часовъ: одѣваетъ дѣтей, поитъ ихъ чаемъ, съ 10 готовитъ обѣдъ. Въ два часа уже отправляется на занятіе — она массажистка. На массажѣ до 8 часовъ вечера. Дѣти брошены дома подъ присмотромъ какой-то дѣвчонки... Возвратившись, мать спѣшитъ вступить въ свои обязанности: моетъ дѣтей, кормитъ ужиномъ, чинитъ платье, укладываетъ спать... И, несмотря на все это, вечеръ непремѣнно посвящается чтенію: читаетъ сама или съ мужемъ. Мнѣ нравится еще въ ней, что она не распускается, какъ многія въ ея положеніи. Даже успѣваетъ одѣваться къ лицу. И всегда весела, довольна. Однако, я знаю, навѣрное, что нервы ея очень и очень подгуляли. И мой знакомый докторъ, къ которому она какъ-то обращалась, говоритъ, что чахотка стоитъ уже за плечами этой счастливицы... Сознайтесь, что ея счастье невыносимо.

— Мнѣ интересно,—сказалъ одинъ студентъ,—неужели мужъ ничего не зарабатываетъ?

— Нѣтъ, онъ даетъ уроки, но вы сами знаете, много ли заработаешь по нынѣшнимъ временамъ. Во всякомъ случаѣ прокормить себя, жену и четверо дѣтей «уроками» невозможно...

— Мнѣ тоже вспоминается счастливый бракъ,—проговорилъ кто-то.— Студентъ женился на богатой помѣщицѣ— глупенькой барышнѣ, влюбленной въ него до безумія. За 2 года супругъ успѣлъ прокутить два имѣнія и приняться за третье. Жена предоставляетъ ему распоряжаться ея добромъ, какъ угодно. И супругъ счастливъ. Какой счастливый бракъ говоритъ онъ вездѣ...

— Вы, конечно, иронизируете,—замѣтилъ будущій адвокатъ, но мое глубокое убѣжденіе — бракъ тѣмъ болѣе

счастливъ, чѣмъ болѣе онъ матеріально обезпеченъ. Женитьба влечетъ за собой усиленную борьбу за существованіе. Студентъ оказывается между двухъ огней. И наукѣ отдаться онъ не можетъ всецѣло — приходится добывать средства, и средствъ достаточно не имѣетъ, потому что занятія наукой мѣшаютъ. Необходимо жениться на дѣвушкѣ болѣе или менѣе состоятельной, если самъ студентъ не имѣетъ средствъ. Лучше совсѣмъ не жениться, чѣмъ жениться и потомъ приносить науку въ жертву семейной жизни...

— Но вѣдь это Сцилла и Харибда, — замѣтилъ хозяинъ,—матеріально обезпеченный бракъ часто несетъ за собой буржуазныя наклонности, и если не понижаетъ интеллектъ, то очень умѣряетъ идейность... Недавно мнѣ пришлось услышать отъ одной студенческой жены, принесшей неимущему супругу въ приданое 2 тысячи годового дохода, слѣдующее классическое признаніе: «Мой мужъ не пошелъ на сходку, потому что я не сочувствую студенческимъ движеніямъ. Мужа вдругъ возьмутъ и я одна останусь въ цѣломъ домѣ... Это ужасно... Я боюсь оставаться одна...» Разумѣется, на студенческія движенія могутъ быть разные взгляды, но если эта госпожа всегда такъ идейно вліяетъ на мужа, то въ студенческія жены она не годится... А мнѣ кажется, что большинсто денежныхъ невѣстъ именно таковы.

— Совершенно справедливо, — замѣтилъ кандидатъ,— всякій карьеристъ, женившійся исключительно изъ-за средствъ, тоже оправдывается:—«Я женился ради науки». Тутъ, пожалуй, недалеко и до осуществленія знаменитаго— цѣль оправдываетъ средства. Какъ вы, напримѣръ, отнесетесь къ такому факту: провинціальный студентъ женится на дѣвушкѣ, къ которой онъ относится безразлично, но у которой 1,000 рублей приданаго; женится, чтобъ имѣть возможность ѣхать въ Москву и учиться въ университетѣ, потому что у него самого нѣтъ за душой ни копейки?

— А какова была ихъ совмѣстная жизнь?

— Я знаю нѣсколько аналогичныхъ случаевъ: одни

жили хорошо, жизнь другихъ была невыносима. Это зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ личностей.

— Вы, господа, затронули интересный вопросъ объидейномъ студенческомъ бракѣ, но привели примѣръ такого брака лишь на корыстной подкладкѣ. Есть другіе—чисто идейные Они вызываются, большею частью, жаждой живого дѣла: вѣдь наша молодежь въ теченіе долгихъ лѣтъ обречена на сухую теорію, а живыя силы, между тѣмъ, требуютъ выхода. И вотъ встрѣчается студентъ съ какой-нибудь мало развитой барышней, изъ среды хотя бы купеческой. Барышня терпѣлива и довольно послушна, охотно слушаетъ цѣлыя лекціи развивающаго ея «умственные горизонты» студента. Съ цѣлью окончательно «доразвить», студентъ, въ концѣ концовъ, женится на ней. Обыкновенно, не надолго хватаетъ терпѣнія у воспитателя—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступаетъ реакція: матеріалъ слишкомъ тяжеловѣсенъ и неподатливъ. У мужа разстраиваются нервы. Онъ жалуется всѣмъ, что его жизнь—настоящій адъ. Финаломъ является разъѣздъ, или «идейный» бракъ превращается уже окончательно въ несчастный. А вотъ другой фактъ. Жалуется какая-нибудь старая и некрасивая курсистка на судьбу, на то, что жизнь обошла ее. У студента вдругъ просыпается геройскій духъ, нѣчто въ родѣ рыцарства. — Э, сдѣлаю хоть *одну* въ жизни счастливой. И онъ неожиданно предлагаетъ «оскорбленной и обиженной» руку и сердце. Минутный порывъ прошелъ, но отказаться отъ слова студентъ считаетъ ниже своего достоинства.

— Гораздо оригинальнѣе бракъ идейно-платоническій въ толстовскомъ духѣ. Мнѣ извѣстно въ Москвѣ нѣсколько такихъ браковъ. Супруги живутъ въ двухъ или даже одной комнатѣ на правахъ товарищей... Я спрашивалъ у одного, какой смыслъ подобной женитьбы. Говоритъ, что нравственно они очень вліяютъ другъ на друга, что она поддерживаетъ его въ трудныя минуты жизни... А другой супругъ, уже 2 года живущій такимъ образомъ, жаловался мнѣ, что тяжелый *обѣтъ* взвалилъ на свои плечи. Изнервничались они съ женой страшно. У него подъ глазами синяки, блѣдный.

— Чѣмъ же кончится этотъ бракъ?—спросилъ кто-то.

— Если судить на основаніи опыта, то придется установить два рода «окончанія»—или супруги разойдутся—мнѣ извѣстенъ одинъ такой случай—или, какъ въ другомъ случаѣ, бракъ сдѣлается настоящимъ... Что же касается времени, то все, понятно, зависитъ отъ нервной силы объектовъ. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстенъ идейно-платоническій бракъ, продолжавшійся болѣе 2 лѣтъ.

— Интересно, — замѣтилъ высокій, красивый студентъ,—что руководитъ супругами при заключеніи такого брака—идея или желаніе испытать ощущеніе?

— Понятно, первое. Насколько мнѣ извѣстно, супруги, заключающіе платоническій бракъ, всегда люди идейные и притомъ очень нравственные.

— Не представляется мнѣ, — сказалъ кандидатъ,— чтобы подобный бракъ былъ типичнымъ для студентовъ. Это пахнетъ чѣмъ-то черезчуръ экзотическимъ. Мы, господа, отвлеклись въ сторону отъ реальности. Поэтому, позвольте мнѣ указать на характерныя черты обыкновеннаго студенческаго брака. Это, во-первыхъ, *случайность и скоропалительность женитьбы и частое и поражающее несоотвѣтствіе между мужемъ и женой во всемъ: въ возрастѣ, во вкусахъ, въ образованіи, въ средѣ.* Отчасти въ этомъ виновата молодость и неопытность, отчасти самыя условія студенческой жизни. Одиночество и непривычка къ одинокой жизни, оторванность отъ семьи способствуютъ къ заключенію такихъ браковъ. Здѣсь играетъ роль, главнымъ образомъ, внутреннее состояніе человѣка, требующее сочувствія и близости, а каждая женщина одарена способностью сочувствовать или, по крайней мѣрѣ, казаться сочувствующей. Вотъ почему бракъ *по склонности* часто оказывается лишь сочетаніемъ разнородныхъ элементовъ. Не нужно также забывать среду, въ которой приходится жить студенту въ Москвѣ. Вѣдь въ эту среду—полумѣщанскую, получиновничью—не проникаетъ ни одинъ лучъ идейной жизни и совершенно отсутствуютъ всякіе идеалы, кромѣ самыхъ практически-мѣщанскихъ. Женщина изъ

этой среды, ставши женой, гибельно вліяетъ на молодую, впечатлительную душу студента.

— А вы имѣете представленіе объ обольщеніи и ловлѣ жениховъ?—спросилъ одинъ изъ студентовъ.—Это тоже частые мотивы къ браку. Какая-нибудь престарѣлая метресса или свободная дѣвица изъ той среды, которую вы только описали, обольщаетъ юнца-первокурсника, а затѣмъ начинаетъ разыгрывать изъ себя опозоренную навѣки женщину. Юнецъ проникается тяжестью своего преступленія и спѣшитъ «искупить» вину женитьбой на «загубленной» имъ «дѣвушкѣ». Послѣ свадьбы начинается обыкновенная исторія. Торжествующая жена забираетъ въ свои руки мужа, ревнуетъ, не отпускаетъ его отъ себя ни на шагъ. Еще не успѣвшій даже освоиться съ университетской жизнью, несчастный мужъ сторонится и избѣгаетъ интеллигентнаго общества. Ему совѣстно товарищей, которые надъ нимъ смѣются. Онъ чувствуетъ себя подавленнымъ и одинокимъ. Является какая-то запуганность, боязнь. Скоро онъ окончательно уходитъ въ нору и не имѣетъ уже никакихъ интересовъ, кромѣ заячьихъ... Еще чаще попадаются студенты, даже и старшихъ курсовъ, въ ловушку, разставляемую чадолюбивыми маменьками—хозяйками студенческихъ квартиръ. Онѣ употребляютъ всѣ силы, чтобы выдать своихъ дочерей замужъ, если не за человѣка съ положеніемъ, то за человѣка съ *будущимъ* положеніемъ, какого и можно эксплоатировать. Студентъ-квартирантъ является прекраснымъ объектомъ подобнаго рода, и на него устраиваются настоящія облавы. Между маменькой и дочкой, разумѣется, существуетъ молчаливое соглашеніе. Помню я одну такую квартиру. Хозяйская дочь, изъ самыхъ заурядныхъ мѣщаночекъ, старалась увлечь своихъ жильцовъ. Они всѣ за ней ухаживали. Цѣловалась она со всѣми, для чего назначала свиданія на кухнѣ, въ темномъ коридорѣ и т. п. Но никто изъ кавалеровъ не переступалъ границъ. Наконецъ, переѣхалъ новый жилецъ. Къ нему была примѣнена такая же система. Этотъ увлекся черезъ мѣру и былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія...

Женился. Теперь новое семейство помѣщается гдѣ-то въ Замоскворѣчьѣ. У молодыхъ свой уголъ въ одной изъ комнатъ, за занавѣской. Субсидіей отъ родителя зятя распоряжается глава дома—мамаша. Она же пилитъ по цѣлымъ днямъ новоиспеченнаго «мужа», указывая на то, что современная молодежь пренебрегаетъ хорошими мѣстами и ищетъ чего-то пустяковаго. Что касается дочери, ея идеалъ достигнутъ:—она вышла замужъ и по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ. По субботамъ является братъ—юнкеръ, ругается на всю квартиру скверными словами и реветъ басомъ... Мужъ чувствуетъ себя совершенно подавленнымъ.

— Это невозможно, вы все въ какихъ-то ужасныхъ тонахъ о студенческомъ бракѣ разсказываете. Развѣ нѣтъ ничего отраднаго въ этой области?—проговорила хорошенькая курсистка.—Я хочу счастливаго брака.

— Счастливаго въ вашемъ вкусѣ я ничего не знаю, но вотъ что мнѣ пришлось наблюдать недавно,—сказала хозяйка.—Гдѣ-то на Якиманкѣ въ подвалѣ живетъ студентъ съ женой. Они страшно бѣдны. Богатый купецъ сжалился надъ ними и позволилъ жить даромъ у себя въ подвалѣ... Вмѣсто потолка своды, бѣлая штукатурка отстала отъ сырости... Узенькая желѣзная кровать, два табурета, небольшой столикъ—и больше ничего. У жены только одно платье—черное, которое на ней, да еще пледъ. Она вяжетъ кружева... Три рубля въ мѣсяцъ для нихъ — богатство. Обѣдаютъ, то у однихъ знакомыхъ, то у другихъ, а чаще голодаютъ. Ему еще годъ учиться... И, представьте себѣ, довольны. У обоихъ веселый видъ. Надѣются... И я ихъ понимаю, понимаю...

Глаза Вѣры Осиповны заблестѣли: она тоже была готова на подвигъ.

— Вотъ еще фактъ изъ хроники студенческихъ браковъ, — сказалъ кандидатъ. — Въ одной комнатѣ жили 5 студентовъ—одинъ семейный. Для него съ женой и ребенкомъ былъ отведенъ уголъ за занавѣской... Тамъ висѣла люлька... И вотъ, когда мать куда-нибудь уходила, а ребенокъ своимъ пискомъ мѣшалъ заниматься, каждый изъ

жильцовъ качалъ люльку. Для этого была проведена веревочка къ столу, гдѣ они обыкновенно сидѣли...

— Quasi una fantasia!—насмѣшливо замѣтилъ кто-то.

— Ну, извините, — вспыхнулъ кандидатъ, — я самъ былъ въ числѣ этихъ жильцовъ, если вамъ угодно знать!

— Ну, господа, недоставало, чтобы вы еще поссорились, и такъ меня чуть до обморока не довели этими ужасными брачными исторіями,—сказала хорошенькая курсистка.— Послушаешь васъ, такъ, дѣйствительно, нельзя студентамъ жениться. А вотъ я, если бы когда-нибудь вышла замужъ, то непремѣнно за студента... На зло вамъ!

Всѣ засмѣялись и кто-то сказалъ:

— Можно только позавидовать будущему счастливому избраннику.

— Ну, Авиловъ, не смѣйте смѣяться. И въ наказаніе проводите меня домой. Мнѣ ужъ пора...

Вѣра Осиповна вызвалась тоже проводить свою подругу. И въ комнатѣ осталась только мужская компанія.

— Ну, господа, а мнѣ все-таки хочется резюмировать нашу сегодняшнюю бесѣду,—сказалъ помощникъ. — Студентъ не долженъ жениться, не долженъ быть связанъ никакими узами. Студенческіе годы—это своего рода перегораніе на собственномъ огнѣ, выработка міросозерцанія — и никто не долженъ мѣшать имъ въ этомъ священномъ дѣлѣ.

Но тутъ заговорилъ, до сихъ поръ молчавшій, студентъ-медикъ старшаго курса.

— Господа, – сказалъ онъ,—вы рѣшаете вопросъ о студенческомъ бракѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Позвольте, въ такомъ случаѣ, напомнить вамъ слова знаменитаго сифилидолога Фурнье: «Полезно поощрять ранніе браки»...

— Ну, ужъ сифились, по-моему, приплетать сюда не къ чему,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

— Это вы такъ думаете. Но, если бы вамъ пришлось побывать когда-нибудь на пріемѣ больныхъ въ клиникѣ, вы, быть-можетъ, измѣнили бы свое мнѣніе... Цѣлые десятки блѣдныхъ, дрожащихъ юношей въ страшномъ томленіи

ожидаютъ рѣшенія участи... Это я вамъ скажу зрѣлище, способное привести въ ужасъ, въ особенности, если представить себѣ, что оно повторяется каждый день, и каждый день большинству выносится обвинительный приговоръ...

— Мнѣ кажется, вы преувеличиваете,—замѣтилъ кандидатъ. — Больныхъ *такой* болѣзнью встрѣчается очень мало. Вѣдь ихъ сейчасъ же можно замѣтить.

— Нѣтъ, вы жестоко, жестоко ошибаетесь. Почти невозможно различить больныхъ этой болѣзнью. Ее очень легко скрыть даже отъ ближайшихъ друзей, отъ родныхъ. И вы на каждомъ шагу встрѣчаете сифилитиковъ, по крайней мѣрѣ, изъ 7 встрѣчныхъ одинъ больной. Повѣрьте мнѣ. Спросите у докторовъ! У насъ относятся къ этому очень легкомысленно, а вы сосчитайте число докторовъ въ городѣ — спеціалистовъ по венерическимъ болѣзнямъ. Согласитесь сами—имъ вѣдь нужно чѣмъ-нибудь питаться. У большинства изъ нихъ богатѣйшая практика... А кто изъ васъ, господа, станетъ отрицать огромное количество больныхъ, такъ называемой, *дѣтской* болѣзнью. Вѣдь огромнѣйшій процентъ молодыхъ людей считаетъ чуть ли не долгомъ болѣть этой болѣзнью, многіе за время своего студенчества болѣютъ по *нѣсколько разъ*... А въ результатѣ нытики, неврастеники, безволіе, вырожденіе...

— Все-таки,—промолвилъ задумчиво кандидатъ...

Но вернулась хозяйка, и разговоръ былъ прерванъ. Гости стали прощаться...

Студенческая свадьба.

(Картинка).

Меня, какъ будущаго шафера, пригласили на совѣщаніе. Когда я вошелъ въ комнату, другіе шафера, все студенты 1 курса, засѣдали за круглымъ столомъ. У нихъ былъ весьма торжественный видъ. Посрединѣ сидѣлъ женихъ — настоящій фуксъ, безусый и румяный. Важность была разлита по его лицу,—важность человѣка, сознающаго себя героемъ событія. Но сквозь эту важность проглядывала растерянность, какъ будто герой чувствовалъ себя виноватымъ.

— А-а, пожалуйте! — закричалъ, увидя меня, одинъ изъ шаферовъ, самый развязный и потому предсѣдательствующій на совѣщаніи.—Васъ только и ждали... Итакъ, господа, приступимъ...

Всѣ приняли чрезвычайно дѣловой видъ.

— Бумаги въ порядкѣ? — спросилъ предсѣдатель у жениха.

— Всѣ. Только еще разрѣшенія отъ родителей нѣтъ. А священникъ очень строгій, требуетъ, чтобы все было въ исправности,—отвѣтилъ женихъ тономъ подсудимаго.

— Нужно поторопить! Университетскія формальности соблюдены?

— Разрѣшеніе получилъ. Подписку о состоятельности тоже представилъ.

— Это какая же подписка?

— А что я не буду въ университетъ за пособіями обращаться и имѣю возможность содержать жену.

— Очень хорошо! - предсѣдатель откашлялся и подумалъ.—Сюртукъ имѣется?

— Нѣтъ, сюртука у меня нѣтъ,—отвѣтилъ женихъ и покраснѣлъ.

— Ничего, мы достанемъ. У Козлова, я знаю, есть лишній. Онъ дастъ...

Наступило молчаніе. Женихъ виновато улыбался, остальные кашляли, придумывая еще какіе-нибудь вопросы...

— Что это вамъ пришло въ голову жениться?— спросилъ я.

Лицо жениха приняло таинственное выраженіе.

— Такъ...—неопредѣленно отвѣтилъ онъ,—это у насъ давно ведется. — И женихъ загадочно ухмылялся, какъ будто тайна его женитьбы доставляла ему величайшее удовольствіе.

— Свадьба когда?—нашелся, что спросить еще, предсѣдатель.

— Въ будущій четвергъ, въ 12 часовъ дня.

— Такъ вы, Владимиръ Михайловичъ, — сказалъ мнѣ предсѣдатель,—въ будущій четвергъ въ 12 часовъ дня не забудьте притти...

На этомъ совѣщаніе кончилось. Коридорный подалъ самоваръ. И разговоръ принялъ болѣе интимный характеръ: о томъ, что труднѣе готовить къ экзамену—римское право или русское. Въ этомъ интересномъ разговорѣ приняли горячее участіе всѣ присутствующіе...

* * *

Ждали священника... Огромная пустая церковь производила гнетущее впечатлѣніе. Гдѣ-то возлѣ колонны пріютились немногочисленные участники церемоніи—женихъ, невѣста и 4 шафера. На лицахъ у всѣхъ были написаны недоумѣніе и неловкость. Разговаривали полушопотомъ, потому что каждое громкое слово гулко разносилось по церкви и дѣйствовало на нервы. Только сторожъ, приготовлявшій необходимое къ вѣнчанію, топалъ на всю церковь своими сапожищами и этимъ нарушалъ почти могильную тишину. Въ темномъ углу за свѣчной конторкой копошился псаломщикъ... Посрединѣ церкви одиноко возвышался аналой, и предъ нимъ былъ разостланъ кусокъ розоваго атласа. Только это и напоминало о брачномъ торжествѣ, все остальное было буднично и тускло...

Прошло уже больше получаса сверхъ назначеннаго времени. Мы истомились отъ ожиданія. Говорить было не о чемъ. Соотвѣтствующей для настоящаго момента, разговорной темы никто не могъ подобрать.

— Господа, пожалуйте расписаться!—неожиданно прокатился по церкви густой басъ, отъ котораго задрожали окна и вздрогнули всѣ присутствующіе. У свѣчной конторки стоялъ очень полный діаконъ въ очкахъ и смотрѣлъ въ нашу сторону.

— Кто женихъ и невѣста и господа шафера? Пожалуйте!—снова провозгласилъ онъ.

Въ кучкѣ у колонны произошло движеніе. Гуськомъ потянулись къ конторкѣ. Діаконъ тыкалъ пальцемъ въ книгу и диктовалъ, наполняя церковь переливами своего баса. Сначала расписался растерянный, но храбрившійся женихъ. Потомъ подошла невѣста. Некрасивая, съ землистымъ цвѣтомъ лица, въ полинявшемъ лиловомъ платьѣ, съ искусственнымъ цвѣткомъ въ волосахъ, она казалась лѣтъ на десять старше жениха... Расписались и шафера... Возлѣ полнаго діакона стоялъ псаломщикъ и съ нескрываемой ироніей поглядывалъ на всю нашу компанію...

Діаконъ захлопнулъ огромную книгу и, обратившись къ псаломщику, сказалъ:

— Когда придетъ батюшка, пришлите за мной, — и ушелъ.

— А что, скоро придетъ батюшка? — спросилъ робко женихъ.

— Придетъ!—успокоительно замѣтилъ сторожъ...

Шафера разбрелись по церкви. Женихъ бесѣдовалъ съ псаломщикомъ, а невѣста одиноко сидѣла въ темномъ углу на табуретѣ...

Прошло еще томительныхъ полчаса. Наконецъ, хлопнула дверь и торопливыми шагами высокій, худой священникъ прошелъ къ алтарю. Показался снова толстый

діаконъ... Женихъ и невѣста заняли свои мѣста... Изъ алтаря вышелъ батюшка въ епитрахили, взялъ за руки брачащихся и провелъ впередъ... Началось вѣнчаніе. Оно шло быстро, словно наспѣшку. Діаконъ басилъ непрерывно, и псаломщикъ, замѣняющій пѣвчихъ, едва поспѣвалъ за нимъ. . Невѣста изрѣдка крестилась, за ней крестился женихъ... Шафера въ студенческихъ сюртукахъ стояли сзади, ожидая вѣнцовъ. И когда батюшка поднялъ надъ головой жениха тяжелый вѣнецъ, шаферъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать, совсѣмъ опустилъ его на голову насчастнаго коллеги. Тотъ вздрогнулъ и весь съежился...

— Нельзя такъ... держи! — сказалъ шопотомъ другой студентъ.

— Нѣтъ, я знаю, что такъ! — упрямо отвѣчалъ первый.

— А я тебѣ говорю, что нельзя...

Загорѣлся горячій споръ шопотомъ...

Какая-то дѣвчонка, случайно попавшая въ церковь, забѣжала впередъ невѣсты и стала съ любопытствомъ глядѣть на нее и на синіе сюртуки шаферовъ...

Поцѣлуйте невѣсту, — сказалъ жениху священникъ.

Обрядъ кончился Онъ продолжался не болѣе 15 минутъ .. Поздравивъ новобрачныхъ и подождавъ, пока новобрачный расплачивался, мы, наконецъ, вышли изъ церкви. Голоса осмѣлѣли, раздался чей-то громкій смѣхъ.

— Господа, непремѣнно ко мнѣ — чай пить, — сказалъ новобрачный.

И мы пѣшкомъ направились въ квартиру молодыхъ на Бронной. Погода стояла невыносимая. Падалъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, дулъ непріятный вѣтеръ. Новобрачная, высоко приподнявъ свое подвѣнечное платье, шлепала калошами по грязи. Рядомъ съ ней шелъ не-веселый супругъ. Мы, шафера, плелись сзади. Черезъ 20 минутъ свадебный кортежъ добрался до Гиршей. Миновали два корпуса и вошли въ одинъ изъ подъѣздовъ. По узкой и грязной лѣстницѣ поднялись на третій этажъ. Кто-то отворилъ дверь, и компанія очутилась въ темной передней.

— Господа, раздѣвайтесь, пальто кладите на сундукъ —

вонъ тамъ въ углу онъ стоитъ, да беритесь за руки, я васъ провожу, — говорилъ новобрачный.

— Тфу ты, темнота какая, я на что-то наткнулся! Постой, ты чего мнѣ на ногу наступаешь! Да гдѣ здѣсь сундукъ? — раздавались голоса...

Гуськомъ, крѣпко держа другъ друга за руки, мы пробирались за новобрачнымъ. Прошли чрезъ темную кладовую, потомъ чрезъ коридоръ и, наконецъ, попали въ комнату молодыхъ.

Это была небольшая комнатка, чуть ли ни половину которой занимала простая желѣзная кровать. Тѣсно примыкая къ кровати, стоялъ маленькій столъ у окна. Четыре стула и комодикъ дополняли меблировку. Тонкая досчатая перегородка отдѣляла эту комнату отъ сосѣдней кухни и позволяла слышать все, что тамъ дѣлается. Шафера и хозяева столпились въ тѣсномъ промежуткѣ между кроватью и стѣной, и начали разсаживаться. Молодые «пролѣзли» къ окну. Одинъ изъ шаферовъ сѣлъ на краюшекъ брачнаго ложа... На столѣ, покрытомъ далеко не свѣжей скатертью, были разставлены: бутылка водки, полбутылки краснаго вина и наливка, на тарелкахъ лежало — мясо, огурцы, селедка, сыръ, колбаса, на блюдечкѣ — тонко изрѣзанный лимонъ и одинъ апельсинъ...

Сначала, когда закусывали, разговоръ поддерживался. Но когда отъ большинства закусокъ осталось печальное воспоминаніе, наступило неловкое, продолжительное молчаніе.

— Горько, — вдругъ сказалъ одинъ изъ шаферовъ и покраснѣлъ. Покраснѣли и молодые, но все-таки поцѣловались. И опять наступило молчаніе...

— Что это хозяйка не идетъ? — тоскливо проговорила молодая.

Супругъ отвѣтилъ: Сейчасъ — и полѣзъ черезъ шаферовъ къ выходу. Грязная кухарка съ подоткнутой юбкой внесла самоваръ.

— Мѣсяцъ поживемъ здѣсь, — говорила молодая, разливая чай, — а потомъ разъѣдемся — я на акушерскую прак-

тику, а мужъ на урокъ. Ему въ бюро годовой урокъ предлагаютъ.

— А когда же снова увидитесь?

— Недѣлю у родныхъ погостимъ въ іюлѣ, а потомъ Богъ знаетъ когда...

Пришла хозяйка — толстая женщина въ очкахъ, настоящій типъ «съемщицы». Жирными отвисшими губами она троекратно облобызала невѣсту и затѣмъ грузно усѣлась на два стула. Теперь уже тремъ шаферамъ пришлось сидѣть на кровати. И брачное ложе было окончательно смято.

Хозяйка сразу подняла тонъ разговора. Она стала разсказывать о томъ, какъ *сама* Рославлева покровительствуетъ ея дочкѣ, балетной танцовщицѣ... Она говорила объ этомъ долго, словоохотливо и невыносимо. А мы всѣ тщетно придумывали хоть что-нибудь, чтобы перебить эту ужасную болтовню и сдѣлать разговоръ интереснымъ. Но мы присутствовали на брачномъ пирѣ и никто изъ насъ не зналъ, о чемъ можно говорить при данныхъ обстоятельствахъ. И на всѣхъ присутствующихъ, кромѣ квартирной хозяйки, лежала тяжесть чего-то сверхобычнаго и непріятнаго...

Вдругъ раздался громкій дѣтскій плачъ за перегородкой, въ кухнѣ.

— Ишь, кухаркина дочь голосъ подаетъ,—сказала хозяйка.

Всѣ шафера поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и стали прощаться, словно это былъ самый удобныйм оментъ для прощанія.

И только, когда вышли на улицу, почувствовали себя легко и свободно.

Типы.

Первокурсникъ.

Въ студенческой жизни есть періодъ, единственный въ своемъ родѣ.

Первый курсъ это самая интересная и радостная эпоха университетской, а, быть-можетъ, и всей жизни. Время безумнаго, безудержнаго веселья, опьяненія свободой—сплошной праздникъ. Словно волшебствомъ, перенесенъ человѣкъ въ новый міръ съ иными людьми, отношеніями, всѣмъ складомъ жизни. Остался позади ужасный кошмаръ—гимназія:—двойки, пяти-шестичасовое сидѣніе въ классѣ — однообразное, одуряющее, ненавистная зубрежка, вѣчный трепетъ, запрещеніе всего, начиная отъ книгъ и кончая театромъ, — жизнь, полная мелочной регламентаціи, преслѣдованій, боязни, переходящей въ ужасъ. Трижды проклятая жизнь!.. Она позади!

Съ университетской каѳедры раздается свободное обращеніе къ *человѣку*, имѣющему свободную волю—обращеніе человѣка къ человѣку, простое, ласковое... И въ юношѣ просыпается, прежде дремлющее и забитое, сознаніе собственнаго достоинства, которое признаютъ теперь всѣ окружающіе. Онъ особенно болѣзненно чувствуетъ свои права, которыя принадлежатъ ему, какъ всѣмъ. Это поднимаетъ его на головокружительную высоту.

Слишкомъ великъ контрастъ! Сущность гимназической жизни можно передать въ одной фразѣ:

— Долби, долби, мерзавецъ, безъ разсужденій! Такъ велятъ. А твое дѣло слушаться, слушаться!

Но приходитъ этотъ самый человѣкъ въ университетъ и слышитъ съ каѳедры нѣчто другое:

Милостивые государи, передъ вами открываются необозримые горизонты свободной науки. Я призываю васъ смѣло и бодро вступить на новый прекрасный путь... Рука объ руку съ вами пойдетъ опытный, старый вожатый — вашъ товарищъ и руководитель по научной работѣ...

Но и помимо «свободной» науки, сколько чудныхъ перспективъ открывается для молодого студента, только что пріѣхавшаго изъ провинціи въ Москву. Прежде всего, онъ можетъ располагать своимъ временемъ. Какое это великое счастье! И какъ дорого теперь это время! Лекціи въ университетѣ, книги безъ конца, — книги, которыя такъ манили и которыя такъ трудно было достать и почти некогда читать! Теперь широко раскрыты двери Университетской и Румянцевской библіотекъ, — читай, сколько угодно и что угодно... А театръ! Эта мечта всѣхъ провинціаловъ—опера, знаменитыя драматическія артистки... Потомъ картинныя галлереи, музеи, кофейни — все, что есть въ этомъ большомъ загадочномъ городѣ. Хочется все узнать и осмотрѣть...

Самая студенческая жизнь служитъ для первокурсника неизсякаемымъ источникомъ удовольствій, привлекаетъ новизной обстановки. Даже терніи этой жизни (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ), которыя потомъ окажутся тяжелыми, даже невыносимыми, теперь восхищаютъ его. Нищенскій бюджетъ, посѣщеніе кухмистерской, одиночество или только товарищеская среда – все это занимаетъ его, какъ совершенно новая, неизвѣданная жизнь и воочію доказываетъ, что онъ студентъ. А что можетъ быть пріятнѣе для первокурсника ежеминутнаго подтвержденія, что онъ самый настоящій студентъ. Экая бѣда, что въ карманѣ на все про все 25 рублей – первокурсникъ сумѣетъ обойтись и съ такими средствами. Они втроемъ наймутъ квартиру—весело вѣдь жить вмѣстѣ! Обѣдъ въ кухмистерской, гдѣ онъ самъ себѣ выбираетъ по «карточкѣ» любое блюдо—

превосходенъ! И можно обѣдать, когда угодно: въ 2—3—6 часовъ, внѣ всякаго порядка, который, обыкновенно, соблюдается дома.

Въ случаѣ бюджетнаго колебанія первокурсникъ недѣльки двѣ въ состояніи питаться 20-копеечнымъ сыромъ съ бѣлымъ хлѣбомъ. Это даже оригинально и вкусно. Дома сыръ подавался только, какъ закуска, — по кусочкамъ, а здѣсь можно сразу полфунта съѣсть или даже цѣлый фунтъ. А бѣлый хлѣбъ въ Москвѣ удивительно приготовляется.

Какъ хозяинъ своимъ деньгамъ, первокурсникъ часто курьезенъ. Сожители всегда очень мелочны въ расчетахъ каждую четверть копейки считаютъ за товарищами и тщательно ведутъ записи общихъ расходовъ. Это, конечно, отъ большого рвенія къ своему маленькому хозяйству и боязливой осторожности новичка въ самостоятельной жизни. Первокурсникъ, какъ это ни странно, гораздо разсчетливѣе старыхъ студентовъ...

Разумѣется, денегъ всегда должно хватить на театръ. Нѣсколько разъ въ мѣсяцъ первокурсникъ побываетъ на галлереѣ—исконномъ студенческомъ мѣстѣ. Онъ не прихотливъ въ смыслѣ удобствъ: – лишь бы пустили въ театръ, а тамъ онъ готовъ простоять гдѣ-нибудь въ углу «зайцемъ», въ неудобнѣйшемъ положеніи, видя только полсцены. Вообще, онъ записной театралъ. И чаще всего можно встрѣтить этого господина на галеркѣ оперы. Онъ очень увлекается, хлопаетъ и кричитъ громче всѣхъ. Послѣ представленія бѣжитъ къ заднему крыльцу театра посмотрѣть, какъ выходятъ артисты. Онъ счастливъ, если какая-нибудь артистка сдѣлаетъ въ его сторону ручкой, не прочь «покачать» выходящаго любимца... Иногда въ кошелькѣ студента 1 курса гораздо больше театральныхъ билетовъ чѣмъ денегъ.... Чтобы достать галерку, онъ способенъ стоять на морозѣ у кассы по 12 часовъ сряду, а въ Художественномъ театрѣ даже переночевать...

Жизнь первокурсника течетъ быстро и незамѣтно. Онъ всегда веселъ и жизнерадостенъ. Будущее кажется рядомъ такихъ же моментовъ, какіе онъ испытываетъ теперь...

Молодой студентъ очень ретиво относится къ своимъ университетскимъ обязанностямъ. Старается не пропустить ни одной лекціи, отмѣченной въ расписаніи. Очень внимательно слушаетъ профессора, иногда даже записываетъ за нимъ. Но, обыкновенно, мало-что остается у него въ головѣ отъ выслушанныхъ лекцій—отчасти отъ неумѣнія слушать и комбинировать матеріалъ, отчасти потому, что голова набита хаосомъ всякихъ впечатлѣній. Зато онъ любитъ хлопать профессорамъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, о которыхъ наслышался еще въ гимназіи...

Шумно и весело во время перерывовъ лекцій въ курительной комнатѣ. Разговоры здѣсь, обыкновенно, ведутся на злобу дня. Передаются разные курьезы и происшествія изъ квартирной или уличной жизни, дѣлятся театральными впечатлѣніями или разсказываютъ о профессорѣ, который еще не появлялся передъ аудиторіей... Слово «коллега» виситъ въ воздухѣ. Первокурсники очень любятъ называть другъ друга этимъ именемъ: коллега, позвольте закурить! коллега, позвольте пройти! коллега, не хотите ли обмѣняться билетами—я вамъ на Демона, а вы мнѣ на Русалку?..

Въ два часа студенты заполняютъ всѣ примыкающія къ университету улицы—идутъ обѣдать, кто въ кухмистерскую, кто въ комитетскую. Нѣкоторые послѣ обѣда отправляются въ библіотеку—почитать. Читаютъ, конечно, безъ всякой системы, наиболѣе интересующее. А такъ какъ интересуетъ очень многое, то сразу набираютъ по нѣсколько книгъ и то одну возьмутъ посмотрятъ, то другую перелистаютъ... Интересуются обстановкой библіотеки, читателями разнаго типа. Однимъ словомъ, внѣшность пока больше всего привлекаетъ ихъ вниманіе. И то же самое во всемъ. Первокурсникъ неутомимъ въ своей любознательности...

Уличная жизнь очень развита среди молодыхъ студентовъ. И дома странной архитектуры, и расфранченныя женщины, и пассажи съ блестящей толпой покупателей и гуляющихъ, и предметы роскоши, выставленные въ колоссальныхъ витринахъ — все проносится передъ ними,

какъ въ калейдоскопѣ. Первокурсникъ сытъ однимъ созерцаніемъ этихъ плодовъ утонченной культуры; онъ нисколько не завидуетъ тѣмъ, которые пользуются ими. Для него все это только красивыя картины и даже дикой казалась бы мысль, что можно обладать всѣмъ этимъ.

Кромѣ уличной жизни, очень развито безцѣльное тасканіе отъ товарищей къ товарищамъ. Дома не сидится. Трудно сразу привыкнуть къ неуютной комнатѣ, гдѣ все разбросано, дорожная корзина торчитъ,—кажется, что только временно здѣсь остановились, словно въ гостиницѣ. А изъ гостиницы всегда куда-нибудь хочется уйти... Съ представленіемъ же о «домѣ» связывается родительскій домъ въ провинціи, куда первокурсниковъ ужасно начинаетъ тянуть со второй половины ноября. И большинство изъ нихъ разъѣзжаются въ началѣ декабря на рождественскія каникулы...

Особенно непріятно чувствуютъ себя молодые студенты дома по вечерамъ. И потому вечера они проводятъ, обыкновенно, внѣ дома. Это входитъ въ привычку, отъ которой потомъ трудно отвыкнуть...

Изъ вечернихъ развлеченій молодыхъ студентовъ любопытны посѣщенія ими бульваровъ. Рѣдко кто изъ студентовъ, знакомясь съ московской жизнью, не отдалъ дани Тверскому бульвару.

Юному «интеллигенту», не знакомому съ жизнью большихъ городовъ, падшія женщины кажутся чѣмъ-то особеннымъ, загадочнымъ. Привлекательные образы этихъ несчастныхъ, такъ хорошо изображенные Достоевскимъ, Гаршинымъ, отчасти въ «Воскресеніи» Толстого, невольно будятъ любопытство, манятъ своей «ужасной психологіей». И многимъ очень хочется отыскать на бульварѣ Соню Мармеладову. Поэтому, если къ первокурснику подсядетъ на бульварѣ какая-нибудь кокотка (самъ подойти къ ней онъ не рѣшается), то сейчасъ же начинается тонкій анализъ погибающей женской души. Женщина, обыкновенно, вретъ невозможнымъ образомъ, стараясь «замарьяжить молоденькаго студентика», но первокурсникъ глу-

боко вѣритъ каждому ея слову и задаетъ «направляющіе» вопросы:

— Отчего же вы ушли отъ родителей? Вы давно ходите по бульвару? За что онъ васъ бросилъ?..

Затѣмъ, вернувшись домой, первокурсникъ съ довольнымъ видомъ говоритъ товарищамъ:

— Ахъ, какую ужасную повѣсть своей жизни разсказала мнѣ сегодня Наташа.

— Какая Наташа?

— А эта... на бульварѣ...

Первокурсникъ очень гордится своимъ знакомствомъ съ такими женщинами и хотя его, какъ маменькинаго сынка, шокируютъ иногда «странныя» манеры и выходки бульварныхъ камелій, но онъ старается быть «выше предразсудковъ»... Иногда кокотки приглашаютъ его къ себѣ въ гости. И онъ церемонно дѣлаетъ визитъ, не позволяя себѣ ничего лишняго. Если попросятъ, то подаритъ свою фотографическую карточку съ надписью... На этомъ дѣло у большинства и кончается.

Компаніями иногда отправляются осматривать знаменитые переулки на Срѣтенкѣ. Ходятъ изъ дома въ домъ и смотрятъ. При приближеніи такой компаніи дорогія заведенія запираются. И компанія довольствуется осмотромъ дешевыхъ.

Толпа человѣкъ въ 8—10 вламывается, не снимая верхняго платья и калошъ, въ ярко освѣщенную залу и останавливается у дверей. Всѣ, молча, жмутся другъ къ другу и смотрятъ. Тщетно толстая экономка взываетъ къ нимъ.

— Молодые люди, раздѣньтесь! У насъ нельзя въ *одёжѣ!*..

«Молодые люди» не внемлютъ. Полюбовавшись пустымъ заломъ или 2—3 наиболѣе смѣлыми дѣвицами, они толпятся къ выходу и направляются къ слѣдующему дому.

Обыкновенно, всѣ «барышни» при возгласѣ швейцара: «Студенты»—спѣшатъ скрыться во «внутреніе покои».

Студенты не пользуются большимъ фаворомъ въ срѣтенскихъ переулкахъ.

— Только полы топчутъ, все по пустякамъ ходятъ, дѣлать имъ нечего,—ворчатъ экономки.

Первокурсники бываютъ и въ научныхъ засѣданіяхъ, и въ литературныхъ кружкахъ...

Вообще, они вездѣ собираютъ только цвѣточную пыль. Въ глубину еще не погружаются.

Своеобразенъ первокурсникъ и во время студенческаго движенія. Когда въ университетѣ появляются прокламаціи—провозвѣстники скорой бури,—первокурсника охватываетъ священный трепетъ.

— Вотъ оно ужасное и загадочное! О чемъ шопотомъ говорилось въ гимназіи, одно изъ таинствъ студенческой жизни...

Съ благоговѣніемъ первокурсникъ перечитываетъ каждую строчку «бюллетеня» исполнительнаго комитета, передаваемаго изъ рукъ въ руки въ аудиторіи во время лекцій. Этотъ бюллетень кажется ему чѣмъ-то страшнымъ и полнымъ значенія, какъ документъ, посланный смертнымъ изъ самыхъ нѣдръ божественной Изиды.

Шопотомъ первокурсники уговариваются итти на сходку.

И вотъ робкіе, но уже наэлектризованные ожиданіемъ, стремятся молодые студенты въ залъ, назначенный мѣстомъ первой сходки. Имъ нѣсколько не по себѣ въ этой массѣ незнакомыхъ людей. Они не узнаютъ въ строгихъ, мрачныхъ лицахъ окружающихъ — товарищей старшихъ курсовъ...

Залъ наполняется все тѣснѣй и тѣснѣй... Многіе въ верхнихъ платьяхъ...

Еще профессоръ не кончилъ читать, еще раздается его плавная рѣчь. Но она кажется далекой, замираетъ гдѣ-то... Молчаливо волнуется залъ. И въ этомъ молчаніи массы людей есть что-то зловѣщее и напряженное. Время отъ времени съ новой толпой врываются извнѣ волны громкихъ звуковъ. Но они сейчасъ же глохнутъ въ мрачной тишинѣ большого зала, полнаго людьми.

Первокурсникъ задыхается, его томитъ накопляющаяся нервная сила...

И вдругъ тишину разрываетъ чей-нибудь громкій звенящій голосъ:

— Господинъ профессоръ, мы просимъ васъ прекратить лекцію ..

И сразу сотни голосовъ подхватываютъ крикъ, и онъ перекатывается изъ одного конца въ другой:

— Довольно! Браво, браво! Довольно!

Залъ оживаетъ и первокурснику уже не жутко и страшно, а самому хочется кричать и хлопать въ ладоши.

Въ залѣ ревъ и оглушительный стонъ. Профессоръ сходитъ съ каѳедры... Его провожаютъ аплодисментами или свистками и шиканьемъ. Сейчасъ же на каѳедрѣ появляется блѣдный студентъ съ горящими глазами. Онъ что-то говоритъ. Но адскій шумъ заглушаетъ слова. Онъ машетъ руками, кричитъ. Всѣ стоящіе у каѳедры тоже машутъ руками на толпу. Слышны отдѣльные возгласы.

— Позвольте сказать! Слушайте! Тише!..

Но еще долго не умолкаетъ расходившійся залъ. Наконецъ, на минуту все стихаетъ. Блѣдный студентъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, говоритъ о притѣсненіи и борьбѣ... Съ третьей фразы его прерываютъ, аплодируютъ, и тщетно онъ показываетъ жестами, что хочетъ говорить дальше, — шумъ увеличивается. Блѣдный студентъ исчезаетъ. На его мѣстѣ вырастаетъ огромная фигура въ мѣховой шапкѣ и пальто...

Первокурсникъ уже разошелся. Онъ внѣ себя—реветъ оглушительнымъ ревомъ, раскраснѣлся, глаза горятъ, какъ у того блѣднаго студента. Онъ ничего не слышитъ, не понимаетъ. Только отдѣльные возгласы касаются его слуха.

— Товарищи, насъ давятъ!.. Необходима борьба!.. Соединимся!..

И онъ отвѣчаетъ на эти слова дикимъ крикомъ и аплодисментами. Все кругомъ кажется кружится въ адскомъ хаосѣ.

По окончаніи сходки, если не заберетъ полиція, первокурсникъ выходитъ изъ университета и бѣжитъ куда-то. Ему кажется, что нужно кому-то что-то передать. И онъ

останавливаетъ каждаго встрѣчнаго знакомаго студента и радостно объявляетъ:

— Сходка назначена на завтра!..

Если же его спросятъ, какую резолюцію предприняло собраніе, первокурсникъ отвѣтитъ только:

— Настроеніе твердое!

Это—двѣ фразы, которыя запечатлѣлись въ его мозгу. Больше онъ ничего не помнитъ. И на всякій вопросъ отвѣчаетъ.

— Настроеніе твердое!—И бѣжитъ, бѣжитъ куда-то, счастливый, что былъ на сходкѣ.

Первокурсниковъ мы должны отнести къ отрицательнымъ элементамъ студенческихъ движеній. Благодаря имъ сходки часто превращаются въ нѣчто безсмысленное, и абсурдное. Это они могутъ аплодировать подъ рядъ двумъо совершенно противоположнымъ по смыслу, рѣчамъ. Этоони въ состояніи устроить игрушечныя баррикады и потомъ молчаливо любоваться, какъ ихъ разрушаетъ полиція...

Для первокурсниковъ и уставъ 63-го года, и автономія университета—пустые звуки. Большинство изъ нихъ еще не успѣло даже освоиться съ университетскими порядками, и потому вовсе не знаетъ, что нужно требовать и зачѣмъ. Настроеніе ихъ очень измѣнчиво. Они такъ же быстро охладѣваютъ, какъ и возбуждаются,—въ особенности, когда возникаютъ какія-либо препятствія или необходима жертва. Тутъ уже первокурсникъ совсѣмъ теряется: не задумываясь, посылаетъ свою «маму» хлопотать за себя, а самъ хнычетъ и жалуется...

Жизнь первокурсника чисто внѣшняя, это феерія жизни...

Человѣкъ сидѣлъ въ запертомъ и закрытомъ ставнями домѣ, и вдругъ раскрыли всѣ окна: хлынулъ ослѣпительный свѣтъ, и распахнули всѣ двери, и онъ не знаетъ, ослѣпленный, въ какую дверь выйти и куда пойти. И мечется отъ одной двери къ другой, отъ одного окошка къ другому, но все еще остается въ домѣ...

Уже на второй годъ ясно обозначаются склонности студента и намѣчается путь, по которому онъ пойдетъ.

Однихъ увлекаетъ наука; другихъ внѣшняя жизнь слишкомъ привязываетъ къ себѣ, и для нихъ наука остается чисто офиціальной; третьи начинаютъ бороться за существованіе, стараются «пробить» себѣ дорогу; иныхъ интересуетъ политика; нѣкоторыхъ — отвлеченные вопросы жизни и они стараются познать все— «вырабатываютъ міросозерцаніе»; наконецъ, есть и такіе, на которыхъ бѣдность накладываетъ свою тяжелую лапу и постепенно засасываетъ ..

Сложна жизнь и различны вкусы и склонности студентовъ такъ же, какъ и всѣхъ людей...

Неуравновѣшенный.

Въ гимназіи среди гимназистовъ Смирновъ слылъ за развитого человѣка, а педагогическимъ совѣтомъ считался опаснымъ. Онъ много читалъ. И, разумѣется, какъ всякій начитанный гимназистъ, еще въ 5—6 классѣ проштудировалъ Писарева, Добролюбова, Шелгунова, Скабичевскаго. Но онъ не остановился на этихъ столпахъ гимназическаго «нелегальнаго» образованія, а пошелъ дальше. Ему удалось прочитать Дрэпера, умственныя теченія XIX вѣка Циглера, кой-какія брошюрки—въ провинціи вѣдь очень трудно достать хорошія книги—по политической экономіи и даже книгу Тэна объ искусствѣ. Интересовался онъ и поэтами и не только по обязанности, а съ наслажденіемъ читалъ Гейне, Шиллера и др. Вообще, проявлялъ интересъ ко всеобщему знанію. Въ немъ жило неутомимое стремленіе все обнять и все понять. И это стремленіе сдѣлалось основнымъ импульсомъ и въ его университетской жизни.

При выборѣ факультета Смирновъ руководствовался соображеніемъ, гдѣ разнообразнѣе и интереснѣе науки. Поэтому онъ не сталъ ни медикомъ, ни естественникомъ. Онъ слыхалъ, что эти факультеты берутъ у студента все время и почти ничего не даютъ, кромѣ своей спеціальности. Смирнову казалось просто невозможнымъ изучать только извѣстный циклъ наукъ и такимъ образомъ отрѣзать себя отъ *высшихъ* вопросовъ, отъ возможности знать все...

На юридическомъ факультетѣ науки разнообразнѣе,

много общественныхъ... Смирновъ, пожалуй, и выбралъ бы именно этотъ факультетъ. Но, когда ему сказали, что на филологическомъ читается и исторія, и литература, и философія, и психологія, и даже ,исторія искусствъ и политическая экономія, онъ пришелъ въ восторгъ и сейчасъ же отправилъ свои бумаги съ просьбой зачислить его въ студенты филологическаго факультета.

Однако, дѣйствительность оказалась вовсе не такой, какой рисовалъ ее себѣ Смирновъ. Уже въ самомъ началѣ года, когда онъ ознакомился съ распредѣленіемъ лекцій на своемъ факультетѣ, то поморщился, замѣтивъ, что самое интересное отнесено на старшіе курсы, а на младшихъ приходится имѣть дѣло съ латинскими, греческими, славянскими «нелѣпостями».

Впрочемъ, первое полугодіе ему некогда было раздумывать надъ этимъ. Онъ посѣщалъ лекціи всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ, ничему не отдавая преимущества. Какъ голодный волкъ, набросился Смирновъ на библіотеку Румянцевскаго музея и оставлялъ за собой по десяти книгъ за разъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ человѣческаго знанія.

Въ началѣ второго полугодія, когда всѣ товарищи Смирнова засѣли за курсы обязательныхъ лекцій, чтобы готовиться къ экзамену, и ему самому нужно было приниматься за болѣе систематическія занятія, Смирновъ почувствовалъ отвращеніе къ филологическому факультету и рѣшилъ перейти на другой.

— Чтобы я сталъ сидѣть,—говорилъ онъ товарищамъ,— за славянскими и латинскими лексиконами, когда столько есть интереснаго, нужнаго. Я и въ гимназіи только думалъ о томъ, чтобы избавиться отъ мертвечины и посвятить все время живымъ знаніямъ... Только сухіе люди ужи-ваются на филологическомъ и не бѣгутъ съ него. Посмотрите на филологовъ, вѣдь это настоящіе сухари. Ихъ словно засушили между двумя словарями древнихъ языковъ. Живые люди здѣсь исключеніе. Нужно быть героемъ, чтобы остаться живымъ. А я не герой...

И Смирновъ продолжалъ заниматься энциклопедіей университетской жизни: читалъ всѣ интересныя книги и посѣщалъ разнообразныя лекціи.

На второй годъ пребыванія въ Москвѣ Смирновъ состоялъ уже студентомъ юридическаго факультета — прибѣжища всѣхъ сирыхъ и бездомныхъ. Этотъ факультетъ въ настоящее время цѣненъ большимъ количествомъ свободнаго времени, которое онъ предоставляетъ въ распоряженіе студентовъ. Кому неизвѣстно, что юристу на первыхъ трехъ курсахъ достаточно двухъ мѣсяцевъ для подготовки къ экзаменамъ. Посѣщать же лекціи, которыя въ большинствѣ случаевъ являются передачей слово-въ-слово литографированнаго или печатнаго курса даннаго профессора — праздное времяпровожденіе. Смирновъ понялъ именно такъ выгоду юридическаго факультета. И, хотя нѣкоторое время онъ ходилъ на практическія занятія по финансовому праву и даже писалъ рефераты для нихъ, регулярно посѣщалъ лекціи по судебной медицинѣ, а коекогда и другія лекціи, однако, большую часть своего времени посвящалъ тому, что считалъ важнымъ и необходимымъ.

— Я вырабатываю міросозерцаніе,—отвѣчалъ онъ на вопросъ: «Чѣмъ вы заняты»? — Я не спеціалистъ и мнѣ нужно общее развитіе. Мнѣ нужно массу прочитать, потому что я ужасно многаго не знаю.

И онъ, дѣйствительно, прочитывалъ массу книгъ. Семидесятые годы и Михайловскій, потомъ Струве и марксизмъ, Бернштейнъ—одинаково привлекали его, какъ вопросы нашихъ дней. Онъ аккуратно прочитывалъ новые журналы, слѣдя за ходомъ общественной мысли и новостями литературы. Большая часть того, что вышло изъ-подъ пера Гауптмана, Ибсена, Чехова, Горькаго, Ницше было имъ прочтено. Этимъ онъ отдавалъ долгъ современности, но остановиться только на этомъ не могъ. Міровые итоги человѣческой мысли стояли передъ нимъ хаотической огромной массой и дразнили его, и онъ выхватывалъ изъ этой массы все, что только могъ и успѣвалъ.

Исторія, философія, психологія, соціологія—онъ ничему не отдавалъ преимущества... Куно Фишеръ, Сеньбосъ, Джемсъ, Липпертъ, Милюковъ, Летурно, Рескинъ, Карѣевъ и еще многіе слѣдовали одинъ за другимъ, страшно спѣша. Современная Франція и рабочія движенія въ Англіи, аграрный вопросъ и идеалы соціальной политики, романтизмъ Шиллера, художественность Мопассана... Это былъ какой-то хаосъ чтенія.

Смирновъ посѣщалъ засѣданія ученыхъ обществъ и публичныя лекціи: ему казалось, что онъ пропуститъ что-то важное и необходимое, если не пойдетъ на засѣданіе психологическаго общества или экстренное собраніе членовъ «О-ва любителей россійской словесности».

Во всемъ этомъ не было главнаго — систематичности. Слишкомъ нервный и нетерпѣливый, онъ не обладалъ драгоцѣннымъ свойствомъ нѣмца — настойчивостью, и англичанина — методичностью. Міросозерцаніе не вырабатывалось, а получалось нѣчто смутное, расплывчатое, въ высшей степени неустойчивое. Горизонтъ расширялся, но не разъяснялся. Даже возрасли противорѣчія жизни. Идеи спорили съ фактами дѣйствительности и между собой, а руководящаго принципа къ разрѣшенію этого спора не было.

Впрочемъ, пока онъ еще не сталкивался съ практической жизнью, у него были отвѣты на вопросы и явленія дѣйствительности. Онъ находилъ ихъ готовыми въ традиціяхъ студенчества. Взгляды студенчества—его взгляды. Смирновъ усвоилъ ихъ себѣ, какъ студентъ—человѣкъ извѣстной среды. Въ основу этихъ взглядовъ положена чисто идеалистическая оцѣнка всего происходящаго на свѣтѣ. Все рѣшается легко и просто, все строго раздѣлено на плохое и на хорошее или, по студенческой терминологіи, на подлость и порядочность. Этотъ догматизмъ свойственъ студентамъ, конечно, потому, что они стоятъ *внѣ* житейскихъ отношеній и жизненнаго опыта. Они не связаны ни семьей, ни собственностью, ни службой, ни обществомъ, которыя дѣлаютъ жизнь сложной и принуждаютъ человѣка заключать компромиссы съ совѣстью и

нравственнымъ долгомъ и относиться ко многому снисходительно.

Отвѣты студентовъ на всѣ вопросы, которые предлагаетъ жизнь, чрезвычайно прямолинейны:

Война зло, войска не нужны, студентъ страстно возмущается всякимъ кредитомъ на войско и ругаетъ правительства, ассигнующія деньги на милитарные расходы. Военный судъ несовершененъ: Дрейфусъ не виновенъ. Евреевъ преслѣдуютъ: евреи всегда и во всемъ правы. Студентъ ненавидитъ отъ всей души газеты, ставящія на своемъ знамени борьбу за націонализмъ, потому что «націоналисты всегда филистеры». Онъ всегда на сторонѣ порабощенныхъ народностей; армянъ, поляковъ, индѣйцевъ, буровъ и др.—безъ всякаго разсмотрѣнія условій «порабощенія»... Русскихъ инородцевъ защищаетъ гораздо горячѣе, чѣмъ русскихъ...

Такъ легко разрѣшается все, пока студентъ витаетъ въ области чистой идеалогіи. Но стоило только Смирнову столкнуться съ жизнью, и онъ пришелъ въ отчаяніе отъ хаоса, царствующаго въ ней и полнаго смѣшенія добра и зла, отъ жестокости житейской дилеммы: подчиняться или совсѣмъ уходить. Довольствоваться клочками хорошаго на цѣльномъ дурномъ казалось невозможнымъ, и, пока что, онъ предпочиталъ удаляться въ свою студенческую конуру, гдѣ сомнѣнія не мучили, потому что легко разрѣшались.

Однажды съ нимъ вышелъ такой случай. Смирновъ поступилъ въ редакцію газеты, мнѣнія которой привыкъ уважать и которой вѣрилъ всегда безусловно. Но вскорѣ онъ убѣдился, что жизнь здѣсь идетъ сама по себѣ въ достаточномъ разладѣ съ тѣмъ, что высказывалось на столбцахъ газеты. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ помѣщались восторженныя статьи объ англійскихъ рабочихъ, требующихъ восьмичасового рабочаго дня, а между тѣмъ ея собственные наборщики работали по 12 час. въ сутки, а очередные еще и ночью. И такъ въ продолженіе цѣлаго года и въ праздники, и въ будни... Его глубоко возмущало так-

же, что цѣлая масса предложеній труда въ объявленіяхъ, за которыя кухарки и другіе бѣдняки отдавали послѣднія деньги, оставалась, какъ онъ слышалъ, безъ всякихъ результатовъ, — и редакція, зная это, не предупреждала своихъ кліентовъ. Смирновъ, мучаясь этими противорѣчіями, обратился какъ-то къ знакомому редактору съ просьбой разрѣшить ему ихъ. Тотъ улыбнулся и только замѣтилъ:

— Вѣдь вы, небось, изучали политическую экономію. Знаете, что такое конкуренція. Насъ забьютъ, если мы вздумаемъ наборщикамъ устраивать праздники. Если же будемъ сообщать публикующимся о возможной участи ихъ объявленій, то придется прекратить изданіе. Вѣдь мы живемъ объявленіями...

Послѣ этого Смирновъ рѣшилъ уйти изъ редакціи, разрѣшивъ вопросъ по-студенчески: Эта газета недобросовѣстная. Такимъ образомъ онъ избѣжалъ болѣе глубокаго анализа даннаго явленія и остался при своей прямолинейности сужденій.

Однако, жизнь не замедлила предложить ему еще болѣе сложные вопросы, разрѣшить которые стало необходимо. Такіе вопросы возникли на почвѣ студенческихъ безпорядковъ. И Смирнову поневолѣ пришлось допустить компромиссы, послѣдствіемъ которыхъ явился рефлексъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже. — А теперь познакомимся вообще со студенческой жизнью Смирнова. Она не богата событіями.

Галерка театра и музыкальнаго зала, посѣщеніе художественныхъ выставокъ удовлетворяли эстетическимъ потребностямъ. Кухмистерская, библіотека, университетъ, убогія комнаты товарищей и посѣщеніе студенческихъ кружковъ — вотъ кругъ, въ которомъ вращалась его внѣшняя жизнь.

Когда чувствовалась необходимость въ общеніи съ людьми, Смирновъ шелъ къ товарищамъ. Здѣсь онъ отводилъ душу разговорами о своихъ личныхъ дѣлахъ или ощущеніяхъ. Товарищи обмѣнивались новостями. Иногда разрѣшались наиболѣе животрепещущіе вопросы москов-

ской или міровой жизни. Загорались споры и на отвлеченныя темы. Смирновъ любилъ спорить, при чемъ интересъ для него часто заключался только въ самомъ процессѣ спора. Каждый изъ противниковъ, обыкновенно, защищалъ ту точку зрѣнія, на которую случайно нападалъ, — разумѣется, это не касалось моральныхъ вопросовъ, — здѣсь было всегда готовое рѣшеніе, да моральные вопросы какъ-то рѣдко и возникали... Споры бывали продолжительные съ крикомъ на весь домъ, при чемъ студентъ, хозяинъ комнаты, хотя и кричалъ не меньше другихъ, все время просилъ товарищей быть потише, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ жилъ занимающійся «коллега», или потому что хозяйка очень строга...

Иногда, когда говорить не хотѣлось, а хотѣлось чего-то другого — болѣе жизненнаго, товарищи угрюмо молчали, курили и валялись поочередно на постеляхъ, скучали убійственно, но не расходились, потому что одиночество было еще горьше.

Впрочемъ, Смирновъ не любилъ товарищескаго лежанія и предпочиталъ бороться съ тоской наединѣ. Да и рѣдко испытывалъ онъ эту тоску...

Одно время Смирновъ часто посѣщалъ студента-естественника Лаврова.

Онъ любилъ маленькую комнатку своего лучшаго друга. Комнатка эта помѣщалась рядомъ съ кухней и днемъ здѣсь было невыносимо. Зато вечеромъ, когда наступала тишина, у Лаврова было уютно и тепло. Яркая лампа — Лавровъ говорилъ, что онъ не выноситъ сумерекъ — освѣщала массу стклянокъ и химическихъ препаратовъ, разложенныхъ на полкахъ, стульяхъ и даже на полу. Со стѣны глядѣло строгое и насмѣшливое лицо Мефистофеля и рядомъ съ нимъ другое лицо — скорбное; подъ вторымъ портретомъ была надпись: «Я люблю того, кто стремится къ познанію»... На столѣ валялись груды книгъ. Все это придавало комнатѣ колоритъ чего-то особеннаго, не житейскаго. Не чувствовалась здѣсь обычная пустота студенческихъ квартиръ...

И хозяинъ комнаты былъ живой человѣкъ, такъ же, какъ и Смирновъ, интересовавшійся всѣмъ на свѣтѣ. И также экспансивно онъ относился къ вопросамъ современности.

Когда пріятели сходились, у нихъ всегда загорались споры объ искусствѣ, о современномъ теченіи мысли и т. д.

Въ спорахъ одерживалъ верхъ, обыкновенно, Лавровъ: у него было больше обоснованности, логической строгости мыслей. Смирновъ по многимъ вопросамъ даже не рѣшался съ нимъ спорить.

— Видишь ли, милый другъ,—говорилъ ему Лавровъ,—ты знаешь многое. Но магнита въ тебѣ нѣтъ—нѣтъ, знаешь, этой выстраданности знаній. Помнишь у Ницше афоризмъ: «Пиши кровью своею и ты узнаешь, что кровь есть духъ». То же самое и въ знаніи... Мнѣ кажется, необходимо что-нибудь изучить до глубины, въ видѣ какъ бы фундамента. Тогда и остальныя знанія приложатся. Не будетъ смуты, хаоса... Я вотъ оттого и выбралъ естественный факультетъ. Вѣдь это единственный у насъ факультетъ, гдѣ добывается истина путемъ научнаго изслѣдованія. Здѣсь, братъ, можно научиться самостоятельно работать. Изслѣдованья производить...

Однако, Смирновъ не совсѣмъ соглашался съ Лавровымъ, ему казалось, что естественныя науки слишкомъ спеціальны.

— Все-таки ты при всемъ желаніи,—говорилъ онъ,—не успѣваешь читать столько, сколько я...

Въ глубинѣ души Смирновъ чувствовалъ, что Лавровъ правъ, но передѣлывать себя на «новыхъ началахъ» ему не хотѣлось, да и тяжело это было. Смирновъ всегда удивлялся «ужасной» трудоспособности Лаврова. Послѣдній успѣвалъ по цѣлымъ днямъ возиться въ химической лабораторіи и дома заниматься какими-то изслѣдованіями, читая почти столько же, сколько Смирновъ...

Мечтой Лаврова было уѣхать за границу, потому что только тамъ, - говорилъ онъ, - настоящая, сильная мысль. А у насъ, большею частью, дряблое все какое-то, какъ трава, которая въ погребѣ выросла...

И Лавровъ, дѣйствительно, скоро уѣхалъ за границу. Смирновъ тоже, пожалуй бы, не прочь былъ поѣхать съ нимъ. Но какъ-то духа не хватило.

— Когда-нибудь послѣ—рѣшилъ онъ...

Въ студенческой жизни Смирнова самое интересное было его участіе въ литературныхъ кружкахъ. Онъ находилъ здѣсь примѣненіе своимъ знаніямъ.

Еще на первомъ курсѣ Смирновъ присутствовалъ нѣсколько разъ на засѣданіи своего землячества. Но ему не понравились эти засѣданія — слишкомъ много было здѣсь формализма и даже просто скуки. Первое засѣданіе ограничилось рѣчью какого-то длиннобородаго и всѣми уважаемаго земляка, который два битыхъ часа говорилъ общія фразы о необходимости умственнаго и нравственнаго воздѣйствія товарищества, о взаимопомощи, о солидарности студентовъ. Никто ему не отвѣчалъ и не возражалъ. Все, что онъ говорилъ, было до приторности извѣстно не только старымъ, но и молодымъ студентамъ... Слѣдующія засѣданія земляковъ проходили еще скучнѣе. Студенты собирались вяло и неохотно, такъ что нерѣдко приходилось отмѣнять засѣданіе. Смирновъ помнитъ, что за полгода онъ слышалъ только одинъ рефератъ, прочитанный какимъ-то студентомъ. Въ большинствѣ случаевъ, засѣданіе ограничивалось докладомъ секретаря о текущихъ дѣлахъ: о томъ, что въ кассѣ очень мало денегъ, что никто не платитъ земляческаго сбора (50 коп. въ мѣсяцъ), что книги изъ библіотеки многіе не возвращаютъ...

Конецъ девяностыхъ годовъ былъ эпохой умиранія землячествъ. Это умираніе обусловливалось нѣсколькими причинами. Прежде всего землячество, какъ форма общенія между студентами, съ внѣшней стороны слишкомъ тяжеловѣсное учрежденіе: трудно найти помѣщеніе на 50 — 60, а то и болѣе лицъ. Затѣмъ внутренняя связь между земляками очень случайна. Обыкновенно, земляки—люди неодинаковаго развитія и различныхъ интересовъ. Послѣднее ярко сказалось именно въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда появились «новые» студенты, съ

новыми требованіями и направленіями. Раздались рѣчи объ индивидуализмѣ и нашлись страстные поклонники Ницше. Многими овладѣла горячка марксизма. Затѣмъ на сцену явились мистики, ищущіе глубины, чего-то сверхъестественнаго, любители символизма и «новаго искусства». Все это были люди увлекающіеся, горячіе. Понятно, имъ казалось тѣсно и непріятно въ землячествахъ, гдѣ все было пропитано традиціями и жизнь «предопредѣлялась» шаблономъ. «И внѣ шаблона не было спасенія»,—острили молодые студенты.

Попытки нѣкоторыхъ наиболѣе смѣлыхъ «юнцовъ» предложить для рефератовъ темы, посвященныя «всему новому» — терпѣли полное фіаско. Традиціи землячествъ совершенно не переваривали легкомыслія, и старые земляки насмѣшливо улыбались, считая зазорнымъ допустить у себя болтовню о «какой-то ерундѣ». Такимъ образомъ, подготовлялся расколъ.

Молодые студенты отдѣлялись отъ старыхъ, стали «жить» сами по себѣ, устраивать собственные кружки. А землячества распадались...

Весь этотъ расколъ, разумѣется, былъ словесный, если можно такъ выразиться. «Новые» люди оставались такими же студентами, какъ и прежніе. Но тѣмъ и отличается студенческая жизнь отъ всякой другой, что все здѣсь зиждется на словахъ. Поступковъ еще нѣтъ. Человѣкъ ничѣмъ не можетъ проявить себя—онъ внѣ настоящей, общепринятой, людской жизни. И вотъ слова замѣняютъ поступки, — они даже являются мѣриломъ оцѣнки человѣка, служатъ причиной споровъ, даже ссоръ, даже непримиримаго антогонизма. «Народникъ» можетъ совершенно искренно ненавидѣть «марксиста», а «трезвый реалистъ» — поклонника декадентства, «ницшеанецъ» презираетъ защитника устарѣвшей морали, а принципіалисть безпринципнаго «наглеца», утверждающаго, что не все свято, что студенчествомъ возведено въ традицію. И пока эти люди въ университетѣ, они живутъ интересами своихъ литературныхъ и публицистическихъ симпатій и антипатій. Впослѣдствіи *жизнь*,—уже не жизнь словъ, а настоящая, неподдѣльная жизнь — перетасуетъ всѣхъ этихъ марксистовъ, ницшеанцевъ, народниковъ... И странныя, подчасъ, получатся метаморфозы. «Принципіалистъ» и «безпринципный» вмѣстѣ станутъ работать на славномъ поприщѣ зеленаго стола, по формуляру числясь въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, «ницшеанецъ» и «моралистъ» бокъ-о-бокъ сладко будутъ дремать на «скамьѣ» одной изъ залъ общественнаго собранія въ нѣдрахъ Россіи, а «радикалъ» и «консерваторъ» въ одинъ прекрасный день окажутся изъ породы «хапающихъ» господъ адвокатовъ... Бываетъ, разумѣется, и иначе. Всяко бываетъ. Отмѣчаемъ только лишній разъ печальный фактъ, что *студенческіе* разные марксизмы, народничества, а подчасъ и либерализмъ не гарантируютъ человѣка, не предрѣшаютъ судьбу...

Но, пока человѣкъ въ университетѣ — студентъ, слово для него все. Изъ-за словъ онъ можетъ быть превознесенъ до небесъ или обруганъ самымъ позорнымъ образомъ.

Мы отвлеклись въ сторону...

Итакъ, землячества смѣнились кружками... Характерно, что нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ землячествъ разбились на секціи—небольшіе кружки съ самымъ различнымъ направленіемъ, а общія собранія назначаются исключительно съ финансовой цѣлью. Другія землячества поддерживаются исключительно интересами чисто матеріальнаго характера: таковы большинство «національныхъ» землячествъ...

Смирновъ не принадлежалъ къ крайнимъ новѣйшимъ элементамъ — онъ не упивался «жестокостью» ницшеанской морали или мистицизмомъ Достоевскаго, плохо мирился и съ искусствомъ ради искусства. По взглядамъ онъ скорѣй принадлежалъ къ консервативному студенчеству. Однако, и ему было непріятно доктринерство стариковъ, и ему хотѣлось поговорить объ Ибсенѣ, Гауптманѣ и о новомъ искусствѣ. Поэтому онъ съ удовольствіемъ сталъ принимать участіе въ кружкахъ.

Студенческіе кружки въ Москвѣ рѣдко носятъ какую-нибудь спеціальную окраску. Въ одномъ и томъ же кружкѣ читаются рефераты и о Гауптманѣ, и о философіи Гегеля, и на «марксистскія» темы. Образовываются кружки по инціативѣ того или иного студента, у котораго есть желаніе и пригодное помѣщеніе для собранія, иногда группой лицъ. Доступъ въ кружки очень свободный для студентовъ, нужно имѣть только знакомаго, посѣщающаго кружокъ. Посѣтителей на каждомъ собраніи бываетъ человѣкъ 15—20, при чемъ немногіе изъ нихъ являются постоянными «членами», часто приходятъ новые, а другіе перестаютъ бывать.

Характерной чертой московскихъ студенческихъ кружковъ является отсутствіе опредѣленной программы и опредѣленнаго состава посѣтителей. Впрочемъ, бываютъ и болѣе или менѣе замкнутыя группы съ опредѣленнымъ направленіемъ. Но это скорѣй группы единомышленниковъ, чѣмъ студенческій кружокъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Прекращаютъ свое существованіе кружки по чисто случайнымъ причинамъ.

Въ началѣ 2 курса Смирновъ и нѣсколько товарищей стали собираться по очереди другъ у друга для чтенія рефератовъ и обсужденія различныхъ общественныхъ и научныхъ вопросовъ. Бывало и по нѣскольку барышень-курсистокъ, которыя почти не принимали участія въ преніяхъ и рефератовъ не читали, а только слушали, изрѣдка отдѣльными восклицаніями выражая свой восторгъ или негодованіе по поводу высказываемаго. Смирновъ замѣчалъ и послѣ, что барышни никогда не принимаютъ участія въ преніяхъ, хотя ни одинъ студенческій кружокъ не обходится безъ женскаго персонала. Впрочемъ, въ данномъ кружкѣ двѣ изъ барышень въ самомъ началѣ рѣшительно высказались о направленіи кружка. Онѣ заявили, что, если изъ программы кружка будетъ изъято «политическое», онѣ не желаютъ быть его членами. И, дѣйствительно, сдержали свое обѣщаніе, когда остальные члены единогласно постановили не касаться «политики», какъ начала, не соотвѣтствующаго цѣлямъ кружка *).

На собраніи кружка иногда читали рефераты. Если не находилось желающихъ писать рефератъ, то просто ставился вопросъ для обсужденія, иногда читали какую-нибудь журнальную статью. Вторая часть вечера посвящалась «преніямъ», скорѣй спорамъ по поводу прочитаннаго, такъ какъ порядка въ преніяхъ не было никакого. Здѣсь говорили объ артеляхъ Левицкаго, о роли личности въ исторіи, о философскомъ идеализмѣ, рѣшали вопросъ о добрѣ и злѣ. Горячились и спорили часовъ по 5—6.

Сначала кружокъ собирался еженедѣльно, но мѣсяца черезъ три, когда члены кружка достаточно высказались и надоѣли другъ другу, собранія стали рѣже и скоро кружокъ распался совсѣмъ.

Тогда Смирновъ сталъ посѣщать литературныя «вечеринки» у одного женатаго студента, гдѣ бывало много студентовъ и курсистокъ, мало постоянныхъ и много случайныхъ посѣтителей. Нѣкоторые являлись только для того, чтобы прочитать свой рефератъ, который они читали и въ другихъ кружкахъ; другіе приходили ради той или иной интересной для нихъ темы. Среди посѣтителей преобладали юристы и филолоѓи, какъ и во всѣхъ студенческихъ кружкахъ, гораздо меньше было естественниковъ, слишкомъ занятыхъ своей лабораторіей и почти не бывало медиковъ. Рефераты здѣсь читались самаго разнообразнаго свойства: Символизмъ Гауптмана, Идеализмъ у Бердяева, Новое слово Струве, Пессимизмъ Чехова, Матеріалистическое пониманіе исторіи, О неомарксизмѣ, О критикѣ Достоевскаго Мережковскимъ; Вопросы, поднимаемые «Накипью» Боборыкина (дворянство и купечество), Великій русскій драматургъ (А. Чеховъ), Разсказы Леонида Андреева, Мораль грядущаго человѣка (Фридрихъ Ницше), Горькій или Чеховъ, Проповѣдь жизни (Максимъ Горькій).

---

*) „Не касаться политики“ — эта очень характерная фраза для всѣхъ студенческихъ кружковъ.

Этотъ кружокъ пришелся болѣе «по вкусу» Смирнову: тутъ онъ могъ говорить обо всемъ; благодаря непостоянству членовъ кружка, всегда услышать чье-нибудь новое мнѣніе и найти поводъ къ спору. Поговорить и поспорить ему всегда хотѣлось. Накопляемый литературный матеріалъ отъ чтенія всегда требовалъ выхода. Писалъ онъ и самъ рефераты,—между прочимъ, одинъ по вопросу морально-общественнаго характера. Въ этомъ рефератѣ Смирнова «довольно тенденціозно,—какъ выразился оппонентъ,—отсутствовала твердая точка зрѣнія на предметъ», и были противорѣчія. Конечно, эти противорѣчія были несознательныя, они являлись слѣдствіемъ массы мнѣній, усвоенныхъ Смирновымъ у различныхъ авторовъ, и отсутствія критическаго метода.

Вообще, на всѣхъ его сужденіяхъ лежала печать доктринерства. *Были противорѣчія, но сомнѣній не было.* Условныя истины міра казались незыблемыми такъ же, какъ и все, что говорилось въ книгахъ. Опыту жизни предстояла впослѣдствіи огромная разрушительная работа...

А противорѣчія иногда бывали довольно грубыя.

Разсуждалъ, напримѣръ, Смирновъ о судьбахъ русскаго крестьянства съ точки зрѣнія неомарксизма и предрекалъ, что всѣ мужики непремѣнно должны сдѣлаться фабричными, а въ концѣ рѣчи онъ незамѣтно для себя «съѣзжалъ» къ утвержденію, что «помѣщичье царство скоро кончится и земли дворянъ неминуемо должны перейти къ крестьянамъ. Когда ему возражали и указывали на двойственность его мыслей, онъ горячо возражалъ, но, обыкновенно, не по существу, а придираясь къ той или иной фразѣ оппонента, и, такимъ образомъ, запутывалъ вопросъ.

Впрочемъ, запутываніе, а не разъясненіе вопросовъ, перескакиванье съ одного утвержденія на другое, имѣющее только внѣшнюю связь съ первымъ, было обычнымъ явленіемъ въ этомъ, да и въ большинствѣ студенческихъ кружковъ. Рѣдко у кого изъ студентовъ знанія приведены къ одному знаменателю. У многихъ преобладаетъ неясное отношеніе къ тѣмъ или инымъ затрогиваемымъ вопросамъ. Понятія спутаны—въ головѣ только сырой матеріалъ. Споры о художественной литературѣ, гдѣ важны субъективныя мнѣнія, конечно, гораздо цѣльнѣе споровъ на всякія иныя темы.

Однако, общая сумбурность мнѣній не мѣшала складности рѣчи и закругленности періодовъ нѣкоторыхъ изъ ораторовъ. Въ кружкѣ старались дать возможность высказаться каждому желающему. И только въ концѣ вечера, когда страсти разгорались, начинался перекрестный разговоръ, и публика разбивалась на группы.

Кружокъ просуществовалъ около года и распался, когда хозяинъ комнаты переселился на другую квартиру и новая квартирная хозяйка не позволила устраивать у себя «никакихъ сборищъ».

Съ воспоминаніемъ объ этомъ кружкѣ у Смирнова связывается воспоминаніе о «романѣ» съ одной курсисткой высшихъ курсовъ. Онъ познакомился съ ней на собраніяхъ кружка, куда она приходила очень часто. Смирновъ обратилъ на нея особенное вниманіе, потому что Огнева,—такъ звали курсистку,—всегда одобрительно и даже восхищенно смотрѣла на него, когда онъ оппонировалъ или читалъ рефератъ. Случилось, что послѣ одного, очень оживленнаго вечера, посвященнаго «Тремъ сестрамъ» Чехова, Смирновъ и Огнева вмѣстѣ вышли на улицу. Въ немъ еще не улеглось возбужденіе отъ спора, хотѣлось говорить еще и еще. И онъ вызвался ее проводить. Всю дорогу они весело болтали. Больше говорилъ Смирновъ, и ему казалось, что никогда онъ не говорилъ такъ красиво и хорошо, какъ въ этотъ вечеръ. Огнева была тоже оживлена, вдвоемъ ей было не такъ страшно высказывать свои мнѣнія, какъ передъ большимъ собраніемъ.

— Мнѣ ужасно, ужасно нравится Чеховъ,— говорила дѣвушка. Столько въ немъ правды... Какъ удивительно онъ передалъ этотъ стонъ трехъ сестеръ: «въ Москву, въ Москву». Я на первомъ представленіи даже плакала. Мнѣ казалось, что это я сама послѣ окончанія гимназіи. Я тогда такъ рвалась въ Москву...

— Вы нѣсколько неправильно понимаете чеховское «въ Москву», — сказалъ Смирновъ,—нужно понимать это шире. «Въ Москву» означаетъ, вообще, стремленіе къ свѣту, къ истинѣ—томленіе всего человѣчества. Настоящій романтизмъ! Если вы сопоставите съ этимъ стономъ изстрадавшейся женской души «Голубой цвѣтокъ» Новалиса, представите себѣ исканіе Фауста или мечты Ницше о сверхчеловѣкѣ, то васъ поразитъ аналогія между этими, какъ будто несходными представителями человѣчества: всѣ они одинаково стремятся куда-то прочь изъ нашего ничтожнаго, пошлаго и скорбнаго міра. Всѣмъ хочется новой обстановки, новыхъ людей, новой жизни. Только стремленіе ихъ выражается въ различныхъ словахъ и представленіяхъ о лучшемъ мірѣ...

Смирновъ увлекся и готовъ былъ говорить еще, сколько угодно. Онъ не замѣчалъ, что они давно гуляли по одному и тому же мѣсту около высокаго дома. Наконецъ, Огнева сказала:

— Однако, мнѣ пора. Я вотъ здѣсь живу. Заходите когда-нибудь.—Потомъ она крѣпко пожала Смирнову руку и замѣтила на прощаніе:

- Какъ вы хорошо, хорошо-удивительно говорите. Я такъ совсѣмъ не умѣю...

Смирновъ былъ очень доволенъ. Онъ ушелъ въ восхищеніи отъ этой милой барышни. Хотя трудно было сказать, кѣмъ онъ былъ болѣе вдохновленъ—курсисткой или своими рѣчами.

Вскорѣ Смирновъ зашелъ къ Огневой и предложилъ вмѣстѣ пойти на «Одинокихъ» въ Художественный театръ, куда онъ досталъ два билета въ бельэтажѣ. Она съ радостью согласилась...

Они сидѣли рядомъ и смотрѣли на сцену, гдѣ изнывала отъ тоски Китти и бѣдный Іоганнъ метался въ отчаяніи, не зная, что дѣлать. Смирнову казалось, что одновременное переживаніе драмы дѣлаетъ его близкимъ женщинѣ, сидѣвшей рядомъ. Одно и то же чувство, испытываемое ими, какъ-то роднило ихъ. И, когда въ наиболѣе силь-

ныхъ мѣстахъ драмы она взглядывала на него испуганными глазами, онъ понималъ ее безъ словъ. Но странно, вмѣсто того, чтобы испытывать страданіе, онъ чувствовалъ гордость, силу.

— Мы вдвоемъ и намъ не страшны всѣ мученія этихъ одинокихъ и жалкихъ людей, — говорилъ внутренній голосъ.

Послѣ третьяго дѣйствія, когда сосѣдка Смирнова тихо и задумчиво сказала.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть чьей-нибудь Анной Мааръ!—Онъ вдругъ ощутилъ къ ней безотчетную нѣжность и ему стала дорога эта милая дѣвушка съ синими глазами и умнымъ лицомъ. Стараясь скрыть волненіе, онъ также тихо спросилъ:

— Только не Анной Мааръ, доводящей до самоубійства?

Она взглянула ему прямо въ глаза и, покачавъ головой, нѣжно засмѣялась. И Смирнову сдѣлалось удивительно пріятно отъ этого взгляда и смѣха, и онъ разсмѣялся тоже, хотя въ драмѣ ничего не было смѣшного...

Они возвращались изъ театра уже какъ старые, близкіе пріятели, и ему казалось, что нужно разсказать этой дѣвушкѣ очень многое про себя... И онъ говорилъ горячо о чемъ-то, чего не могъ вспомнить никогда впослѣдствіи. И она отвѣчала ему и часто смѣялась нѣжнымъ, серебристымъ смѣхомъ. И этотъ смѣхъ отзывался въ его душѣ, какъ колокольчики далекаго луга, гдѣ свѣтитъ солнце и растутъ цвѣты...

Они стали видѣться очень часто: вмѣстѣ ходили въ театръ, куда Смирновъ всегда доставалъ билеты, и на литературныя собранія. Смирновъ разсказывалъ Огневой о тѣхъ вопросахъ и ученіяхъ, съ которыми онъ знакомился изъ книгъ, хотя читать за послѣднее время сталъ меньше: его больше теперь интересовала Огнева, чѣмъ книги. Онъ хотѣлъ быть ея «образовательнымъ» руководителемъ и рекомендовалъ ей для чтенія хорошія брошюры и книги. Иногда они читали вмѣстѣ какую-нибудь интересную журнальную статью или новый разсказъ любимаго писателя.

Потомъ онъ долго говорилъ объ этомъ разсказѣ, а она внимательно слушала, смотря на него своими синими, умными, глазами. Разногласій между ними не было, — она всегда признавала его авторитетъ. Она одобряла и поддерживала его, когда ему приходилось выступать на собраніяхъ въ качествѣ оппонента и старалась успокоить, если Смирновъ уходилъ съ собранія, раздосадованный на неправильныя возраженія. Онъ любилъ ей жаловаться, а она любила его утѣшать.

Впрочемъ, однажды между ними вышло маленькое недоразумѣніе. Дѣло было такъ. Огнева предложила пойти на собраніе кружка ницшеанцевъ, гдѣ участвовала ея подруга. Этотъ кружокъ состоялъ изъ 8 студентовъ и нѣсколькихъ барышень — страстныхъ поклонниковъ Ницше. Они читали этого философа на русскомъ языкѣ и въ подлинникѣ (нѣкоторые изъ нихъ даже нарочно изучали для этого нѣмецкій языкъ), восторгались каждымъ афоризмомъ, старались раскрыть ихъ тайный смыслъ, комментировали на разные лады ницшевскія философскія воззрѣнія, наслаждались красотой стиля...

Послѣ засѣданія этого кружка, провожая Огневу домой, Смирновъ категорически заявилъ, что на подобныя собранія онъ больше ходить не намѣренъ.

— Что это такое?—говорилъ онъ.—Люди словно помѣшались на какомъ-то контрапунктѣ. Возятся по три часа надъ двумя полубезсмысленными фразами, смакуютъ каждую строчку поэмы. Нѣтъ, воля ваша, я совершенно не понимаю этихъ вашихъ индвидуалистовъ.

— А мнѣ сегодня понравилось,— замѣтила Огнева.— Вы помните, съ какимъ чувствомъ читала Итулина «Пѣсню ночи» изъ Заратустры. А тотъ блѣдный студентъ съ нервнымъ лицомъ, который говорилъ о красотѣ страдальческой жизни великаго Ницше, объ исканіи имъ правды...

— Каждый незаурядный человѣкъ ищетъ правду,— перервалъ уже раздраженно Смирновъ. — Эту правду искали и Гёте и Гегель, и Вольтеръ, и даже нашъ Рудинъ. Меня только бѣситъ, что эти господа сидятъ надъ Ницше, какъ

надъ писаной торбой и возятся съ его страданіемъ. Мнѣ душно въ ницшеанскомъ, быть-можетъ, и красивомъ, но ограниченномъ дворцѣ символовъ и образовъ... Въ продолженіе вечера только и было слышно: нравственная красота, красота формы, красота страданія... Можно съ ума сойти отъ этой разнообразнѣйшей красоты... Мнѣ невольно вспоминается подобный студенческій кружокъ, только посвященный исключительно Достоевскому. Тамъ тоже нѣчто въ родѣ изувѣрства. Читаютъ въ сотый разъ «Идіота». Ихъ, видите ли, прельстилъ типъ князя Мышкина. Это, говорятъ, кристальной души человѣкъ... И, представьте, стараются ему подражать во всемъ, проповѣдуютъ незлобивость, кротость, всепрощеніе. А идеализмъ такъ и не сходитъ у нихъ съ языка. Всюду, куда нужно и куда ненужно, суютъ это слово...

— Я считаю,—замѣтила Огнева,—что всепрощеніе и незлобивость, дѣйствительно, высокія людскія достоинства...

— Нѣтъ и нѣтъ. Если человѣкъ будетъ такимъ, онъ обратится въ раба. Нельзя всегда прощать и молчаливо любоваться тѣмъ, что тебя оскорбляютъ. Жизнь требуетъ борьбы...

Но Огнева на этотъ разъ съ непонятной настойчивостью продолжала защищать свое мнѣніе... И Смирновъ холодно простился съ ней и ушелъ обозленный. Ему казалось, что онъ уже совершенно разочаровался въ этой мелкой женщинѣ...

Впрочемъ, первая размолвка между друзьми не была продолжительна. Вскорѣ они помирились и возобновили дружбу...

Когда распался кружокъ у женатаго студента, Смирновъ по протекціи товарища попалъ на литературныя собранія, устраиваемыя у одной богатой дамы. Послѣдняя любезно предоставила помѣщеніе нѣкоторымъ изъ знакомыхъ студентовъ, чтобы они уже отъ себя организовали студенческій кружокъ. Собранія происходили каждую недѣлю по заранѣе назначеннымъ днямъ. По внѣшности здѣсь было болѣе чинно,— присутствующіе усаживались во-

кругъ длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ; передъ каждымъ лежала бумага и карандашъ. Разумѣется, это было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ студенческихъ помѣщеніяхъ, гдѣ сидѣли на чемъ ни попало, начиная съ подоконника и кончая кроватью, а многимъ даже приходилось стоять. Однако, нѣкоторые студенты не хотѣли итти къ богатой дамѣ, именно изъ-за этихъ стѣснительныхъ, какъ они говорили, удобствъ. А одинъ изъ товарищей Смирнова такъ прямо заявилъ, что не пойдетъ къ «капиталистамъ».

— Между мной и капиталистами нѣтъ ничего общаго и не должно быть, — рѣзко оборвалъ онъ Смирнова, когда послѣдній упрашивалъ его отправиться вмѣстѣ на одинъ изъ вечеровъ.

Смирновъ считалъ, что подобный взглядъ черезчуръ узкій, нетерпимость не всегда умѣстна. Да и не хотѣлось ему задумываться надъ словами товарища, Смирнова очень интересовали вечера у богатой дамы.

По неопредѣленности программы и разнообразію темъ для рефератовъ этотъ кружокъ нисколько не отличался отъ собраній у женатаго студента. Составъ же посѣтителей былъ нѣсколько иной. Хотя преобладали студенты, однако, бывали кое-кто изъ болѣе положительныхъ людей: приватъ-доценты, литераторы, иногда даже заглядывали писатели и профессора. И дамы здѣсь были «шикарныя»: артистки изъ моднаго театра, одна, двѣ барыни изъ посѣтительницъ первыхъ представленій, писательницы...

Здѣсь всегда предсѣдательствовалъ какой-нибудь компетентный господинъ. Онъ давалъ слово желающимъ, не позволялъ повторяться и въ концѣ резюмировалъ все, что говорилось. И, обыкновенно, уже послѣ предсѣдательскаго резюмэ начинался перекрестный разговоръ и собесѣдованье принимало такой же бурный характеръ, какъ во всѣхъ студенческихъ кружкахъ.

Смирнову этотъ кружокъ нравился больше, чѣмъ чисто студенческіе. Здѣсь высказывались болѣе солидныя мнѣнія, меньше говорили тѣ, которые мало или почти ничего не знали по данному предмету. Затѣмъ, всѣ считали своимъ

долгомъ подготовиться къ слѣдующему собранію, и не только референты, а и тѣ, которые намѣревались оппонировать. Оппонировали почти всѣ мужчины. Смирновъ, благодаря этому кружку, многое изъ своихъ знаній систематизировалъ, а затѣмъ дополнилъ источниками, указанными компетентнымъ предсѣдателемъ.

Интересно было ему также послушать людей болѣе развитыхъ и опытныхъ, чѣмъ студенты. Въ кружкѣ участвовали люди, знакомые съ жизнью, близко стоящіе къ общественной и журнальной жизни, вводившіе и студентовъ въ кругъ этой жизни. Все это приносило послѣднимъ несомнѣнную пользу...

Огнева не бывала на засѣданіяхъ этого кружка, и Смирновъ вначалѣ съ удовольствіемъ и подробно разсказывалъ ей о каждомъ вечерѣ. Однако, постепенно между ними росло отчужденіе. Смирновъ очень увлекался рефератами и оппонированьемъ въ кружкѣ и уже не такъ много думалъ и посвящалъ времени Огневой. Впрочемъ, иногда они ходили вмѣстѣ на нѣкоторыя студенческія собранія. Однажды попали на случайное собраніе по поводу 19 февраля. Это было довольно оригинальное собраніе. Преній и реферата не было, а каждый изъ присутствующихъ долженъ былъ сказать рѣчь на тему, имѣющее прямое или косвенное отношеніе къ 19 февраля. Одинъ изъ ораторовъ далъ общій историческій обзоръ періода отъ 61 года до настоящаго времени, другой сказалъ о прогрессѣ въ народномъ образованіи, третій — объ современномъ положеніи крестьянъ. Кто-то произнесъ символическую рѣчь на тему освобожденія крестьянъ. Смирновъ сравнилъ эпоху шестидесятыхъ годовъ съ настоящей. Вообще, вечеръ былъ очень оживленъ. Мысль работала и большинство говорило дѣльно, хотя мало кто слушалъ: каждый «готовился» къ своей рѣчи.

Опять Смирновъ провожалъ Огневу, и опять чувствовалъ особую приподнятость настроенія и нѣжность къ ней, опять хотѣлось говорить безъ конца...

Но этотъ вечеръ былъ послѣдній вечеръ ихъ «любви».

Разыгравшееся студенческое движеніе послужило поводомъ къ окончательному разрыву между Смирновымъ и дѣвушкой съ синими глазами. Это былъ памятный годъ, когда впервые студенты «забастовали». Смирновъ всецѣло стоялъ на сторонѣ забастовщиковъ и для него не примкнуть къ движенію обозначало совершить низкое отступничество. Когда Огнева рѣшительно заявила, что она будетъ посѣщать курсы, потому что пріѣхала въ Москву учиться, а не бастовать, Смирновъ разразился громкой тирадой, въ которой назвалъ Огневу низкой отступницей и ретроградкой и заявилъ, что отнынѣ все между ними кончено.

Послѣ окончанія движенія, по нѣкоторымъ причинамъ, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, но мириться не пошелъ; ему казалось, что она не приметъ никакихъ извиненій. Тутъ онъ впервые испыталъ на себѣ тяжесть жизненныхъ дилеммъ. Вообще, студенческія движенія—въ періодъ его студенчества ихъ было нѣсколько — поставили Смирнова лицомъ къ лицу съ практикой жизни и породили въ немъ сомнѣнія.

Намъ придется подробнѣе остановиться на этой сторонѣ студенческой жизни Смирнова.

Въ первый разъ Смирновъ — еще первокурсникъ — пошелъ на сходку, не отдавая себѣ отчета, для чего онъ идетъ и что ему нужно требовать. Онъ вѣрилъ на слово тѣмъ, которые утверждали, что университетская жизнь становится невыносимой. Самъ онъ этой «невыносимости» не чувствовалъ, напротивъ, университетъ былъ раемъ по сравненію съ гимназіей. Однако, онъ былъ студентъ и, слѣдовательно, человѣкъ, облеченный извѣстными обязанностями. Какъ студентъ, онъ долженъ былъ принимать участіе въ общемъ товарищескомъ дѣлѣ.

Руководствуясь такими соображеніями, и кромѣ того побуждаемый любопытствомъ, Смирновъ явился на первую сходку.

Общее повышенное настроеніе сходки овладѣло и имъ. Онъ сталъ аплодировать и кричать со всѣми, когда ораторы доказывали необходимость борьбы. Ему трудно было

вникнуть въ смыслъ того, что говорили долго и послѣдовательно нѣкоторые ораторы. Длинныя рѣчи утомляли его; ему, разгоряченному, хотѣлось больше шума и движенія, и онъ громко протестовалъ и требовалъ, чтобы ораторы поскорѣе смѣняли другъ друга. Ему нравились громкія, общія фразы, въ родѣ слѣдующихъ:

«Товарищи, нашу свободу давятъ! Нѣтъ простора для личностей — инспекція запрещаетъ даже носить бѣлые башлыки и неформенныя фуражки...»

Все это реально рисовало передъ нимъ положеніе вещей и казалось возмутительнымъ.

Въ два часа у Смирнова отъ крика разболѣлась голова, и онъ не могъ оставаться въ залѣ. По дорогѣ домой у него шумѣло въ ушахъ и какіе-то несвязные обрывки мыслей проносились въ мозгу: какой-то уставъ 63 года, башлыки, неделя, автономія университета... А когда пришелъ домой, все окончательно смѣшалось и стало далекимъ и чуждымъ. Уставшій Смирновъ прилегъ на постель и заснулъ.

Его разбудили громкіе голоса товарищей. Очень взволнованные, они наперебой разсказывали Смирнову, что въ 4 часа пополудни въ университетъ вошла масса полицейскихъ, и всѣхъ бывшихъ въ залѣ студентовъ арестовали. Арестовано и уведено *неизвѣстно куда* 400 человѣкъ, а въ томъ числѣ Розановъ, Лукьяновъ и другъ Смирнова — Вишняковъ...

Это извѣстіе поразило Смирнова и онъ горячо присоединился къ мнѣнію товарищей: необходимо во что бы то ни стало освободить товарищей!

— Завтра назначена сходка, идутъ всѣ! — сообщилъ Горловъ.

И товарищи продолжали говорить объ этой несправедливости, объ ужасномъ самоуправствѣ полицейскихъ... Затѣмъ они отправились на квартиру братьевъ Званцевыхъ, гдѣ застали цѣлую компанію студентовъ, такъ же возбужденныхъ, какъ и они... Цѣлая ночь прошла въ лихорадочномъ ожиданіи завтрашней сходки, которая должна

была порѣшить все... На утро разнеслась вѣсть, что ночью арестовано до 100 человѣкъ, нѣкоторые даже утверждали, что больше семисотъ...

Сходка была бурная. Кричали еще громче, чѣмъ вчера. Теперь всѣ твердо знали, что нужно требовать освобожденія арестованныхъ товарищей.

Въ 7 часовъ вечера арестовали и эту сходку. Смирновъ ушелъ въ 6 ч. Опять онъ былъ почти боленъ и въ головѣ царствовала смута. Не рѣшили ничего! Только назначили на завтра новую сходку.

Однако, слѣдующая сходка не состоялась: двери зала оказались запертыми. Постоявъ на дворѣ университета, студенты разошлись по домамъ. Но возбужденіе не улеглось. Много говорили въ общихъ столовыхъ, собирались по квартирамъ, вечеромъ всѣ пивныя и мелкіе рестораны вокругъ университета были переполнены студентами, на бульварахъ коллеги появлялись группами, пѣли воинственныя пѣсни.

Цѣлая недѣля прошла въ ажитаціонномъ состояніи. Всѣ чего-то ждали, никто ничѣмъ не могъ заниматься, аудиторіи пустовали... Смирнову казалось, что весь городъ въ странномъ смутномъ движеніи, что вотъ-вотъ разразится буря!..

Но черезъ нѣсколько дней изъ Бутырокъ выпустили арестованныхъ студентовъ. И они вернулись оттуда веселые, и такіе же обыкновенные, какіе были прежде... Все вдругъ успокоилось кругомъ и стало будничнымъ. Жизнь почти сразу вернулась въ свою колею, словно никогда ничего не было.

Смирнова поразила эта легкость, съ которой большинство студентовъ, не только кричавшихъ на сходкѣ, но даже и «пострадавшихъ», вернулось «къ обычному теченію академической жизни». Вѣдь все, все осталось постарому. Къ чему же тогда было *поднимать* это движеніе? Студенты зачѣмъ-то поволновались, поволновались и бросили, словно игрушку, которая надоѣла.

Наблюдая своихъ знакомыхъ, участвовавшихъ въ движеніи, онъ замѣтилъ, что если часть изъ нихъ была дѣйствительно убѣждена въ необходимости безпорядковъ, то другая часть явилась откуда-то со стороны: интересы этихъ послѣднихъ ничего общаго съ интересами студенчества не имѣли.

Смирновъ положительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ Катковскій, этотъ заядлый картежникъ, могъ очутиться среди «бунтовщиковъ»? Противъ чего онъ могъ бунтовать? То же самое Селинъ — завсегдатай Тверского бульвара... И Моховъ, и Лохвицкій и многіе другіе... Его всегда возмущала ихъ полнѣйшая безпринципность, и вдругъ всѣ они являются на сходку. Зачѣмъ?

Никто изъ нихъ не могъ дать Смирнову точнаго отвѣта, что побудило ихъ принять участіе въ движеніи.

— Такъ, всѣ пошли, отчего же было и намъ не пойти? — былъ почти общій ихъ отвѣтъ.—А вѣдь всѣ они что-то кричали на сходкѣ и что-то требовали. А теперь постарому сидятъ за карточными столами и на бульварѣ. Только всѣмъ знакомымъ и даже публичнымъ женщинамъ разсказываютъ, какъ весело было въ Бутыркахъ, какъ они тамъ играли въ парикмахерскую, издавали юмористическій журналъ и снимались (каждый притащилъ съ собой по нѣскольку фотографическихъ карточекъ, которые наперерывъ выпрашивали у этихъ героевъ дамы и дѣвицы).

Впрочемъ, и изъ искренно убѣжденныхъ студентовъ почти никто не могъ ясно высказаться, зачѣмъ нужно было движеніе—по крайней мѣрѣ, отвѣты были разнорѣчивы до невозможности. Одни говорили, что хотѣли автономіи университета, однако, не объяснили точно, что такое автономія, другіе толковали объ уставѣ 63 года, но оказывалось, что устава не читали. Третьи жаловались на стѣсненіе свободы. Нѣкоторые прямо заявляли, что весь современный университетъ никуда не годится и все должно итти на смарку... Въ подробности же никто не входилъ.

— Это должно быть всякому извѣстно,—отвѣчали студенты Смирнову.

Единственный пунктъ, на которомъ сходились всѣ,— желаніе избавить потерпѣвшихъ товарищей отъ наказанія, которое имъ грозило.

Но вѣдь эта была внѣшняя причина, проистекающая изъ самаго движенія. А вопросъ оставался открытымъ:

— Зачѣмъ нужно было движеніе? Почему оно кончилось такъ несуразно, кончилось ничѣмъ?

На второй вопросъ Смирновъ скоро нашелъ отвѣтъ. Огромное большинство студентовъ не выстрадало, не сознавало въ глубинѣ души несовершенства академической жизни. И поэтому все у нихъ было поверхностно, и такъ скоро они охладѣвали.

«Буря въ стаканѣ воды» — подумалъ Смирновъ.

Однако, рѣшилъ ближе познакомиться съ исторіей университета. Онъ перечиталъ въ Румянцевской библіотекѣ всѣ университетскіе уставы съ 1804 года по 1884. Прочелъ массу статей по университетскому вопросу въ журналахъ и пришелъ къ заключенію, что, дѣйствительно, современный университетъ далеко не совершененъ. И врядъ ли тутъ можетъ помочь горю только уставъ 63 г.

Въ концѣ-концовъ Смирновъ все-таки остался съ очень неопредѣленнымъ мнѣніемъ о студенческихъ движеніяхъ.

Такъ прошло полтора года. Университетская жизнь шла своимъ чередомъ и не было ничего, чтобы заставило думать, что безпорядки повторятся...

Вдругъ пришло извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ извѣстный инцидентъ вызвалъ волненіе среди студентовъ, что состоялось нѣсколько сходокъ въ университетѣ. Въ студенческой Москвѣ тотчасъ же началось глухое броженіе. Образовался исполнительный комитетъ и появились прокламаціи.

— Необходимо примкнуть — это общественное дѣло, — толковалось въ прокламаціяхъ. — Мы не *имѣемъ права* сидѣть сложа руки, когда знаемъ, что наши товарищи страдаютъ, что поруганы священнѣйшія права человѣка.

И вслѣдъ за этимъ опять обострился вопросъ о пресловутой инспекціи и всплыла на поверхность автономія

университета, а неизмѣнные педеля обратились въ злѣйшихъ враговъ. Опять у студентовъ были взволнованныя лица. Еще мало говорили, но первая сходка была уже назначена.

Смирновъ испытывалъ то же, что и всѣ. Онъ какъ будто совсѣмъ забылъ свои прежнія наблюденія надъ товарищами, свои раздумыванья надъ вопросомъ — нужны или ненужны студенческія движенія. Онъ такъ же, какъ и всѣ, былъ глубоко возмущенъ петербургскимъ инцидентомъ и съ захватывающимъ вниманіемъ слѣдилъ за прокламаціями, въ которыхъ преувеличенно сообщалось о безпорядкахъ въ Кіевѣ и Харьковѣ. Смирновъ вѣрилъ, что пора и Москвѣ присоединиться къ общему движенію. Стыдно и недостойно студента оставаться равнодушнымъ зрителемъ чрезвычайныхъ событій.

— Мы на виду всей Россіи. *Вся* Европа сочувствуетъ намъ. И мы должны показать, что мы студенты, а не жалкіе трусы, сидящіе въ конурахъ!

— Вся Европа! — Это кружило голову. И возмущеніе петербургскимъ инцидентомъ, и вдругъ глубоко сознанныя несовершенства академическаго строя, Россія и Европа — все создавало атмосферу безумно приподнятыхъ нервовъ. Все требовало борьбы и призывало къ протесту. И движеніе началось..

Студенты шли «сражаться» за *лучшее*. Подъ это *лучшее* можно подвести все, что студенты считаютъ выше, чѣмъ современная дѣйствительность... И нѣтъ границъ желаніямъ, они летятъ за горизонтъ...

Студенческія движенія — это проявленіе чувства. А тамъ, гдѣ чувство беретъ верхъ надъ разсудкомъ, разсужденіямъ нѣтъ мѣста, и человѣкъ кричитъ:

— Нужно все!

Въ такомъ настроеніи Смирновъ отправился на сходку. Сказалъ рѣчь. Эта рѣчь, какъ и большинство рѣчей, была расплывчата и неопредѣленна, но въ ней чувствовалась горячность и юношескій задоръ. И бурей аплодисментовъ студенты привѣтствовали «оратора»...

Сходя съ каѳедры, Смирновъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и весь дрожалъ. Но внутри его все пѣло отъ какого-то широкаго неизъяснимаго счастья... Онъ переживалъ, быть-можетъ, самые сильные моменты жизни, чувствовалъ себя героемъ. Всѣ кругомъ выражали ему свой восторгъ и удивленіе...

На слѣдующей сходкѣ Смирнова выбрали предсѣдателемъ. Въ этотъ день была проведена «всеобщая забастовка»...

Затѣмъ настали дни нервной и страшно напряженной дѣятельности. Смирновъ съ нѣсколькими товарищами писалъ и печаталъ на гектографѣ прокламаціи, подписываясь «Группа студентовъ». Днемъ они бѣгали по городу и раздавали эти прокламаціи всѣмъ встрѣчнымъ студентамъ, а ночью подбрасывали бумажки въ подъѣзды домовъ. Въ этихъ прокламаціяхъ студенты приглашались быть стойкими, въ общихъ фразахъ указывалось на различныя притѣсненія инспекціи и другого начальства, на возмутительныя дѣйствія полиціи.

Забастовка должна была продлиться неопредѣленное время и студентамъ не слѣдовало держать экзаменъ. Это былъ одинъ изъ главныхъ тезисовъ «программы» тогдашняго студенческаго движенія.

Смирновъ такъ же, какъ и многіе изъ его товарищей, всячески пропагандировалъ *недержаніе* экзаменовъ. Онъ жестоко клеймилъ желавшихъ экзаменоваться. Студентъ, открыто объявлявшій, что онъ пойдетъ на экзаменъ, казался ему самымъ низкимъ отступникомъ. Въ это именно время Смирновъ порвалъ «отношенія» съ Огневой.

Одна изъ прокламацій, пущенныхъ «Группой студентовъ», оканчивалась такими грозными словами:

«Вы, намѣревающіеся держать экзаменъ, своими дѣйствіями играете на руку *реакціи*! Будущій историкъ сдѣлаетъ вамъ справедливую оцѣнку, указавши на темныя и грязныя пятна, бывшія на свѣтломъ фонѣ борьбы человѣка за свои элементарныя права. Вы покажете, низкіе отступники, что во всѣхъ слояхъ общества существуютъ

негодяи, лишенные всѣхъ инстинктовъ общественности!» Большинство студентовъ въ то время было солидарно съ мнѣніемъ Смирнова относительно экзаменовъ. «*Настроеніе было твердое*». Оно поддерживалось извѣстіями, что забастовка «проходитъ» всюду, даже въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Усиленные аресты студентовъ тоже подливали масло въ огонь. Движеніе принимало какую-то мрачную окраску и небывалую нервность.

Смирновъ «работалъ» не особенно осторожно, его арестовали и посадили въ одиночку, а черезъ недѣлю выслали на родину. Онъ уѣхалъ, утѣшаясь надеждой, что студенты покажутъ себя героями. Забастовка—непобѣдимая вещь!

Но его ждало жестокое разочарованіе. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ извѣщеніе отъ товарища, что *оставшіеся* въ Москвѣ студенты почти поголовно держатъ экзамены. Экзаменуются даже тѣ, *которые собирали подписку* отъ товарищей о недержаніи ими экзамена. Даже одинъ изъ «Группы студентовъ» благополучно сдалъ государственное право.

— Проклятье! Они не выдержали перваго препятствія, встрѣтившагося на пути. Вѣдь забастовка—сущіе пустяки: не ходить на лекціи, — развѣ это трудно? Не держать экзаменовъ—это уже болѣе или менѣе жертва. И большинство не захотѣло ее принести.

Не было словъ презрѣнія, которыя не обрушивались бы на головы людей, побѣжденныхъ «въ борьбѣ за элементарныя права». Да, это была обидная исторія. Вѣдь тѣ, которые, дѣйствительно, пострадали, какъ Смирновъ, оказывались въ самомъ глупомъ положеніи: какихъ-то мучениковъ не у дѣлъ, безцѣльныхъ и ненужныхъ.

«Все рухнуло!—думалъ въ отчаяніи Смирновъ.—Товарищи предали своихъ товарищей»!

Онъ былъ удрученъ, но и озлобленъ. И съ удовольствіемъ привѣтствовалъ мысль назначить судъ чести надъ студентами, не сдержавшими слово. На судѣ *), т. е. на

*) Такіе суды были во многихъ провинціальныхъ городахъ Россіи въ то лѣто.

сходкѣ двадцати студентовъ того города, гдѣ жилъ Смирновъ, было рѣшено не подавать руки провинившимся товарищамъ и даже не кланяться тѣмъ, которые не захотятъ подчиниться этому рѣшенію.

Тутъ же вышелъ маленькій инцидентъ, покоробившій Смирнова. Въ городѣ было два брата, изъ которыхъ одинъ держалъ экзаменъ, а другой нѣтъ. Такъ какъ братъ не хотѣлъ «разрывать сношеній» съ братомъ, то изъ послѣдовательности и его подвергли «бойкоту». Тогда двое изъ двадцати заявили, что они устраняются отъ «суда».

Затѣмъ, Смирнову пришлось не кланяться съ однимъ близкимъ пріятелемъ, тоже державшимъ экзаменъ. Въ глубинѣ души Смирновъ признавалъ за нимъ право на такой поступокъ: пріятель его былъ второгодникъ и бѣднякъ: недержаніе экзаменовъ грозило ему тяжелыми послѣдствіями.

— А какъ бы поступилъ я самъ въ данномъ случаѣ?— невольно задавалъ себѣ вопросъ Смирновъ. И не могъ отвѣтить категорически. — Во всякомъ случаѣ этого «преступника» нельзя было ставить на одну доску съ господами, которымъ ровно ничего не грозило отъ того, что они остались на второй годъ. Не считая возможнымъ нарушить постановленіе суда, Смирновъ очень мучился невольной несправедливостью. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ и далеко не героемъ. И все грандіозное прежде казалось теперь мелочнымъ и сведеннымъ на нѣтъ.

Опять старый вопросъ обострился и требовалъ отвѣта:

— Нужны ли студенческія движенія? Имѣютъ ли они какой-нибудь смыслъ?

И Смирновъ сомнѣвался глубже, чѣмъ послѣ перваго своего участія въ безпорядкахъ, потому что теперь на его совѣсти лежалъ разрывъ съ Огневой и другомъ, котораго онъ оправдывалъ: вѣдь онъ поступилъ съ ними, какъ право имѣющій «творить судъ», а твердъ ли онъ самъ настолько, чтобы обвинять другихъ.

Чтобы забыться отъ этихъ тяжелыхъ сомнѣній Смирновъ усиленно занимался исторіей, которую считалъ необходимымъ изучить... Такъ прошло лѣто въ неопредѣленномъ положеніи. Смирновъ не зналъ, придется ли когда-нибудь окончить высшее образованіе.

Осенью стало извѣстно, что высланные студенты принимаются обратно въ университетъ: было только необходимо подать прошеніе съ обѣщаніемъ вновь никогда не ходить на сходки.

Смирновъ чувствовалъ, что онъ не способенъ на подобное униженіе... Но его умоляли родные. А товарищи, такъ тѣ даже спѣшили подать прошеніе и смѣялись надъ колебаніями Смирнова.

— Стоитъ задумываться надъ такими пустяками,— говорили они.

Въ концѣ концовъ Смирновъ, скрѣпя сердце, послалъ прошеніе. Мѣсяцъ послѣ этого онъ испытывалъ приступы жгучаго стыда и неловкости передъ всѣми...

Однако, еще разъ глубокое чувство негодованія охватило его, когда одинъ изъ участниковъ суда, кричавшій больше другихъ, и главный обвинитель товарищей, перевелся въ Ярославскій лицей на слѣдующій курсъ, т. е. очутился въ положеніи осужденныхъ «судомъ чести».

Тогда Смирновъ далъ себѣ слово никогда больше не участвовать въ студенческихъ движеніяхъ. И на этомъ рѣшеніи успокоился...

Черезъ два года мы застаемъ Смирнова на четвертомъ курсѣ опять накакунѣ *первой* сходки.

Онъ безпокойно шагаетъ по своему номеру отъ комода съ грудами, наваленныхъ на него, книгъ до желѣзнаго рукомойника. По временамъ онъ заглядываетъ черезъ дверь въ коридоръ и прислушивается. Затѣмъ снова путешествуетъ отъ комода до рукомойника. На столѣ валяется раскрытое Уголовное право, какъ безмолвный свидѣтель приближающихся государственныхъ экзаменовъ. Однако, мысли Смирнова летятъ прочь отъ этого права. Онъ очень разсѣянъ и даже не замѣчаетъ, что лампа съ кусочкомъ газетной бумаги, вмѣсто абажура, давно уже начала коптѣть.

Смирновъ ожидаетъ своего сожителя Яблокова, ушедшаго на совѣщаніе по поводу завтрашней сходки. Смирнова ужасно интересуетъ результатъ совѣщанія. Самъ онъ не пошелъ *туда*, потому что не хочетъ участвовать въ движеніи.

— Почему онъ не идетъ такъ долго,—сердится Смирновъ.—Навѣрное зашелъ куда-нибудь и застрялъ. Невыносимый человѣкъ!.. Впрочемъ, что же мнѣ за дѣло до всего этого,—останавливаетъ себя Смирновъ. — Если завтра пройду 100 страницъ, останется еще 200. Можно будетъ заняться «процессомъ»... Вѣдь, это, наконецъ, чортъ знаетъ, что такое! Давно уже слѣдовало возвратиться...

Но вотъ по коридору слышатся шаги. Смирновъ узнаетъ походку Яблокова, блѣднѣетъ и нетерпѣливо смотритъ на дверь.

— Ну что?—встрѣчаетъ онъ товарища.

— Да, что—идемъ!—нехотя говоритъ Яблоковъ и, не раздѣваясь и не снимая шапки, садится въ кресло.—Фу-у, какъ лампа коптитъ и чего ты смотришь?

Смирнову что-то хочется спросить, но онъ удерживаетъ себя...

Э-э-хъ, опять не кончу курса,—съ огорченіемъ произноситъ Яблоковъ послѣ минутнаго молчанія.—А не итти неловко. Изъ чувства товарищества долженъ примкнуть. Старый студентъ—всегда вмѣстѣ... Обвинятъ въ «шкурныхъ интересахъ», дипломъ, скажутъ, почуялъ,—Яблоковъ вздохнулъ.—Откровенно сказать ничего хорошаго не предвижу. Опять возьмутъ, сошлютъ. Хотя и говорятъ, что общество сочувствуетъ, но все это только слова. Голову на отсѣченіе даю, что ничего путнаго изъ этого движенія не выйдетъ...

— Почему не выйдетъ?—тихо и горячо спросилъ Смирновъ.—Однако, ты же идешь... Дѣло не въ этомъ движеніи и не въ прошломъ, а въ историческихъ моментахъ всего этого. Мы дѣлаемъ исторію и исторія оцѣнитъ насъ.

— Не говори, братъ, смѣшныхъ вещей. Какая тамъ исторія, когда дѣло оканчивается всегда самымъ прозаическимъ образомъ: высылаютъ, а потомъ опять принимаютъ. А мы опять идемъ. Это бѣлка въ колесѣ, а не исторія. Да и вообще раздражаетъ меня вся эта процедура: ходишь, ходишь на сходки — года идутъ, а дѣло впередъ не подвигается. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Послѣдній разъ иду!

И прекрасно дѣлаешь, что идешь. Я тебѣ сочувствую.

— Такъ почему же самъ не идешь?

— Потому что... мать больна.

— Какъ мать больна? А два мѣсяца тому назадъ ты говорилъ, что не будешь принимать участія въ движеніяхъ, потому что сомнѣваешься въ ихъ надобности.

— Никогда я этого не говорилъ!—крикнулъ Смирновъ, поблѣднѣвъ.

— Какъ не говорилъ? Твои собственныя слова повторяю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ почти въ изступленіи Смирновъ.

— Чего изъ себя выходить?—Не понимаю. Не говорилъ, такъ и не говорилъ. Мнѣ безразлично. По-моему, хорошо дѣлаешь, что не идешь на сходку...

Яблоковъ зѣвнулъ и сталъ медленно раздѣваться.

— Пора спать. Завтра въ 10 часовъ нужно уже быть въ университетѣ.

Смирновъ, чувствуя, что онъ не въ состояніи больше заниматься, тоже раздѣлся и легъ въ постель...

Однако, заснуть не могъ. Онъ упорно глядѣлъ въ темноту. И ему казалось, что темнота дрожитъ и свѣтится. За ней стояло что-то огромное, грандіозное. Откуда-то доносились торжественные гимны, раздавались звуки побѣды. И все въ немъ трепетало и рвалось за этими звуками. Проносились картины прежнихъ сходокъ, онъ видѣлъ себя ораторомъ, слышалъ громъ аплодисментовъ. Опять онъ видѣлъ студентовъ героями, бойцами за великое дѣло, мучениками. И опять глубоко вѣрилъ въ необходимость движенія...

Уже давно въ немъ накоплялась нервная сила—вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ росла она у студентовъ. Сообще-

нія изъ другихъ городовъ о грандіозности тамошнихъ безпорядковъ и извѣстія о томъ, что въ городѣ N. и Z. «пролита кровь» доводили его до экстаза. Онъ вступалъ въ ожесточенные споры съ товарищами, которые ругали студенческія движенія, и хотя избѣгалъ еще ставить вопросъ ребромъ, умалчивалъ о себѣ, зато много распространялся о героизмѣ тѣхъ или другихъ руководителей движенія, восторгался ихъ беззавѣтной преданностью идеи. Свое нежеланіе итти на сходку онъ мотивировалъ болѣзнью матери, хотя и прежде она была больна.

Смирновъ обманывалъ себя вполнѣ искренно, потому что вполнѣ искренно поддавался общему настроенію...

И вотъ наканунѣ первой сходки это настроеніе достигло своего апогея .. Онъ такъ и не заснулъ цѣлую ночь.

Въ 7 часовъ утра Смирновъ разбудилъ Яблокова, «чтобы не опоздалъ на сходку», и все время торопилъ его.

Яблоковъ лѣниво поднялся, лѣниво выпилъ чай,— Смирновъ чая не пилъ,—и далъ послѣднія инструкціи сожителю на случай, если арестуютъ. Когда Яблоковъ, наконецъ, ушелъ, Смирновъ присѣлъ къ столу, гдѣ валялось уголовное право. Но строчки прыгали передъ глазами и изученіе какого-то уголовнаго права казалось абсурдомъ. Онъ не выдержалъ: одѣлся и почти бѣгомъ направился къ одному изъ товарищей, который тоже не пошелъ на сходку. Смирновъ вытащилъ его изъ дома и уговорилъ непремѣнно итти къ университету—посмотрѣть, что будетъ. По дорогѣ товарищъ сообщилъ странный, по его мнѣнію, фактъ. На сходку отправился весь кружокъ Достоевскаго. Люди, увлекающіеся княземъ Мышкинымъ, этимъ апостоломъ незлобія и прощенія, вдругъ на студенческой сходкѣ.

— Я даже спрашивалъ у нихъ, почему они идутъ туда, гдѣ проповѣдывается борьба?—А они отвѣчаютъ: студенческія движенія — это идеализмъ, а гдѣ идеализмъ — тамъ и мы!..

Смирновъ почти не слушалъ пріятеля; онъ страшно торопился, и всѣ его мысли летѣли въ актовую залу, гдѣ разыгрывался теперь первый актъ драмы.

Когда они подходили къ университету, на сосѣднихъ улицахъ было замѣтно усиленное движеніе. И чѣмъ ближе къ университету, тѣмъ движеніе становилось замѣтнѣе. Вся площадь передъ университетомъ была запружена народомъ.

Они вмѣшались въ толпу и прошли по Моховой отъ манежа до часовни. Смирнова била настоящая лихорадка. Время отъ времени онъ ухватывалъ пріятеля за рукавъ и громко говорилъ:

— Смотри, смотри сколько народа!.. Вонъ тамъ на крыльцѣ собираются... Они сочувствуютъ студентамъ, они помогутъ имъ.

— Просто любопытные, — отвѣчалъ товарищъ, — это всегда бываетъ. Что ты, первый разъ видишь?..

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: они собираются нарочно! Я знаю. Они присоединятся...

Проходя мимо стараго зданія университета, изъ оконъ котораго выглядывали студенты и что-то кричали, Смирновъ вдругъ сдѣлалъ движеніе пройти въ калитку. Но дюжій полицейскій загородилъ ему дорогу. И какой-то приставъ въ бѣлыхъ перчаткахъ закричалъ:

— Прошу проходить. Не останавливаться! Прошу проходить.

И пріятели продолжали бродить среди праздной толпы, глазѣющей на университетъ и ожидающей любопытнаго момента: какъ будутъ брать студентовъ?

На высокомъ крыльцѣ показались синія фуражки и масса студентовъ стала выходить на дворъ, спускаясь по обоимъ крыльямъ широкой лѣстницы.

«Выходятъ, выходятъ!» — пронеслось въ толпѣ.

Раздалась команда, и нѣсколько сотенъ полицейскихъ и конныхъ жандармовъ окружили кольцомъ студентовъ, и море синихъ фуражекъ заколыхалось и двинулось по направленію къ манежу.

Громкое «ура» раздалось изъ толпы арестованныхъ. Женщины замахали платками.

И, не помня себя, Смирновъ закричалъ тоже и бро-

сился къ кордону полицейскихъ, разорвалъ цѣпь и смѣшался съ толпой арестованныхъ.

«Ура!» закричали еще разъ студенты, и Смирнову показалось, что это кричатъ внутри его и что сейчасъ онъ умретъ за «святое дѣло»...

Философъ съ Козихи.

Чтобы добраться до него, необходимо пройти черезъ маленькій дворъ, гдѣ справа будетъ помойная яма, слѣва ретирадъ, подъ ногами лужи отъ нечистотъ. Крыльцо въ одноэтажномъ отвратительномъ домикѣ, какихъ много на Живодеркѣ и Козихинскихъ переулкахъ. Нѣсколько склизкихъ ступенекъ внизъ, грязная, обитая рогожей, дверь, темнота и острый запахъ разлагающейся гнили... Затѣмъ посѣтитель попадетъ въ «русскую» комнату съ печкой, лаханью, тараканами и грязной бабой.

— Вамъ кого надобно?

— Сомовъ-студентъ здѣсь живетъ?

— Вонъ, черезъ горницу—прямо ступайте.

Въ горницѣ за столомъ, на которомъ полбутылки водки и рюмки, сидятъ двѣ растрепанныя женщины и ругаются самыми нецензурными словами. Мужчина въ жилетѣ спитъ на кровати. Пустыя бутылки изъ-подъ пива разбросаны по всѣмъ угламъ...

Ругательства женщинъ слышны и въ сосѣдней каморкѣ — квартирѣ студента Сомова...

Небольшое подвальное оконце сверху бросаетъ тусклый свѣтъ на некрашеный столъ, табуретъ, на облупившіяся отъ сырости стѣны, на деревянную кровать, на которой лежитъ хозяинъ комнаты. Ему не нужно подниматься, чтобы достать все, что есть въ этой камерѣ. Протянувъ руку, онъ зажжетъ жестяную лампу, стоящую на столѣ, пододвинетъ всегда раскрытый, продраный чемоданчикъ, съ привычной ловкостью сниметъ съ гвоздя истрепанное пальто...

У Сомова блѣдное, испитое лицо, ввалившіяся щеки и

тусклые, какъ свѣтъ этой комнаты, глаза... Одѣтъ въ единственную тужурку, почти истлѣвшую за 4 года университетской жизни...

Онъ лежитъ по цѣлымъ днямъ. Сыро, холодно, по вечерамъ бѣгаютъ крысы... Но ко всему Сомовъ относится болѣе, чѣмъ равнодушно. Привыкъ... Въ 3 часа встанетъ, пойдетъ въ безплатную комитетскую столовую, иногда утромъ соберется въ университетъ, рѣдко пройдется по улицамъ, еще рѣже къ товарищамъ. А то все лежитъ...

— Когда холодно,—говоритъ онъ,—лучше лежать на нагрѣтомъ мѣстѣ. Вставать не хочется. Да и зачѣмъ? Всякія излишнія движенія возбуждаютъ аппетитъ... И думается какъ-то лучше...

Его мысль тяжелая, какъ его вѣчная неподвижность, вялая, какъ тѣло, истощенное долгимъ голоданіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткая, какъ сама жизнь, не могла уже подняться на высоты, чтобы наслаждаться идеалами. Онъ былъ скептикомъ. Такимъ сдѣлало его все окружающее, тягучая *университетская* жизнь.

— Видишь,—сказалъ онъ какъ-то, приподнимаясь съ кровати и заглядывая черезъ грязныя стекла оконца,—вонъ помойная яма. Она для меня олицетворяетъ все человѣчество. Міръ я наблюдаю черезъ призму этого страннаго вида изъ моего окна...

Когда Сомовъ начинаетъ копаться въ воспоминаніяхъ, ему дѣлается горько и больно, словно раскрываются старыя раны. Тѣ воспоминанія, которыя особенно живы, особенно и непріятны. А все остальное монотонно и однообразно, какъ непросыхающая слякоть на дворѣ...

Въ началѣ университетскаго курса было много живого. Были порывы. Но тогда какъ нѣкоторыхъ, благодаря ли удачамъ или внѣшнимъ условіямъ, порывы и жажда истины выводятъ вверхъ жизни, порывы другихъ глохнутъ и замерзаютъ отъ неудачъ, голода и холода. А вѣдь наука это своего рода гастрономія, требующая извѣстной обстановки. Мысль не любитъ работать, если тѣло испытываетъ только лишенія...

— Я старался заслужить милость судьбы. Но что жъ подѣлаешь, если не везетъ?—говоритъ иронически Сомовъ, (онъ и надъ собой нѣсколько подсмѣивается). – А теперь нѣтъ живости духа. Нѣтъ желаній. Убитъ жизненный нервъ...

По окончаніи гимназіи гдѣ-то въ далекомъ городѣ Сомовъ рѣшилъ ѣхать въ Москву, какъ и многіе, не имѣя ровно никакихъ рессурсовъ ни въ будущемъ, ни въ настоящемъ. Съ устроеннаго въ пользу окончившихъ курсъ гимназіи концерта ему досталось около сорока рублей. На эти деньги онъ пріѣхалъ въ Москву, купилъ подержаную тужурку и верхнее платье на Ильинкѣ, такъ что сразу сталъ «старымъ коллегой», какъ острили товарищи. Затѣмъ, денегъ хватило еще мѣсяца на полтора. Поселились втроемъ. Было весело, ново, ѣсть особенно не хотѣлось: чай утромъ и вечеромъ, да обѣдъ въ комитетской столовой казалось, вполнѣ достаточнымъ. Товарищи даже выписывали газету, безъ которой не обходится ни одинъ «порядочный» студентъ. Неудобствъ квартирныхъ Сомовъ не замѣчалъ, потому что цѣлый день не бывалъ дома: осматривалъ Москву, регулярно посѣщалъ лекціи, ходилъ въ «Румянцевку» читать книги...

Но теченіе этой счастливой жизни было вдругъ нарушено крупной непріятностью. Исключили изъ университета за невзносъ платы и на лекціи перестали пускать... Сомовъ, когда пріѣхалъ, подалъ прошеніе въ университетъ и въ комитетъ для пособія нуждающимся студентамъ объ освобожденіи его, какъ недостаточнаго, отъ платы. Въ университетѣ, какъ обыкновенно всѣхъ новичковъ, его не освободили. А съ комитетомъ вышла такая исторія. Явился однажды членъ комитета для собиранія на мѣстѣ свѣдѣній о степени нужды Сомова. Пріятели пили вечерній чай и, на грѣхъ, одинъ въ этотъ вечеръ разорился и купилъ сухарей у Филиппова. Членъ записалъ показанія Сомова, что онъ ничего не имѣетъ; потомъ оглядѣлъ комнату: она рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ сотни другихъ, осмотрѣнныхъ имъ, студенческихъ комнатъ. А классифицировать

неимущихъ студентовъ необходимо, такъ какъ денегъ въ комитетѣ на 500 человѣкъ, а подали прошеніе 2000. . Особые признаки нужны... Членъ еще разъ бросилъ пытливый взглядъ на обстановку комнаты, перевелъ его на столъ...

— А-а сухари-и?!—сказалъ онъ.

— Да сухари,— нѣсколько смутился Сомовъ.

Членъ записалъ что-то въ книжку и ушелъ...

Сомова отъ платы не освободили. Нужно же кого-нибудь не освобождать!

Бѣдняга очутился между небомъ и землей. Онъ сразу почувствовалъ себя жалкимъ и безпомощнымъ—одинокимъ среди большого, сдѣлавшагося вдругъ страшнымъ, города. Товарищи утѣшали, но какъ утѣшить, если нельзя помочь горю. Да и что это были за утѣшители?—веселые и радостные, они вѣдь продолжали ходить въ университетъ. А его туда не пускали. Сомовъ глубоко прочувствовалъ это униженіе: онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ самолюбивъ. И какъ совѣстно было ему итти первый разъ въ жизни въ участокъ, чтобы получить бумаги, возвращенныя изъ университета.

— Скоро, молодой человѣкъ, курсъ кончили, скоренько,— саркастически замѣтилъ помощникъ пристава, указывая мѣсто для подписи и передавая бумаги.

Сомову казалось, что всѣ бывшіе въ участкѣ смотрятъ на него и смѣются. Мучительно краснѣя, онъ взялъ перо и вывелъ свою фамилію на какомъ-то листкѣ, потомъ схватилъ «бумаги» и сунулъ въ карманъ.

— Не сомните бумажки, пригодятся!—острилъ помощникъ.

Сомовъ выбѣжалъ изъ участка. И, когда шелъ домой, ему все казалось, что прохожіе глядятъ на него какъ-то особенно, словно знаютъ, что онъ исключенный. И его душилъ стыдъ...

«Что будетъ дальше?» Эта мысль теперь неотвязно мучила Сомова днемъ и ночью, не давала заснуть... Онъ похудѣлъ и осунулся...

Кто-то посовѣтовалъ пойти къ двумъ извѣстнымъ московскимъ благотворительницамъ. Онъ съ радостью пошелъ. Но въ одномъ мѣстѣ его не приняли, а въ другомъ приняли такъ, что, возвратившись затѣмъ домой, Сомовъ разрыдался отъ униженія и назаслуженной обиды.

Впрочемъ, на первый разъ судьба скоро сжалилась надъ юношей, его вызвали въ университетъ и объявили, что изъ денегъ, полученныхъ съ благотворительнаго вечера за него внесена плата... Сомовъ написалъ прошеніе и снова подалъ бумаги.

Эта первая непріятность очень повліяла на его нравственное состояніе: какъ-то принизила и отняла много энергіи. Слишкомъ близко принялъ онъ ее къ сердцу... Потомъ, въ теченіе университетской жизни еще нѣсколько разъ Сомову приходилось повторять процедуру съ бумагами, но онъ относился къ этому уже равнодушно...

За первымъ испытаніемъ не замедлили послѣдовать другія. Денегъ на жизнь не было. Приходилось изворачиваться, занимать у товарищей, вѣчно просить и думать о заработкѣ. Началась продолжительная, обезсиливающая борьба съ мелочами, изъ которыхъ составлена матеріальная жизнь человѣка. Мелочи проникали во все его существо, отравляли каждый шагъ, мѣшали сосредоточиться и отдаться наукѣ.

О, эти мелочи, гнетущія душу, часто смѣшныя, но всегда властныя, какъ маленькіе царьки!—Какъ страдаетъ отъ нихъ человѣческое достоинство. Сегодня нельзя итти на лекціи, потому что отлетѣла подметка, завтра нужно сходить по дальнему адресу за полученіемъ сомнительнаго заработка, нѣтъ денегъ на керосинъ, не на что сходить въ баню... Попадешь въ университетъ на лекціи — съ 12 часовъ просыпается голодъ, который все растетъ, мѣшаетъ слушать и къ двумъ часамъ переходитъ во всезаглушающій стонъ. Дома грязно, непріютно, хозяйка пристаетъ насчетъ денегъ,—холодно такъ, что невозможно взяться за книгу...

Однако, первый годъ Сомовъ до Рождества кое-какъ пробился, а послѣ Рождества получилъ урокъ за 10 рублей.

Все-таки было на что опереться: 10 рублей и безплатная комитетская столовая.

«Лишь бы увѣренность, что не сгонятъ съ мѣста и завтра можешь пообѣдать»—думалъ Сомовъ и прилежно готовился къ экзамену. Онъ перешелъ на второй курсъ съ пятерками и уѣхалъ на лѣто домой...

Въ концѣ августа Сомовъ поторопился въ Москву, надѣясь отыскать занятія пораньше. Теперь у него въ карманѣ былъ только одинъ рубль.

Оставивъ «багажъ» на станціи, Сомовъ прямо отправился въ университетъ справиться, назначена ли ему стипендія. Но въ канцеляріи ничего не было извѣстно.

— Рановато, еще не съѣхались, — объяснилъ ему помощникъ секретаря, маленькій юркій господинчикъ.

Тогда онъ пошелъ искать въ городѣ товарищей. Заходилъ въ адресный столъ, но найти никого не могъ.

«И эти еще не пріѣхали, должно-быть!» — съ тоской подумалъ Сомовъ, чувствуя, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ. Въ комитетской столовой не выдавали обѣдъ и ему пришлось истратить въ кухмистерской 30 копеекъ.

До восьми часовъ вечера Сомовъ пробродилъ по городу, не зная, куда дѣваться и что дѣлать. Усталъ страшно, нервы расходились. Въ перспективѣ была ночь и полное незнаніе, гдѣ провести ее... Къ счастію, онъ вспомнилъ, что Курскій вокзалъ не запирается всю ночь — ему кто-то говорилъ объ этомъ. И онъ вспомнилъ еще, что нѣкоторые его товарищи изъ Петербурга ночевали тамъ, когда проѣзжали черезъ Москву. Онъ побрелъ къ Земляному валу. Въ огромномъ вокзалѣ было тепло, много свѣта и пассажировъ. Сомовъ нѣсколько развлекся и успокоился. Скоро усталость взяла свое и онъ заснулъ въ одномъ изъ мягкихъ креселъ...

Сомовъ проснулся, почувствовавъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ. Въ залѣ было полу-темно и никого уже не было. Передъ нимъ стоялъ сторожъ и говорилъ.

— Баринъ, пожалуйте! Вокзалъ запирается.

— Какой вокзалъ? Почему запирается? — спросилъ Сомовъ, не сразу придя въ себя.

— Всегда отъ трехъ до пяти запертъ вокзалъ. Пожалуйте!

— Я завтра утромъ ѣду,—сказалъ Сомовъ въ отчаяніи.— «Куда итти?—мелькнуло у него въ головѣ—не на улицу же? А тутъ было такъ тепло и хорошо. Неужели прогонятъ?»

— Нельзя-съ, пожалуйте! Насъ бранить будутъ...

Сомовъ далъ сторожу двугривенный и кое-какъ уломалъ его...

Утромъ онъ выпилъ стаканъ чая въ буфетѣ третьяго класса и съ новыми силами устремился въ поиски за товарищами. Но опять безцѣльно проходилъ весь день, истративъ на обѣдъ 25 коп...

Наступилъ вечеръ, а затѣмъ ночь, а Сомовъ продолжалъ переходить съ улицы на улицу въ смутной надеждѣ найти хоть какое-нибудь мѣстечко, чтобы прилечь. Онъ уже мало что сознавалъ. Невыносимая усталость одолѣвала его. Казалось, что чудовищная махина города навалилась на плечи и давитъ лабиринтомъ своихъ улицъ, темнотой и полнымъ равнодушіемъ огромнаго къ ничтожному и слабому... Наконецъ, онъ забрелъ въ Екатерининскій паркъ и безсильно опустился на первую скамейку, легъ на ней. Но только что закрылъ отяжелѣвшія вѣки, раздался чей-то окрикъ:

— Тутъ нельзя спать. Проваливай, пока въ участокъ не забрали!—Сомовъ вскочилъ въ испугѣ и побѣжалъ, самъ не зная куда...

Онъ миновалъ Трубную площадь, поднялся вверхъ по бульварамъ, повернулъ направо на Тверскую. И все шелъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ, ничего не думая. Вышелъ за Тверскую заставу, пошелъ дальше, куда-то въ поле... Здѣсь было совсѣмъ темно, и никого не было. Онъ опустился на землю и почти сейчасъ же заснулъ...

На утро Сомовъ узналъ мѣстность. Онъ спалъ на Ходынскомъ полѣ за гипподромомъ...—Новый, третій день прошелъ такъ же, какъ предыдущіе, съ той только разницей, что денегъ хватило лишь на черный хлѣбъ... Вечеромъ онъ прямо отправился на Ходынку. Однако, спать не могъ: было страшно холодно. Тутъ впервые мелькнула мысль о самоубійствѣ. И въ какомъ-то полубезумiи

Сомовъ схватился за эту мысль, какъ за якорь спасенія. Цѣлую ночь, бродя по Петровскому парку, онъ обдумывалъ, какимъ способомъ лучше убить себя...

Однако, утромъ онъ нѣсколько ободрился и опять потащился въ канцелярію, гдѣ наконецъ, встрѣтилъ, товарища, которому повѣдалъ о своихъ злоключеніяхъ. Тотъ предложилъ пока устроиться у него. Сомовъ былъ спасенъ...

Скоро пришли и изъ университета утѣшительныя извѣстія — Сомову назначили стипендію въ 11 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Онъ повеселѣлъ. Даже въ хорошую минуту начиналъ острить надъ своимъ «уличнымъ» положеніемъ:

— Иду по площади и самый простой хлѣбъ ѣмъ, изъза пазухи достаю и по кусочку въ ротъ кладу. Прохожіе думаютъ, что шоколадъ кушаю...

Сомовъ нанялъ себѣ небольшую комнатку въ Косомъ переулкѣ. Комната быта полутемная, зато сухая и стоила всего 7 руб. Тутъ онъ «мило устроился», какъ разсказывалъ товарищамъ. Однако, никого къ себѣ не приглашалъ: въ дѣйствительности комната была очень непрезентабельная...

Теперь жизнь его вошла даже въ извѣстную колею. Каждый день утромъ Сомовъ отправлялся въ университетъ или чаще въ Румянцевскую библіотеку, гдѣ читалъ книги по исторіи философіи, съ которой давно хотѣлъ познакомиться. Его очень занимали отвлеченныя построенія человѣческой мысли. Онѣ уносили его далеко отъ міра, гдѣ столько огорченій, заботъ, тоски. Сомовъ прекрасно чувствовалъ себя въ надзвѣздной сферѣ платоновскихъ идей. Ему казалось даже, что онъ слышитъ музыку сферъ, когда сидитъ въ этой тихой и свѣтлой залѣ, гдѣ словно разлита напряженность мысли многихъ тысячъ посѣтителей прежнихъ и теперешнихъ... Иногда онъ отрывался отъ книги и сидѣлъ просто такъ, улыбаясь и думая о чемъ-то высшемъ, чего ясно себѣ представить не могъ. Но все его существо преисполнялось тогда счастьемъ.

Да, онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ этомъ царствѣ мыслей...

Но въ извѣстное время дня маленькій, ничтожный царекъ приказывалъ спуститься на землю. Сомовъ шелъ обѣдать въ столовую. На улицѣ дѣйствительность злобно и настойчиво напоминала о себѣ, грязью забиралась въ продраныя калоши и холодной склизкой массой касалась ноги, осеннимъ туманомъ пронизывала насквозь ветхое пальто, мутила голодомъ разумъ... Въ столовой Сомовъ отогрѣвался и побѣждалъ своего злѣйшаго врага хитростью: такъ какъ горячей пищи было недостаточно, онъ ѣлъ много хлѣба и запивалъ его квасомъ. Потомъ снова летѣлъ назадъ въ свѣтлое царство.. Вечеромъ возвращался домой и, утомленный продолжительностью пути и переживаніемъ дня, засыпалъ быстро и крѣпко...

Къ этому времени университетской жизни Сомова относится его посѣщеніе студенческаго кантовскаго кружка, гдѣ читались произведенія знаменитаго философа и рефераты, посвященные его философіи, гдѣ много спорили о категорическомъ императивѣ и субъективномъ идеализмѣ, трактовали о Гегелѣ и Фихте, возвращаясь по временамъ обратно къ Лейбницу и Вольфу и эпохѣ просвѣщенія. Однимъ словомъ, затрогивались и иногда даже разрѣшались вопросы, самые интересные въ философіи. Сомовъ самъ писалъ рефераты, оппонировалъ и горячо спорилъ. Кантовскіе вечера были въ его жизни своего рода праздниками, когда онъ чувствовалъ себя торжественно настроеннымъ и радостнымъ...

Но одиннадцать съ полтиной давали себя чувствовать тоже. Денегъ недоставало на самое необходимое. Нельзя было питаться однимъ комитетскимъ обѣдомъ, а на чай и хлѣбъ хватало только на полмѣсяца. Первые два мѣсяца Сомовъ сгоряча не замѣтилъ своего удручающаго положенія, но затѣмъ понялъ, что безъ заработка прожить ему невозможно. Какъ разъ въ это время кто-то предложилъ мѣсто помощника завѣдывающаго въ частномъ низшемъ училищѣ. Это занятіе отнимало почти весь день, такъ что пришлось бы отложить въ сторону изученіе философіи... Долго Сомовъ колебался, совѣтовался съ товарищами, но въ кон-

цѣ концовъ взялъ-таки занятіе: трудно было разсчитывать на другое. Когда-то его найдешь, а время не ждетъ...

И вотъ Сомовъ сталъ по утрамъ таскаться въ школу, гдѣ училъ мальчиковъ чтенію и письму... Нервы его раздражались и отъ невозможности заниматься любимымъ дѣломъ, и отъ трудности преподаванія, и отъ лишеній, такъ какъ жалованье онъ получалъ по третямъ, а до трети еще было далеко.

Онъ возвращался домой «со службы» усталый и полубольной. А дома ждала его тоска. Маленькая комнатка, неуютность, одиночество угнетали его. Прежде все это тонуло въ свѣтломъ царствѣ, а теперь, когда на сцену выступили усталость и изнуряющій нелюбимый трудъ, дѣйствительность безжалостно предъявляла свои права... И, ворочаясь по ночамъ на жесткой кровати, Сомовъ никакъ не могъ заснуть. Жизнь казалась ненужной и безцѣльной. Въ ней уже не было ни идеи, ни красоты, ни ласки.

Теперь чаще, чѣмъ когда-нибудь, онъ сталъ думать о женщинѣ и о томъ, что онъ одинокъ, и размышлять о радости женскаго участья. Поэтому неудивительно, что Сомовъ обратилъ вниманіе на свою сосѣдку по комнатѣ, которую раньше не замѣчалъ. Это была одна изъ жертвъ общественнаго темперамента. Но тѣмъ лучше было для настроенія Сомова: она была такъ же несчастна, какъ и онъ. Онъ прочелъ это несчастіе на ея блѣдномъ, исхудаломъ, но молодомъ и красивомъ личикѣ, однажды, когда они нечаянно столкнулись въ коридорѣ. Несомнѣнно въ ней было что-то печальное...

И вотъ черезъ недѣлю послѣ этого онъ уже сидѣлъ въ ея комнатѣ, облитой розовымъ свѣтомъ фонаря, и съ глубокимъ участіемъ слушалъ обычный разсказъ проститутки, что кто-то когда-то обманулъ ее, бросилъ, и она со злости пошла на бульваръ... Въ комнаткѣ было уютно. Кровать съ голубымъ, атласнымъ одѣяломъ такъ ласково выдѣлялась на фонѣ бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсочекъ. Розовый туалетный столикъ и два мягкихъ кресла, милое личико хозяйки, одѣтой въ красную шелковую юбку и бѣлую кофту съ кружевами—все это казалось ему, непривыкшему къ роскоши, верхомъ изящества. Женщина говорила нѣжнымъ голосомъ и клала свою горячую ручку на его руку,—и ему было ужасно хорошо.—Все окружающее стало для Сомова вдругъ дорогимъ и близкимъ...

Съ этого вечера Катя сдѣлалась его любовницей. Для Сомова началась новая жизнь. Онъ имѣлъ любовницу первый разъ въ жизни. А никто такъ не привязываетъ къ себѣ и не перевертываетъ всю жизнь человѣка, какъ именно первая близкая женщина, когда слово люблю произносится чистосердечно, безъ рефлекса, навѣяннаго воспоминаніями о прежнихъ возлюбленныхъ.

Нѣсколько дней Катя каждый вечеръ поджидала его возвращенія изъ школы, бросалась на шею, цѣловала и уводила къ себѣ. Она умѣла ласкать и знала много ласковыхъ словъ, одурманивающихъ его. Сомовъ, какъ неопытный юноша, не чувствовалъ въ нихъ обычнаго бульварнаго тона кокотки. Все, что говорила она, казалось ему искреннимъ и глубоко прочувствованнымъ. Впрочемъ, Катя и на самомъ дѣлѣ была съ нимъ искренна и только по привычкѣ слова сердца брала изъ репертуара публичной женщины и часто спадала съ тона...

Они подолгу сидѣли за чайнымъ столомъ. Катя разливала чай, а Сомовъ говорилъ. Онъ разсказывалъ ей о небѣ и объ иныхъ мірахъ, о литературѣ и о писателяхъ, о государствѣ и соціальномъ устройствѣ, о четвертомъ сословіи. Она вѣдь ничего не знала, и Сомовъ развивалъ ее. Она внимательно слушала, смотря ему прямо въ глаза. Постепенно Сомовъ переходилъ къ ужасамъ цивилизаціи и говорилъ о страшномъ злѣ проституціи. Онъ говорилъ горячо и почти вдохновенно, какъ говоритъ любимой женщинѣ студентъ, любящій въ первый разъ. Катю онъ считалъ невольной жертвой и вѣрилъ, что теперь она на честномъ пути. Мечталъ, что по окончаніи курса женится на ней.

— Жизнь моя теперь будетъ осмыслена,—говорилъ Сомовъ.—Мы никогда не разстанемся. Ты вѣдь любишь

меня, Катя? Ты замѣчательная женщина—пошла на путь разврата, бросивъ этимъ гордый упрекъ обществу тѣхъ негодяевъ, одинъ изъ которыхъ смертельно оскорбилъ тебя.

Катя въ отвѣтъ молча цѣловала его, а онъ продолжалъ мечтать. Онъ чувствовалъ себя такъ тепло и хорошо, пріобрѣлъ прежнюю увѣренность... Когда же Катя уставала слушать, она обнимала его и уже не отпускала до тѣхъ поръ, пока, изнеможенные и разслабленные поцѣлуями, они не падали вмѣстѣ на атласное одѣяло...

Однажды вечеромъ, дней черезъ десять послѣ знакомства съ Катей, Сомовъ, возвратившись со службы, увидѣлъ, что въ комнатѣ темно и ея самой нѣтъ. Что-то вдругъ сжало его сердце и онъ бросился къ хозяйкѣ, простой и жирной женщинѣ, чистившей въ кухнѣ картофель.

— Гдѣ Катя?—нервно спросилъ Сомовъ.

Хозяйка недоумѣвающе посмотрѣла на него и продолжала чистить картофель.

— Гдѣ Катя?—закричалъ Сомовъ.

— Вы чего жъ это кричите, словно на пожаръ? Экъ невидаль. Катя? Извѣстно, на бульваръ пошла. Подруга заходила—вмѣстѣ и пошли. Не вѣкъ же шалаберничать. Денегъ-то сколько задолжала.

Сомовъ поблѣднѣлъ и затрясся.

— Деньги, деньги,—забормоталъ онъ потерявшимся голосомъ,—но вѣдь я могъ бы, я досталъ бы денегъ...

— Ну, ужъ это не мое дѣло,—проворчала хозяйка и захлопнула дверь въ кухню...

Въ Сомовѣ вдругъ вспыхнуло безумное желаніе воротить Катю, уговорить и убѣдить ее въ чемъ-то. И уже, не отдавая себѣ отчета, гдѣ искать и зачѣмъ, Сомовъ вышелъ изъ дома.

«На бульваръ, на бульваръ»! — И онъ побѣжалъ на бульваръ. Прошелъ его весь, заглядывая въ лица встрѣчныхъ и сидящихъ женщинъ.

— Коля, куда бѣжишь, пойдемъ со мной!—крикнула пьяная женщина и схватила его за рукавъ. Но онъ съ омерзѣніемъ оттолкнулъ ее и побѣжалъ дальше.

— Ка-алегга, дай покурить,—приставала другая женщина.

И въ головѣ Сомова мелькнула ужасная мысль, что Катя тоже, быть-можетъ, сейчасъ пристаетъ къ кому-нибудь. Но это было такъ омерзительно и страшно, что все внутри его крикнуло:

— Нѣтъ, нѣтъ, Катя не такая!

Онъ еще разъ прошелъ по бульвару и потомъ по Тверской, заглянулъ въ кофейню. Нигдѣ Кати не было.

«Быть-можетъ, она у подруги?» И Сомовъ съ радостью схватился за эту мысль. Онъ даже удивился, почему такое простое разрѣшеніе вопроса не пришло ему раньше въ голову. И, какъ будто успокоившись, направился домой.

«Она, быть-можетъ, пришла уже и ждетъ его, а онъ, глупый человѣкъ, бѣгаетъ, ищетъ ее. Пожалуй, сердится, милая Катя!».

Но въ Катиной комнатѣ было попрежнему темно. Сомову показалось, что и во всей квартирѣ темно, холодно и непріютно. И опять онъ подумалъ, что Катя, должно-быть, въ саду или на другомъ бульварѣ, или... или...

Но тутъ его мысли мѣшались и путались. И дѣлалось до того больно, что онъ кусалъ руку, чтобы заглушить боль..

Сомовъ все ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь къ каждому шороху, къ каждому стуку входной двери... Онъ слышалъ, какъ у хозяйки часы пробили два, потомъ три, половина четвертаго... Онъ уже болѣе не могъ выносить этого адскаго ожиданія, одѣлся и хотѣлъ выйти опять изъ дома. И вдругъ въ дверяхъ столкнулся съ ней.

— Катя, это ты? Гдѣ ты была?—спросилъ онъ шопотомъ и схватилъ ее за руку.

— Пусти! Гдѣ была, тамъ теперь нѣту,—грубо отвѣтила Катя и, вырвавшись, пошла къ своей комнатѣ.

Но Сомовъ догналъ ее, обнялъ.

— Ну, Катюша, Катичка, скажи...

— Да отстань ты отъ меня! Убирайся! — крикнула женщина, вырываясь,—чего привязался?

Катя была пьяна. Спотыкаясь о мебель и ругаясь,

она искала спички по комнатѣ. А Сомовъ, молча, какъ въ столбнякѣ, стоялъ у двери и смотрѣлъ въ темноту... Наконецъ, ей удалось зажечь свѣчку. И она предстала передъ нимъ въ ужасномъ видѣ пьяной женщины, растрепанная, съ посоловѣвшими, блуждающими глазами, со шляпкой, съѣхавшей на затылокъ...

— Ну, чего уставился? Чего смотришь,—крикнула она Сомову,—не видалъ что ли какая я?—И она остановилась передъ нимъ, уткнувъ руки въ бока и стараясь сохранить равновѣсіе.

— Катя, зачѣмъ ты ходила? — задыхаясь, тихо спросилъ Сомовъ.

Она засмѣялась пьянымъ смѣхомъ.

— Что же, ты меня будешь содержать, студентикъ несчастненькій? Эхъ, ты!—сказала она съ презрѣніемъ.

Онъ весь помертвѣлъ отъ этихъ словъ и отъ тона, которымъ они были сказаны. Почувствовалъ, какъ его самоувѣренность и счастье и все, чѣмъ онъ жилъ, проваливаются въ черную бездну. И огромная равнодушная жизнь надвигалась на него—слабаго и ничтожнаго. Казалось, что вмѣстѣ съ Катей ускользаетъ послѣдняя надежда на спасеніе. И онъ зарыдалъ и въ отчаяніе обнималъ ее и прижималъ, словно боясь, что она уйдетъ отъ него.

— Ну, Катя, Катичка, моя дорогая, — бормоталъ онъ,— не бросай меня! Я люблю тебя больше всего... Я достану денегъ, дамъ тебѣ. Не ходи, ради Бога, не ходи туда...

И онъ старался вложить въ эти слова всю свою душу, словно хотѣлъ отыскать прежнюю Катю, которая отозвалась бы на его призывъ. Но съ ужасомъ чувствовалъ, что обнимаетъ не Катю, а какое-то новое, ужасное существо, изо всѣхъ силъ отбивающееся отъ него...

И вдругъ женщина разразилась потокомъ отборнѣйшихъ ругательствъ. Она выплевывала ихъ изо рта вмѣстѣ со слюной, пьяная, растрепавшаяся, съ мастерствомъ будьварной кокотки придумывала самыя оскорбительныя и циничныя сравненія и слова. И они били Сомова по лицу,— липкой, вонючей грязью обдавали все чистое, что было когда-нибудь въ немъ...

Оглушенный, почти потерявъ разсудокъ, Сомовъ выбѣжалъ изъ комнаты... Но ужасныя слова и крики расходившейся женщины преслѣдовали его. И онъ бросился на постель и закрылъ подушкой голову. Долго лежалъ такъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и казалось, что огромными молотками бьютъ его по головѣ...

Постепенно усталость и безумная напряженность нервовъ смѣнились реакціей. И сонъ разсѣялъ кошмаръ дѣйствительности...

Утромъ все происшедшее вчера казалось Сомову бредомъ, чѣмъ-то далекимъ и непонятнымъ. Ясное свѣтлое утро вновь дало ему бодрость и желаніе бороться за счастье. Онъ снова помнилъ только прежнюю Катю, милую и ласковую. Размышляя, онъ скоро нашелъ и причину вчерашняго происшествія. Катѣ нужны были деньги, и она, не желая безпокоить его, рѣшила заработать ихъ старымъ путемъ позора. Вѣдь она не виновата, если иного пути не знала. И Сомову вспомнился прекрасный образъ героини некрасовскаго стихотворенія, которая въ страшную минуту жизни вышла изъ дома и на деньги, добытыя паденіемъ, купила гробикъ ребенку и ужинъ отцу... Навѣрное и Катя, идя *туда*, думала о любимомъ человѣкѣ, т. е. о немъ, и ей было такъ тяжело, что она выпила вина. И Сомовъ упрекалъ себя, что не оставилъ вчера Катю въ покоѣ, а сталъ приставать и окончательно раздражилъ уже и безъ того раздраженную и несчастную женщину. Онъ рѣшилъ загладить свою вину и сдѣлать Катѣ сюрпризъ. Казалось, что стоитъ только достать денегъ и все опять пойдетъ постарому.

Улыбаясь и заранѣе предвкушая всю прелесть задуманнаго, Сомовъ торопливо одѣлся и, тихо пройдя мимо комнаты Кати,—она еще спала,—вышелъ на улицу. Онъ отправился въ училище, гдѣ рѣшилъ во что бы то ни стало выпросить у завѣдывающаго за полмѣсяца жалованье...

Въ четвертомъ часу, съ деньгами въ карманѣ и покупками, Сомовъ спѣшилъ домой. Завѣдывающій не только

далъ денегъ, но даже отпустилъ сегодня раньше, найдя, что у Сомова слишкомъ нездоровый видъ...

Катя сидѣла полуодѣтая на стулѣ возлѣ потухшаго самовара, мрачная, не пришедшая въ себя послѣ вчерашней попойки. Она незадолго передъ тѣмъ встала.

Почти безучастно взглянула она на Сомова. А онъ, конфузясь, поцѣловалъ ее въ щеку и положилъ ей на колѣна кошелекъ...

Черезъ часъ они, какъ и прежде, сидѣли за чайнымъ столомъ. Только рядомъ съ самоваромъ стояла полбутылка и двѣ рюмки. Катя убѣдила своего любовника, что ей нужно опохмелиться и его самого заставила выпить рюмку «за новое житье». — Онъ былъ счастливъ цѣлый вечеръ... И утромъ на слѣдующій день радостный отправился на службу. И все думалъ о новой жизни и Кати, которая теперь уже навсегда будетъ его... Въ такомъ же приподнятомъ настроеніи спѣшилъ Сомовъ вечеромъ домой.

Еще въ прихожей онъ услышалъ крикливые голоса, среди которыхъ особенно выдѣлялся голосъ Кати. Затаивъ дыханье, еще не соображая, въ чемъ дѣло, но уже предчувствуя бѣду, онъ быстро подошелъ къ Катиной комнатѣ и растворилъ дверь. Ему представилась омерзительная картина. За столомъ, уставленнымъ бутылками пива и водки, сидѣла простоволосая, совсѣмъ пьяная Катя, въ сообществѣ двухъ женщинъ и мужчинъ подозрительной наружности въ разстегнутыхъ жилетахъ. Всѣ они были пьяны. На кровати валялась третья женщина. Въ комнатѣ стоялъ смрадъ отъ разлитаго пива и водки, человѣческаго дыханья и табачнаго дыма. Компанія ругалась и хохотала...

Сомовъ почувствовалъ, какъ страшная неизбѣжность зла охватываетъ его и онъ уже не въ силахъ сопротивляться: все внутри его опускается и онъ становится вялымъ и безсильнымъ.

— А-а, Ванька!—закричала Катя хриплымъ голосомъ, увидавъ Сомова.—Иди сюда! Мы новоселье справляемъ... Иди, говорятъ тебѣ.—И она встала, желая двинуться къ нему, но пошатнулась и снова тяжело рухнулась на стулъ.

— Иди, дурашка. Я тебѣ водки налью. Это мой новый содержатель,—отрекомендовала она его своимъ гостямъ.— Иди, Ванька, садись около меня, цѣлуй...

Сомовъ подошелъ къ столу и залпомъ выпилъ налитую ею рюмку. Потомъ налилъ цѣлый стаканъ водки и опять выпилъ. И вдругъ почувствовалъ, что силы возвращаются и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ отчаяніе. А кругомъ всѣ хохотали, ругались и какая-то женщина цѣловала рядомъ сидящаго мужчину. Сомовъ схватилъ стаканъ и поднялъ надъ головой.

— Я пью — громко закричалъ онъ— за развратъ, за всесокрушающій развратъ и за вѣчную грязь жизни!

На секунду пьяные подняли на него безсмысленные глаза, а одна женщина разразилась оглушительнымъ хохотомъ... Катя съ посоловѣвшими глазами сказала, протягивая губы:

— Ну, будетъ, дурачокъ. Иди, поцѣлуй меня! — и схватила его за рукавъ.

Но онъ вырвался отъ нея, изо всѣхъ силъ бросилъ недопитый стаканъ объ полъ и убѣжалъ изъ дома...

Пьяный онъ бродилъ гдѣ-то по улицамъ... И утромъ проснулся на томъ самомъ мѣстѣ Ходынки, гдѣ ночевалъ по пріѣздѣ въ Москву. Сомовъ совершенно не помнилъ, какъ попалъ сюда. Онъ только чувствовалъ страшную боль во всемъ тѣлѣ: должно-быть, простудился, лежа на обледянѣлой землѣ. Еле-еле добрался до дому и сейчасъ же легъ на постель, а черезъ полчаса былъ уже въ безсознательномъ состояніи...

Сомовъ вылежалъ въ больницѣ почти два мѣсяца. Когда онъ выписался оттуда, уже послѣ Рождества, то поселился на Живодеркѣ въ темной и холодной комнатѣ. Опять пришлось довольствоваться ничтожной стипендіей, такъ какъ мѣсто въ училищѣ, конечно, было передано другому...

Все происшедшее затянулось дымкой, но въ глубинѣ души остался горькій осадокъ, наложившій на него печать угрюмости. На доску прежнихъ матеріальныхъ лишеній, съ которыми кое-какъ справлялся молодой организмъ,

была положена крупная жизненная неудача и болѣзнь— и равновѣсіе нарушено въ сторону безсилія. Борецъ въ Сомовѣ былъ почти побѣжденъ.

Однако, нашлось событіе, которое потрясло его и сдѣлало на минуту сильнымъ. Это было то, что стоитъ надъ жизнью и вызываетъ подъемъ духа въ погибающемъ въ борьбѣ съ мелочами жизни человѣкѣ. Общій подъемъ духа отражается на каждомъ индивидуумѣ.

Студенческія движенія отзываются въ повышенномъ настроеніи у каждаго студента.

И никогда Сомовъ не чувствовалъ себя такъ, какъ во время своего перваго участія въ безпорядкахъ. Онъ, какъ и многіе, быть-можетъ, не сознавалъ въ чемъ именно, въ какихъ деталяхъ заключаются несовершенства современнаго строя университетской жизни, но былъ захваченъ весь цѣликомъ, всѣмъ укладомъ своей жизни чувствовалъ зло, ненормальность, невыносимость... И тѣмъ горячѣе, тѣмъ безраздѣльнѣе отдавался движенію: протестовалъ, какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя, чтобы протестовать...

Но потомъ, когда наступила реакція, когда жизнь вернулась въ прежнія рамки и опять была та же конура, отсутствіе свѣта, тепла и людского участья, голодъ, еще больнѣе стало ему. Еще больше прибавилось въ немъ угрюмости и озлобленности.

Если первый разъ его обманула проститутка, то теперь онъ былъ обманутъ не то самимъ собой, не то студенчествомъ, не то жизнью.

За участіе въ безпорядкахъ Сомова лишили стипендіи. И опять пришлось взять два урока въ 8 и 7 руб., изъ которыхъ одинъ былъ утромъ, другой вечеромъ и, благодаря разстояніямъ, весь день разбивался. Свѣтлое царство идей было попрежнему закрыто наглухо.

Когда онъ потерялъ одинъ урокъ, переселился въ студенческій притонъ — Ляпинку и занялъ еще неостывшее грязное ложе одного изъ бѣжавшихъ отсюда товарищей.

Но недолго Сомовъ былъ въ состояніи переносить

условія здѣшней жизни. Не могъ онъ примириться съ безнадежно унылымъ видомъ однихъ и какимъ-то циничнымъ удальствомъ другихъ, махнувшихъ на все рукой.

— Нѣтъ, ужъ лучше переносить бѣдность въ одиночествѣ, чѣмъ въ сообществѣ ста бѣдняковъ. По крайней мѣрѣ есть возможность оставаться наединѣ, — говорилъ Сомовъ.—Да потомъ въ общежитіи нечаянно чье-нибудь мнѣніе усвоишь, а я свободомыслящій...

Когда снова назначили ему стипендію — теперь уже въ семь рублей, Сомовъ покинулъ гостепріимную, но убійственную Ляпинку...

И вотъ уже годъ живетъ онъ въ своемъ подвалѣ, въ которомъ мы застали его въ началѣ очерка, и наблюдаетъ міръ черезъ призму помойной ямы, вѣчнаго вида изъ его маленькаго окна.

Онъ не вѣритъ ни въ науку, ни въ товарищей, ни въ кого изъ людей. Вездѣ находитъ только отрицательныя стороны.

Наканунѣ первой сходки новаго студенческаго движенія одинъ товарищъ зашелъ къ Сомову и засталъ его противъ обыкновенія не лежащимъ, а сидящимъ на кровати...

— Здравствуй! — закричалъ Сомовъ радостнымъ голосомъ.—Садись. Чаю хочешь? Хозяйкѣ сейчасъ скажу, чтобы самоваръ поставила.

— Что это ты сегодня—праздникъ что ли справляешь?

— Нѣтъ, не праздникъ. — Передъ новосельемъ духъ возбужденъ. Завтра отправляюсь туда, ну, а оттуда, конечно, еще *туда*. Перемѣна декораціи. Всякая, братъ, перемѣна въ жизни веселитъ духъ. Встряхиваетъ.

— Ты что же это—по убѣжденію?

— По какому такому убѣжденію? Это что за штука — убѣжденія? Это, братъ, слово не изъ нашего лексикона — сытые люди его отъ сытости выдумали... Иду, потому что хочу разнообразить жизнь, потому что задыхаюсь уже отъ здѣшняго смрада. У другихъ и цвѣты, и женщины, и музыка, а у меня крысы. Да и крысы-то все однѣ и

тѣ же. Надоѣли. Завтра къ другимъ крысамъ переселюсь... А въ студенчество, будетъ тебѣ извѣстно, не вѣрю. Не вѣрю, прямо говорю, потому что вижу одно лицемѣріе кругомъ. Вижу, что только играются дѣти въ игрушки, кровь себѣ прочищаютъ. Не вѣрю! Не вѣрю! — Сомовъ возвысилъ голосъ и въ немъ зазвучала злоба.—Идутъ на святое дѣло, какъ говорятъ, а потомъ самое наглое, самое скверное отступничество на каждомъ шагу. Этотъ либеральнѣйшій коллега оказывается самымъ распримѣрнымъ земскимъ начальникомъ, другой докторомъ, грабящимъ больныхъ, этотъ прокуроромъ, распинающимся изъ-за того только, чтобы упечь ближняго, куда Макаръ телятъ не гонялъ, да какъ можно подальше, да чтобы еще плетей всыпать побольше!.. А откуда берутся сплошные мошенники-адвокаты, наживающіе огромныя деньги и не брезгающіе защищать отъявленнаго негодяя-купца, обжулившаго своего пастуха на пять рублей? Какъ ни заѣстъ совѣсть этого подлеца, который недавно блистательно защитилъ мать, пятнадцать лѣтъ дѣтей своихъ истязавшую. Наблюдаю, братъ, эволюцію эту уже четыре года... Когда въ синей фуражкѣ, такъ, небось, и идеи, и то, и се, и третье — голова выше плечъ запрокинута. Я студентъ-борецъ за истину! Ого-го-го—борецъ за истину?!.. Ненавижу эту галдящую, кривляющуюся толпу—этихъ рыцарей на часъ! Не на-авижу! Этихъ дураковъ, которыхъ забираютъ, какъ барановъ, сажаютъ...

— Ну, братъ, ты, кажется, зарапортовался. Самъ же будешь сидѣть!

— И я буду сидѣть! И сопротивляться не буду, потому что мнѣ все равно. Мнѣ только психологія любопытна. Зачѣмъ въ мантію страдальцевъ наряжаются, а потомъ въ прокуроры норовятъ пролѣзть, или въ чиновники, которыхъ раньше поносятъ на чемъ свѣтъ стоитъ... Нѣтъ, я уже вотъ такого скорѣй понимаю — прямо, по крайней мѣрѣ. — Былъ? — «Былъ». — Почему не со всѣми въ мѣстахъ злачнѣхъ и покойнѣхъ? — «А я, видишь ли, когда забирали, зашелъ къ одному знакомому на дворѣ университета. У

него и переночевалъ». - Удралъ, значитъ! И на томъ молодецъ—самостоятельность, по крайней мѣрѣ, есть. Индивидуалистъ! Теперь всѣ индивидуалисты, кто криво смотритъ. Я, говоритъ, индивидуалистъ. Глядишь, такъ и есть—сзади выглядываетъ госпожа пакость, которую учинилъ названный индивидуалистъ...

— Слушай, это циничная безнадежность какая-то. Развѣ всѣ люди таковы? Я знаю многихъ хорошихъ,—запротестовалъ товарищъ.

— А я вижу только дурныхъ. Ты мнѣ скажи, жизнь гдѣ-нибудь стала лучше?

— Конечно!

— Нѣтъ! Это ты такъ говоришь, потому что плодами культуры пользуешься, а ты пойди, поживи въ подвалѣ, тогда узнаешь, какова жизнь. Тогда потеряешь руководящую нить и не поймешь даже самаго слова: Лучше! — Смотри изъ подвала на жизнь, тогда узнаешь...

Никогда Сомовъ не говорилъ такъ горячо и долго, какъ въ этотъ вечеръ, наканунѣ того дня, когда наперекоръ самому себѣ отправился на студенческую сходку.

Впрочемъ, Сомовъ остался вѣренъ себѣ. Выбравъ гдѣ-то въ отдаленномъ углу зала мѣсто, онъ легъ и попросилъ товарища, чтобы его разбудили, когда войдетъ полиція.

И онъ закрылъ глаза и заснулъ. или притворился, что спитъ...

Декадентъ.

I.

Нервозное состояніе современной души, выражающееся въ погонѣ за какими-то новыми формами и настроеніями, наблюдается и среди студенчества. Быть-можетъ, даже ярче, чѣмъ гдѣ-нибудь, благодаря исключительно благопріятнымъ условіямъ.

Студентъ свободенъ отъ обязанностей, налагаемыхъ семьей, службой, опредѣленнымъ дѣломъ. Наука слишкомъ слаба въ своихъ представителяхъ. Мало, кто изъ современныхъ профессоровъ можетъ похвастать талантомъ увлекать слушателей глубиной интеллекта. Студентъ предоставленъ самому себѣ. А возможность произвольно распоряжаться собой и своимъ временемъ порождаетъ другую возможность—стихійно отдаваться настроеніямъ.

Индивидуализму современнаго студента предоставленъ широкій просторъ. Разумѣется, человѣкъ человѣку рознь: въ другихъ очеркахъ мы показываемъ, какъ иногда проявляется этотъ студенческій индивидуализмъ. Теперь же будемъ имѣть дѣло съ психологіей индивидуализма, который представляется намъ въ такихъ причудливыхъ и странныхъ очертаніяхъ, какъ событія, создавшія процессъ студента Мищенка*).

Природная экзальтированность и склонность къ неврозу, разноцвѣтная жизнь большого города съ ея раздражающими контрастами, утонченная культура, бередящая нервы, съ другой стороны одиночество, пустота и уныніе студенческой комнаты, пустота и *безцѣльность*

*) Дѣло о покушеніи на убійство разсматривалось въ Москов. Окружн. судѣ въ концѣ іюня 1902 года.

самой жизни и, наконецъ, праздный интеллектъ, томящійся этой праздностью—вотъ почва, на которой произрастаютъ болѣзненные цвѣты. Въ человѣкѣ развивается безпокойство, его куда-то тянетъ, чего-то хочется. Онъ страдаетъ отъ непонятной тоски. И онъ начинаетъ выдумывать иллюзіи, создаетъ свой особый міръ, гдѣ чувства и ощущенія играютъ первую роль. Начинается усиленная возня съ самимъ собой. Призрачные образы вырастаютъ до размѣра міровыхъ событій, заполняютъ всю жизнь.

Погоня за ощущеніями — характернѣйшая черта декадентовъ. Они чрезвычайно изобрѣтательны въ объектахъ ощущеній. Какъ людей съ нервной организаціей, въ воображеніи и фантазіи у нихъ нѣтъ недостатка. Дѣйствительную жизнь декаденты обращаютъ въ миражъ.

— Я хочу извѣдать «гущу жизни»,—говоритъ одинъ студентъ, заимствуя у Горькаго выраженіе, но понимая его очень своеобразно.

И онъ отправляется искать эту «гущу» въ «таинственныя и страшныя» мѣста, ходитъ по ночнымъ пріютамъ низшаго разряда, кабакамъ. Ночуетъ въ Ляпинкѣ. Онъ не входитъ въ мелочи, не интересуется отдѣльными явленіями, общественной или психологической стороной ихъ, его увлекаетъ что-то огромное, смѣшанное, волнующееся.

— Я чувствую вездѣ повышенную жизненность,—восклицаетъ онъ.—Я постигъ самый хаосъ жизни... Все вокругъ кричитъ, вертится, стремится куда-то...

И онъ быстро скользитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, почти не останавливаясь, наслаждаясь атмосферой «повышенной жизненности». Отъ этой смѣны впечатлѣній у него всегда приподняты нервы.

— Посмотрите кругомъ,—говоритъ декадентъ,—не кажется ли вамъ, что все полно загадокъ? Огромное клокочущее море тайны охватило землю. Вы и я, мы всѣ захлебываемся въ ея темныхъ, густыхъ глубинахъ. Смотрите, вотъ идетъ человѣкъ, онъ несетъ съ собой цѣлый міръ непонятныхъ, странныхъ происшествій, мыслей, свою особенную жизнь. И другой прохожій, который кажется такимъ маленькимъ

и простымъ—и онъ загадка! И такъ всѣ, кто бы ни встрѣтился вамъ... Я люблю бродить по улицамъ и слѣдить за тайнами, которыми полонъ городъ и люди... По вечерамъ я часто сижу на бульварѣ противъ огромнаго чудовища—дома, который глядитъ на меня сотнями разноцвѣтныхъ глазъ—оконъ. Что скрывается тамъ—за этими глазами?.. Одни окна свѣтятся тускло, какъ сѣрая жизнь пошлыхъ людей, другія горятъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, какъ вихрь жизни, въ третьихъ разливается красный свѣтъ сладострастья, или тьма—тишины и страшнаго молчанія, иногда серьезный свѣтъ матовый—въ кабинетѣ ученаго, розовый, полный грезъ... Сколько тайнъ, сколько оттѣнковъ жизни!..

И вдругъ, оборвавъ свою рѣчь, онъ бѣжитъ куда-то. Всегда взволнованный, вѣчно разсѣянный, декадентъ многимъ кажется «ненормальнымъ». Въ немъ нѣтъ никакой опредѣленности—хватается за одно, за другое, начинаетъ мысль и, не докончивъ, сейчасъ же забываетъ ее для другой. Онъ ищетъ приключеній, чего-нибудь остраго, сверхъестественнаго. Мечтаетъ о необыкновенныхъ встрѣчахъ. И грезы помогаютъ ему находить желаемое и на балу, и въ публичныхъ домахъ, и въ роскошномъ дворцѣ милліонера, и въ анатомическомъ театрѣ.

«Я ищу тропическихъ растеній,—говоритъ блѣдный студентъ.—Ищу странную красавицу среди фантастической обстановки».

А вотъ другой студентъ медицинскаго факультета,—кажется, долженъ быть *трезвымъ* человѣкомъ. Однако, и изъ самаго реальнаго онъ умѣетъ извлекать экзотическое настроеніе. Изъ анатомическаго театра съ рядами голыхъ изрѣзанныхъ труповъ, изъ этого циничнаго жилища смерти, гдѣ загадки жизни разоблачены до послѣднихъ предѣловъ, декадентъ отправляется въ наиболѣе оживленныя улицы, гдѣ все говоритъ о роскоши, о радостяхъ жизни, гдѣ движется расфранченная живая толпа, гдѣ столько красокъ и звуковъ. И онъ сравниваетъ еще неисчезнувшія изъ воображенія отвратительныя разрѣзанныя тѣла съ этими яркими женщинами, такими живыми, чувственными. Онъ

испытываетъ острое наслажденіе отъ чудовищнаго контраста... А какой богатый матеріалъ для ощущеній даютъ клиники! Искаженныя лица, ужасныя улыбки, смерть, рѣющая въ воздухѣ, глубокая тишина палатъ, гдѣ самая атмосфера напоена страданіемъ...

Обратите вниманіе на этого высокаго, красиваго студента съ утомленнымъ лицомъ, который на балу одиноко скитается по ярко освѣщеннымъ заламъ и словно чего-то ищетъ... Васъ удивитъ, что онъ нигдѣ не присядетъ. Переходитъ изъ одной залы въ другую, взбирается на хоры, опять смѣшивается съ толпой... Идетъ то медленно, взглядывая по сторонамъ, то ускоряетъ шаги, словно догоняетъ *что-то*... И вдругъ останавливается, пристально смотритъ куда-то и стоитъ долго, задумавшись... И все одинъ...

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника этого студента:

«Тамъ внизу кружились они—эти странныя привидѣнія—блѣдно-розовыя и голубыя, и красныя провозвѣстники тайны и страшной неизвѣстности мрачныхъ замковъ... Я боюсь красныхъ, это цвѣтъ крови и цвѣтъ костровъ, пылающихъ въ темныхъ подвалахъ. Ужасныя привидѣнія замковъ! Красное—это губы вампира, высасывающаго жизнь. На ярко красныхъ губахъ женщинъ я всегда вижу прилипшую кровь: она говоритъ о кровожадности звѣря... И среди блѣдныхъ и голубыхъ мелькали эти зловѣщіе огненные факелы. Рыдали скрипки и флейты и, вздрагивая, жаловались. Ужасъ, красные приближались...

И я бѣжалъ внизъ, гдѣ среди голубыхъ и блѣдно-розовыхъ чувствовалъ себя въ безопасности...

Зала была облита ослѣпительнымъ свѣтомъ. И красота царствовала среди звуковъ и красокъ. Но гдѣ-то шевелилось черное и говорило о концѣ. Говорило о мракѣ и скорби, о томъ, что все скоро исчезнетъ. И черное заставляло меня ходить, потому что я не успѣлъ бы... Я хотѣлъ насладиться вполнѣ, но не могъ. Рыдали скрипки и все вертѣлось, вертѣлось въ ослѣпительномъ свѣтѣ. Но я зналъ, что время спѣшитъ и скоро конецъ. И острая боль глубже

вонзалась въ сердце. И вдругъ громкое и радостное прозвучало и оборвалось и наступила темнота и уже изъ всѣхъ угловъ смотрѣло черное, зловѣщее. Посреди опустѣвшей залы протянулась полоса краснаго цвѣта... А потомъ ночь и отчаяніе. И конецъ. . . . . .

Я всегда слѣжу за ней на балахъ. Больше нигдѣ и никогда я не видѣлъ ее и не хочу видѣть. Только въ ослѣпительной залѣ, гдѣ звучитъ вальсъ, среди яркихъ цвѣтовъ и опьяняющей атмосферы рождается моя любовь къ ней и гаснетъ съ послѣднимъ аккордомъ умирающаго бала. Загадочная, въ черномъ, высокая, она пробуждаетъ во мнѣ неизъяснимое волненіе, когда вдругъ появляется среди яркой, движущейся толпы. И я съ трепетомъ слѣжу за ней... Она не знаетъ меня и никогда не узнаетъ... Она одинока. Ее окружаютъ многіе, но въ ея сѣрыхъ, печальныхъ глазахъ и на блѣдномъ лицѣ я прочиталъ, что она одинока. Только однажды слышалъ я фразу, произнесенную однимъ изъ ея кавалеровъ:

«Для Ольги Владимировны нужно сорвать пять звѣздъ съ ночного неба. На меньшее она не пойдетъ»...

Женщина, которой нужно пять звѣздъ ночного таинственнаго неба... О—я люблю ее!..

. . . . . .

Въ средней залѣ женщина, тонкая и стройная, съ загадочными глазами посмотрѣла на меня долгимъ, страннымъ взглядомъ; въ угловой гостиной я встрѣтилъ красавицу, формы и лицо которой говорили объ ужасающемъ сладострастіи, о вакханаліи среди зеркалъ на шкурахъ бѣлыхъ медвѣдей и леопардовъ; въ большой залѣ была дѣвушка съ лицомъ мадонны, а гдѣ-то среди цвѣтовъ мелькнула грустная улыбка печальной женщины... И въ этотъ вечеръ я одинаково любилъ ихъ всѣхъ. Я переходилъ изъ залы въ залу, ловилъ ихъ взгляды и чувствовалъ связь, зарождавшуюся между мною и ими... О, какой прекрасной и разнообразной казалась мнѣ тогда жизнь...»

Недавно автору этого очерка одинъ студентъ разсказалъ слѣдующее:

«Я видѣлъ ее только одинъ разъ. Но я страшно, безумно люблю ее и ищу. Она исчезла. Быть-можетъ, умерла... А, можетъ-быть... Слушайте! На балу цвѣтовъ, гдѣ живыя гирлянды извивались въ символическихъ танцахъ, я вдругъ замѣтилъ лиловую орхидею. Тонкая, стройная дѣвушка въ лиловомъ. Распущенные волосы, горящіе черные глаза, впалыя щеки съ зловѣщимъ румянцемъ. Но, главное, это—ужасный свинцовый цвѣтъ ея худыхъ оголенныхъ рукъ, оттѣненныхъ лиловымъ. Гирлянды цвѣтовъ опутывали ее всю... Это была женщина иного міра, фантастическое существо... «Она скоро умретъ», подумалъ я... И я подошелъ къ ней и заговорилъ. Сначала испуганно она взглянула на меня, а потомъ стала слушать, и черные глаза ея расширились и сдѣлались огромными и уже ничего не было видно кромѣ страшной бездны ея глазъ. И я тонулъ въ этой безднѣ... И вдругъ она засмѣялась страннымъ, безумнымъ смѣхомъ и исчезла... И я искалъ ее во всѣхъ залахъ среди розъ, гіацинтовъ и лилій. Но нигдѣ, нигдѣ не было лиловой орхидеи... Иногда мнѣ кажется, что это былъ призракъ... Быть-можетъ, сама тайна, блуждающая по землѣ»...

Женщина играетъ большую роль въ жизни декадента. Она даетъ богатый матеріалъ для ощущеній и *иллюзій* всякаго рода. Декадентъ облекаетъ заинтересовавшую его женщину въ разноцвѣтный туманъ своего воображенія. Онъ надѣляетъ ее разными особенными положеніями, самъ выдумываетъ ея психологію. Одинъ штрихъ, какая-нибудь незамѣтная черточка—и его фантазія разыгрывается: создаются образы, самыя неожиданныя заключенія, комбинаціи—цѣлый новый міръ, солнцемъ котораго является женщина—иллюзія. Все обыденное, видимый міръ освѣщенъ этимъ фантастическимъ солнцемъ. Все кажется призрачнымъ, необыкновеннымъ. Поступки, мысли, желанія декадента вертятся въ заколдованномъ кругу миража... Вспомните хотя бы того же Мищенку...

Наиболѣе острыя ощущенія декадентъ испытываетъ *вдали* отъ женщины, когда онъ витаетъ въ области чистой фантазіи, въ собственномъ царствѣ. Тогда онъ счаст-

ливъ. Разговоръ и свиданія замѣняютъ ему письма. Тутъ никто не мѣшаетъ декаденту бредить и онъ всегда пишетъ длинныя письма, потому что любитъ бредить. Его бредъ красивъ и нравится женщинѣ. Она отвѣчаетъ ему. Даже старается поддѣлываться подъ его тонъ. А это опять матеріалъ для его фантазіи. Въ ея письмахъ онъ ищетъ тайный смыслъ, комментируетъ каждую фразу, объясняетъ по-своему каждое слово. И въ результатѣ простыя выраженія превращаются въ красивые образы—символы, обыкновенная любезность—въ глубокое чувство, кокетство—въ любовь.

Странная исторія разыгрывается, когда декадентъ приблизится къ женщинѣ, будетъ видѣться съ ней. Передъ нимъ живой реальный человѣкъ *со своими* словами, желаніями, поступками, а онъ толкуетъ всѣ ея помышленія сообразно выдуманной имъ «ея психологіи». Понятно, въ результатѣ рядъ недоразумѣній. Бѣдняжкѣ непонятны *какія-то* идеалистическія стремленія, порывы, нервозность, наконецъ, странныя выходки. Она хотѣла бы живого человѣка... Отношенія обостряются. Онъ страдаетъ самъ и мучитъ ее. Создается нѣчто смутное, ужасно больное... И все, обыкновенно, кончается разрывомъ. Декадентъ удаляется и опять начинаетъ мечтать и писать письма...

Когда же судьба сведетъ декадента съ женщиной, подобной ему, разыгрывается романъ, названіе которому «Сумасшествіе».

Конечно, не всякую женщину декадентъ обратитъ въ солнце «своего царства». Нужно, чтобы что-нибудь поразило его въ ней. Больше всего привлекаетъ декадента *красота, загадочность и страданіе*. Впрочемъ, красоту онъ всегда сумѣетъ облечь въ призрачное покрывало загадочности и страданія. И, наоборотъ, въ страданіи найти красоту и загадочность.

«Вы всегда рисуетесь мнѣ,—пишетъ одинъ студентъ женщинѣ,—въ какомъ-то ореолѣ печали, какъ ликъ святого, окруженный лучезарнымъ сіяніемъ. Я не могу представить васъ жизнерадостной и веселой»...

Идеалѣмъ для декадента являются женщины Достоевскаго, въ которыхъ загадочность, красота и страданіе переплелись неразрывными узами... Можетъ-быть, это покажется и страннымъ, но отношеніе или, лучше сказать, требованье, предъявляемое декадентомъ къ художественной литературѣ, *сходно* съ тѣмъ, что онъ ищетъ въ женщинахъ,—красота, загадочность, страданіе...

Красота формы, таинственность содержанія, болѣзненность впечатлѣнія.

Вотъ почему они такъ любятъ Фридриха Ницше и его поэму «Такъ говорилъ Заратустра». Афоризмы Заратустры полны тайнаго смысла, форма ихъ изысканно красива, и утонченный образъ страдальца-философа рѣетъ какъ будто надъ этой поэмой. Эдгаръ По со своей психологіей ужаса, Бодлэръ съ чудовищными контрастами волнуютъ и привлекаютъ ихъ... Въ пьесахъ Чехова *), поставленныхъ на сценѣ Художественнаго театра, они испытываютъ острое наслажденіе, смѣшанное со страданіемъ.

Вообще, художественная литература играетъ для декадентовъ роль раздражающаго начала. Часто она замѣняетъ имъ гашишъ.

По вечерамъ, наединѣ, они декламируютъ какіе-нибудь отрывки изъ Заратустры, или стихотворенія Эдгара По, Бальмонта, наслаждаются музыкой созвучій и болѣзненностью, чувствующейся въ этихъ созвучіяхъ:

«Узрѣлъ я великую печаль, надвигающуюся на человѣчество... Распространилось новое ученіе и съ нимъ вмѣстѣ новая вѣра: все пустое, все равно на свѣтѣ, все уже было... И съ высокихъ холмовъ слышался однообразный, тоскливый откликъ: все пустое, все равно на свѣтѣ, все уже было»...

Повторяя подъ рядъ нѣсколько разъ этотъ афоризмъ (въ особенности послѣднія слова), декаденты гипнотизируютъ себя.

Или, вотъ, напримѣръ, изъ одного письма Ницше:

«О, какіе годы, какія муки, какое одиночество и какая тоска, какъ надоѣло жить»...

*) Главнымъ образомъ въ „Чайкѣ“, потомъ въ „Дядѣ Ванѣ“, меньше въ „Трехъ сестрахъ“.

И даже такія ничтожныя, повидимому, слова, какъ въ «Чайкѣ» Чехова:

«Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно»—иногда способны вызвать въ нихъ извѣстное настроеніе. Тутъ, разумѣется, большую роль играетъ декламація, въ которую они вкладываютъ всю свою душу. Пожалуй, это можно сравнить съ игрой на какомъ-нибудь инструментѣ...

Лиризмъ, — неотъемлемая собственность декадентовъ. Они всѣ поэты въ душѣ. Большинство изъ нихъ пишетъ маленькіе разсказцы, дневники, письма, изливая свое настроеніе. Ихъ произведенія отличаются приподнятостью тона. Декаденты слишкомъ заняты самими собой и, какъ всегда въ такомъ случаѣ, аффектируютъ свои страданія и наслажденія. Часто даже притворяются передъ самими собой. И всегда у нихъ на первомъ планѣ: я, меня, мое настроеніе.

Однако, вѣчная возня съ самимъ собой не можетъ пройти человѣку даромъ. Погоня за ощущеніями имѣетъ свои предѣлы. Часто нервы не выдерживаютъ: декадентъ просыпается отъ грезъ и видитъ сѣрую, тусклую жизнь, охватившую его со всѣхъ сторонъ. Краски, звуки и фантазія исчезаютъ, вмѣсто нихъ открывается зіяющая пустота, ночь и отчаяніе. И человѣкъ глубоко страдаетъ... Минуты отчаянія длятся долго, невыносимо...

«Ложь, тупая ложь царитъ въ мірѣ... Все бѣжитъ, кувыркается, паясничаетъ... А я сижу и смотрю въ глубь самого себя. Я самому себѣ подвожу итоги. Я кромѣ самого себя ничего не знаю, не вижу, не понимаю... О, спасите, спасите меня! Дайте что-нибудь, чтобы отогнать этотъ ужасный призракъ глубины меня самого!..»—такъ пишетъ въ письмѣ одинъ студентъ.

Но я прекрасно знаю, что пройдетъ нѣсколько времени и этотъ человѣкъ создастъ себѣ новую иллюзію... Вѣчный круговоротъ!

2.

Письмо студента Z къ г-жѣ N.

Позвольте сказать нѣсколько словъ о себѣ. «Опять о себѣ?» Да, о себѣ! «Вѣчно о себѣ!» Но вѣдь это скорѣй наказаніе для меня, чѣмъ удовольствіе или, какъ вы изволите выражаться, «самовлюбленность»...

Я опишу вамъ одинъ свой день...

Я получилъ письмо отъ Вѣры. Она должна проѣхать черезъ Москву въ Петербургъ. Вѣра—странная женщина... Я познакомился съ ней лѣтомъ. Она жила на дачѣ въ сосновомъ лѣсу, у Двины. Мы были вмѣстѣ шесть недѣль. Потомъ разстались и переписывались. Ея письма такъ же нервны, болѣзненны, какъ и она сама. Отъ безумныхъ изліяній нѣжности и любви она вдругъ переходитъ къ тому, что я называю въ ней «самоуязвленіемъ». Она пишетъ, что у нея было много любовниковъ, что каждое лѣто она мѣняетъ ихъ, что она вовсе не любитъ меня, а пишетъ просто такъ, чтобы занять время. И въ каждой строчкѣ ея письма сквозитъ ужасная боль, которая отзывается во мнѣ, растравляетъ воспоминаніе, разстраиваетъ нервы...

Я вспоминаю странныя шесть недѣль, которыя мы провели тамъ, въ сосновомъ лѣсу, на одинокой дачѣ. Я вспоминаю ея первое письмо съ этой дачи послѣ моего отъѣзда. Оно было ужасающее по тону и глубоко поэтическое по смыслу.

Вотъ послѣднія строки этого письма:

«...Почему это я противъ воли ищу и спрашиваю отвѣта у лѣсной дороги... Тамъ пусто! И мѣста, и лѣсъ, все я бросаю, — и мои мечты о призрачномъ счастьѣ— все! Завтра всему, всему конецъ. Дни, чудные мои, незабвенные и единственные дни прошли... Нѣтъ, я писать больше не стану. — Не могу! Прости, я *должна* забыть тебя—и я забуду»...

Она уѣзжала въ Петербургъ, гдѣ уже шесть лѣтъ жила съ однимъ княземъ, котораго оставить не могла, потому что онъ очень любилъ ее... Она сошлась съ этимъ княземъ совсѣмъ еще молодой, когда ему было больше 40. Старый ловеласъ, холостякъ, вполнѣ использовавшій холостую жизнь, влюбился въ молодую дѣвушку. Она тоже его полюбила... Онъ не измѣнялъ ей, но по привычкѣ старой жизни ввелъ любовницу въ кругъ своихъ друзей — холостяковъ, легко относящихся ко всему на свѣтѣ, въ кругъ лоретокъ. Ее — чистую семнадцатилѣтнюю дѣвушку!.. Къ ней сразу стали относиться, какъ къ «содержанкѣ». И самолюбіе ея было уязвлено глубоко, на всю жизнь... Время взяло свое — покрыло ее внѣшнимъ лоскомъ веселаго, полупьянаго существованія. Но внутри все осталось попрежнему... Двусмысленность положенія Вѣра сознаетъ ежеминутно, ежесекундно. Она не забываетъ ни одного оскорбленія, ничего не забываетъ, все складываетъ въ глубинѣ сердца и никогда никому не говоритъ, какъ ей тяжело... И сердце у нея больное и надорванное...

Вѣра измучилась сама и мучитъ другихъ. Она мучитъ меня за то, что я люблю ее и понялъ ее. Старается увѣрить меня, что я ошибаюсь, что она дурная, очень дурная... До изступленія, до бѣшенства Вѣра жестока въ своемъ истязаніи и самоистязаніи... Только, когда ей удастся довести меня до отчаянія, до нервнаго припадка, она вдругъ превращается въ страшно нѣжную подругу, ласкается и ласкаетъ... А на другой день опять то же самое... Если же она замѣтитъ, что я начинаю вѣрить ея словамъ, ея ужаснымъ разсказамъ о себѣ — она плачетъ, замолкаетъ. И уже никакія мои увѣренія не могутъ утѣшить ее...

Вотъ, напримѣръ, одна изъ ея выходокъ: сидимъ за столомъ. Она говоритъ, обращаясь къ компаньонкѣ:

«Надоѣло быть святошей, пора быть пьяной содержанкой»...

Эта фраза сказана для меня, который сидитъ около нея и который любитъ ее...

Когда я вспоминаю Вѣру, мнѣ всегда дѣлается мучительно больно. Я рисую себѣ ея спальню, освѣщенную свѣтомъ лампадки, и полубезумныя ночи, проведенныя въ слезахъ, мукахъ, страшныхъ терзаніяхъ. Я вспоминаю лѣсъ — сосновый, унылый, однообразный, — дорогу и женщину, ищущую ушедшее счастье. Вспоминаю тѣ ночи, когда усталый, измученный я возвращался черезъ лѣсъ домой. Картины природы — мрачныя, гармонировавшія съ моимъ настроеніемъ, красную луну въ ущербѣ, озеро лѣса, тишину невыносимую... Послѣднюю ночь!

Два раза въ эту ужасную ночь я возвращался къ ней. Я плакалъ, ужасно плакалъ... Впрочемъ, я всегда плачу, когда люблю или, быть-можетъ, думаю, что люблю... Ея лицо — страдальческое лицо — при свѣтѣ лампадки — тоже было заплакано... Она всегда сдержана, страшно сдержана, только голосъ ея звучитъ печально, и она перестаетъ «шутить» — это вѣрный признакъ, что она глубоко страдаетъ...

И въ предразсвѣтную пору я ушелъ отъ нея въ послѣдній разъ...

Опять сосновый лѣсъ. Опять унылое озеро. Предразсвѣтный туманъ. Синеватый свѣтъ утра. Уходящіе золотые лучи луны... Все мелькнуло въ послѣдній разъ. И исчезло...

Поѣздъ... Шумъ... Опять Москва!..

Остался только горькій, мучительный осадокъ... Конечно, я могъ бы уѣхать въ Петербургъ, перевестись туда. Но къ чему? Все равно я останусь такимъ же, какъ сейчасъ, неудовлетвореннымъ... Я забывался, когда былъ съ ней, только въ минуты страданія, когда она мучила меня, а въ рѣдкія минуты, когда я былъ счастливъ, я думалъ о другой женщинѣ... Это тоже странная женщина. И о ней я долженъ сказать нѣсколько словъ.

Два года тому назадъ я искалъ «тропическихъ растеній». Я искалъ роскошную, фантастическую обстановку и женщину среди нея. Я искалъ красоту, окруженную красотой, грезу, которая не имѣла бы ничего

земного, или очень мало. И я нашелъ ее. Это была та, которую называютъ красавицей Москвы. Всегда загадочная, всегда таинственная, она ѣздила въ роскошныхъ экипажахъ—одна, и лицо ея было всегда грустно... Я познакомился и былъ у нея. Обстановка дома, гдѣ она жила, какъ нельзя больше соотвѣтствовала моему желанію—въ полномъ смыслѣ слова фантастическая... Здѣсь были причудливыя сочетанія красокъ, стилей, цвѣтовъ и картинъ. Длинная комната, гдѣ царствовала строгость античныхъ статуй на фонѣ зеленоватыхъ пустыхъ стѣнъ, внезапно смѣнялась безумiемъ роскоши Людовика XIV, гдѣ золото, бархатъ, причудливая мебель, тысячи изящныхъ вещицъ кричали и спорили между собой... По странно изогнутому коридору, со стѣнъ котораго чудовища, озаренныя красноватымъ отблескомъ свѣтильника, глядѣли загадочно и страшно, посѣтитель проходилъ въ бѣлую залу, всю залитую ослѣпительнымъ свѣтомъ... За заломъ шла мрачная мавританская комната съ тяжелыми азіатскими дверьми. Она освѣщалась громаднымъ полу-чернымъ, полукраснымъ фонаремъ, который на массивной золотой цѣпи спускался изъ глубины чернаго свода... А затѣмъ опять наступала игра цвѣтовъ, теперь уже граціозной, прихотливой Японіи... Картины великихъ мастеровъ, тончайшія произведенія искусства были разбросаны по всему дому... Была масса цвѣтовъ, въ особенности лилій и орхидей...

Въ этомъ домѣ всегда царствовала тишина. Шумъ улицы не могъ проникнуть сквозь тяжелую ткань матерій, облегающихъ стѣны...

И хозяйка дома тоже не знала жизнь улицы. Она была заперта среди роскошныхъ стѣнъ своего жилища. Жизнь ея была наполнена грезами. И грезы были больныя и мучительныя. Тоска по иной жизни томила ее. Она играла только на рояли по цѣлымъ часамъ и днямъ. Словно душа ея воплотилась въ музыку.

«Что касается моей души и сердца,—писала она какъ-то мнѣ,—они спятъ, молчатъ. Ничего, кромѣ музыки Вагнера, не заставляетъ ихъ задрожать—и тогда очень, очень

больно! А все остальное время они глубоко молчатъ. Музыка напоминаетъ мнѣ борьбу, страданья, стремленья, красоту, радость и счастье жизни, которыя я пережила!»

Бѣдная! Она ошиблась. Никакого счастья и радости она не знала и не испытала—,быть-можетъ, только въ грезахъ и призракахъ среди фантастическихъ стѣнъ своего дома. Но зато много страданій выпало на ея долю. Она одинока въ полномъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ, который называется ея мужемъ, полу-сумасшедшій, хотя слыветъ за нормальнаго. Это звѣрь, прикрывшійся маской культурности и образованности. Онъ отравилъ ей жизнь съ того мгновенія, когда, трепещущая и любящая, она въ первый разъ бросилась въ его объятья. Гнусный сладострастникъ и дикарь онъ умѣлъ только издѣваться надъ женщинами, а не любить. У него не было ничего святого... И нѣжное, деликатное чувство онъ осквернилъ грязными руками... Потомъ начались дни пытокъ и ужасныхъ глумленій. Ревность не знала границъ. Ее окружили шпіонами,. Изъ-за тяжелыхъ шелковыхъ портьеръ за ней всегда наблюдали чьи-то глаза. За античными статуями прятались люди, нанятые, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ несчастной женщины. Мужъ осыпалъ ее упреками. Съ неумолимостью жестокой, дикой, ей было внушено, что она скверная женщина, что она должна измѣниться. И началось ея «перевоспитаніе».. По цѣлымъ часамъ онъ заставлялъ ее смотрѣть на себя, цѣлыя ночи напролетъ съ упорствомъ сумасшедшаго «пыталъ» ея любовь, требовалъ святотатственныхъ клятвъ. А потомъ насыщалъ свое сладострастіе, требуя отъ нея утонченности развратной женщины... А вѣдь ей было только шестнадцать лѣтъ. Отъ нея отдалили всѣхъ ея близкихъ, и даже любимый братъ не могъ навѣщать сестру. Когда звѣрю казалось, что кто-нибудь слишкомъ пристально посмотрѣлъ на нея и она отвѣтила тѣмъ же, истязанія переходили всякія границы. И вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была появляться всюду, своей красотой рекламировать его... Самъ онъ измѣнялъ ей на каждомъ шагу.

Такъ прошло четыре года. Она была измучена, воля ея сломана. Но желаніе счастья осталось... Четыре роскошныя стѣны окружали ее, и люди, которые появлялись среди этихъ стѣнъ, были также глухи... Только рояль зналъ объ ея страданіяхъ. Но рыдающіе звуки его умирали въ жестокихъ стѣнахъ.

И вдругъ явился *нѣкто*. Сейчасъ же онъ былъ облеченъ въ мантію нервности, въ привлекательную мантію выдающагося человѣка. И ему, блестящему потомку рыцарей, которые всю жизнь и весь талантъ посвящали побѣдамъ надъ женщинами, не трудно далась здѣсь побѣда: два-три ласковыхъ слова, немного сочувствія и вся душа ея и сердце были его. Но онъ не успѣлъ зайти далеко. Все воспоминаніе ея объ его «ласкахъ» ограничивается поцѣлуемъ руки гдѣ-то на уединенной дорожкѣ среди сирени... Однажды онъ предложилъ ей поѣхать въ Италію. Побѣдивъ тысячу затрудненій, она поѣхала. Они должны были встрѣтиться въ Миланѣ, но она не нашла его тамъ. Она повела себя слишкомъ смѣло, горячо, страстно. Онъ испугался... Онъ испугался ея рѣшительности и возможности... соединиться навсегда. И блестящій потомокъ рыцарей бѣжалъ отъ женщины, которая любила его. Она вернулась обратно...

Это было счастье. Расплата должна была наступить... Расплата длилась два года, два долгихъ года. Женщина продолжала любить. Она все простила ему и ждала, что онъ возвратится. Но онъ являлся ей только ночью въ кошмарѣ. Онъ преслѣдовалъ ее въ мрачномъ коридорѣ среди чудовищъ и краснаго полумрака, въ каретѣ—вездѣ! Часто она видѣла его блѣдное и больное лицо съ черными глазами среди густой зелени окружавшихъ ея цвѣтовъ.

А четыре роскошныя стѣны душили ее въ своихъ объятіяхъ. И попрежнему рыдалъ рояль...

Съ этой женщиной я познакомился и она стала разсказывать мнѣ о себѣ, разсказала всю свою жизнь и всѣ муки. Я сталъ бывать у нея часто. Она играла мнѣ вальсы Шопэна и сонаты Бетховена. И я забывался, когда сидѣлъ

у нея: слишкомъ все это было фантастично... А дома я мечталъ о ней, какъ о женщинѣ иного міра. Вся жизнь моя раскололась надвое: реальный и грязный міръ, который окружалъ меня всегда, и тотъ—другой, гдѣ были только красота и звуки, и женщина, сіявшая въ гармоніи небесныхъ аккордовъ... И въ такомъ настроеніи я на лѣто уѣхалъ въ «сосновый лѣсъ». Мы переписывались. И въ письмахъ я еще глубже прочувствовалъ ея мягкую, нѣжную, чисто женскую душу.

Я получалъ ея письма, когда любилъ другую (а, быть-можетъ, и не любилъ?—Не знаю! Не знаю!—Этотъ вопросъ мучитъ меня). Она всегда стояла вдали дивной статуей, на которую я молился и о которой мечталъ. И, когда ночью въ полу-безумномъ состояніи я покидалъ одинокую дачу среди сосноваго лѣса, я ободрялъ себя мыслью:

Впередъ! На новую жизнь!

Новая жизнь!.. Она началась въ сентябрѣ. Я сталъ чаще видѣться съ той, о которой мечталъ. Конечно, я только бывалъ у нея, больше мы нигдѣ не видѣлись... Близкое соприкосновеніе съ человѣкомъ создаетъ шипы и острыя колючки. Что-то недоговоренное, недосказанное всегда остается послѣ этихъ свиданій. Что-то хочется, хотя никогда не знаешь, чего именно... Мы рѣдко бывали одни. Всегда нѣсколько человѣкъ присутствовали. И я уходилъ раздосадованный, почти страдающій...

И, когда мы оставались одни, я мучилъ ее ненужными вопросами, приставаніями, выпытываніями. Мы не говорили, а страдали. Она отъ вопросовъ, я отъ ея молчанія, отъ чего-то такого, что, казалось, мнѣ недоставало. Однимъ словомъ, я былъ болѣе несчастенъ, чѣмъ когда мечталъ о ней...

Наконецъ, все рухнуло. Я остался одинъ. Она исчезла навсегда... Я переписывался съ Вѣрой, но ея письма были мучительны, они всегда терзаютъ меня...

Прошелъ мѣсяцъ, другой. Все было мертво. Иллюзій не осталось...

И я выдумалъ новую. Я встрѣчалъ нѣсколько разъ

женщину, на лицѣ которой запечатлѣлось глубокое, внутреннее страданіе. Я узналъ, гдѣ она живетъ, и написалъ ей письмо объ этомъ страданіи, стараясь проникнуть въ ея душу. Сначала я не сказалъ своего адреса. Но послѣ третьяго письма сообщилъ, гдѣ живу. Сейчасъ же получился отвѣтъ. Она была заинтересована моей таинственностью и тѣмъ, что я *угадалъ* многое въ ея характерѣ и спрашивала, какъ узнать меня при встрѣчѣ. Мы встрѣтились и стали видѣться часто. Она была тоже несвободна. Мы гуляли по улицамъ, въ пассажѣ... Это было ужасно прозаично. Это было убійственно для чувства, если оно и зарождалось. И ее я мучилъ вопросами такъ же, какъ и другихъ... Я превратилъ наши свиданія въ сущую пытку для нея и для меня. Я не знаю до сихъ поръ, что она представляетъ изъ себя, но несомнѣнно въ ней есть что-то глубокое. Я страдаю, когда не вижу ея, и больше всего страдаю сейчасъ же послѣ свиданій... Не знаю, что будетъ изъ этого. Я знаю только, что я боленъ, что я запутался...

И вотъ одинъ день, о которомъ я хотѣлъ вамъ разсказать...

Двѣ недѣли тому назадъ Вѣра должна была проѣхать черезъ Москву. Въ 8 часовъ утра я былъ на вокзалѣ. Мы встрѣтились, какъ чужіе. Черезъ два часа она хотѣла уже ѣхать. Я просилъ остаться, но она отказывалась. Она боялась нашихъ свиданій. Тотъ, другой, провожая изъ Петербурга, благословилъ ее, и она обѣщала быть вѣрной ему... Наконецъ, она согласилась пройтись по улицѣ. Мы вышли изъ вокзала. Шумная улица—о, эта плохая обстановка для влюбленныхъ, полгода не видѣвшихъ другъ друга. Мы не знали, о чемъ говорить. Было страшно мучительно. Мы говорили подъ стукъ экипажей совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлось. Я предлагалъ ей ѣхать ко мнѣ, но она боялась. И мы все ходили, ходили, ходили... Наконецъ, вернулись обратно. Поѣздъ отходилъ въ одиннадцать часовъ, было половина одиннадцатаго. Она хотѣла брать билетъ. Я просилъ, умолялъ подождать почтоваго. Но она не хотѣла. Наконецъ, согласилась. Мы снова вышли и

снова пошли. И опять грохотъ экипажей, грязь подъ ногами и скорый отъѣздъ впереди... Черезъ полчаса мы вернулись обратно. Оставалось еще три съ половиною часа. Но вдругъ носильщикъ обратился къ ней.

— Барыня, поѣздъ черезъ двадцать минутъ отходитъ. Прикажете взять билетъ?

И не успѣлъ я сказать слово, она очутилась у кассы и билетъ былъ взятъ... Она стояла съ билетомъ, блѣдная и растерянная—рѣшимость покинула ее.

— Ты не любишь меня—произнесъ я тихо. Но она уже была покорна. Она исполнила что-то. И съ тоской, страшной тоской она взглянула на меня—и голосъ ея звучалъ нѣжно, ужасно нѣжно.

«Не люблю? Нѣтъ люблю, очень»...

Вещи внесены въ вагонъ. Я молчу. Не могу выговорить слова. «Еще долго четверть часа,—говоритъ она ласково.—Ты не понимаешь меня. Пойми муку, которую я испытываю, вѣдь тамъ ждетъ другой, котораго я обязана любить... Будемъ жить лѣтомъ вмѣстѣ—хочешь? Пріѣзжай туда, гдѣ буду я. Зато ужъ, какъ пріѣду въ Петербургъ, письмо тебѣ напишу и поцѣлую въ немъ крѣпко, крѣпко»... Я поцѣловалъ у нея руку. И она уѣхала... Не правда ли, довольно веселое приключеніе? — Какъ вы думаете?..

Но что дѣлаю я, какъ только поѣздъ скрылся изъ глазъ? Весь полный еще ею, больной отъ нервно проведеннаго утра, совершенно разстроенный, я иду къ телефону и спрашиваю: говорила ли мнѣ что-нибудь «другая» женщина. Нѣтъ, она ничего не говорила, но мнѣ есть письмо. И я успокаиваюсь, что другая ничего не говорила—и начинаю думать о лѣтѣ, о томъ, что непремѣнно нужно будетъ поѣхать туда, гдѣ будетъ она...

Полубезсонная ночь, разстроенные нервы, а на дворѣ весна. Я только что замѣтилъ ее. Она идетъ быстро и радостно. А воздухъ ея еще больше разстраиваетъ нервы. Яркое солнечное, весеннее утро... И вдругъ слышатся звуки похороннаго марша. Грандіозные и унылые они привлекаютъ

къ себѣ, какъ взглядъ ядовитой змѣи, какъ страданіе. И я бѣгу куда-то за ними... Впереди везутъ бѣлый катафалкъ. Мы видѣли его, когда гуляли съ Вѣрой на дворѣ Спасскихъ казармъ. Его везутъ и звуки ужасные несутся. И мнѣ чудится, что это хоронятъ нашу любовь. И звуки входятъ въ душу. Она трепещетъ, она надорвана. И я все иду за колесницей дальше, дальше. Звуки тянутъ меня за собой. Весенніе лучи льются сверху и прыгаютъ кругомъ. Бѣгутъ ручьи. Все улыбается. И звуки томительно звучатъ...

Я возвратился домой. Письмо! Отъ нея, отъ той, которой, мнѣ казалось, я лишился навсегда.

«Милый,—пишетъ она,—часто вспоминаю о васъ. Очень, очень сожалѣю, что все такъ вышло. Вѣрю и надѣюсь, что все пойдетъ постарому. Желаю вамъ всего хорошаго и совѣтую вѣрить, что есть женщина, которая о васъ думаетъ...»

Не знаю, что со мной сдѣлалось. Я заплакалъ отъ радости. Я побѣжалъ гулять. Бродилъ долго... И двѣ женщины рисовались мнѣ. Кружилась голова...

Когда я пришелъ домой, мнѣ сказали, что «третья» проситъ меня быть завтра въ 12 часовъ...

Странныя женщины! Странныя встрѣчи! Странныя отношенія!

И все-таки я совсѣмъ одинъ. Совсѣмъ, совсѣмъ одинъ Все сталкивается... Бываютъ минуты, когда я забываюсь. Но потомъ снова дѣйствительность грозится мнѣ... И нападаетъ тоска, глухая тоска...

Въ сущности нѣтъ ничего... Все призраки.

«Вы абсурдъ»!—сказала мнѣ какъ-то одна барыня.

И это вѣрно!.. Вы говорите, я избалованъ? О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Мнѣ кажется, что изъ каждаго угла на меня смотрятъ два глаза, которые презираютъ меня... Я не люблю самого себя. Я надоѣлъ самому себѣ Я не знаю, куда мнѣ дѣвать самого себя. Минуты равновѣсія такъ рѣдки, а больше все что-то колеблющееся, падающее. Чѣмъ поддержать себя—не знаю. Призраки не помогаютъ!

Я не искатель веселыхъ приключеній. Нѣтъ, я ищу чего-то тяжелаго, страдающаго, гнетущаго...

Простите, я усталъ и оканчиваю письмо.

И всѣ онѣ меня мучаютъ, мучаютъ! Жестоко! Ужасно! И я мучусь одинъ и вмѣстѣ съ ними. Онѣ всѣ несчастны. Земля полна скорби и въ ней можно только задохнуться!

3.

Дѣло студента Мищенко. *)

Обвиняемый—студентъ московскаго университета, сынъ профессора казанскаго университета, худощавый, средняго роста юноша, 19 — 20 лѣтъ, съ блѣднымъ, нервнымъ, но въ общемъ симпатичнымъ лицомъ, держитъ себя спокойно и скромно, говоритъ гладко и отчетливо. Онъ слегка лишь волнуется во время своихъ объясненій, которыя даетъ, повидимому, искренно и охотно, иногда послѣ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей.

Обвинительный актъ изображаетъ дѣло, приблизительно, въ такомъ видѣ: Вечеромъ, 22 февраля 1901 г., студентъ Императорскаго московскаго университета Левъ Мищенко пришелъ въ квартиру своихъ родственниковъ, Крушинскихъ. Часовъ въ одиннадцать, когда Александръ Крушинскій, послѣ ужина, сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ, къ нему вошелъ Мищенко и спросилъ, есть ли у него журналъ «Природа и Охота». Крушинскій едва успѣлъ отвѣтить отрицательно на вопросъ, какъ Мищенко со словами: «На, — вотъ тебѣ!» внезапно выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ револьвера. Затѣмъ Мищенко выбѣжалъ изъ комнаты и тотчасъ же отправился къ приставу 1 уч. Басманной части, которому и заявилъ о своемъ поступкѣ.

Выстрѣлилъ Мищенко въ затылокъ Крушинскому, и такъ близко, что опалилъ ему волосы.

Александръ Крушинскій былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи и показалъ, что еще лѣтомъ 1900 г.,

*) Перепечатано изъ судебной хроники газеты „Курьеръ“.

когда Мищенко гостилъ въ имѣніи его отца, ему стало замѣтно, что онъ ухаживаетъ за его женой. По возвращеніи въ Москву, онъ убѣдился, что Мищенко старается внушить его женѣ вражду къ нему и вообще вліяетъ на нее въ крайней степени вредно. Это заставило его перемѣнить свои отношенія къ Мищенку. Онъ сталъ избѣгать его и пересталъ съ нимъ разговаривать. 22 февраля, вернувшись домой около 10 часовъ вечера, онъ засталъ у себя въ квартирѣ Мищенко, который ходилъ съ его братомъ по залѣ. Онъ поужиналъ одинъ и прошелъ въ свою комнату. Вскорѣ же послѣ этого вошелъ къ нему Мищенко и, спросивъ о журналѣ «Природа и Охота», выстрѣлилъ ему въ затылокъ.

Левъ Мищенко далъ показаніе. Не отрицая уже своего намѣренія убить Крушинскаго, онъ объяснилъ, что ухаживалъ за его женой и увидѣлъ ясно, что она тяготится совмѣстной жизнью съ мужемъ и что жизнь въ семьѣ Крушинскихъ вліяетъ на нее пагубно. А такъ какъ она достойна лучшей участи, то онъ и рѣшилъ избавить ее отъ гнета семейной жизни. Иного выхода изъ этого положенія, помимо убійства мужа, ему не предвидѣлось, а убить его долженъ былъ онъ. Это рѣшено было имъ принципіально. Хотя онъ долго боролся, долго взвѣшивалъ всѣ обстоятельства за и противъ, но мысль объ убійствѣ властно захватывала его, и настало время, когда онъ уже не могъ болѣе противустоять ей. 21 февраля онъ два часа поджидалъ Крушинскаго возлѣ дома, на улицѣ, но не дождался и ушелъ. 22 февраля онъ вошелъ въ квартиру Крушинскихъ съ цѣлью спросить лишь, дома ли онъ, но тутъ внезапно встрѣтился съ нимъ и хотя рѣшилъ раньше не убивать его въ комнатѣ, однако, не вытерпѣлъ и вошелъ къ нему.

Это показаніе Мищенка подтвердилось найденными у него въ комнатѣ записной книжкой и рукописью сочиненнаго имъ разсказа: «Роза и терновникъ».

Въ записной книжкѣ, подъ датой 21 февраля, записано: «Ничего... опять ничего!.. Въ одиннадцатомъ часу

рѣшилъ войти во дворъ: его окно не освѣщено. Пошелъ въ садъ: вмѣсто красной занавѣски — черное пятно. Значитъ, уѣхали вмѣстѣ; вѣрно, къ З. М. Значитъ, сегодня нельзя. Посмотримъ, что будетъ завтра... Но неужели же придется совершить все въ комнатѣ!»...

Подъ датой 22 февраля:

«Все кончено... Я убилъ его. Пишу въ Басманной части, куда немедленно заявилъ обо всемъ. Туда поскакали. Что-то тамъ?!!».

По дѣлу вызваны шесть свидѣтелей, въ ихъ числѣ: отецъ Мищенка, потерпѣвшій Александръ Крушинскій, его жена, братъ-студентъ и отецъ ихъ. Самымъ интереснымъ и важнымъ свидѣтелемъ является, безъ сомнѣнія, отецъ подсудимаго, профессоръ-филологъ Мищенко. «Въ сынѣ своемъ,— сказалъ на судѣ профессоръ,—всегда замѣчалъ нѣкоторую наклонность къ рыцарству, но объяснялъ это вообще его нервностью и болѣзненностью. Когда онъ окончилъ гимназію, то заявилъ мнѣ, что въ университетъ не поступитъ, а намѣренъ самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, чтобы не обременять отца расходами. Я намѣреніе это одобрилъ, но спросилъ его, какой трудъ онъ думаетъ избрать. Тогда онъ открылъ мнѣ, что хочетъ поступить въ труппу артистовъ. Я воспротивился этому, но онъ сталъ упрашивать меня, увѣрялъ, что антрепренеръ этой труппы человѣкъ въ высшей степени образованный и интеллигентный, что онъ меня познакомитъ съ нимъ, что труппа эта устраивается на хорошихъ началахъ людьми семейными и т. д. Въ концѣ концовъ я далъ свое согласіе, но труппа почему-то распалась и эта его мечта не осуществилась. Вскорѣ затѣмъ сынъ опять объявилъ мнѣ, что въ университетъ онъ не поступитъ, а пойдетъ на военную службу. «Я не понимаю,—говорилъ онъ,—какъ могутъ русскіе спокойно сидѣть дома, когда въ Китаѣ ихъ братьевъ бьютъ!» Послѣ нѣкотораго протеста съ моей стороны я опять далъ свое согласіе. Мы поѣхали съ нимъ въ Кіевъ. Пробыли тамъ мѣсяца два, и онъ раздумалъ ѣхать на войну, рѣшивъ, что «не стоитъ». Тутъ онъ уже выразилъ желаніе посту-

пить въ университетъ. Я хотѣлъ его видѣть на естественномъ факультетѣ, а онъ, напротивъ, тяготѣлъ къ юридическому. Поступилъ онъ все-таки на естественный. Съ Крушинскими онъ знакомъ съ дѣтства и часто бывалъ у нихъ. О своихъ отношеніяхъ къ женѣ Крушинскаго онъ подробно мнѣ не разсказывалъ, но такъ отрывочно сообщалъ, что у нихъ очень хорошія отношенія, и что мужъ обращается дурно съ ней и она очень страдаетъ. Случалось, что и Крушинская жаловалась мнѣ на обращеніе съ ней мужа. Зная натуру своего сына, я увѣренъ, что онъ, видя женщину молодую, добрую, сталъ ею увлекаться, и зная, что она страдаетъ отъ мужа, способенъ былъ рѣшиться освободить ее и пожертвовать собой. Я замѣчалъ, что онъ былъ къ ней нѣженъ, она отвѣчала ему тѣмъ же, но такъ какъ они были люди свои, то я не придавалъ этому особеннаго значенія. До шестого класса гимназіи сынъ мой учился очень хорошо, но съ переходомъ въ шестой классъ охладѣлъ къ гимназическимъ учебнымъ предметамъ и сталъ увлекаться чтеніемъ, преимущественно беллетристикой. У него появилась наклонность вездѣ записывать свои впечатлѣнія, и я зналъ, что онъ что-то пишетъ въ тетрадь. Въ это же время онъ ранилъ себя выстрѣломъ изъ револьвера въ лѣвый бокъ, болѣлъ двѣ недѣли, но причину этого поступка такъ и не объяснилъ. Характеръ у него, вообще, былъ не ровный. Часто онъ бывалъ грубъ и рѣзокъ даже и со мной. Эгоистиченъ онъ безъ сомнѣнія, но бываютъ у него и великодушные порывы. Во время студенческихъ волненій онъ проявлялъ стойкость и вѣрность своему слову, удивлявшія меня. Однажды онъ прекратилъ знакомство съ товарищемъ за выраженіе того, что слуга—не человѣкъ».

Послѣ показанія отца Мищенка далъ свое объясненіе подсудимый.

«Съ Крушинскими я знакомъ съ 8 лѣтъ. Къ Александру Крушинскому особенной симпатіи никогда не чувствовалъ, зная его за человѣка, который заботился исключительно о своемъ физическомъ развитіи, а не объ остальномъ. Когда

Крушинскій женился, жена его понравилась мнѣ и *я тутъ же подумалъ, что она не будетъ счастлива, хотя они сначала и казались счастливыми.* Потомъ я увлекся ею, говорилъ ей о своемъ чувствѣ, но она мнѣ отвѣтила, что «другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна». Она не кокетничала со мной, относилась ко мнѣ по-дружески, и съ меня этого было вполнѣ достаточно. Она говорила также, что ей непріятно видѣть слишкомъ горячее чувство, что она не хочетъ, чтобы я страдалъ изъ-за нея. Я всегда былъ откровененъ съ ней и замѣчалъ, что ее въ семьѣ Крушинскихъ считаютъ посторонней, *особенно грубъ былъ съ ней мужъ*, въ чемъ я убѣдился, будучи свидѣтелемъ сценъ, и особенно послѣ того, когда онъ однажды посвятилъ меня въ такія интимныя стороны семейной жизни, о которыхъ слѣдовало бы помолчать. *Мысль объ убійствѣ у меня мелькнула неожиданно и странно. Я рѣшилъ, что ее нужно освободить, что она погибаетъ.* Затѣмъ мы стали пикироваться съ Крушинскимъ, говорить другъ другу рѣзкости. Екатерина Васильевна не жаловалась мнѣ на свое положеніе, *но я объяснялъ* это тѣмъ, что она считаетъ его безвыходнымъ и находитъ безполезнымъ говорить объ этомъ мнѣ,—*человѣку, который ничѣмъ не можетъ помочь.* Всякіе аргументы противъ моей воли разбивались. Я рѣшилъ, что *именно я* долженъ его убить, хотя бы цѣной жизни, всякихъ наказаній и чего бы то ни было. Я избѣгалъ уединенія, сталъ посѣщать товарищей, бродилъ по улицамъ,—ничто не помогало. Одно время я думалъ вызвать его на дуэль, но мысль, что я могу быть убитымъ, а та, которую я хочу освободить, останется совсѣмъ безъ защиты,—эта мысль остановила меня. Въ послѣдніе дни я хотѣлъ поговорить съ ней наединѣ, предложить ей оставить мужа, но видѣться съ ней мнѣ не удалось. Всѣ члены ихъ семьи стали относиться ко мнѣ недружелюбно, такъ какъ я сталъ рѣзокъ съ ними и непочтителенъ. Тѣмъ не менѣе, я не хотѣлъ убить его въ домѣ, чтобы не испугать и не взволновать ихъ. Въ ту секунду, когда я не въ силахъ былъ болѣе сдерживаться,—выстрѣлилъ Крушин-

скому въ затылокъ,—меня стала угнетать мысль, зачѣмъ я выстрѣлилъ въ безоружнаго сзади, но тутъ же я рѣшилъ, что не важно, *какъ* я его убилъ, важно только, во что бы то ни стало, освободить ее».

Показаніе Екатерины Васильевны Крушинской не оправдало общихъ ожиданій. Говорила она очень мало, кратко, лишь едва слышнымъ голосомъ и не сразу отвѣчая на вопросы. Отношенія ея къ подсудимому были довольно хорошія. На мужа она ему никогда не жаловалась. Мищенку она, вѣроятно, нравилась. Мужъ ревновалъ ее къ нему и рѣзко высказывалъ это. Незадолго до преступленія онъ говорилъ ей, что хочетъ отказать Мищенку отъ дома. У Мищенка часто мѣнялось настроеніе. Онъ былъ съ ней откровененъ и *часто говорилъ ей о себѣ дурное.* Бывалъ иногда и рѣзокъ съ ней. Оставить мужа онъ ей никогда не предлагалъ. Съ мужемъ у нея бывали ссоры, но отношенія все-таки съ нимъ довольно хорошія.

Судъ опредѣлилъ помѣстить студента Мищенко въ домъ умалишенныхъ по 95 ст. ул. о нак.

Приводимъ разсказъ Мищенко:

«Роза и терновникъ».

„Все для тебя, все о тебѣ".

Посреди терновника выросла чайная роза — блѣдная, прекрасная. Она благоухала. Ароматъ ея разносился кругомъ и оживлялъ весь садъ. И отъ зари до зари любимый розой соловей пѣлъ ей хвалебные гимны, и деревья склонялись передъ ней. Роза была гордостью сада, была его святыней. Она была чиста, какъ небо, прекрасна, какъ Богъ, и безсильна, какъ дыханіе вѣтерка. У розы не было шиповъ. Ее защищалъ терновникъ. Онъ любилъ ее... Была мертвая лунная ночь. Цвѣты благоухали, какъ трупы. Распустившаяся роза разливала волшебный ароматъ. Она казалась небеснымъ видѣніемъ. Она казалась соткана изъ паутины лунныхъ лучей... Розу увидѣлъ вампиръ... Онъ облеталъ весь міръ .. Онъ видѣлъ всѣ цвѣты и зналъ ихъ.

Всѣ увядали отъ него; едва онъ дотрогивался до цвѣтка,— цвѣтокъ умиралъ.—«Роза будетъ моей»,—сказалъ онъ,— и полетѣлъ къ ней. Роза не испугалась его: въ немъ было что-то новое, страшно заманчивое. Но едва вампиръ коснулся розы, она стала вянуть. Роза встрепенулась, но было поздно!.. Шипы терновника были слишкомъ коротки, — онъ не могъ защитить розу. Роза гибла... И соловей замолкъ... Деревья поникли... Луна померкла... Вампиръ началъ летать каждую ночь и пилъ кровь изъ розы. Терновникъ плакалъ въ отчаяніи, и горячая капля слезы его падала на помертвѣвшую отъ ужаса траву. Наконецъ, онъ рѣшился.. Рѣшился цѣной своей жизни спасти жизнь розѣ... Онъ растилъ свои колючки, и въ то время, какъ стебель его чахнулъ и погибалъ, онѣ становились длинными и острыми, какъ змѣиное жало. А роза уже надоѣла вампиру. Онъ пилъ ея кровь, чтобы вырвать ея душу, ея чистоту, за которую ей поклонялась природа. Но роза оставалась все той же розой... Добрая, кроткая, она примирилась съ своей участью: она не теряла своей чистоты; она, трепещущая, но молчаливая, мстила себѣ за минутное довѣріе къ вампиру и молча подставляла свои омертвѣвшіе листки подъ его желѣзные когти и клювъ. И вампиръ терзалъ ее съ яростью и злобой, мстя ей за ея чистоту, и проклятья летѣли изъ его уродливой пасти...

Бурная, холодная ночь. Роза тихо, безнадежно плакала, и капли слезъ ея росой падали на землю, а вампиръ съ воемъ рвалъ желѣзными когтями ея атласные лепестки. И въ это страшное мгновеніе терновникъ выпрямился и хлестнулъ вѣтвями чудовище. Длинные шипы его впились въ широкую мохнатую грудь... Вампиръ захрипѣлъ и упалъ... И вмигъ роза ожила. И истерзанные, замученные листья воскресли, и вѣтеръ мгновенно смолкъ, и деревья радостно зашептали, и соловей снова запѣлъ чудную пѣсню любви. Но истощенный, измученный стебель не вынесъ послѣдняго усилія: терновникъ надломился у самаго корня и, облитый горячей, имъ пролитой, кровью вампира, съ крикомъ:—«Роза, какъ я люблю тебя»... упалъ къ ногамъ ея.

А чудная чайная роза благоухала больше прежняго и вокругъ разливалась звенящая трель соловья»...

Въ концѣ разсказа сдѣлана помѣта: «25 января 1901 года» и на поляхъ написаны вертикально слѣдующія слова: «смертный приговоръ». Самъ Мищенко пояснилъ, *что разсказъ имъ написанъ подъ вліяніемъ рѣшенія убить Крушинскаго.*

Дѣятель.

Власовъ не удовлетворяется конурой — дешевымъ номеромъ, въ которомъ обитаетъ, не довольствуется онъ и посѣщеніемъ въ опредѣленное время университета, ежедневнымъ тасканіемъ въ кухмистерскую, иногда къ товарищамъ, изрѣдка въ театръ — однимъ словомъ, «безпросвѣтной» жизнью средняго студента, ограниченнаго въ средствахъ. Его тянетъ быть соучастникомъ жизни большого города. Сутолока, повышенный темпъ, вѣчный шумъ и вѣчное движеніе не связываютъ его, какъ многихъ провинціаловъ, а, напротивъ, будятъ смутное желаніе куда-то бѣжать и что-то дѣлать.

И онъ создаетъ себѣ дѣятельность такую же лихорадочную, какъ жизнь большого города. Въ этой дѣятельности нѣтъ единой цѣли, руководящей идеи, она составлена изъ тысячи мелочей, изъ которыхъ каждая сама себѣ цѣль. И Власовъ торопится, бѣжитъ, стараясь заполнить все время спѣшностью исполненія выдуманныхъ «дѣлъ». Они нанизываются какъ-то сами собой, одно тянетъ за собой вереницу другихъ. Если же вы спросите у этого страннаго человѣка, чѣмъ онъ живетъ, онъ придетъ въ недоумѣніе и не найдется, что сказать. Въ сущности ему бы пришлось отвѣтить такъ:

— Дѣятельность я возвелъ въ культъ и ей служу. И, какъ любитель чистаго искусства, я не могу вамъ сказать цѣли, съ которой я дѣлаю все, что мнѣ приходится дѣлать ..

Знакомства, университетъ, различныя общества — научныя, литературныя, студенческія,—театръ и многое дру-

гое—вотъ матеріалъ, изъ котораго онъ создалъ себѣ *новую*, очень своеобразную жизнь.

Только студентъ при неопредѣленности своего положенія, при отсутствіи какой-либо принудительной работы,— значитъ, обладающій огромнымъ запасомъ времени, — можетъ жить такъ, какъ Власовъ. Необходимо помнить, кромѣ того, что передъ студентомъ не то что открыты, а не заперты никакія двери.

У Власова несомнѣнно есть организаторскій талантъ и онъ сослужилъ ему большую службу. Иначе какимъ образомъ бѣдный провинціальный студентъ могъ бы очутиться вдругъ въ самомъ водоворотѣ столичной жизни. Власовъ началъ свою своеобразную «карьеру» участіемъ въ благотворительныхъ обществахъ. Извѣстно, что наши благотворительныя общества всегда нуждаются въ дѣятельныхъ сотрудникахъ. Во главѣ обществъ стоятъ дамы—существа безпомощныя, чувствующія себя плохо безъ руководителя и ближайшаго помощника. И студентъ является для нихъ неоцѣнимой находкой. Во-первыхъ, студентъ это comme il faut—человѣкъ, котораго можно принять и въ гостиной, и поѣхать съ нимъ, куда нужно, во-вторыхъ, на студента, какъ на молодого человѣка, легко взвалить разныя хлопоты, утомляющія нервную и, обыкновенно, немолодую даму-благотворительницу...

Еще на первомъ курсѣ Власовъ по рекомендаціи товарища сдѣлался сотрудникомъ одного изъ большихъ благотворительныхъ обществъ и взялъ на себя устройство концерта, который очень удался. Талантливаго сотрудника сейчасъ же завалили «работой». Дамы наперерывъ упрашивали его помочь имъ: каждая устраивала какой-нибудь концертъ и каждой хотѣлось отличиться. Власовъ сталъ для нихъ необходимостью.

На почвѣ общаго дѣла между Власовымъ и дамами устанавливалась близость. Его, какъ студента, барыни, не обинуясь, приглашали къ себѣ—сначала поговорить о дѣлѣ, а потомъ – само собой выходило—Власовъ начиналъ бывать, какъ хорошій знакомый. Скоро онъ пріобрѣлъ знакомства,

о которыхъ студентъ-провинціалъ при обычномъ теченіи дѣлъ не можетъ и мечтать... Впрочемъ, и здѣсь Власовъ остался вѣренъ себѣ, и здѣсь сумѣлъ быть дѣятельнымъ. Устраивался ли гдѣ-нибудь домашній спектакль или пикникъ, Власовъ являлся главнымъ администраторомъ. И по его собственной иниціативѣ хозяйки домовъ часто устраивали разныя домашнія развлеченія: маскарады и проч. Никто такъ, какъ онъ, не могъ изобрѣсти костюмъ «прямо изъ ничего» или достать «невозможное».

— Власовъ это сама прелесть! Это такой – такой живой человѣкъ... — восторгаются хозяйки домовъ. Онѣ цѣнятъ въ немъ также кавалера чистой воды. Власовъ никогда не ухаживаетъ за какой-нибудь одной женщиной — для этого необходимо сосредоточиться, а его неизмѣнный принципъ: тутъ, тамъ и вездѣ...

Какъ человѣкъ общественный, Власовъ au courant всѣхъ городскихъ, театральныхъ, университетскихъ сплетенъ и новостей. Сидя въ гостиной въ дамскомъ обществѣ, онъ разсуждаетъ очень авторитетно и о послѣдней литературной новинкѣ, и о дѣятельности подпольныхъ кружковъ. Дамы, привыкшія къ повиновенію при устройствѣ вечеровъ, считаютъ его непогрѣшимымъ во всемъ и почтительно внимаютъ его словамъ. Этимъ онѣ пріучили Власова къ тону, не терпящему возраженій. Генеральствованіе и нахальство— понятія почти тождественныя — во Власовѣ сказываются очень ярко...

Не довольствуясь дамскими «организаціями», Власовъ желаетъ играть роль и въ студенческихъ кругахъ. Это ему удается, благодаря современной университетской смутѣ. Свою дѣятельность онъ приноравливаетъ къ различнымъ моментамъ студенческой жизни и отвѣчаетъ на всѣ стадіи этой разнообразной жизни устройствомъ соотвѣтствующихъ организацій. Чтобы пользоваться малѣйшимъ довѣріемъ студенчества, необходимо быть либераломъ. И Власовъ чрезвычайный либералъ на словахъ. Въ душѣ же онъ консерваторъ, т. е. не терпитъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ своей судьбѣ. И, принимая участіе даже въ такомъ

либеральнѣйшемъ дѣлѣ, какъ студенческія движенія, онъ умѣетъ остаться на *твердой* почвѣ.

Въ 190... году, напримѣръ, онъ организовалъ знаменитую партію—«сторонниковъ академической свободы».—И, пользуясь тѣмъ, что студенчество находилось въ нерѣшительности, — не знало, начинать ли ему движеніе или подождать обѣщанныхъ реформъ,—началъ проповѣдывать политику выжидательную. Это роднило его съ умѣреннымъ большинствомъ и давало ему права и преимущества золотой середины. Такимъ образомъ, сразу два зайца оказывались убитыми. Власовъ участвовалъ въ самомъ круговоротѣ дѣлъ и оставался разумнымъ студентомъ.

Власову было очень легко организовать партію «сторонниковъ академической свободы», потому что большинство студентовъ обыкновенно настроено мирно.

Дѣятельность партіи заключалась въ изданіи бюллетеней, критикующихъ зажигательныя прокламаціи «Исполнительнаго комитета», въ рѣчахъ Власова и другихъ ораторовъ партіи на сходкахъ и въ пропагандѣ «программы» въ разговорахъ съ товарищами. Во главѣ партіи, конечно, стоялъ иниціаторъ ея Власовъ. Онъ являлся руководителемъ и наиболѣе живымъ распространителемъ ея идей не только въ студенчествѣ, но и въ «обществѣ». Онъ завелъ, по его терминологіи, *сношенія* съ профессорами, съ «Исполнительнымъ комитетомъ», съ дамами, интересующимися положеніемъ дѣлъ въ университетѣ, съ вліятельными людьми, которыхъ онъ случайно встрѣчалъ въ гостиныхъ. Сношенія играли видную роль въ его времяпровожденіи. Собственно это было продолженіе его свѣтской жизни, только визиты имѣли цѣлевой характеръ. По средамъ онъ бывалъ на пріемахъ у m-me Леонидовой и сообщалъ ей, что новаго произошло въ университетѣ, по пятницамъ обѣдалъ у Касаткиной, очень богатой и либеральной дамы, у которой собиралось много интеллигентныхъ людей. И Власовъ, какъ студентъ и лидеръ партіи, принимающій участіе въ самой горячкѣ сенсаціоннаго дѣла, съ апломбомъ ораторствовалъ о студенческомъ движеніи.

По воскресеньямъ на журфиксахъ у Повалишиныхъ, «дѣятель» между живымъ ребусомъ и вальсомъ, который онъ очень хорошо танцовалъ, — успѣвалъ переговорить съ редакторомъ газеты Х. о тревожныхъ слухахъ изъ-за границы. Не пропускалъ Власовъ и первыхъ представленій и симфоническихъ концертовъ, однимъ словомъ, такихъ собраній, гдѣ можно встрѣтиться со знакомыми. Часто его приглашали въ ложу, но еще чаще онъ сидѣлъ наверху, на галеркѣ, а въ антрактахъ сбѣгалъ внизъ въ фойе, гдѣ и происходили встрѣчи съ нужными и ненужными людьми и разговоры въ соотвѣтствующемъ тонѣ. Сношенія съ профессорами носили точно такой же характеръ визитовъ. Профессору очень интересно знать, какое настроеніе въ данный моментъ среди студенчества, а Власовъ въ свою очередь разспрашивалъ по поводу того или иного инцидента, какъ о немъ толкуется професвъ сорскихъ кругахъ.

Въ концѣ концовъ Власовъ утилизировалъ свои сношенія и съ точки зрѣнія лидера партіи—сообщалъ въ бюллетеняхъ все интересное для студенчества, что удавалось ему узнать. И всегдашняя освѣдомленность дѣлала его очень «большимъ» въ глазахъ многихъ товарищей...

Послѣ ареста нѣкоторыхъ студентовъ и прекращенія безпорядковъ партія Власова распалась и онъ перенесъ центръ своей дѣятельности на иную почву. Онъ образовалъ нѣчто въ родѣ комитета для оказанія помощи пострадавшимъ студентамъ безъ различія направленій. Уже давно, исподволь, Власовъ подготовлялъ кассу на такой случай. И теперь у своихъ знакомыхъ, либеральныхъ и просто сердобольныхъ, дамъ, открылъ форменную подписку въ пользу студентовъ, сидящихъ въ тюрьмѣ. Благодаря прекрасному знакомству, подписка дала богатые результаты. Кромѣ того много было собрано натурой. Цѣлые тюки съ бѣльемъ, книгами, платьемъ переправлялись Власовымъ куда слѣдуетъ. Номеръ его въ это время походилъ на кладовую.

Вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами онъ собиралъ свѣдѣнія о неимущихъ, распредѣлялъ деньги, подводилъ итоги и писалъ отчеты. «Сношенія» пріобрѣли новую окраску: онъ

сталъ хлопотать о товарищахъ, разузнавалъ объ участи друзей, добивался разрѣшенія свиданій невѣстъ съ женихами или родителей съ дѣтьми, исполнялъ порученія заключенныхъ... Однимъ словомъ, ни минуты не сидѣлъ безъ дѣла.

Кончился и этотъ періодъ студенческой жизни. Наступаетъ новый годъ, мирный и не предвѣщающій никакихъ бурь. Власовъ беретъ на себя организацію литературныхъ студенческихъ кружковъ, снова бѣгаетъ и хлопочетъ теперь уже о помѣщеніи, объ участіи въ кружкѣ интересныхъ людей, о матеріальныхъ средствахъ... Трудно перечислить всѣ побочныя и экстравагантныя дѣла Власова. Сегодня онъ составляетъ адресъ идейно уѣзжающему за границу профессору и заботится о пышныхъ проводахъ на вокзалѣ, черезъ недѣлю бѣгаетъ по «коллегамъ» и собираетъ на вѣнокъ умершему уважаемому профессору... Или, только что вернувшись со свадьбы своего друга и пріятеля студента Границына, которому помогъ «увезти» невѣсту отъ родителей-буржуевъ,—хлопотъ было на цѣлыхъ три дня,—Власовъ получаетъ отъ madame Хлѣбниковой письмо такого содержанія:

«Милый Леонидъ Васильевичъ, приходите сегодня непремѣнно въ 7 часовъ. Я выдумала новое общество распространенія копеечныхъ книгъ между мальчиками бѣдныхъ родителей—только не дѣвочекъ—вы вѣдь знаете, я дѣвочекъ терпѣть не могу. Почему вы не зашли въ мой четвергъ? Жду непремѣнно и заранѣе увѣрена, что все у насъ съ вами устроится великолѣпно».

Власовъ смотритъ на часы и видитъ, что уже половина седьмого. И онъ мчится на всѣхъ парахъ къ Хлѣбниковой...

Такимъ образомъ, варьируясь, пролетаютъ часы, дни и мѣсяцы. Власовъ всегда суетится, спѣшитъ и только на ходу успѣваетъ просмотрѣть газеты, сообразить дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Но на что у него рѣшительно не остается времени—это на университетскую науку. Правда, онъ забѣгаетъ иногда «по дорогѣ» въ университетъ, но,

какъ на биржу, гдѣ можно узнать новости и повидаться съ товарищами. Впрочемъ, выпадаютъ случаи, что Власовъ остается послушать какую-нибудь интересную лекцію. Но это такъ рѣдко, что даже толстый субъинспекторъ ухмыляется тогда во весь ротъ и говоритъ:

— Ба, даже Власовъ пришелъ!..

Съ первыми курсами Власову еще удалось кое-какъ справиться, но теперь онъ застрялъ и довольно основательно.

— Ну, что, братъ, собираешься держать въ этомъ году экзаменъ?—пристаютъ къ нему товарищи, но Власовъ отмахивается, какъ отъ надоѣдливой мухи, и говоритъ раздражительно:

— Просилъ я васъ не напоминать мнѣ объ этихъ экзаменахъ!

И онъ старается забыться среди «текущихъ» дѣлъ.

Жизнь Власова—это калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ и дѣлъ. Кипучей дѣятельностью онъ удовлетворяетъ сидящаго въ немъ неугомоннаго бѣса. Застать его дома можно только между 3 часами ночи и 10 утра, т. е. когда онъ спитъ или собирается въ походъ. Онъ уже давно отвыкъ сидѣть дома. Если выдается «свободный» вечерокъ, Власовъ скорѣй проведетъ его въ обществѣ скучнѣйшихъ старыхъ дѣвъ, чѣмъ останется «наединѣ съ самимъ собой».

Не можетъ онъ обойтись безъ людей, а вѣчное пребываніе «на людяхъ» невольно создаетъ атмосферу словъ, сплетенъ и мелочей. Вотъ почему трудно различить, гдѣ у него кончается дѣловой разговоръ и начинается сплетня, гдѣ граница между идейностью и пошлостью.

Въ жизни Власова не хватаетъ сосредоточенности. И мелочи въ концѣ концовъ празднуютъ побѣду надъ большимъ, грандіознымъ...

Отношеніе къ Власову студенчества чрезвычайно различно: тогда какъ одни, раскусивъ психологію «дѣятеля», совершенно игнорируютъ его и даже смѣются, другіе ненавидятъ его за хамелеонскую партію «сторонниковъ ака-

демической свободы», за власовскій принципъ, какъ они говорятъ: и нашимъ, и вашимъ.

Но у Власова есть и масса поклонниковъ, которые вѣрятъ въ него и подчиняются его авторитету. Два молодыхъ студента записались въ его адъютанты и каждый день рано утромъ являются къ нему «за приказаніями», и онъ даетъ имъ разныя общественныя и частныя порученія. Адъютанты пользуются отраженнымъ свѣтомъ *великаго* человѣка. Рядомъ съ нимъ и они *величины*. Онъ, вѣдь, вездѣ принятъ, пользуется извѣстностью, все знаетъ... Пріятно быть близкимъ такому человѣку.

Бонвиванъ.

Студентъ-филологъ Тепловъ прилегъ на продраную кушетку, чтобы отдохнуть передъ вечеромъ и потомъ позаниматься цѣлую ночь. Онъ любилъ заниматься ночью, когда никто не мѣшаетъ и мысль работаетъ особенно ярко. Но вдругъ въ дверь сильно постучали и раздался голосъ, напѣвавшій:

«Я здѣсь, Инезилья, стою подъ окномъ.
О, выйди, Нисетта...»

— Можно войти?

— О, чортъ,—пробормоталъ Тепловъ и сказалъ:—Войдите, пожалуйста.

— Здравствуй, Васька,—весело закричалъ небольшого роста студентъ, появляясь въ дверяхъ.—Принимай гостя. Я къ тебѣ со всѣмъ скарбомъ. Не прогонишь?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Тепловъ и вторично подумалъ: «о, чортъ тебя возьми, теперь конецъ всякому спокойствію».

Но Денисовъ, совершенно игнорируя тонъ Теплова, уже распоряжался, какъ дома.

— Милая,—кричалъ онъ горничной,—принесите вещи. Не снесете одна? У-у, цыпочка!.. Какая она у тебя хорошенькая... Ну, дворника возьмите. Ахъ, да, про извозчика забылъ. Васька, мелочь есть? Заплати, пожалуйста, у меня все крупныя. — Да-а, братъ, я къ тебѣ переселяюсь, не могу больше въ ночлежкѣ жить,—затараторилъ Денисовъ, разваливаясь на единственномъ креслѣ и доставая папироску изъ тепловскаго портсигара, лежавшаго на столѣ. — Недѣли,

братецъ мой, двѣ тому назадъ меня хозяйка окончательно съ квартиры фюйть-ю-ю. Два мѣсяца денегъ не платилъ. Чортъ его знаетъ, никакъ не могу собраться. Только получишь,—смотришь, черезъ два-три дня ни копеечки... Какъ-то не успѣваешь отдать во-время.

— Няньку бы тебѣ шалопаю. Это который разъ тебя изъ квартиры просятъ?

— Ну, братъ, я такими мелочами не занимаюсь, не считалъ.

«Мы всѣ невинны отъ рожденія
И нашей честью дорожимъ,
Но вѣдь бываютъ столкновенья,
Что мы хоть, нехотя, грѣшимъ!..—

спѣлъ онъ, подражая опереточной Еленѣ...

Да, такъ вотъ хозяйка благородно предложила выѣхать. Я собираю вещи и отправляюсь въ номера «Гатчину» къ извѣстному меценату и покровителю бездомныхъ.

— Михаилу Петровичу Тѣстову?

— Къ нему самому. А у него уже въ номерѣ цѣлая компанія призрѣваемыхъ. Во-первыхъ, Муровъ—тотъ самый, который по милости студенческихъ движеній шестой годъ въ университетѣ сидитъ и никакъ дальше второго курса уѣхать не можетъ. Теперь опять хлопочетъ о принятіи на второй курсъ. Нытикъ невыносимый...

— Я думаю будешь нытикомъ послѣ шести мѣсяцевъ тюрьмы, да года солдатской службы, да четырехлѣтняго пребыванія на первомъ курсѣ—и все это подъ видомъ студенческой жизни.

— Ерунда!

— То-есть, какъ это ерунда? — горячо спросилъ Тепловъ. Его, какъ правовѣрнаго студента, возмущало легкое отношеніе товарища къ тому, что онъ считалъ важнымъ и серьезнымъ.

— Да что онъ, одинъ что ли такой? Тутъ, братъ, главное дѣло не унывать. А коли опускаешься послѣ всякой непріятности, такъ не лѣзь. Сиди на печи или выбирайся поскорѣй на тепленькое мѣстечко. А то лежитъ на диванѣ и по цѣлымъ днямъ стонетъ: «Ахъ, зачѣмъ я пошелъ? Да что теперь дѣлать? У меня нервы разстроены». Разъ двадцать въ день повторитъ, что у него нервы разстроены. Не терплю я этого.—«Чтобы мнѣ угодить, веселѣй надо быть, веселѣй надо быть, веселѣй надо быть»...—напѣвалъ онъ, канканируя по комнатѣ.—А ты знаешь,—и меня, братъ, высылали.

— Высылали?! Что-то не припомню.

— Какъ же, въ тотъ знаменитый годъ, когда еще по нечаянности двухъ маменькиныхъ сынковъ съ гувернеромъ выслали. Вотъ была потѣха... Тогда и я проѣздился въ Саратовскую губернію. Любопытная исторія. Возвращаюсь какъ-то вечеромъ изъ Охотничьяго клуба, гдѣ послѣ маскарада въ компаніи изрядно выпили и закусили... Прохожу къ своей комнатѣ — гляжу свѣтъ: полицейскій сидитъ. «Ф-у-у, думаю, допился, наконецъ, до зеленаго змія. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»... Нѣтъ сидитъ, какъ ни въ чемъ ни бывало... Оказалось, въ самомъ дѣлѣ приставъ, да еще любезный. «А-а мы, говоритъ, у васъ обыскъ сдѣлали». Я какъ фыркну,—что же говорю нашли? «Ничего». И ужъ, дѣйствительно, у меня ничего не было. Одна завалящая философія права, да записка отъ бѣлья, да открытка отъ родителей съ наставленіемъ: беречься, ради Бога, ото всѣхъ этихъ студентовъ-крамольниковъ.—Ну-съ, говорю, такъ вы мнѣ позволите отдохнуть? «Нѣтъ, выслать васъ приказано, отвѣчаетъ, а самъ улыбается разбойникъ самому, видно, смѣшно стало. Я нѣсколько въ пессимизмъ впалъ:—За что? «Это ужъ не мое дѣло, говоритъ, вотъ видите списочекъ—еще сто человѣкъ за сегодняшнюю ночь выслать приказано». Нечего дѣлать, собрался и махнулъ къ знакомому помѣщику... Ну, зато и не проскучалъ. Такіе охоты и пикники устраивали, что ай-люли малина. Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. «Рыбка въ лонѣ водъ по»...

— Перестань, противно. Чего радуешься? Безобразіе, а онъ радуется.

— Да-съ, было дѣло. Оптомъ высылали. Некогда было анализъ производить. Кто въ общемъ спискѣ на глаза попался, того и закатывали...—А-а, вещи принесли? Ну, вали ихъ куда-нибудь. Все равно—разберемъ...

— Чортъ знаетъ, какой безпорядокъ!—недовольно проговорилъ Тепловъ.

— Ну, братъ, это что! Вотъ у насъ въ ночлежкѣ былъ безпорядокъ, дѣйствительно, что безпорядокъ. Брюки, грязное бѣлье, тюки разные, чемоданы на стульяхъ, на подоконникѣ, на полу валяются... Горничная убирать отказалась. Дымъ всегда коромысломъ. Еще бы, пять человѣкъ въ небольшомъ номерѣ, да гостей не оберешься.—Цѣлый день двери хлопаютъ... То одинъ коллега, то другой. Но ничего—даже дамъ принимали.

— Что жъ это онѣ у васъ между брюками и тюками сидѣли?

— Конечно, сидѣли. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Зато компанія веселая... Какіе литературные споры возникали—просто на удивленіе.

— Это ты-то спорилъ?

— Ну-у, я! Вотъ выдумалъ. Я больше по части опереточно-закусочной. Сварганить закусочку изъ ничего—вотъ мое призваніе. Прелесть насчетъ этого было. Деньги на соціалистическихъ началахъ: у кого есть, тотъ и даетъ.

— Ты, конечно, ничего не давалъ?

— Нѣтъ, почему же... Ну, да не въ этомъ дѣло. Мы, братъ, если и денегъ ни у кого не было, умѣли устраиваться. Сейчасъ гостя за горло — раскошеливайся! Гостей вѣдь тамъ сколько угодно...

— Ну, а литературные споры какіе бывали?

— А это между хозяиномъ-генераломъ—мы такъ Тѣстова прозвали—и теноромъ ди граціа—Корольковымъ. Вотъ я скажу тебѣ теноръ. «Куда вы удалились» лучше Собинова вытягиваетъ... Такъ вотъ Тѣстовъ у насъ охлаждающее начало, положительный человѣкъ. Какъ только заходитъ рѣчь о разныхъ художественныхъ произведеніяхъ, въ особенности о новѣйшихъ, у него всегда приговоръ

готовый: Вздоръ! Ницше — вздоръ, Андреевъ — вздоръ, Чайка — вздоръ. Теноръ нашъ — человѣкъ съ тончайшимъ вкусомъ, увлекающійся — сейчасъ на дыбы — защищать... По цѣлымъ страницамъ изъ Ницше отхватывалъ. А генералъ разсядется въ креслѣ — ты его знаешь—толстый, чортъ, — разстегнетъ жилетъ, и только и слышно отъ него: «а, по-моему, все это вздоръ». Корольковъ-то раскипится... Тутъ Рыбная Костомаха со своимъ мнѣніемъ вмѣшиваться начнетъ.

— Какая Рыбная Костомаха?

— Мы такъ Данилу Фирсова назвали. Онъ при каѳедрѣ какой-то остается—по рыбной спеціальности. Тоже объ искусствѣ говорить любитъ. Любопытно, какъ они втроемъ вцѣпятся... Теноръ въ верхнія ноты ударяется, Рыбная Костомаха барабаннымъ боемъ бьетъ и среди этого генеральскій лейтъ-мотивъ все слышится: «а по-моему все это вздоръ!..» Начинаютъ съ минора, а кончаютъ фортиссимо... И вотъ, какъ надоѣстъ мнѣ эта самая музыка, я пущу что-нибудь въ родѣ: «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ»—сейчасъ съ тона и спадутъ... А потомъ какъ-то само собой на злободневныя темы бесѣда переходитъ. Ну, а насчетъ злободневности я большой мастеръ. Впрочемъ, иногда, коли публика посторонняя соберется, такъ и философія идетъ въ ходъ. Тогда ужъ я шапку въ охапку и до свиданія...

— Скажи, пожалуйста, на какомъ курсѣ Тѣстовъ?

— На пятомъ. Изобрѣлъ новый курсъ. Записался на необязательныя лекціи. Съ какой стати я, говоритъ, такъ скоро университетъ кончать буду...

— Какъ же вы занимались въ этой ночлежкѣ?

— Никакъ. Тамъ это не принято. Рыбная Костомаха къ знакомымъ или въ Румянцевку уходилъ иногда... Ну, а остальные... Да мнѣ еще рано заниматься. Я всегда за мѣсяцъ до экзамена начинаю...

— И какъ вы тамъ могли размѣщаться?

— Очень просто: одинъ на кровати, другой на диванѣ, третій на стульяхъ, а два на полу. Чего ужъ тамъ

объ удобствахъ думать,—публика вся по тѣмъ или инымъ причинамъ оставшаяся безъ средствъ къ жизни—хорошо хоть и такое мѣсто есть. Зато весело...

— Зачѣмъ же ты оттуда сбѣжалъ?

— Не вынесъ режима. Понимаешь ли въ девять часовъ утра всѣ поднимаются. А я не привыкъ. Какъ раньше двѣнадцати встану, такъ голова цѣлый день болитъ. Ложусь въ четыре, да и то сразу заснуть не могу, прочитать долженъ странички двѣ, три. Нервы разстроены.

— Почему нервы разстроены?

— Но Денисовъ вмѣсто отвѣта вдругъ запѣлъ изъ «Обозрѣнія Москвы»: «Мюръ-мюръ, мерилизъ, поднесли вы намъ сюрпризъ»... Кстати, знаешь, прохожу я какъ-то по Кузнецкому мосту—смотрю,идутъ два жантильома—пшюты-студенты. У одного сигара, у другого хлыстъ. Останавливаются и здороваются съ проходящими барышнями. Барышни спрашиваютъ: «Вы, господа, бастуете?» Одинъ, помахивая хлыстомъ, отвѣчаетъ: «Мы сегодня б-э-э-а-астуемъ...»

Денисовъ такъ ловко изобразилъ пшюта, что Тепловъ расхохотался.

— Ну, братъ, а теперь я буду одѣваться.

— Куда?

— У меня положеніе—вечеромъ въ Международный ресторанъ. Кстати, не займешь ли рубль?

— Могу.

— Ну-у? Вотъ это благородно. Идемъ, братъ, вмѣстѣ.

— Нѣтъ, заниматься нужно.

— Какъ хочешь. Денисовъ, напѣвая какую-то модную шансонетку, началъ выбрасывать все, что у него было въ корзинѣ. Наконецъ, нашелъ манжеты и галстукъ... Сталъ переодѣваться. Съ полчаса вертѣлся около зеркала, направляя на себя сзади ручное зеркальце. Долго причесывался, пудрился и приставалъ въ это время къ Теплову: «Замѣтны ли его прыщики?».. Въ девятомъ часу онъ, наконецъ, кончилъ туалетъ и, спѣвъ Теплову на прощанье: «Разъ три богини спорить стали»,—исчезъ.

Оставшись одинъ, Тепловъ съ грустью окинулъ взглядомъ комнату: въ ней царствовалъ хаотическій безпорядокъ. Денисовъ, не стѣсняясь, разбросалъ всѣ вещи по комнатѣ. Тепловъ собралъ ихъ и пихнулъ въ корзину. На столѣ валялись пуховка отъ пудры, гребешокъ... Онъ съ сердцемъ швырнулъ ихъ на полку и раскрылъ книгу...

Однако, сколько ни старался сосредоточиться, заниматься не могъ. Мысли бѣжали куда-то прочь... Этотъ Денисовъ не только привелъ въ безпорядокъ комнату, но развлекъ и самого хозяина...

Теплову рисовались разныя картины, невольно онъ сталъ сравнивать свою жизнь съ жизнью Денисова—товарища еще по гимназіи. Какая была огромная разница. Тепловъ жилъ, какъ многіе студенты: занимался, ходилъ въ университетъ, участвовалъ въ безпорядкахъ, — жизнь его не была богата событіями. И рядомъ Денисовъ—настоящій типъ студенческой богемы. Полная безшабашность и безалаберность во всемъ—въ деньгахъ, въ наукѣ, во времени. Какъ только получитъ деньги, сейчасъ же прокутитъ въ ресторанѣ съ дѣвочками. Потомъ цѣлый мѣсяцъ занимаетъ у кого попало. Рѣдко отдаетъ. Живетъ у знакомыхъ, большею частью; обѣдаетъ у другихъ знакомыхъ. Онъ, вообще, мастеръ сходиться съ людьми. Его и товарищи любятъ за вѣчную жизнерадостность, приподнятость духа, за то, что онъ всегда умѣетъ внести оживленіе въ скучнѣйшее общество. Съ нимъ можно забыть, что жизнь мрачна и однообразна, кажется, что все идетъ вверхъ ногами, несуразно, но очень весело. Несомнѣнно онъ умѣетъ дѣлать атмосферу легкой. Онъ, словно, отразилъ въ себѣ блестящую внѣшность большого города: электричество, блескъ, вѣчный шумъ... Денисовъ не можетъ засиживаться гдѣ-нибудь, не выноситъ серьезности и длинныхъ разговоровъ. Разскажетъ послѣдній анекдотъ, пропоетъ шансонетку, передастъ два, три случая изъ чужой или своей жизни и отправляется дальше. Впрочемъ, особую любовь питаетъ къ ресторанамъ. Тамъ онъ можетъ просидѣть, даже цѣлый вечеръ, просто въ билліардной, смотря, какъ играютъ. Онъ любитъ угощаться на чужой

счетъ, но если есть деньги, угоститъ кого угодно, не жалѣя. Кто его искренно любитъ, такъ это публичныя женщины. У нихъ всегда открытъ для него широкій кредитъ (не въ смыслѣ денегъ, конечно). Онѣ обожаютъ его. Еще бы! Своей стихійной безпечностью онъ воплощаетъ ихъ идеалъ, онѣ чувствуютъ себя въ немъ. И онъ и онѣ чистые представители богемы: «не сѣю, не жну, не собираю въ житницы... Растрачиваю то, что дано, ни о чемъ не думаю и, главное, не задумываюсь..»

Денисовъ почти ничего не читалъ и не знаетъ. Къ экзаменамъ готовится запоемъ. Какъ засядетъ, такъ цѣлые дни и ночи напролетъ сидитъ. Тоже бываетъ, хотя и очень рѣдко, если заинтересуется какой-нибудь книгой. «Поскорѣй бы отдѣлаться—съ плечъ долой» вотъ его принципъ.

Тепловъ относился къ Денисову свысока, считалъ себя гораздо выше его, какъ это принято среди студенчества по отношенію къ людямъ, легкомысленно настроеннымъ. Но все-таки Денисовъ умѣлъ удержаться въ студенческой средѣ, не отпалъ отъ нея, какъ многіе... Это былъ своего рода enfant terrible студенчества. Всѣ настоящіе студенты такъ къ нему и относились. Даже симпатизировали до извѣстной степени...

Въ этотъ вечеръ Тепловъ не прочелъ ни одной страницы. Пошелъ гулять и просидѣлъ у товарища до часу.

Вернувшись, онъ не засталъ еще Денисова. Послѣдній явился около четырехъ часовъ. Онъ долго ходилъ «на цыпочкахъ» по комнатѣ, стараясь не разбудить товарища. Но въ концѣ концовъ разбудилъ таки.

— Эхъ,—проговорилъ тотъ, потягиваясь,—мнѣ рано вставать завтра, а ты мѣшаешь.

Денисовъ, нисколько не обезкураженный воркотней «Васьки», присѣлъ къ нему на кровать и сталъ съ особенными, ему одному присущими, купюрами разсказывать, какъ онъ сегодня съ Манькой-рыжей ужиналъ, а потомъ отправился къ ней... «Славная баба, нѣсколько некрасивая и грязноватая, зато насчетъ всего остального пальчики оближешь»... Затѣмъ Денисовъ говорилъ, вообще, о женщинахъ и такъ какъ былъ очень компетентенъ въ этомъ вопросѣ и разсказывалъ съ огонькомъ, то невольно увлекъ Теплова картинностью изображенія...

На слѣдующій день Тепловъ, вернувшись изъ университета часа въ три пополудни, засталъ своего новаго сожителя въ однихъ кальсонахъ, разсматривающаго себя въ зеркалѣ... Денисовъ только что проснулся и по привычкѣ прежде всего отправился къ зеркалу...

— Славно выспался, — крикнулъ онъ, завидя Теплова,—э-хъ, грѣшный человѣкъ. Люблю поспать...

И, видимо, очень хорошо настроенный, онъ прошелся по комнатѣ канканомъ... Затѣмъ облачился въ домашній костюмъ и приказалъ подать чаю... Комната опять была похожа на кладовую...

«Чортъ его знаетъ и когда онъ только успѣваетъ все перевернуть, — подумалъ Тепловъ,—словно отъ одного его присутствія рушится всякій порядокъ».

Денисовъ между тѣмъ заварилъ чай и просилъ Теплова разсказать газетныя новости; самъ онъ газетъ не читалъ.

— Слишкомъ много всякаго вздора. Жаль тратить время,—резонерствовалъ онъ,—отъ хорошихъ людей всегда существенное можно узнать...

Потомъ Денисовъ разсказалъ Теплову свое посѣщеніе лекціи извѣстнаго профессора «противника» Дарвина.

— Да-а, братецъ, разбилъ онъ тогда Дарвина—впухъ и впрахъ уничтожилъ. Ходитъ это по аудиторіи, руки потираетъ и говоритъ—тутъ Денисовъ заговорилъ шпютовскимъ тономъ.» Во-отъ, гэ-эаспада, ка-акой-то Дарвинъ, д-эа, Дарвинъ предполагаетъ нелѣпости на основаніи какихъ-то своихъ quasi научныхъ изслѣдованій»... А тутъ сверху кто-то: хо, хо, хо... Публика-то собралась больше ради курьеза—слушать, какъ Дарвина разбивать будутъ... Но нашъ профессоръ не смущается ни чуточки. Даже какъ будто поощренъ лестнымъ вниманіемъ...«Тэ-эакъ, вотъ, га-гаспада, я самъ производилъ изысканія»... А сверху кто-то добавляетъ—«по сыскной части»... Но профессоръ не обращаетъ

никакого вниманія... «Д-эа, изысканія, вотъ, напримѣръ, возьмемъ теленка, вотъ теленокъ»... Тутъ уже вся аудиторія дико хохочетъ и часто публика демонстративно встаетъ и удаляется. Я, конечно, въ томъ числѣ...

— Вотъ, дѣйствительно, нахалъ,—замѣтилъ Тепловъ.— Добро бы ученый былъ, а то именно только ученый пшютъ...

Незамѣтно друзья проговорили до шести часовъ, когда Денисовъ снова сталъ совершать туалетъ и къ семи часамъ отправился къ знакомымъ обѣдать.

Тепловъ уже не сталъ прибирать комнату, а гребенку и пуховку, неизмѣнно валявшихся на столѣ, швырнулъ на полъ...

И въ эту ночь его разбудилъ Денисовъ... Что-то началъ говорить, но Тепловъ ничего не отвѣтилъ. Его не на шутку сталъ раздражать этотъ неугомонный человѣкъ и отъ злости онъ даже не могъ заснуть нѣсколько часовъ...

На слѣдующій день все повторилось въ прежнемъ порядкѣ.

Опять часа три ушло на разные анекдоты и туалетъ Денисова... Тепловъ окончательно чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи...

Черезъ нѣсколько дней, когда Денисову подали денежную повѣстку, Тепловъ уговорилъ его итти вмѣстѣ получать деньги и искать квартиру.. Квартира со столомъ была вскорѣ нанята, деньги уплачены и Денисовъ переѣхалъ на новоселье...

Какъ-то вечеромъ Теплову стало скучно,—онъ зашелъ къ Денисову и къ удивленію своему засталъ его дома. Денисовъ лежалъ на кровати и читалъ...

— Эге, вотъ прекрасно, что зашелъ,—закричалъ онъ.— Читаю «Братьевъ Карамазовыхъ» и наслаждаюсь глубиной психологическаго анализа. Вотъ книга, такъ книга. Удивительная...

— Что же это ты сегодня не въ ресторанѣ?—не могъ удержаться, чтобы не спросить, Тепловъ.—Дома сидишь почему? Неужели изъ-за Достоевскаго?

— Да, Достоевскимъ я очень увлекся. Второй день читаю.

— Ну, братъ, послѣ Достоевскаго, а теперь пойдемъ пройдемся—погода славная.

— Я бы съ удовольствіемъ, но видишь ли...

— Въ чемъ дѣло?...

— Видишь, признаться откровенно, мнѣ позавчера деньги были очень нужны, такъ я пальто заложилъ...

Типъ экзотическій.

— Что ты мнѣ толкуешь о поэзіи какихъ-то лунныхъ ночей на Волгѣ — вотъ, по-моему, поэзія — утромъ рано-рано, когда чуть брезжитъ разсвѣтъ, возвращаться Петровскимъ паркомъ изъ Стрѣльны съ Маргаритой или Соней. Сколько въ этомъ настроенія, какъ приподняты нервы, какой удивительной кажется жизнь...

Такъ говорилъ студентъ 4-го курса Вознесенскій, лежа на кровати въ своемъ семнадцати - рублевомъ номерѣ на Тверской.

— Помилуй, — возражалъ товарищъ, — ты сумасбродствуешь съ этими женщинами. Ну, что ты въ нихъ нашелъ? Жадны, пошлы...

Вознесенскій вскакиваетъ съ кровати, какъ ужаленный.

— Ничего ты не понимаешь,—кричитъ онъ.— Я не знаю ни одной женщины изъ общества, которая была бы лучше ихъ. Живя въ чаду, въ блескѣ электричества, онѣ, какъ роскошные цвѣты-однодневки, ослѣпляютъ яркостью красокъ, ужасной быстротой своего цвѣта. Онѣ приводятъ въ экстазъ фееричностью своего существованія. Ночи и дни летятъ, какъ волшебные призраки... Помню одну женщину. Я любилъ ее. Какія ночи мы съ ней проводили! И утро не разрушало радостей нашей любви. Помню однажды утромъ я проснулся раньше ея. Она спала. Блѣдное, утомленное лицо—полураскрытыя губы. А изъ-подъ одѣяла высовывалась маленькая, изящная, какъ живое изваяніе, ножка. И я безумно цѣловалъ эту ножку. И разбудилъ.

— Сколько же времени длилось ваше счастье?

— Три дня и три ночи. Потомъ она куда-то исчезла, уѣхала въ провинцію; какъ бы мнѣ хотѣлось снова увидѣть ее!

— Но, согласись, что ваше счастье могло бы продолжиться гораздо дольше, если бы у тебя были деньги.

— О, безъ сомнѣнія! Въ томъ-то наше и ничтожество, что мы нищіе, нищіе... Какъ я глубоко презираю себя...

— А я вовсе не признаю поэзіи тамъ, гдѣ главную роль играютъ деньги. Вѣдь у этихъ женщинъ даже и мораль своя, основанная исключительно на денежномъ расчетѣ. Оцѣнка человѣческаго достоинства производится по ёмкости кармана даннаго субъекта. Есть деньги—ты человѣкъ, а онѣ твои рабыни, нѣтъ — ты не человѣкъ, ты парій. Онѣ обольютъ тебя презрѣніемъ, если ты вздумаешь къ нимъ приблизиться...

— И вполнѣ основательно—ну, что такое ты или я, не имѣющіе денегъ?—Ничто! Я считаю за честь знакомство съ этими женщинами.

— И это тоже честь для тебя, что онѣ ужинаютъ на твой счетъ?

— Разумѣется, честь. Я только глубоко сожалѣю, что могу истратить на ужинъ всего десять руб., а не сотни и тысячи.

— Поздравляю тебя съ благопріобрѣтенной кафешантанной моралью.

— Это не кафешантанная, а современно-человѣческая. Но ты пойми, если бы такая женщина полюбила тебя, она дала бы тебѣ столько... Даже духъ захватываетъ.

— Но полюбитъ только того, у кого есть деньги.

— Нѣтъ, я съ тобой больше не разговариваю, ты ничего не понимаешь....

Вотъ уже больше года главный интересъ Вознесенскаго сосредоточивается на ослѣпительной обстановкѣ Омона, Яра et cetera. На посѣщенія этихъ учрежденій онъ тратитъ всѣ свои скудныя средства, пріобрѣлъ уроки, выманиваетъ у отца изъ провинціи деньги... Но денегъ все-

таки мало, очень мало.., И, быть-можетъ, эта ограниченность бюджета больше всего привязываетъ Вознесенскаго къ «веселящемуся» міру. Онъ видитъ только внѣшнюю сторону, фееричность обстановки. И это возбуждаетъ его, манитъ... Не можетъ онъ испить до дна чашу этой жизни и почувствовать на днѣ ея гнетущую пустоту и притворное однообразіе.

Только мечтами спускался онъ въ самую глубь, въ водоворотъ. И для мечтаній не было недостатка въ краскахъ... И красивыя женщины въ роскошныхъ костюмахъ — символъ этой жизни—были далеки отъ него и вѣчно поддерживали въ немъ огонь неудовлетворенности. Онъ ощущалъ ихъ близко-близко, но онѣ были недоступны. И это пьянило его... За студенческій сюртукъ, сшитый изъ прекраснаго сукна у хорошаго портного, женщины снисходили къ Вознесенскому, — сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, ужинали на его счетъ, подходили въ Яру и говорили, какъ съ хорошимъ знакомымъ; иногда онъ подвозилъ ихъ домой, иногда, очень рѣдко, онѣ дарили его поцѣлуями. А тотъ романъ, о которомъ онъ говорилъ, былъ единственнымъ—не платоническимъ... И этотъ романъ еще больше растравилъ его воображеніе.

Какъ все далекое и прекрасное, онъ сталъ идеализировать омоновскихъ женщинъ, и невольно эта идеализація граничила съ самой ужасной пошлостью...

Еще не такъ давно Вознесенскій считался очень исправнымъ студентомъ. Однажды умилилъ стараго профессора, подавъ рефератъ съ небывалымъ количествомъ страницъ. Полукурсовые зачеты сдавалъ великолѣпно... Любопытно, что на первомъ курсѣ кто-то назвалъ Вознесенскаго узкимъ моралистомъ за его статью о безнравственности балета. Впрочемъ, до «омоновскаго» увлеченія Вознесенскій если чѣмъ и увлекался, то не надолго. Такъ было, напримѣръ, во время студенческихъ безпорядковъ. Вознесенскій вдругъ выступалъ въ качествѣ оратора съ самымъ краснымъ оттѣнкомъ,—громилъ въ рѣчахъ низкихъ отступниковъ, кричалъ что съ людьми, рѣшающимися во

время забастовки держать экзаменъ, необходимы крайнія мѣры: ихъ нужно бить, даже вѣшать, и предлагалъ себя въ палачи. Онъ сталъ во главѣ своего курса... Это его настроеніе длилось двѣ недѣли. Потомъ Вознесенскій сталъ охладѣвать, а еще черезъ двѣ недѣли поплелся въ числѣ прочихъ держать экзаменъ...

Такъ было прежде. Омоновское же увлеченіе оказалось болѣе глубокимъ, оно перешло въ страсть, въ неизлѣчимую болѣзнь.

Дѣло началось съ пустяковъ. Зашелъ какъ-то товарищъ и предложилъ для разнообразія отправиться къ Омону. Кстати у Омона любезно предлагались студентамъ билеты, оставшіеся непроданными...

Роскошныя женщины со всего свѣта,—несравненныя красавицы, ихъ ослѣпительные туалеты, свободныя тѣлодвиженія очень подѣйствовали на впечатлительнаго Вознесенскаго... Они съ товарищемъ остались послѣ представленія ужинать въ общей залѣ. Рядомъ за столикомъ сидѣла испанка la belle Алейта — она два раза метнула въ Вознесенскаго большими, черными, искрометными глазами... Нервно вздрагивалъ венгерскій оркестръ... Сновали хорошенькія женщины съ возбужденными лицами, въ яркихъ костюмахъ; слышался задорный, веселый смѣхъ... Они пили вино... И все это было такъ хорошо и увлекательно, что два пріятеля незамѣтно просидѣли до 4 часовъ, т. е. до закрытія ресторана.

— Вотъ это жизнь —я понимаю,—сказалъ Вознесенскій, спускаясь съ омоновской лѣстницы на улицу.

— А ты замѣтилъ, какъ на тебя испанка смотрѣла? Потомъ одна венгерка два раза взглянула...

Чрезъ нѣсколько дней Вознесенскій уже одинъ подходилъ къ кассѣ и робко спрашивалъ: — Не осталось ли билетика?..

Потомъ онъ сталъ покупать билеты.

Дома, въ меблированныхъ комнатахъ было такъ скучно, угрюмыя стѣны давили, лампа горѣла тускло. А тамъ... ослѣпительный свѣтъ, музыка, женщины...

Скоро Вознесенскій познакомился съ двумя хорошенькими венгерками и угощалъ ихъ ужиномъ. Ужинали еще два товарища—обошлось по десяти рублей на брата. Послѣ ужина съ Маргаритой и Веррой поѣхали въ ресторанъ, который открытъ цѣлую ночь... Тамъ тоже пили... Потомъ онъ довезъ Маргариту до дому. На другой день оказалось въ кошелькѣ двадцать копеекъ. Вознесенскій не выдержалъ и отправился къ товарищу занять денегъ. И опять смотрѣлъ представленіе, а потомъ ужиналъ въ общей залѣ... Вознесенскій сталъ бывать въ Яру, Стрѣльнѣ и все на скромныхъ началахъ въ качествѣ наблюдателя, а не дѣйствующаго лица.

Онъ спускалъ, обыкновенно, всѣ свои деньги въ два-три вечера, а потомъ, когда наступала долгая полоса безденежья, Вознесенскій предавался черной меланхоліи.

— А-а, это ты?—говорилъ онъ, не вставая съ постели, на которой валялся съ книгой въ рукахъ, и лѣниво протягивая руку входящему товарищу.—Садись.

— Ну, что, какъ ты?—спрашивалъ товарищъ.

— Плохо! — рѣзко обрывалъ Вознесенскій, и наступало продолжительное молчаніе. Вознесенскій мрачно глядѣлъ въ потолокъ и курилъ папироску.

— Не приходила ли тебѣ когда-нибудь мысль покончить съ собой? — нарушалъ, наконецъ, молчаніе хозяинъ и мефистофельская улыбка играла на его губахъ.

— Иногда бывали минуты...

— Ну, что такое наша жизнь? Живемъ изо дня въ день. Все одно и то же, одно и то же. Приниженность какая-то. Возмущаетъ меня это человѣческое ничтожество, это противное довольство тѣмъ, что есть...

— Денегъ нѣтъ? — спрашивалъ, улыбаясь, товарищъ, зная въ чемъ суть.

— Ни сантима!

И опять слѣдовало продолжительное, мрачное молчаніе...

Но вотъ Вознесенскій спускаетъ съ кровати ноги и садится.

— Скажи, пожалуйста,—говоритъ онъ рѣзко обличительнымъ тономъ,—чѣмъ ты живешь? Чѣ-ѣмъ ты доволенъ? Науку превосходишь?—(*мефистофельская улыбка*). — Для чего? Для чего—я тебя спрашиваю? Да развѣ это жизнь! Мелки вы, господа, ничтожны. Нѣтъ въ васъ шири. Сидите въ конурахъ и радуетесь, что какую-то цѣль съ мизинецъ нашли.—Грошъ вамъ цѣна!..

Послѣ этого Вознесенскій ложится на постель и закрываетъ глаза, но почти сейчасъ же вскакиваетъ.

— Нѣтъ, не могу, не могу! Слушай... есть деньги? Пойдемъ въ кофейню Филиппова — посидимъ. Мнѣ нужны огонь и люди!...

Лучшіе моменты Вознесенскій пережилъ прошлой весной. Онъ съ грустью и гордостью вспоминаетъ теперь объ этой незабвенной веснѣ.

— О, то было чудное время,—говоритъ онъ,—въ теченіе двухъ недѣль мы истратили en quatre 600 руб!..

Вознесенскій увѣковѣчилъ это время въ краткихъ «запискахъ», составленныхъ въ долгіе зимніе вечера безденежья и тоски. Эти записки были помѣщены въ черной тетради среди другихъ начатыхъ и неоконченныхъ «разсказовъ» подъ общимъ заглавіемъ: «Мои литературные грѣхи».

„....Опаловое небо раскинулось надъ Москвой. Весенній воздухъ нѣжно окуталъ столицу и догорающій день замеръ, не надолго прощаясь съ землей. Блѣдно-розовое облако повисло на горизонтѣ... На Тверской обычное движеніе. Элегантные экипажи подъѣзжаютъ и отъѣзжаютъ къ бѣлымъ колоннамъ, унизаннымъ гирляндами разноцвѣтныхъ лампіоновъ... Наше ландо мягко подкатываетъ къ аркѣ сада. Два швейцара бросаются, чтобы помочь выйти... Мы входимъ въ садъ. Мягкія, вечернія тѣни лежатъ на дорожкахъ, усыпанныхъ красивымъ пескомъ. Зелень деревьевъ привѣтствуетъ входящихъ... Все полно чарующей прелести весны — и ласковые весенніе костюмы дамъ и элегантныя черныя пальто и шляпы мужчинъ, и самый воздухъ.

Нѣжные звуки оркестра разносятся по саду. Не обращая вниманія на кривляющагося паяца на открытой

сценѣ, мы прямо проходимъ въ закрытый театръ. Знакомая кассирша оставляетъ намъ всегда билеты въ пятомъ ряду съ краю около ложи. Когда Клара свободна, она садится въ сосѣднюю ложу и мы переговариваемся и вмѣстѣ смотримъ на сцену... Потомъ ужинаемъ гдѣ-нибудь въ поэтическомъ уголкѣ буфета. Потомъ...»

Но тутъ записки прерываются, потому что «потомъ» Клара уѣзжаетъ домой до слѣдующаго ужина...

Это счастливое время длилось двѣ недѣли, т. е. ровно столько, сколько требовалось времени для полнаго уничтоженія обще-компанейскихъ денегъ. Компанія, кромѣ Вознесенскаго, состояла изъ студента-армянина съ тараканьими усами, любящаго вставлять не къ мѣсту нѣмецкія слова, но по-нѣмецки не говорящаго, затѣмъ юнкера изъ Тифлиса и нѣмца, гдѣ-то служащаго. Компанія была связана нѣжными узами омоновскаго времяпровожденія и ухаживаніемъ за Кларой, высокой, красивой шансонеткой-нѣмкой. Нужно замѣтить, что Клара не говорила по-русски, а компанія, за исключеніемъ нѣмца, по-нѣмецки. Звѣзда дарила своимъ благосклоннымъ вниманіемъ (но только въ какихъ жестокихъ предѣлахъ!) Вознесенскаго. Послѣдній былъ бойчѣе своихъ товарищей и изъяснялся съ звѣздой посредствомъ того же нѣмца-переводчика. Что касается тараканьихъ усовъ онъ сидѣлъ, выпучивъ глаза, и только иногда вставлялъ неизмѣнное слово: Warum. Юнкеръ изъ Тифлиса убійственно молчалъ, чувствуя себя не въ своей тарелкѣ. Нѣмецъ переводилъ, а самъ съ шансонеткой пѣвицей разговаривать не рѣшался.

Нѣсколько разъ Вознесенскій былъ и въ квартирѣ la belle Клары, гдѣ она принимала его всегда въ присутствіи третьяго лица—старой и безобразной компаньонки. На какомъ языкѣ объяснялся Вознесенскій съ звѣздой—это неизвѣстно. Впрочемъ, въ теченіе двухъ недѣль у него на столѣ лежали огромные нѣмецко-русскіе словари и полный самоучитель нѣмецкаго языка. Кромѣ того онъ приставалъ ко всѣмъ товарищамъ съ просьбой указать наилучшій учебникъ по тому же предмету.

Въ долгіе зимніе вечера, когда шансонетки уже не было въ Москвѣ, а у нашихъ героевъ не было денегъ, компанія (безъ тифлисскаго юнкера) собиралась въ номерѣ Вознесенскаго. На кругломъ столѣ валялись объѣдки колбасы, окурки папиросъ, стоялъ потухшій самоваръ и пламя единственной свѣчи тускло освѣщало неуютный, полугрязный номеръ и лица трехъ собесѣдниковъ. Но мечты уносили ихъ въ иной міръ. Передъ ними развертывались картины далекой весны, освѣщеннаго сада, буфета, шляпы прелестной Клары съ огромнымъ бѣлымъ перомъ.

— Да, было и прошло...—мечтательно говоритъ Вознесенскій.

Тараканьи усы среди товарищей былъ очень разговорчивъ и, какъ человѣкъ практическій, строилъ различныя сложныя комбинаціи изъ того, чего не было.

— Что было бы, Владиміръ Николаевичъ,—говоритъ онъ,—если бы вамъ одновременно отдались Клара и Ванда (подруга Клары).

Вознесенскій мечтательно задумывается.

Но тараканьи усы предлагаютъ новую, еще болѣе сложную комбинацію.

— А что, если бы Ванда васъ полюбила, то Клара захотѣла бы васъ отдать ей?..

Нѣмецъ угрюмо сопитъ носомъ и молчитъ, молчитъ и Вознесенскій. И все кругомъ полно грусти.

— Господа, поѣдемте къ Яру, скромно проведемъ вечеръ—по чашкѣ кофе выпьемъ — вдругъ говоритъ Вознесенскій вдохновеннымъ голосомъ. — Деньги у кого-нибудь есть? У меня два рубля.

— У меня двадцать копеекъ, —говоритъ тараканьи усы.

Нѣмецъ молчитъ.

— Такъ что жъ, ѣдемъ?—спрашиваетъ уже упавшимъ голосомъ Вознесенскій.

Собесѣдники молчатъ.

— Проклятая жизнь!

Въ комнатѣ становится еще грустнѣе, свѣча меркнетъ въ туманѣ табачнаго дыма, и объѣдки колбасы противно

подчеркивають отсутствіе настоящей жизни... Черезъ полчаса компанія отправляется въ кофейню Филиппова.

Къ концу второго года наклонности и вкусы Вознесенскаго опредѣлились вполнѣ. Міръ увеселительныхъ заведеній, интересами котораго онъ жилъ за послѣднее время, наложилъ на него клеймо пошлости. Имъ овладѣло ужасающее бездѣліе. Ничѣмъ серьезнымъ онъ уже не могъ заниматься, даже ничего не читалъ, за исключеніемъ бульварной газеты. Оставаться одному было для него сущимъ наказаніемъ и онъ вѣчно торчалъ «на людяхъ». Съ товарищами-студентами онъ не поддерживалъ сношеній, а свелъ знакомство съ болѣе подходящей компаніей — приказчиками солидныхъ фирмъ. Эти послѣдніе, получая приличное содержаніе, тратили его на то же, на что тратилъ деньги Вознесенскій. Только у нихъ это было въ порядкѣ вещей— послѣ службы они не знали иныхъ интересовъ, кромѣ омоновскихъ. Какъ мы видѣли, Вознесенскій сначала старался быть идеалогомъ, но постепенно спускался до круга и понятій своихъ новыхъ знакомцевъ. Впрочемъ, они относились къ нему, какъ къ человѣку высшаго круга — студенту, и даже считали Вознесенскаго необыкновеннымъ человѣкомъ, потому что иногда онъ рисковалъ дѣлать немыслимыя, съ ихъ точки зрѣнія, вещи.

— Помилуйте,—говорилъ одинъ изъ приказчиковъ,—развѣ это не необыкновенный человѣкъ. Позавчера, напримѣръ, у всей нашей компаніи изъ трехъ человѣкъ въ наличности десять рублей. Вознесенскій непремѣнно хочетъ ѣхать въ Яръ.—Ѣдемъ, да и только! Достали еще два рубля, поѣхали. Что жъ бы вы думали, очень мило провели время. Пили кофе съ ликеромъ—Ванда сидѣла, потомъ Соня подошла, потомъ Маруся. Болтали какъ никогда...

Огромное наслажденіе доставляло Вознесенскому давать на чай прислуживающимъ лакеямъ несоразмѣрно много. Съѣстъ, напримѣръ, на три рубля, а дастъ два рубля на чай.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?— спрашивали у него.

— Нужно, чтобы лакей меня зналъ.

И, дѣйствительно, лакей кланялся ему очень низко.

— Это что — я въ Яру какъ-то швейцару десять рублей далъ. Пьяный былъ и далъ,—хвастался Вознесенскій съ оттѣнкомъ удовлетворенной гордости.—Въ Яру Вознесенскій раскланивался съ метръ-д-отелемъ, какъ со старымъ знакомымъ, и тотъ подавалъ ему руку съ снисходительной небрежностью.

Пошлость отражалась и на времяпровожденіи Вознесенскаго. Вставалъ онъ около двѣнадцати. Совершалъ туалетъ, за чаемъ читалъ бульварную газету, въ два часа выходилъ гулять... У него было щегольское пальто, лакированные башмаки на высокихъ каблукахъ (ходилъ безъ калошъ), брюки со штрипками, австрійскаго образца фуражка. Шелъ онъ въ пассажъ и гулялъ по пролетамъ, или стоялъ около средняго и смотрѣлъ на публику. Если встрѣчалъ какую-нибудь знакомую пѣвичку въ ярко-красной ротондѣ и огромной шляпѣ съ перьями, подходилъ къ ней. Этимъ онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе и потому чувствовалъ себя очень польщеннымъ. Онъ любилъ обращать на себя вниманіе. Хвастался всѣмъ, что его фотографическая карточка выставлена фотографомъ въ витринѣ.

Гуляя съ товарищемъ по пассажу, они пресерьезно разговаривали по «итальянски», вовсе не зная этого языка.

— Даціаро тромбоно уна квесто? — спрашивалъ Вознесенскій.

— Лосъ боніозо муэно сигаро дель посто.

— Квоено мурильо джіаконда фортунати.

— Томпано, Міо Каро! (*тихо*). Смотри, какъ на насъ смотритъ дама въ розовой шляпкѣ—это содержанка Тугоухова—не пріударить ли? (*тихо*). Не стоитъ. (*громко*) О, дано! О, дано!..—и т. д.

Верхомъ бонтонности считалось зайти въ кондитерскую Трамбле и выпить стаканъ шоколада, спросить папиросъ 25 штукъ 25 коп. Принявъ небрежную позу, заложа ногу на ногу, съ иностраннымъ журналомъ въ рукахъ пріятели бесѣдовали очень серьезно о завтрашнихъ скачкахъ, или о преимуществахъ Верры надъ Алейтой. Но, главнымъ образомъ, они старались бросить фразу, чтобы слышали

за сосѣдними столиками, — въ родѣ слѣдующей: — Завтра Клара будетъ у меня! — или — Позавчера мы вдвоемъ истратили у Яра 200 рублей — и т. д. Потомъ Вознесенскій возвращался домой обѣдать. Къ обѣду приходилъ кто-нибудь изъ приказчиковъ и опять шелъ разговоръ о Вандѣ или Маргаритѣ. Послѣ обѣда отдыхали — Вознесенскій спалъ на кровати, а приказчикъ на диванѣ. Иногда Вознесенскій шелъ навѣстить Зою...

Зоя лежитъ на кровати подъ одѣяломъ (у нея мигрень) и играетъ въ дураки на деньги съ безусымъ купчикомъ.

Купчикъ проигрываетъ и Зоя искренно восхищается.

— Здравствуйте,—говоритъ она, не смотря на Вознесенскаго, и протягиваетъ ему голую руку.

Тотъ цѣлуетъ ее и задерживаетъ.

— Пустите. Ну, Николай, ходите. Опять проиграли! Браво, браво!

— Удивительная игра, — произноситъ купчикъ, тупо смотря на Вознесенскаго. — Если я проиграю — плачу, и если она проиграетъ, тоже плачу.

— Ну, Николай, нечего разговаривать—сдавайте скорѣй!

На Вознесенскаго не обращаютъ вниманія и онъ гуляетъ по комнатѣ, впитываетъ атмосферу разбросанныхъ платьевъ, засохшихъ цвѣтовъ, шелковыхъ, разноцвѣтныхъ юбокъ. Проходитъ въ гостиную, гдѣ на стѣнѣ виситъ портретъ гвардейскаго поручика, которому Зоя отдалась впервые за то, что онъ былъ очень красивъ и очень богатъ.

— Глаша, принеси бутылку шампанскаго, которую я вчера привезла—кричитъ Зоя горничной.

Вознесенскій возвращается въ спальню въ то время, когда горничная вноситъ бутылку.

— Голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ, — говоритъ Зоя, — раскупорьте бутылку, а то Глаша не умѣетъ. Вчера купецъ рыжій далъ, съ которымъ кутила — и салфетку далъ — все!

Вознесенскій съ видомъ знатока вытаскиваетъ пробку и наливаетъ три бокала...

— Ну, господа, — говоритъ Зоя послѣ шампанскаго, — а

теперь прощайте. Черезъ полчаса Володя обѣщалъ притти.— (Володя ея полу-содержатель, полу-любовникъ).

Вознесенскій прощается, снова цѣлуя руку, и выходитъ вмѣстѣ съ купчикомъ на улицу.

— Удивительная женщина! — говоритъ Вознесенскій.

— Да, можно сказать, баба за первый сортъ... Прижимиста только очень — деньгу любитъ...

— Ахъ, вы не понимаете тонкости этой женщины...

Вечеромъ Вознесенскій говоритъ знакомому приказчику:

— Мы сегодня у Зои были. Выпили по бокалу шампанскаго. Вотъ женщина, я вамъ скажу...

Часамъ къ 9 вечера компанія ежедневно собиралась въ кофейнѣ Филиппова. И здѣсь, сообща, рѣшала вопросъ, какъ «убить» вечеръ — поѣхать къ Яру, Омону или для разнообразія на «горку»...

Приказчики снабжали Вознесенскаго деньгами, въ которыхъ онъ нуждался все болѣе и болѣе. Онъ уже окончательно запуталъ свои дѣла. Отецъ пересталъ высылать деньги, уроки онъ бросилъ и занималъ деньги самымъ безсовѣстнымъ образомъ вездѣ, гдѣ только можно. Изъ двухъ гостиницъ просили выѣхать за неплатежъ. Въ одной остался долженъ сто руб., а въ другой задолжалъ швейцару пятнадцать. Сначала Вознесенскій оправдывался ницшеанствомъ, а потомъ и оправдываться пересталъ... Ходятъ вообще скверные слухи объ его денежныхъ дѣлахъ... Государственный экзаменъ не держитъ уже второй годъ.

Просвѣтитель барышень.

Въ общественномъ саду провинціальнаго города—музыка, толпа гуляющихъ... Среди толпы обращаетъ на себя вниманіе одинъ студентъ, который быстрыми шагами проходитъ по саду. Одѣтъ онъ въ сѣрую тужурку, разстегнутую на всѣ пуговицы, такъ что видна цвѣтная ситцевая рубаха. На головѣ у него потертая фуражка съ широкими полями, заломленная на затылокъ, въ правой рукѣ—книга, въ лѣвой—увѣсистая дубинка-тросточка. Въ его манерахъ, походкѣ и, вообще, во всей фигурѣ сказывается намѣренная непринужденность, или, попросту, разгильдяйство.

Студентъ не замѣчаетъ гулянія. Должно-быть, спѣшитъ куда-нибудь по важнымъ дѣламъ. Не даромъ на лицѣ его написана чрезвычайная серьезность, лобъ наморщенъ и взглядъ насупленъ... Однако, изъ сада онъ никуда не уходитъ, а все продолжаетъ дефилировать среди гуляющихъ...

Но вдругъ студентъ дѣлаетъ крутой поворотъ и присоединяется къ противоположному теченію толпы. Онъ подходитъ къ какой-то молоденькой барышнѣ и сурово, не глядя на нея, пожимаетъ руку, а затѣмъ идетъ рядомъ.

Минуты двѣ онъ молчитъ... Потомъ, какъ бы вскользь, не обращаясь къ ней, бросаетъ:

— Прочли, что я далъ?

— Всего еще не успѣла,—робко отвѣчаетъ барышня.

— Гдѣ остановились?

— Кажется, прочла до капитализма въ Россіи...

— А-а... Я вамъ кое-что продолжу сейчасъ. Вы ничего не имѣете?—спрашиваетъ онъ тономъ, не терпящимъ возраженій.

— Нѣ-ѣтъ.

— Капитализмъ на русской почвѣ,—начинаетъ громкимъ и увѣреннымъ голосомъ студентъ,—эволюціонируя изъ года въ годъ, достигъ кульминаціонной точки...

Какія-то двѣ горничныя, идущія впереди, съ удивленіемъ оглядываются и смотрятъ во всѣ глаза на студента, произносящаго странныя слова... Справа чиновникъ мѣстной казенной палаты съ почтеніемъ взглядываетъ на ученаго и серьезнаго человѣка, даже въ саду не говорящаго «пустяковъ»...

Студентъ между тѣмъ продолжаетъ «лекцію» о капитализмѣ, ни мало не смущаясь обычными садовыми разговорами, раздающимися вокругъ.

— А онъ и говоритъ мнѣ,—визжитъ небольшого роста брюнетка своей подругѣ,—вы милѣе Анны Гавриловны, а я ему — пожалуйста, прошу безъ комплиментовъ, вы знаете у меня мужъ, а онъ мнѣ...

Музыка играетъ вальсъ «Невозвратное время», потомъ «падиспань», по выраженію барышни Миловидовой. Студентъ все продолжаетъ говорить:

— Теорія Мальтуса представляетъ изъ себя дедукцію, въ которой двѣ посылки. Первая посылка—a—указываетъ на законъ, который эмпирически выводится изъ статистическихъ наблюденій; вторая посылка—b—опредѣляетъ законы эволюціи продуктовъ земли—отсюда выводъ—c...

Барышня, собесѣдница студента, молча идетъ рядомъ. По временамъ робко взглядываетъ на него. На лицѣ у нея отпечатлѣлась крайняя напряженность вниманія. Изрѣдка она броситъ взглядъ въ сторону, но сейчасъ же, словно спохватившись, продолжаетъ слушать...

— Душка, розáнчикъ,—говоритъ вдругъ бойкая черноглазая гимназистка, проходя мимо студента.

Но тотъ невозмутимо продолжаетъ:

— Изслѣдованія американскаго экономиста Кэри...

Проходитъ часъ, другой, третій — часть публики уже разошлась, садъ порѣдѣлъ, а студентъ съ барышней все еще гуляетъ по темнымъ и свѣтлымъ аллеямъ, почти не

присаживаясь. Студентъ все говоритъ, а барышня все слушаетъ...

— Противополагая съ одной стороны Маркса — Энгельсу, а Милюкова—Струве, — разносится по каштановой аллеѣ.

Часовъ въ одиннадцать вечера, когда садъ окончательно пустѣетъ, *они* выходятъ изъ сада и бредутъ на соборную гору—самое поэтическое мѣсто въ городѣ. Усѣвшись тамъ на лавочкѣ, извѣстной подъ названіемъ «скамейки влюбленныхъ», студентъ продолжаетъ «развивать умственные горизонты» барышни.

Кругомъ тишина. Внизу спитъ городъ, превращенный луннымъ свѣтомъ въ какой-то сказочный, древній... Высокая колокольня, какъ черное привидѣніе, возвышается надъ ними; деревья, какъ призраки... Вдали вьется серебряная полоса рѣки...

А изъ-подъ развѣсистой липы, гдѣ такъ душно и сладко, гдѣ разлитъ одуряющій ароматъ и особенно чувствуется эта нѣжная, тихая, лунная ночь, несутся странныя слова:

— Восьмидесятые годы не такъ интенсивны, но зато экстенсивнѣе...

На соборной колокольнѣ часы глухо пробили полночь... Студентъ и барышня спускаются по широкой, заросшей травой, лѣстницѣ. Онъ идетъ ее провожать и все говоритъ, говоритъ, говоритъ...

И, когда прощаются у калитки, обѣщаются встрѣтиться завтра на пикникѣ въ загородной рощѣ и тамъ окончить «интересный разговоръ»; кстати онъ передастъ ей новую брошюрку...

И они встрѣчаются такъ каждый день въ продолженіе цѣлаго лѣта... Каждый день онъ и она, по заведенному въ провинціи обычаю, гуляютъ въ городскомъ саду. Онъ всегда говоритъ, а она молча слушаетъ...

Если бы можно было воспроизвести посредствомъ фонографа «рѣчи» просвѣтителя, то каждый, послушавшій ихъ минутъ десять, невольно бы воскликнулъ:

— Боже мой, какая белиберда!

Но въ этой белибердѣ и заключается весь секретъ полишнеля. Просвѣтитель знаетъ очень немного, мало читаетъ, но одаренъ непреодолимымъ зудомъ афишировать свои крошечныя познанія. И вотъ онъ облекается въ мантію сугубой учености и начинаетъ излагать самыя популярныя брошюрки самымъ «научнымъ» языкомъ. Можно себѣ представить, что изъ этого выходитъ.

Для воспріятія «белиберды», конечно, необходимъ объектъ особаго рода, нуженъ низшій организмъ, всецѣло подчиненный авторитету высшаго.

На сцену является молоденькая барышня-провинціалка. Просвѣтитель пользуется *ея* преклоненіемъ передъ студентомъ, вообще,—какъ вѣстникомъ изъ иного міра, и гипнотизируетъ барышню своей серьезностью, «ученостью» и таинственной непонятностью проповѣди...

Въ результатѣ онъ достигаетъ того, къ чему стремится. У него есть робкій, безотвѣтный слушатель. Его проповѣдь, хотя не понимаютъ, но благоговѣйно воспринимаютъ сердцемъ...

Бываютъ, однако, случаи, что просвѣщаемая сбѣжитъ отъ своего учителя: начнетъ гулять съ какимъ-нибудь Алмазовымъ, который говоритъ о понятныхъ вещахъ—и о Горькомъ, и о театрѣ, и даже о прелести лунной ночи. Просвѣтитель клеймитъ такую барышню презрѣніемъ и считаетъ пропащей. Впрочемъ, не смущаясь, тотчасъ же подыскиваетъ себѣ новый объектъ. Вообще же онъ старается охранять «просвѣщаемыхъ» отъ господъ Алмазовыхъ, считая послѣднихъ, совершенно искренно, пошлецами и *не серьезными*.

Понятія о серьезности у просвѣтителя очень оригинальны. Напримѣръ, беллетристика (другими словами, художественная литература) это нѣчто легкомысленное, не серьезное. И самъ онъ «беллетристики» не читаетъ, а только критику на нее. О Тургеневѣ судитъ по Писареву, о Гончаровѣ по Скабичевскому, о Достоевскомъ по «Сборнику критическихъ статей, собранныхъ Зелинскимъ». Такъ онъ относится къ тѣмъ писателямъ, которые общепризнаны. Все же, что мало-мальски выходитъ изъ уровня его

міропониманія: чепуха, дребедень, ерунда... И ко всѣмъ товарищамъ, которые увлекаются этой «ерундой», онъ относится свысока и презрительно.

— Читать Мопассана—сплошную парнографію?!—Удивляюсь тебѣ, — говоритъ просвѣтитель товарищу и усмѣхается.

— Но почему же нѣтъ, я наслаждаюсь его художественностью?

— Художественностью? Знаемъ мы эту самую художественность! Говорили бы прямо парнографіей!—и просвѣтитель презрительно кривитъ ротъ и перестаетъ разговаривать съ товарищемъ или цѣдитъ сквозь зубы—въ особенности, если при этомъ разговорѣ присутствуютъ низшіе организмы.

Впрочемъ, просвѣтитель никогда не высказываетъ своихъ взглядовъ предъ людьми высшаго круга, т. е. предъ такими, которые могутъ осадить его самого. Онъ даже не говоритъ въ студенческихъ кружкахъ. Только тамъ, гдѣ можно остаться сильнымъ, просвѣтитель выступаетъ на сцену. Имъ всегда руководитъ мелочное честолюбіе.

Просвѣтитель играетъ роль и въ студенчествѣ. Здѣсь онъ беретъ своей «убѣжденностью», выражающейся въ пустякахъ, но очень назойливо и нетерпимо. Онъ всюду, гдѣ только можно придраться къ мелочамъ, ограничиться двумя-тремя фразами либеральнаго оттѣнка. Съ «твердостью», достойной лучшей участи, просвѣтитель защищаетъ свое *особое* мнѣніе. Его никогда ни въ чемъ нельзя убѣдить. Если онъ за что-нибудь схватится, то докажи ему, какъ дважды два четыре, абсурдность его положенія, онъ все равно останется при своемъ.

— Мнѣ дорогъ принципъ,—заявляетъ этотъ убѣжденный студентъ.

А если кто-нибудь осмѣлится спросить, что въ данномъ случаѣ нужно понимать подъ принципомъ, просвѣтитель, криво усмѣхаясь, замѣтитъ:

— Вы бы лучше помолчали, если ничего не смыслите!

Нужно сознаться, что подобная рѣзкость сужденій импонирующе дѣйствуетъ на безличныхъ и посредственныхъ

людей. И вотъ почему съ такимъ господиномъ приходится считаться людямъ, гораздо выше его стоящимъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. У просвѣтителя всегда найдутся сторонники. Къ сожалѣнію, въ широкихъ кругахъ студенчества много спутаннаго, нерѣшеннаго, непродуманнаго. И авторитетный тонъ просвѣтителя, а главное его «принципіальность», на которой онъ выѣзжаетъ рѣшительно во всѣхъ нужныхъ и ненужныхъ случаяхъ, дѣлаютъ его въ глазахъ нѣкоторыхъ *передовымъ* студентомъ.

Просвѣтитель всегда одинаковъ — и при устройствѣ землячествомъ обыкновеннаго концерта въ губернскомъ городѣ и во время студенческихъ безпорядковъ ..

Вотъ, напримѣръ, гдѣ-то въ провинціи мѣстные студенты устраиваютъ въ пользу недостаточныхъ товарищей спектакль. На общемъ собраніи избрана комиссія изъ пяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ и просвѣтитель. Въ то время, какъ болѣе дѣятельные члены комиссіи хлопочутъ и устраиваютъ, просвѣтитель занимается просвѣщеніемъ барышень, принимая участіе, однако, въ «совѣщаніяхъ» комиссіи. Тутъ онъ критикуетъ, не соглашается и т. п. Но отвергая одно и не утверждая другого, онъ ничего не предлагаетъ взамѣнъ... Устроители спектакля за неимѣніемъ другого помѣщенія снимаютъ залъ офицерскаго клуба. Узнавъ объ этомъ на совѣщаніи, просвѣтитель вдругъ становится на дыбы:

— Какъ офицерскій клубъ?! Мы — студенты—рядомъ съ военными. Студентъ принципіально не долженъ имѣть ничего общаго съ военными.

Тщетно просвѣтителю доказываютъ, что терять времени нельзя, что другого зала нѣтъ—придется вовсе отказаться отъ спектакля

— Лучше вовсе отказаться отъ спектакля, чѣмъ итти на компромиссы!—восклицаетъ онъ съ паѳосомъ.

И когда какой-нибудь молодой студентъ вздумаетъ доказывать, что здѣсь нѣтъ компромиссовъ, просвѣтитель набрасывается на него, упрекая въ отсутствіи принципіальности, грозитъ студенческимъ судомъ.

Послѣ долгихъ споровъ и крика дѣло переносится на общее собраніе. Спектакль откладывается на неопредѣленное время. И не бѣда, что «общее собраніе» большинствомъ голосовъ разрѣшаетъ воспользоваться офицерскимъ клубомъ, просвѣтитель все-таки торжествуетъ: нѣкоторые изъ студентовъ предложили высказать виновнику «собранія» благодарность за охраненіе *принципіальныхъ* интересовъ студенчества...

Когда въ Москвѣ наступаетъ періодъ, предшествующій безпорядкамъ, въ воздухѣ чувствуется электричество, просвѣтитель бѣгаетъ, кричитъ, протестуетъ. Вотъ прибѣжалъ онъ, взволнованный, къ товарищамъ.

— Мочи нѣтъ,—говоритъ онъ тономъ человѣка, оскорбленнаго въ лучшихъ чувствахъ,—такъ жить нельзя. Чаша терпѣнія переполнена!

— Въ чемъ дѣло?

— Какъ въ чемъ дѣло? Сейчасъ прохожу по университетскому коридору съ папироской въ зубахъ. Субъ ко мнѣ подлетаетъ. — Тутъ нельзя курить! — Я и не курю, видите, папироска потухла.—Прошу васъ бросить ее.—Я, конечно, не обращаю вниманія и продолжаю итти. Нѣтъ-таки приставалъ до тѣхъ поръ, пока я не швырнулъ папироску... Это, наконецъ, невыносимо. Пора, господа, начинать...

И просвѣтитель срывается съ мѣста и бѣжитъ къ другому товарищу повѣдать инцидентъ съ папироской.

Бѣда, если кто-нибудь скажетъ, что папироска слишкомъ еще незначительный поводъ къ движенію. Просвѣтитель приметъ это за личное оскорбленіе себѣ. Обругаетъ товарища ретроградомъ и пригрозитъ, что привлечетъ его къ суду чести...

Нужно все-таки отдать справедливость просвѣтителю, онъ всегда сумѣетъ выйти сухимъ изъ воды, несмотря ни на какія пертурбаціи университета.

Но зато онъ чрезвычайно строгъ къ другимъ. И не такъ строгъ, какъ нетерпимъ. Онъ склоненъ видѣть шпіоновъ во всѣхъ студентахъ, не согласныхъ съ нимъ во

взглядахъ. И многіе изъ товарищей обязаны ему клеймомъ позорящаго обвиненія, съ его легкой руки пущеннаго въ ходъ. Студенты, вообще, очень подозрительны и воспріимчивы къ такимъ слухамъ.

Или, напримѣръ, такой характерный для просвѣтителя примѣръ мелочной придирчивости и беззастѣнчиваго залѣзанія въ чужую совѣсть. Послѣ студенческихъ безпорядковъ, выразившихся въ забастовкѣ, во многихъ провинціальныхъ городахъ студенты, не державшіе экзамена, судятъ товарищей, не исполнившихъ слова; постановляютъ не подавать имъ руки. Просвѣтитель поднимаетъ вопросъ и настаиваетъ, чтобы не подавали руку также студентамъ, не желающимъ подчиняться этому рѣшенію; идетъ дальше— не нужно подавать руки студенту Y, *братъ котораго держалъ экзаменъ*...

И всегда мелочность, узкая нетерпимость, внѣшность во всемъ...

Входитъ къ товарищу въ номеръ, видитъ двѣ-три картины, развѣшанныя по стѣнамъ:

— Фи, буржуйство!

Книга въ хорошемъ переплетѣ—буржуазность.

— А-а, перчатки лайковыя—буржуй!..

Итакъ, вотъ эта карикатура на русское, вообще, и на московское студенчество въ частности.

Вмѣсто исканія истины—самоувѣренность верхогляда, вмѣсто идеализма—доктринерство самое пошлое, молодая пылкость и нетерпимость студентовъ къ реакціонному лагерю замѣнена мелкой придирчивостью ко всему, что выходитъ изъ узкихъ рамокъ его «міропониманія», желаніе подѣлиться знаніями съ меньшимъ братомъ приводитъ къ смѣшному просвѣщенію провинціальной барышни.

Юристъ 4-го курса.

Всѣ его помыслы, всѣ силы души, всѣ желанія сконцентрированы въ одной магической точкѣ—Государственномъ экзаменѣ или, вѣрнѣе, полученіи диплома. Все, что ни есть на свѣтѣ вѣликаго и мелкаго, злого и добраго—забывается ради чудесной бумажки. Человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ въ сколько-нибудь приличномъ смыслѣ этого слова, онъ превращается въ машину, перемалывающую извѣстное количество литографированныхъ или печатныхъ листовъ...

Не благородное исканіе истины воодушевляетъ юриста 4-го курса въ его работѣ, а маленькое стремленьице получить билетъ на пиръ привилегированныхъ. Съ ненавистью и отвращеніемъ преодолѣваетъ юристъ мельчайшій песокъ, на который раздроблено величайшее, чѣмъ обладаетъ человѣчество. *Свободная* наука—это отвлеченіе отъ жизни, отъ земной суеты и мелочей, эта холодная, ясная высь, куда только можетъ подняться человѣкъ, осквернена пошлостью людской выгоды. Вмѣсто людей, облагороженныхъ жаждой истины,—маленькіе ничтожные торгаши, которые потѣютъ, торгуются, думаютъ только о выручкѣ.

Вотъ онъ бѣжитъ, поблѣднѣвшій и осунувшійся, забывъ противъ обыкновенія выбриться и почистить платье. Забота ясно отпечаталась на его лицѣ... Встрѣчаетъ товарища и сейчасъ же, словно по шаблону, слѣдуетъ вопросъ.

— Ты теперь что читаешь?

— Общую часть уголовнаго права.

— Сколько прошелъ?

— 233 страницы. А ты?

— Дочитываю Дернбурга. Вотъ пакость, скажу тебѣ. Просто чортъ знаетъ, что такое. Петровъ уже наслѣдственное изучаетъ, а я все еще съ этимъ Дернбургомъ вожусь. А Синицкій-то гражданское и римское успѣлъ отхватать.

— Да ну?—съ ужасомъ и съ завистью говоритъ товарищъ.—Ну, прощай, нужно бѣжать. Чортъ бы побралъ всѣ эти юридическія науки.

— Слушай, одну секунду... Ты помнишь, что такое interdictum unde vi? Сегодня цѣлый обѣдъ думалъ—никакъ не могу вспомнить.

— Это деликтный искъ... Онъ дается...

— А-а вспомнилъ, вспомнилъ. На лѣвой сторонѣ, кажется, внизу...

— Да, да, прощай!

И товарищи бѣгутъ домой и лихорадочно хватаются за книги.

Еще въ началѣ года юристъ доскопально изучилъ число страницъ въ каждомъ правѣ. Тщательно пересмотрѣлъ всѣ учебники лекцій и съ ожесточеніемъ вычеркнулъ все, что позволилъ профессоръ. Вообще, большую радость испытываетъ четверокурсникъ, если профессоръ позволяетъ «не учить» десятокъ или даже сотню страницъ изъ своего курса. Тутъ господа юристы начинаютъ бѣгать другъ къ другу и съ наслажденіемъ отмѣчаютъ, что «не нужно».

— О-го, и это!—искренно восхищается юристъ и замазываетъ ненужное красно-синимъ карандашомъ.

Иногда составляется депутація отъ курса, которая ходитъ по профессорамъ и клянчитъ о сокращеніи числа страницъ.

Самый жгучій вопросъ, самая животрепещущая новость, которая можетъ воскресить изнемогающій въ борьбѣ съ правомъ духъ юриста или, наоборотъ, убить его — это назначеніе того или иного предсѣдателя государственной комиссіи. Выше этого интереса нѣтъ—это самый высшій. Уже по преданію предшествующихъ комиссій извѣстно, кто изъ назначаемыхъ предсѣдателей строгъ и кто снисходителенъ... Случается иногда, что «доброму» предсѣдателю

благодарные юристы подносили трогательный адресъ и снимались группой, въ центрѣ которой возсѣдалъ виновникъ событія. Зато нѣтъ такихъ ругательныхъ эпитетовъ, которые не обрушивались бы на голову предсѣдателя, извѣстнаго своей свирѣпостью.

У юриста четвертаго курса уже нѣтъ того *пылкаго идеализма*, который онъ проявлялъ на младшихъ курсахъ, и въ особенности на первомъ. Въ таблицахъ, вывѣшиваемыхъ послѣ безпорядковъ въ университетскихъ витринахъ, констатируется, что юристовъ 1-го курса на сходкѣ было замѣчено 90%, а 4-го курса 1%, рѣдко 2%. Зато у четверокурсниковъ много соображеній о будущемъ. И хотя это будущее рисуется сквозь жестокую призму зеленаго стола, предсѣдателя, римскаго права и проч., но иногда среди самаго разгара уголовныхъ теорій разыграется воображеніе и развернется богатая перспектива. Адвокатъ во фракѣ съ ослѣпительно бѣлой грудью (въ родѣ какъ бы эмблематическаго доказательства отъ противнаго) и со значкомъ, хапающій за одинъ процессъ десятокъ другой тысячъ... Или работа на родной нивѣ на пользу меньшого брата въ качествѣ земскаго начальника... Или богатая (нѣкоторые *даже* довольствуются состоятельной) невѣста, недурная собой...

— Э-э-хъ, только бы экзаменъ съ плечъ долой!!

Въ жизни юриста 4-го курса приблизительно три періода.

Первый — осенній — характеризуется оживленнымъ говореніемъ на тему о будущихъ экзаменахъ. Юристы еще не засѣли окончательно за книги и бываютъ вездѣ, но вездѣ,— на балахъ, на журфиксахъ, на скачкахъ, въ аудиторіи, въ курительной комнатѣ возлѣ клозета,—говорятъ только объ экзаменахъ. Тамъ, гдѣ говорить объ этомъ нельзя, юристъ тускнѣетъ и становится неинтереснымъ— точь-въ-точь, какъ актеръ, когда перестанутъ говорить объ его талантѣ или роляхъ, въ которыхъ онъ выступаетъ... Въ первый же періодъ раздается наиболѣе жестокая ругань по адресу профессоровъ съ большимъ курсомъ лекцій. Рѣшаются математическія задачи, въ родѣ слѣдующей: сколько нужно проходить ежедневно страницъ, чтобы успѣть прочитать всѣ курсы по два раза? Или, какія права труднѣе и что нужно читать прежде? Что можно оставить на промежутокъ между экзаменами?

Вообще, въ этотъ періодъ юристъ начинаетъ разогрѣвать умственную печку, которой предстоитъ «сжечь» 5000 страницъ довольно-таки сырого матеріала.

Приблизительно за мѣсяцъ до Рождества начинается второй періодъ. Юристъ почти нигдѣ не бываетъ, ходитъ только на обѣдъ или къ товарищамъ и исключительно по дѣлу. Туалетъ игнорируется. Сну удѣляется не болѣе 7 часовъ въ сутки. Выкуривается двойное или тройное количество папиросъ. Часто для освѣженія головы обливаютъ ее холодной водой. Въ комнатѣ атмосфера ужасная, такъ какъ форточку всегда забываютъ отворить. Всюду соръ, пыль. Горничная допускается для уборки чрезвычайно рѣдко.

Человѣкъ окончательно отрѣшился отъ *мелочныхъ* заботъ и всецѣло отдался наукѣ...

Ужасъ охватываетъ тѣхъ, которые еще не брались за книгу. Въ страхѣ они мечутся отъ одного товарища къ другому, умоляя отвѣтить, успѣютъ ли они подготовиться къ экзамену? И вездѣ слышатъ разсказы о непроходимыхъ дебряхъ залогового права, или ехидные вопросы:

— А скажи, братецъ, что такое interdictum utrubi? А не знаешь ли ты деривативныхъ способовъ пріобрѣтенія? А чѣмъ отличается разбой отъ грабежа?

Отъ этого каскада неизвѣстностей бѣдняга обливается холоднымъ потомъ и бѣжитъ къ слѣдующему товарищу.

— Ради Бога, скажи, успѣю ли я подготовиться?

И вдругъ раздается авторитетный голосъ:

— Пустяки! Успѣешь тысячу разъ. Вонъ Павловъ въ прошломъ году за три мѣсяца успѣлъ все отхватать. А у тебя въ распоряженіи четыре съ половиной. Пустяки!..

И «маловѣрующій» съ облегченнымъ сердцемъ садится зудить римско-уголовно-гражданскую канитель...

Впрочемъ, нѣкоторые не выдерживаютъ всей тяжести

предстоящихъ испытаній и рѣшаются отложить экзаменъ до слѣдующаго года. Немного совѣстясь и краснѣя при вопросахъ - сколько вы прошли?—они даютъ сбивчивые отвѣты.

— Какъ сказать! Не особенно, пожалуй...

Но всѣ словно сговорились донять злосчастныхъ людей непріятными вопросами. У знакомыхъ и въ особенности у студентовъ есть манера при встрѣчѣ съ четверокурсникомъ задавать вопросъ:—Должно быть много занимаетесь? Много прошли? Сколько прошли?...

А занимающіеся зубрятъ и бѣгаютъ другъ къ другу отмѣчать и экзаменоваться.

Послѣдній періодъ начинается за двѣ недѣли до экзамена и тянется вплоть до конца «трудныхъ».

Характеризуется этотъ періодъ трагическимъ выраженіемъ зеленовато-блѣднаго лица, блуждающимъ взоромъ воспаленныхъ глазъ, пересохшими губами и дурнымъ запахомъ изо рта. Юристъ похожъ на сумасшедшаго. По ночамъ бредитъ, днемъ на всѣ вопросы склоненъ отвѣчать цитатами изъ Дернбурга... Иногда заговаривается. И почти ежеминутно обливаетъ голову холодной водой, дабы легче было втиснуть узаконенное число страницъ...

Масса накопленныхъ «знаній» разражается блестящимъ фейерверкомъ на экзаменѣ, оставляя послѣ себя чадъ въ головѣ и таинственные гіероглифы въ табели: уд., неуд., весьма*)...

А черезъ три мѣсяца бывшій юристъ 4-го курса съ легкимъ сердцемъ можетъ отвѣтить на вопросъ, что такое грабежъ.

— Грабежъ... э-э-э это, знаете, когда грабятъ!..

---

*) Отмѣтки: удовлетворительно, неудовлетворительно, весьма удовлетворительно.

Голубая подкладка.

Первымъ желаніемъ Громова, какъ только онъ узналъ о зачисленіи въ студенты, было нарядиться въ присвоенный студентамъ мундиръ. Но, увы, денегъ, данныхъ родителями, хватило лишь на приличную тужурку... Развѣ могъ Громовъ удовлетвориться тужуркой? Онъ страстно жаждалъ имѣть полную блестящую обмундировку.

Будучи большимъ практикомъ, Громовъ скоро нашелъ себѣ мѣсто въ какой-то конторѣ, гдѣ, занимаясь отъ 10 часовъ утра до 8 вечера, получалъ 60рублей въ мѣсяцъ, обѣдъ и завтракъ. Черезъ три мѣсяца онъ скопилъ столько денегъ, что могъ заказать у лучшаго портного прекрасную экипировку.

Время шитья мундира было для Громова переживаніемъ самыхъ сильныхъ моментовъ студенческой жизни. По нѣскольку разъ Громовъ бѣгалъ къ портному справляться, успѣшно ли подвигается работа. А всѣмъ товарищамъ и знакомымъ надоѣлъ разсказами о своемъ будущемъ мундирѣ и сюртукѣ. Много мечталъ...

При шитьѣ сюртука вышелъ инцидентъ, благодаря которому Громовъ невольно сдѣлался «индивидуалистомъ», человѣкомъ, «отличнымъ отъ массы», съ «новымъ» направленіемъ...

Дѣло въ томъ, что, когда портной прислалъ узнать, какого цвѣта сдѣлать подкладку на сюртукѣ, Громовъ сначала сказалъ, «бѣлую», но потомъ что-то сообразилъ и, встревоженный, побѣжалъ совѣтоваться съ портнымъ... Не довольствуясь мнѣніемъ портного, онъ отправился совѣтоваться еще съ товарищами. Нѣкоторые совѣтовали сдѣ-

лать черную—корректную, другіе—бѣлую, шелковую, но одинъ сразу порѣшилъ все дѣло, воскликнувъ:

— Послѣдній крикъ моды—голубая подкладка!..

Вскорѣ всѣ приходящіе къ Громову могли видѣть высокія англійскія подставки, закутанныя бѣлоснѣжнымъ покрываломъ. Громовъ съ торжествомъ приподнималъ покрывало и позволялъ любоваться ослѣпительнымъ мундиромъ, и блестящимъ сюртукомъ на голубой подкладкѣ...

Затѣмъ наступила пора университетской жизни Громова... Эта жизнь ровно и гладко катилась четыре года и не оставила въ Громовѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, не затронула никакихъ сокровенныхъ струнъ. И единственнымъ различіемъ между Громовымъ до университета и Громовымъ послѣ университета является университетскій значекъ, прицѣпленный на груди. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ посѣтилъ столько разъ обязательныя лекціи своего факультета, сколько требовалось отмѣтокъ въ субъинспекторскомъ журналѣ, и «изучалъ» науки столь прилежно, чтобы прилично переходить съ курса на курсъ. Остальное время онъ дѣлилъ между свѣтской жизнью и практической дѣятельностью. На этихъ двухъ сторонахъ университетской жизни Громова намъ придется остановиться подробнѣе, потому что онѣ исчерпываютъ ее всю безъ остатка и опредѣляютъ кругъ громовскихъ интересовъ и идеаловъ.

Въ «свѣтскомъ» обществѣ онъ имѣлъ успѣхъ, благодаря мундиру и сюртуку на голубой подкладкѣ, поражающихъ изяществомъ покроя и великолѣпіемъ матеріала и ярко выдѣляющимся на сѣромъ фонѣ заурядныхъ сюртуковъ студенческой «массы». Эти признаки хорошаго тона невольно сопричисляли обладателя ихъ къ лику купеческихъ сынковъ первой гильдіи.

Громовъ сумѣлъ удержаться на высотѣ положенія въ теченіе четырехъ лѣтъ, благодаря таланту сохранить обмундировку почти новой до окончанія курса и манерамъ, не противорѣчащимъ блестящей внѣшности...

Дома Громовъ священнодѣйствовалъ съ платьемъ, тщательно закутывалъ его въ бѣлоснѣжное покрывало. И очень нервничалъ, если кто-нибудь изъ гостей начиналъ пальцами ощупывать добротность матеріала. Громовъ не ходилъ въ сюртукѣ туда, гдѣ можно было какъ-нибудь запачкаться, избѣгалъ товарищескихъ попоекъ, терпѣть не могъ, если кто-нибудь бралъ его подъ руку и прикасался къ сюртуку. Въ такихъ случаяхъ онъ не выдерживалъ и сердито предостерегалъ:

— Пожалуйста, не запачкайте сюртукъ...

Убранство его комнаты тоже носило на себѣ отпечатокъ крайней аккуратности хозяина. Письменный столъ украшали портреты двухъ дамъ и трехъ голыхъ дѣвицъ на «художественныхъ» открыткахъ въ рамкахъ «moderne». Между дѣвицами лежали, симметрично перевязанныя цвѣтными ленточками, двѣ пачки писемъ отъ женщинъ. Письма были самаго невиннаго содержанія: съ приглашеніемъ на танцовальный вечеръ или пикникъ и т. п. Посрединѣ стола возвышалась посеребряная чернильница, на ней только-что очиненный карандашъ и ручка съ золотымъ перомъ (чистымъ). Ручка, которой онъ писалъ, вмѣстѣ съ нужными лекціями была запрятана въ комодъ. На столѣ еще лежалъ большой листъ промокательной бумаги безъ всякихъ слѣдовъ его употребленія... Все остальное въ комнатѣ гармонировало съ письменнымъ столомъ. Чистота и *выметенность* царствовали... Громовъ такъ боялся безпорядка, что гостей, приходящихъ къ нему, старался «спровадить» къ пріятелю въ сосѣдній номеръ, гдѣ и самъ предпочиталъ заниматься или пить чай.

Эта чисто мѣщанская внѣшность соединялась въ немъ съ удивительной бѣдностью интеллекта, со странной для студента неразвитостью ума. У Громова положительно не было никакихъ умственныхъ интересовъ. Онъ ничего не читалъ, кромѣ гимназическихъ учебниковъ въ гимназіи и обязательныхъ курсовъ лекцій въ университетѣ, даже изъ нашихъ классиковъ наврядъ ли осилилъ хотя по одному произведенію. Зато каждое утро прочитывалъ бульварную газету, гдѣ ведется легкое козри на злобу дня.

Такимъ же профаномъ Громовъ оказывался и въ явленіяхъ общественной жизни. У него не было своихъ мнѣній. Судъ присяжныхъ, можетъ-быть, и хорошая вещь, но, если Громовъ случайно прочтетъ статью въ реакціонной газетѣ, гдѣ собраны отрицательные факты изъ практики этого суда, онъ, не колеблясь, согласится со статьей о вредѣ суда присяжныхъ. То же самое и по отношенію къ студенческимъ интересамъ и университетскому вопросу. До всего этого Громову было столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Впрочемъ, если какой-нибудь солидный господинъ возмущался въ его присутствіи и негодующе спрашивалъ:

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, чего они хотятъ? Че-его имъ нужно?

Громовъ пожималъ плечами и улыбался:

«Я, дескать, тутъ совершенно не при чемъ и раздѣляю ваше негодованіе». А иногда даже и самъ пускался въ разсужденіе о безсмыслiи студенческой толпы, но ужъ это исключительно ради того, чтобы не остаться безъ *своего* мнѣнія.

Громовъ бывалъ не безразличенъ только тамъ, гдѣ дѣло касалось его личной выгоды. Здѣсь онъ проявлялъ даже большую практическую смѣтку и своеобразный умъ. Выгода для Громова выше всего и это проскальзывало у него помимо воли. Онъ никогда не поступился маленькой частицей для сокровеннаго друга...

Вся громовская университетская жизнь — это рядъ умѣлыхъ пристраиваній туда и сюда, начиная съ хорошаго урока и кончая комиссіонной продажей бумаги. Къ послѣднему дѣлу онъ чувствовалъ большую склонность. И его мечтой было по окончаніи курса завести собственную комиссіонную контору *).

— Выгодное дѣло, современное—говаривалъ Громовъ— деньги какія можно нажить, ой-ой!..

*) Этой мечтѣ не суждено было сбыться: онъ записался въ помощники присяжн. пов.

И со своей братіи-студентовъ Громовъ взялъ, что можно. Онъ предпринялъ изданіе лекцій. И далеко оставилъ за собой всѣхъ занимавшихся когда-нибудь подобнымъ издательствомъ. Онъ литографировалъ лекціи на особо глянцевитой бумагѣ въ обложкѣ, заказанной у лучшаго типографа по особенному рисунку. Что же касается текста, то Громовъ очень радовался, что лекціи можно было просто переписывать со старыхъ изданій.

— Слава Богу, у насъ на факультетѣ—говорилъ онъ— 20 лѣтъ все одно и то же читаютъ. Работать вовсе не нужно. Вонъ на естественномъ приходится издателямъ по 5 часовъ работать,—записывать за профессоромъ. А тутъ просто взялъ прошлогоднее изданіе или 10-лѣтней давности и валяй слово въ слово—никакихъ измѣненій не произошло...

Для продажи листовъ лекцій онъ открылъ въ университетѣ «лавочку» за особымъ столомъ и каждый день аккуратно являлся продавать На этомъ дѣлѣ онъ нажилъ что-то около тысячи рублей (нѣкоторые злые языки утверждаютъ, что и всю тысячу). Бралъ за листъ дорого, поля оставлялъ большія, старался почаще начинать съ новой страницы. Вообще, такой проявилъ коммерческій талантъ, что студенты, принужденные покупать громовское изданіе, долго ругали издателя на всѣхъ перекресткахъ.

Благодаря умѣнію устраиваться, Громовъ прожилъ четыре года университетской жизни очень безбѣдно и даже весело.

Онъ прекрасно танцовалъ и завелъ массу бальныхъ знакомствъ. Ни одинъ московскій балъ не обходился безъ его присутствія. Громовъ былъ большой мастеръ доставать контрамарки: въ каждомъ клубѣ имѣлъ одного или двухъ старшинъ знакомыхъ. Громовымъ дорожили, какъ изящнымъ во всѣхъ отношеніяхъ кавалеромъ. Приглашали его и на танцовальные вечера въ частные дома. Онъ умѣлъ дирижировать, очень искусно поддерживалъ бальный разговоръ, т. е. такой, который позволяетъ дамѣ мило улыбаться между двумя рискованными па миньона,—острилъ...

Но никогда не переходилъ границъ дозволеннаго «салономъ». За это его очень хвалили, такъ называемыя, маменьки, — почтенныя дамы, вывозящія дочерей на балы и устраивающія на дому танцовальные журфиксы.

— Вотъ это примѣрный молодой человѣкъ,—говорили онѣ.—Никогда отъ него не услышишь *вздору*, не въ примѣръ современной молодежи... А то какъ пойдутъ городить — прямо ни съ чѣмъ несообразно. Ужъ и не знаешь, поддерживать разговоръ или вознегодовать, принято это или не принято... Громовъ, вотъ положительный человѣкъ!

Однако, за кулисами танцовальныхъ залъ Громовъ обдѣлывалъ недурныя, по его выраженію, дѣлишки. Не разъ случалось ему увозить съ бала какую-нибудь легкомысленнѣйшую дамочку подъ гостепріимную кровлю «Эрмитажъ Оливье» съ задняго подъѣзда.

А на другой день герой «романа» тщательно высчитывалъ расходы.—Извозчикъ-лихачъ—2 рубля, номеръ – 3 руб., лакею на чай—1 р., закуска – 3 р., фрукты—2 р. (чортъ возьми, думалъ онъ, не буду въ слѣдующій разъ фрукты спрашивать), вино—3 р. (Громовъ хвастался, что знаетъ отличное вино не хуже шампанскаго за 3 р. бутылка). Итого 14 рублей... Можно было бы, пожалуй, дешевле. Ну, ничего, въ слѣдующій разъ ассигную не больше 12 руб., – утѣшалъ себя Громовъ..

Танцовальными залами, да легкомысленными дамочками ограничивались свѣтскіе успѣхи Громова. Въ гостиныхъ онъ не пользовался успѣхомъ. Съ одной стороны, хотя и въ прекрасномъ студенческомъ сюртукѣ на голубой подкладкѣ, онъ все-таки былъ человѣкомъ безъ положенія и личныхъ заслугъ. Съ другой, — потому что современныя свѣтскія дамы и дѣвицы, если онѣ не исключительно танцуютъ или играютъ на сценѣ въ качествѣ любительницъ, непремѣнно требуютъ отъ кавалера разныхъ тонкихъ ощущеній и знаній по новому искусству. А Громовъ изъ новѣйшаго лексикона словъ усвоилъ себѣ только одно: декадансъ, и то, впрочемъ, относилъ его исключительно къ дамскимъ прическамъ и безвкуснымъ туалетамъ московскихъ купчихъ.

Поэтому современныя дамы и барышни говорятъ о Громовѣ съ презрительной усмѣшкой:

— Онъ не уменъ...

Отношеніе же къ Громову студенчества еще болѣе рѣзкое:

— Кто? Громовъ?.. Прохвостъ извѣстный.

Какъ онъ былъ оставленъ при Университетѣ.

(Современная повѣсть).

Студентъ четвертаго курса Богомазовъ все чаще и чаще предавался міровой скорби, какъ онъ называлъ скверное настроеніе духа.

За послѣднее время эта «скорбь» приняла очень субъективную окраску. Предстоялъ Государственный экзаменъ со всѣми послѣдствіями этого рокового событія...

Богомазовъ съ грустью прощался съ университетской жизнью и мучительно задумывался надъ будущимъ.

Четыре университетскіе года пролетѣли, какъ веселый сонъ. Первые два года Богомазовъ посвятилъ изслѣдованіямъ столичной жизни (конечно, мы говоримъ о главномъ въ его жизни и не касаемся второстепенныхъ подробностей, напримѣръ, лекцій въ университетѣ, которыми Богомазовъ очень мало интересовался). Ничто не могло ускользнуть отъ пытливаго ума наблюдателя. А то, что было недоступно уму, Богомазовъ воспринималъ чувствомъ. Пивныя, театры, такія и этакія дома—въ существованіи и эволюціи всего этого Богомазовъ былъ очень освѣдомленъ къ концу 2-го года, и потому третій годъ онъ уже безпрепятственно могъ посвятить заведенію приличныхъ знакомствъ, посѣщенію кой-какихъ засѣданій ученыхъ обществъ, публичныхъ лекцій, библіотекъ—такъ сказать, пріобщенію къ культурной жизни. Четвертый годъ знакомства расширились, развился интересъ къ литературнымъ и общимъ вопросамъ, очень заинтересовало новое искусство. И Богомазовъ почувствовалъ себя «культурнымъ» человѣкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ понадобились деньги, потому что всегда рука объ руку

съ возрастаніемъ культурности возрастаютъ расходы. Богомазовъ испросилъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ профессоровъ издать въ университетѣ «новый» курсъ ихъ лекцій. Хотя новый курсъ, по обыкновенію, оказался старымъ, но Богомазовъ, какъ всякій порядочный издатель лекцій, сумѣлъ извлечь изъ изданія «малую толику» прибыли...

Впрочемъ, многоразличныя занятія не помѣшали Богомазову благополучно перескакивать съ курса на курсъ. Правда, на первомъ вышла маленькая задержка, но по совершенно уважительной причинѣ: нашъ герой не успѣлъ въ одинъ годъ познакомиться съ московской жизнью...

Наступилъ послѣдній годъ пребыванія въ университетѣ. Вмѣстѣ съ нимъ проснулась мучительная забота о будущемъ. Какъ практическій человѣкъ, Богомазовъ понялъ въ глубинѣ души, что приближается въ его жизни новая эра. Студенческій мундиръ и принадлежность къ молодому обѣщающему поколѣнію давали ему до сихъ поръ престижъ и открывали многія двери, а теперь при вступленіи въ дѣйствительную жизнь необходимо было заранѣе подумать о замѣнѣ этого мундира чѣмъ-либо равноцѣннымъ... Кромѣ того, Государственный экзаменъ камнемъ висѣлъ на шеѣ. Хотя Богомазовъ велъ еще прежній образъ жизни, но уже ночью непремѣнно снился кошмаръ: Государственный экзаменъ, обнявшись съ ехидной заботой о будущемъ, плясали головокружительную пляску, отъ которой томилось сердце, а въ мозгу долбила мысль:

— Пора, пора, пора!..

Утромъ Богомазовъ просыпался разбитый и обезсиленный и предавался міровой скорби... Стояла уже половина сентября... Готовиться къ экзамену Богомазовъ не могъ, пока зіяла пустота, открывавшаяся послѣ окончанія курса. Таковъ ужъ былъ человѣкъ: прежде чѣмъ дѣлать дѣло, необходимо сознаніе цѣли этого дѣла — не смутной цѣли въ родѣ неопредѣленнаго кандидата на судебныя должности или голоднаго помощника присяжнаго повѣреннаго, — а такой, гдѣ нашли бы себѣ выраженіе всѣ яркія черты богомазовской натуры.—Тысячи идей и плановъ вертѣлись въ головѣ студента четвертаго курса...

Съ нѣкотораго времени, однако, мысли его стали концентрироваться и приходить къ общему знаменателю. И вотъ, однажды утромъ, когда Богомазовъ лежалъ еще въ постели, смутное и неясное вдругъ освѣтилось яркой и блестящей идеей и эта идея формулировалась въ двухъ словахъ: «остаться при университетѣ».

Уже давно Богомазовъ рисовалъ себѣ ширь горизонтовъ, открывавшихся передъ оставленными при университетѣ. Во-первыхъ, аппетитъ культурности удовлетворялся въ полной мѣрѣ: почетъ, положеніе, насыщенное самолюбіе, отчасти матеріальная обезпеченность. Послѣднее, впрочемъ, не такъ важно — извѣстно, что профессоръ или кандидатъ въ профессоры пользуется огромнымъ престижемъ и каждая богатая невѣста съ удовольствіемъ отдаетъ руку и сердце такому человѣку. Если же надоѣстъ быть ученымъ, то всегда при данныхъ условіяхъ можно отыскать очень хорошее мѣстечко...

Вотъ какія мечты бродили въ головѣ Богомазова уже не первый мѣсяцъ. Но все было разрознено и не имѣло реальной подпочвы.

И въ это утро въ Богомазовѣ внезапно созрѣло рѣшеніе... Какъ голодный, который давно уже чувствуетъ вблизи опьяняющій запахъ бифштекса, вдругъ понимаетъ, что этотъ бифштексъ можно съѣсть, хотя онъ и чужой...

Богомазовъ рѣшилъ безотлагательно остаться при университетѣ, т. е. сдѣлаться ученымъ...

Какія же данныя были у него, чтобы рѣшиться на такой шагъ, если ничего общаго ни съ одной наукой онъ не имѣлъ? Еще въ прошломъ году, когда Богомазовъ издавалъ лекціи и познакомился съ тайными пружинами университетскаго хода дѣлъ, онъ понялъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, есть мутная вода, въ которой водится недурная рыбка. Достигнуть профессорской каѳедры можно не прямымъ, а окольнымъ путемъ. Нужно *сумѣть* понравиться тому или иному профессору, и дѣло въ шляпѣ. Понятно, все зависитъ отъ того, что за человѣкъ данный профессоръ, со многими изъ нихъ никакая тактика не имѣетъ

смысла, потому что они требуютъ дѣла, способностей, знаній. Но есть и такіе, которые сами пролѣзли съ кондачка и не мѣшаютъ, даже по мѣрѣ силъ способствуютъ, людямъ своего пошиба.

Все это зналъ Богомазовъ, и потому первая мысль его, когда онъ сталъ размышлять объ осуществленіи своего намѣренья, была о необходимости правильной классификаціи профессоровъ...

Богомазовъ въ одномъ бѣльѣ вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ столу. На клочкѣ бумаги записалъ всѣхъ профессоровъ своего факультета. Потомъ зачеркнулъ дѣйствительно ученыхъ, требующихъ отъ своихъ учениковъ положительныхъ знаній и ничего больше.

— Эти не годятся, — сказалъ Богомазовъ, тщательно замазывая ихъ фамиліи.

Изъ оставшихся онъ отмѣтилъ крестиками тѣхъ, которые, по его мнѣнію, были сомнительны и списалъ на новый листокъ наиболѣе «вѣрныхъ»...

Одѣваясь, Богомазовъ ломалъ голову надъ тѣмъ, какая изъ наукъ интереснѣе — съ кого изъ профессоровъ начать дѣйствовать. Шансы добиться желаемаго одинаковы у списанныхъ на особую бумажку...

Какая же наука болѣе по душѣ?

Но это былъ положительно неразрѣшимый вопросъ и отвлекалъ отъ главнаго и, чтобы сразу покончить съ нимъ, Богомазовъ закрылъ глаза и ткнулъ пальцемъ въ бумажку съ профессорами — вышелъ Гниповъ...

Оставалось только обдумать тактику, сообразную съ личными качествами этого ученаго.

Гниповъ любитъ, чтобы ходили къ нему на лекціи и записывали всю ту ерунду, которую онъ несетъ въ продолженіе положенныхъ 40 минутъ. И Богомазовъ рѣшилъ, скрѣпя сердце, походить на лекціи, пока что... Кромѣ того, нужно завести съ Гниповымъ знакомство.

Проглотивъ наскоро стаканъ чая, нашъ герой, не теряя драгоцѣннаго времени, отправился въ университетъ. По дорогѣ пріобрѣлъ карандашъ и тетрадь въ черной обложкѣ.

Въ этотъ день Гниповъ читалъ лекцію. И Богомазовъ, помѣстившись на первой скамейкѣ, какъ разъ противъ профессора, сталъ усердно записывать въ тетрадь содержаніе лекціи. Такъ какъ Гниповъ очень иллюстрировалъ свою лекцію анекдотами, то писать много не приходилось. Зато Богомазовъ громко хохоталъ послѣ каждаго анекдота почтеннаго лектора. Большинство изъ анекдотовъ, дѣйствительно, были смѣшны своей явной безсмысленностью. Профессоръ нѣсколько разъ благосклонно взглянулъ на Богомазова и даже разъ улыбнулся, чѣмъ привелъ нашего героя въ невѣроятный восторгъ.

— Дѣло идетъ на ладъ, начинаетъ замѣчать, —радостно бормоталъ Богомазовъ, потирая руки подъ скамейкой.

И когда профессоръ закончилъ свою лекцію такой остротой: «въ слѣдующій разъ мы будемъ говорить о генеральномъ межеваніи, но, милостивые государи, это межеваніе ничего общаго съ генералами не имѣетъ»,— будущій ученый не выдержалъ и громко зааплодировалъ. Сзади послышалось зловѣщее шипѣніе. Тогда вся *первая* скамейка захлопала въ свою очередь, и шипѣніе было заглушено.

Улыбающійся профессоръ спускался по лѣстницѣ, и Богомазовъ подлетѣлъ къ нему.

— Господинъ профессоръ, скажите, пожалуйста, такъ ли я понялъ вашъ взглядъ на второй періодъ даннаго вопроса?—и Богомазовъ, вертясь около уходящаго профессора, резюмировалъ свое пониманіе.

— Совершенно вѣрно, милостивый государь.

— Простите, господинъ профессоръ, что я васъ рѣшился обезпокоить, но меня очень интересуетъ этотъ вопросъ...

Поклонившись, Богомазовъ отошелъ отъ профессора и вскорѣ вышелъ изъ университета.

«Замѣтилъ меня, замѣтилъ! — радостно думалъ Богомазовъ.—Главное, чтобы онъ замѣтилъ. Гниповъ признаетъ только тѣхъ студентовъ, которые постоянно сидятъ на его лекціяхъ и записываютъ. Онъ даже прямо говоритъ: Я, милостивые государи, на экзаменѣ дѣлаю привилегію посѣщающимъ мои лекціи». «Эта привилегія сплошь и рядомъ становится возмутительной несправедливостью»...

«Ну, что жъ, тѣмъ лучше для насъ,—думалъ Богомазовъ.—Тактика съ Гниповымъ проста и удоприемнима... Однако, что жъ предпринять теперь? Однимъ Гниповымъ, разумѣется, нельзя ограничиться, дѣло съ нимъ можетъ не выгорѣть, а тутъ каждая минута дорога. Схожу-ка я къ земляку Розанову, который былъ оставленъ при университетѣ года три назадъ и теперь пишетъ диссертацію. Онъ можетъ мнѣ дать кой-какіе совѣты. Разумѣется, говорить съ нимъ о своихъ намѣреніяхъ нельзя, онъ человѣкъ занимающійся и любящій науку, чего добраго подлеца пуститъ, но а повывѣдать что-нибудь можно».

Землякъ любилъ Богомазова за его постоянную жизнерадостность и умѣніе разсказывать обо всемъ интересномъ, что дѣлается въ столицѣ. И теперь Богомазовъ передалъ ему животрепещущую театральную новость, а потомъ, словно вспомнивъ, спросилъ.

— Вы не знаете, кого оставилъ въ прошломъ году Бѣгуновъ при себѣ?

Розановъ поморщился.

— Кажется, Лукошникова... Но, вообще, я этимъ господиномъ чрезвычайно мало интересуюсь. Его присутствіе въ университетѣ одна изъ позорныхъ страницъ нашей Almae matris. Изъ-за такихъ господъ престижъ профессорской корпораціи страшно падаетъ.

— Да, нельзя сказать, чтобы студенты любили всѣхъ своихъ учителей. Многіе не пользуются любовью,—замѣтилъ Богомазовъ.

— Какая тамъ любовь! Студенты перестали уважать профессоровъ за ихъ товарищей. Дѣйствительно, въ настоящее время сидѣть на профессорской каѳедрѣ, когда знаешь, что на ней сидѣлъ передъ тобой господинъ сомнительной репутаціи,—это прямо чувствовать себя не въ своей тарелкѣ.

Розановъ горячился и, видимо, старался поскорѣе высказать давно наболѣвшее въ немъ.

— Вы посмотрите, — продолжалъ онъ, — какія средства употребляютъ нѣкоторые изъ нашей братіи. У человѣка за душой буквально ничего, такъ онъ начинаетъ заигрывать со студентами недоброкачественнымъ либерализмомъ. Словно студенты не видятъ насквозь такого господина и не знаютъ, что тотъ же самый *либералъ* пишетъ статейки въ *извѣстной* газетѣ и лижетъ пятки, совѣстно сказать, кому.

— Трагедія раздвоенной натуры, — сострилъ Богомазовъ.

— Разумѣется, студенты презираютъ или смѣются... Но вѣдь ихъ смѣхъ задѣваетъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Вырабатывается уже извѣстное отношеніе ко всей корпораціи.

— Да какъ же не смѣятся, — сказалъ Богомазовъ, — разъ ученый, а къ наукѣ никакого отношенія не имѣетъ — ко всему, къ чему угодно, только не къ наукѣ. Понятно смѣшно. Ну, напримѣръ, эта всемірная карикатура Спортсмэновъ — чѣмъ знаменитъ? Тѣмъ, что проѣхалъ верхомъ на лошади всю Россію и Европу до Мадрида à la какой-нибудь поручикъ на велосипедѣ черезъ Сибирь. Говорятъ, товарищи-профессора даже поставили ему на видъ неловкость его поведенія, какъ ученаго. Онъ послѣ этого къ намъ перемахнулъ и новую оригинальность выдумалъ, кажется, тоже имѣющую мало научнаго интереса: лѣтомъ и зимой ходитъ въ легкомъ пальто по улицамъ и посвистываетъ. Зато прославился. Вся Россія теперь знаетъ. Есть, молъ, въ извѣстномъ университетѣ извѣстный профессоръ Спортсмэновъ... И смѣются... На вашемъ факультетѣ тоже обрѣтается любопытный экземпляръ профессорской породы — изыскиваетъ формулы наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія гонорара между профессорами... Или этотъ... какъ его... Звуковъ, посвятившій нѣсколько лекцій смакованію похожденій самца, паразитирующаго въ половомъ органѣ самки... Какъ же тутъ не смѣяться?.. Оно и то сказать, анекдоты и остроты двусмысленнаго, чаще, впрочемъ, безсмысленнаго содержанія — слабость многихъ профессоровъ на всѣхъ факультетахъ. У нѣкоторыхъ даже въ манію перешло.

— Вотъ у вашего Гнипова, напримѣръ, — замѣтилъ Розановъ.

— Положимъ, у Гнипова это живо выходитъ, — нерѣшительно сказалъ Богомазовъ, чуть-чуть покраснѣвъ.

— Чего ужъ живѣе? Только вотъ научнаго труда ни одного нѣтъ, даже лекцій до сихъ не успѣлъ издать. Говорятъ, что боится какъ бы въ печати не раскатали. На чужомъ опытѣ позналъ непріятность подобнаго положенія.

— Я думаю, что такихъ господъ не мало вообще.

— Да, къ сожалѣнію, есть и даже изрядное количество. А эти литографированные курсы — изданіе слушателей-студентовъ! Вѣдь это подчеркнутое безсиліе и убожество даннаго профессора. Господину ученому лѣнь или просто не подъ силу обработать свой курсъ настолько, чтобы можно было напечатать. И вотъ появляются литографированные черновики его лекцій, издаваемые услужливыми студентами. Профессоръ избѣгаетъ серьезнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ спокоенъ — лекціи есть.

— Нѣкоторые профессора редактируютъ литографированные курсы, — замѣтилъ Богомазовъ.

— Знаемъ мы это редактированье, посмотрите, сколько въ такихъ литографіяхъ абсурднаго, лишняго, я ужъ не говорю, безграмотнаго. Въ этомъ случаѣ гниповы прямолинейнѣе: нѣтъ печатнаго труда — такъ записывайте. По крайней мѣрѣ всенародное признаніе своей негодности.

— Какой печатный трудъ, — замѣтилъ Богомазовъ, вѣдь и печатной научной белиберды сколько угодно. А то вотъ, напримѣръ, — вы слыхали объ ученомъ, который написалъ научную брошюру о прыгающей блохѣ и посвятилъ свой трудъ одной высокопоставленной дамѣ?..

— Слыхалъ, — замѣтилъ Розановъ, — даже, какъ онъ собственноручно подносилъ свою брошюру. Этакое карикатурное подхалимство! И послѣ этого требовать уваженія отъ студентовъ...

— Какъ остаются при университетѣ всякіе недоноски? — вдругъ ввернулъ Богомазовъ.

— По-моему, это самый больной вопросъ въ универ-

ситетѣ. Отрицательные элементы, понятно, оставляютъ при себѣ такихъ же темныхъ личностей, какъ они сами. Не мудрено, что изъ оставшихся при университетѣ только одна четверть рѣшается держать магистерскій экзаменъ. Да и въ этой четверти сколько господъ, вовсе не стоящихъ на высотѣ призванія, только болѣе ловкихъ, чѣмъ другіе. Вѣдь за послѣднее время часто остаться при университетѣ—это значитъ зарекомендовать себя въ широкихъ студенческихъ кругахъ съ очень невыгодной, даже позорной, стороны. Какъ это больно для людей, искренно преданныхъ наукѣ. До чего доходитъ нахальство нѣкоторыхъ господъ, можно судить по слѣдующему случаю, который мнѣ передалъ знакомый профессоръ. Нужно замѣтить, что этого послѣдняго студенты не любятъ и даже освистали однажды...

— Это Капустина?

— Все равно. Такъ онъ мнѣ жаловался — приходитъ къ нему студентъ четвертаго курса и заявляетъ: «Господинъ профессоръ, мнѣ хотѣлось бы остаться при вашей каѳедрѣ». Профессоръ нѣсколько удивился.—Вы, говоритъ, писали сочиненіе на золотую медаль?—«Нѣтъ». —Собираетесь писать?—«Нѣтъ, я на четвертомъ курсѣ».—Такъ на основаніи какихъ же данныхъ васъ оставить при университетѣ? «Я—говоритъ студентъ—думалъ, что вы мнѣ снисхожденіе сдѣлаете».—Какое снисхожденіе? «Вы помните, какъ нѣкоторые нахалы свистѣли вамъ на лекціи?»... —Какъ вы смѣете?—кричитъ профессоръ.—«Но, господинъ профессоръ, я вамъ хлопалъ, даю честное слово, хлопалъ.»

— Вѣдь это дуракъ набитый,—сказалъ Богомазовъ.

— Конечно, глупъ, —за это его и выгналъ профессоръ. Но подобный фактъ, вообще, характеризуетъ современное положеніе.

— Мнѣ вспомнился интересный случай,— сказалъ Богомазовъ, который очень любилъ всякаго рода пикантности и не могъ удержаться, чтобы не разсказать лишній разъ то, что зналъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ очень почтенный ученый, питающій слабость къ капиталистамъ,— должно-быть, *марксистъ* въ душѣ,—совсѣмъ ужъ было оста-

вилъ при себѣ крупнаго фабриканта. Но фиглярничающій богачъ выкинулъ въ послѣдній моментъ антрашá. Написалъ научный этюдъ съ предисловіемъ, въ которомъ обругалъ буквально всѣхъ профессоровъ своего факультета. И старому профессору было уже неловко пускать по ученой части автора этого предисловія.

Случай помѣшалъ! *Къ сожалѣнію*, такіе случаи очень рѣдки... Интересно, къ какимъ способамъ прибѣгаютъ тѣ, которымъ хочется остаться при университетѣ? — задалъ, наконецъ, Богомазовъ нужный вопросъ.

— Тактика обычная—вертятся вокругъ профессора, всячески мозолятъ ему глаза, подбѣгаютъ послѣ лекцій...

— Ну, это слишкомъ обыкновенно.

— А то рефератики пишутъ на практическихъ занятіяхъ, говорятъ на этихъ занятіяхъ, какъ можно больше и очень часто о томъ, чего вовсе не знаютъ. Возмутительно! Планы занятій профессору подносятъ. Разумѣется, все это только показное. Для этого и профессоръ подходящій выбирается...

Богомазовъ покрутилъ себѣ усы.

— Ну... а... скажите, пожалуйста, вотъ вы, напримѣръ, остались у извѣстнаго ученаго и всѣми уважаемаго профессора—приходилось ли вамъ входить въ сношенія съ вашимъ патрономъ?

— Что за странный вопросъ. Конечно, приходилось. Прежде всего пособіе рекомендуетъ профессоръ... Затѣмъ, вообще, руководитъ занятіемъ...

Собесѣдники помолчали.

— Ну, мнѣ пора, - сказалъ Богомазовъ, вставая...

«Тэ-экъ-съ,—разсуждалъ Богомазовъ, выйдя отъ Розанова,—скомбинируемъ матеріалъ. Оно, конечно, недурно было бы планчикъ занятій поднести. Ну, да это возни много! Вотъ рефератикъ, пожалуй, написать можно, а за пособіемъ на квартиру къ профессору сходить... Недурно придумано!.. О руководствѣ *занятіями* тоже можно въ извѣстный моментъ упомянуть... Превосходно!»

И Богомазовъ тотчасъ же рѣшилъ сходить къ Гнипову на квартиру...

Роскошный кабинетъ, весь уставленный тропическими растеніями и дорогой мебелью, съ прекрасными гравюрами по стѣнамъ, нѣсколько озадачилъ Богомазова, но профессоръ такъ весело сказалъ ему: «Здравствуйте, здравствуйте!» — и съ такимъ избыткомъ удовольствія и здоровой жизнерадостностью пожалъ ему руку, что Богомазовъ самъ почувствовалъ себя очень довольнымъ и веселымъ.

— Я къ вамъ, господинъ профессоръ, съ небольшой просьбой...

— О-о, милостивый государь, я очень радъ, очень радъ.

— Не одолжите ли вы мнѣ, господинъ профессоръ, толковательный словарь на нѣсколько времени. Мнѣ онъ очень нуженъ. Простите, что я васъ осмѣлился потревожить.

— О-о, милостивый государь, сдѣлайте одолженіе. Милости просимъ ко мнѣ. Я всегда къ услугамъ людей, которые у меня на виду.

— Хотѣлъ бы я еще попросить, господинъ профессоръ, если это васъ не затруднитъ, дать мнѣ тему реферата для ближайшихъ практическихъ занятій. Я думаю, что было бы полезнѣе, если бы вы сами указали мнѣ тему и необходимыя пособія...

— Съ удовольствіемъ...

Черезъ нѣсколько времени горничная въ бѣломъ чепцѣ внесла кофе и профессоръ попросилъ Богомазова не стѣсняться. Онъ пододвинулъ къ нему ящикъ съ сигарами.

Раскуривая сигару, Богомазовъ замѣтилъ на противоположной стѣнѣ женскій портретъ въ дорогой рамкѣ.

— Какая удивительная красавица!—сказалъ онъ, нѣсколько аффектируя.

— Это г-жа N.,—отвѣтилъ профессоръ,—получившая первую премію за красоту въ Вѣнѣ. Удивительный экземпляръ женщины.

— У нея глаза какъ будто наивны...

— О-о, милостивый государь, эти глаза удивительны по своей выразительности и ясности. Я видѣлъ оригиналъ...

— Какъ жаль, что у насъ не устроятъ конкурса красавицъ!

— Да, въ этомъ отношеніи Россія сильно отстала отъ Запада. Вы не знаете того удивительнаго настроенія, которое охватываетъ человѣка.....—И тутъ профессоръ прочиталъ Богомазову цѣлую исторію о красавицахъ вообще, и конкурсѣ красавицъ въ частности. Богомазовъ внимательно слушалъ и изрѣдка вставлялъ замѣчанія, не лишенныя практическаго интереса...

Они разстались почти друзьями....

«Недурно, очень недурно, — разсуждалъ Богомазовъ, шагая по направленію къ ресторану, гдѣ онъ всегда обѣдалъ. Подъ мышкой онъ держалъ пособія.—Можно будетъ черезъ нѣсколько времени понавѣдаться, благо есть поводъ — пособія отнести обратно или другія попросить... Однако, рефератикъ-то придется писать хочешь, не хочешь. Больше трехъ часовъ ни за что, впрочемъ, сидѣть не буду. Довольно съ него»...

Въ ресторанчикѣ Богомазовъ спросилъ себѣ полбутылки краснаго вина и пилъ за здоровье будущаго профессора, т. е. себя....

Черезъ нѣсколько дней, регулярно посѣщая лекціи Гнипова, Богомазовъ узналъ, что есть у нихъ на курсѣ профессоръ, лекціи котораго вовсе не посѣщаются студентами—больше одного, двухъ случайныхъ слушателей не бываетъ. Узналъ онъ, кромѣ того, что у несчастливаго профессора уже нѣсколько лѣтъ никто не остается при каѳедрѣ. Тогда Богомазовъ сталъ усердно посѣщать его лекціи. Онъ садился прямо передъ глазами профессора, такъ что тотъ, обращаясь къ «аудиторіи», невольно обращался къ Богомазову, рельефно выдѣлявшемуся на фонѣ пустыхъ партъ....

«Ого, уже замѣтилъ меня,—радостно улыбаясь, подумалъ Богомазовъ послѣ второй лекціи...—Во всякомъ случаѣ оставлю этого господина про запасъ, а то, пожалуй, скомпрометируешь себя. Подумать только—никто рѣшительно не хочетъ оставаться, да и студенты потѣшаются».

Вскорѣ съ Богомазовымъ произошелъ маленькій инцидентъ. Продолжая бывать у нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ, онъ встрѣтилъ на одномъ званомъ вечерѣ профессора своего факультета Мукомолова. Это былъ даже не настоящій профессоръ, а приватъ-доцентъ, читающій обязательный курсъ. Мгновенно въ головѣ Богомазова, всецѣло занятой мыслями о профессурѣ, созрѣлъ планъ. Онъ вздумалъ утилизировать свою встрѣчу...

Цѣлый вечеръ усердно ухаживалъ за профессоромъ, говорилъ соотвѣтствующіе комплименты, танцовалъ съ нимъ кадриль визави, при чемъ помогалъ, такъ какъ ученый путалъ фигуры. Наконецъ, очень заинтриговалъ профессора своимъ близкимъ знакомствомъ съ одной изъ присутствующихъ дамъ, которая тому нравилась.

За ужиномъ они сидѣли вмѣстѣ и уже панибратствовали,—по крайней мѣрѣ, усердно подливали другъ другу вина различнаго наименованія. Въ концѣ ужина Богомазовъ неожиданно предложилъ тостъ за процвѣтаніе науки и за ея талантливаго представителя, здѣсь присутствующаго. Тостъ былъ горячо поддержанъ. И профессоръ облобызался съ Богомазовымъ.

Послѣ мороженаго, когда въ залѣ танцовали кадриль-монстръ, Богомазовъ увелъ своего новаго друга въ маленькую гостиную, гдѣ имъ никто не могъ помѣшать «отдохнуть»,—какъ говорилъ Богомазовъ.

Почтенный ученый, не привыкшій много пить, впалъ въ меланхолію и сталъ жаловаться Богомазову на судьбу.

— Вотъ вы сказали, дорогой коллега,—началъ онъ, разстегивая жилетъ—я думаю можно, никого нѣтъ?

— Можно, можно, — поспѣшилъ успокоить его Богомазовъ—вы вотъ сюда, господинъ профессоръ, въ кресло, тутъ удобнѣе...

— Вотъ вы сказали, дорогой коллега, талантливаго представителя науки. Конечно, я вамъ очень признателенъ—и приватъ-доцентъ крѣпко пожалъ руку Богомазову.—Однако, дорогой коллега, положеніе мое не изъ завидныхъ. Представьте себѣ, вотъ уже 15 лѣтъ все собираюсь

диссертацію писать и никакъ не могу собраться. Облѣнился страхъ! Положимъ, у каждаго свои слабости, грѣшки, такъ сказать, но ужъ очень непріятно. Безпокойно. Мнѣ даже нѣсколько разъ намекали. А я не могу, не могу, не могу...—и профессоръ почти плакалъ, говоря это.

— Трудно у насъ талантливому человѣку въ Россіи,—сказалъ Богомазовъ, — охъ, какъ трудно! Въ особенности идейно-настроенному.

— Трудно, мой дорогой коллега, невыносимо,—ученый крѣпко стиснулъ богомазовскую руку —вы понимаете меня!

— Вѣдь вотъ и у меня, господинъ профессоръ, есть одна мучительная забота. Хочется мнѣ раскрыть вамъ свою душу. Что-то есть въ васъ располагающее...

Профессоръ нагнулъ голову Богомазова и чмокнулъ его. Онъ очень размякъ и ощущалъ большую нѣжность къ нашему герою...

— Представьте себѣ,—продолжалъ послѣдній, — какое горе! Обѣщалъ мнѣ одинъ профессоръ—я не буду называть его фамиліи—nomina sunt odiosa— оставить меня при своей каѳедрѣ. Занимался я усиленно по его предмету. И вдругъ какой-то выскочка, знаете изъ этихъ современныхъ пролазовъ, сумѣлъ втереться въ довѣріе къ профессору и планъ своихъ научныхъ занятій представилъ. Вы понимаете, какого сорта могъ быть этотъ планъ!.. Однако, профессоръ остался доволенъ планомъ и какъ-то въ разговорѣ со мной упомянулъ объ этомъ. Я, разумѣется, вспылилъ, наговорилъ дерзостей—и мы разстались... А теперь я не у дѣлъ... Главное, на четвертомъ курсѣ — начинать заниматься другой наукой невозможно. А какъ бы мнѣ хотѣлось остаться при университетѣ: я такъ уважаю и люблю нашу дорогую Alma mater и науку... — въ голосѣ Богомазова послышались за душу хватающія нотки.

Приватъ-доцентъ былъ растроганъ и, хотя не особенно любилъ университетъ и, тѣмъ болѣе, свою науку, однако, чувство Богомазова понялъ.

— Мой дорогой коллега, я съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы для васъ все отъ меня зависящее... Съ наслажденіемъ оста-

вилъ бы васъ при своей каѳедрѣ. Но видите ли, есть препятствіе. Одинъ заслуженный, очень заслуженный профессоръ просилъ меня оставить при университетѣ его племянника... Ну, согласитесь, не могу же я отказать!

— Конечно,— отвѣтилъ Богомазовъ, у котораго лицо стало вытягиваться.

— Такъ вотъ-съ, значитъ, племянника... А потомъ еще одинъ вліятельный профессоръ просилъ пріютить у себя студента, жениха его младшей дочери. Онъ самъ оставилъ при себѣ мужа старшей и средней, а для младшей-то мѣста и не хватило. Обратился ко мнѣ съ дружеской просьбой. Отказать неловко - придется нарушить товарищескія отношенія...

Богомазовъ грустно поникъ головой... Прошло нѣсколько минутъ унылаго молчанія.

— Господинъ профессоръ!—вдругъ сказалъ Богомазовъ, приподнимая голову.

— А-а? Что?

— Господинъ профессоръ, не будете ли вы любезны написать нѣсколько словъ кому-нибудь изъ вашихъ товарищей по поводу меня?

— Отчего же, съ удовольствіемъ, я готовъ для васъ все сдѣлать.

— Я вамъ, Николай Арсеньевичъ, сейчасъ бумаги принесу, — вскричалъ обрадованный Богомазовъ и подумалъ: «ну, братъ, куй желѣзо пока горячо».—Я бы завтра, Николай Арсеньевичъ, принялся за дѣло, а то вѣдь поздно, голубчикъ, вѣдь октябрь на дворѣ...

И Богомазовъ отвелъ несопротивляющагося приватъ-доцента въ кабинетъ, гдѣ тотъ написалъ на листкѣ почтовой бумаги слѣдующее: «Дорогой коллега, рекомендую Вамъ давно мнѣ знакомаго студента Богомазова, человѣка трудоспособнаго и, если хотите, талантливаго. Обратите на него Ваше благосклонное вниманіе. Жаль, если его дарованіе останется втунѣ. Искренно преданный Вамъ Николай Мукомоловъ.»

Богомазовъ сунулъ письмо въ карманъ и они съ профессоромъ отправились еще разъ чокнуться бокалами...

Уже на слѣдующій день нашъ герой летѣлъ къ профессору, рекомендательное письмо къ которому лежало у него въ карманѣ. Однако, попасть къ этому господину было не такъ-то легко. Жилъ онъ версты за четыре отъ университета и, хотя имѣлъ непосредственное отношеніе къ студентамъ, занимая административный постъ, однако, для пріема назначилъ два раза въ недѣлю вечеромъ 8—9 час. Въ университетѣ онъ вовсе не разговаривалъ со студентами, кратко отвѣчая на всѣ просьбы:

— Принимаю у себя на квартирѣ!

И студенты должны были изъ-за всякой ерунды тащиться за нѣсколько верстъ и непремѣнно въ условленный часъ. Часто случалось, кромѣ того, что швейцаръ объявлялъ о выѣздѣ господина профессора по дѣламъ и приходилось повторять процедуру хожденія.

Разумѣется, Богомазовъ преодолѣлъ всѣ эти препятствія...

Профессоръ принялъ его у себя въ кабинетѣ, развалившись въ креслѣ съ видомъ олимпійскаго божества. Величественнымъ жестомъ онъ указалъ Богомазову мѣсто у стола, но сѣсть не предложилъ.

— Что вамъ угодно? — сухо спросилъ онъ.

Богомазовъ, нѣсколько растерявшись, подалъ профессору запечатанный пакетъ. Тотъ разорвалъ конвертъ и пробѣжалъ письмо, потомъ взглянулъ на Богомазова. Лицо ученаго приняло выраженіе: «знаемъ, дескать, васъ—не проведешь»...

— Языки знаете? — строго спросилъ олимпіецъ.

— Нѣтъ!—робко отвѣтилъ Богомазовъ.

— Ступайте! Безъ языковъ я не могу съ вами разговаривать по этому поводу — и величественнымъ кивкомъ головы онъ простился съ Богомазовымъ.

Нашъ герой, сконфуженный, поспѣшилъ улепетнуть изъ кабинета...

Нѣсколько часовъ Богомазовъ чувствовалъ себя очень обиженнымъ и жестоко ругалъ въ душѣ «невоспитаннаго» профессоришку.

«Скажите, пожалуйста, коли въ Парижѣ ораторское

искусство изучалъ, такъ тоже воображаетъ себя большой цацой, а какъ выйдетъ на каѳедру, то, кромѣ красивыхъ жестовъ, да скверныхъ фразъ, ничего и не выходитъ»...

— Чортъ съ нимъ,—рѣшилъ въ концѣ концовъ Богомазовъ,—не на немъ земля клиномъ сошлась... Найдутся еще порядочные люди...

Однако, черезъ двѣ недѣли Богомазовъ потерпѣлъ еще болѣе чувствительное пораженіе у Гнипова, на котораго онъ возлагалъ очень большія надежды.

Случилось это такъ.

Когда Богомазовъ достаточно, по его мнѣнію, намозолилъ глаза Гнипову на лекціяхъ и охрипъ отъ громкаго смѣха надъ анекдотами почтеннаго профессора, онъ рѣшилъ *намекнуть*...

Все, собственно говоря, складывалось въ его пользу. Профессоръ улыбался во весь ротъ, когда видѣлъ Богомазова неизмѣнно сидящимъ противъ себя и записывающимъ лекціи. Какъ со старымъ знакомымъ, раскланивался съ нимъ на улицѣ, когда Богомазовъ при встрѣчѣ почтительно снималъ фуражку. Нѣсколько разъ нашъ герой успѣлъ побывать на квартирѣ ученаго и поговорить о разныхъ предметахъ, выслушать массу анекдотовъ, надъ которыми онъ смѣялся отъ души, хотя понять большинство изъ нихъ не было никакой возможности.

Наконецъ, Богомазовъ написалъ цѣлыхъ два реферата для практическихъ занятій и эти рефераты вызвали оживленныя пренія....

И вдругъ, послѣ такого блистательнаго начала самый грустный конецъ... Гниповъ заявилъ, что онъ уже въ прошломъ году обѣщалъ оставить при своей каѳедрѣ двухъ студентовъ, съ самой первой лекціи перваго курса сидящихъ на первой скамейкѣ и записывающихъ.—«Не пропустили ни одной лекціи въ теченіе четырехъ лѣтъ!»—восторженно-удивленно сказалъ Гниповъ.... И Богомазову пришлось спасовать передъ этими двумя.

Въ утѣшеніе, впрочемъ, Гниповъ обѣщалъ Богомазову сдѣлать особую привилегію на экзаменѣ...

Богомазовъ былъ обезкураженъ и разозленъ въ одно время. Столько напрасно потраченнаго труда! Два реферата, полтора десятка лекцій — это возмутительно!

Въ отчаяніи онъ рѣшилъ сходить еще къ одному ученому и уже потомъ предпринять послѣдній шагъ, т. е. серьезно поговорить съ профессоромъ, оставленнымъ про запасъ....

Богомазовъ шелъ къ профессору и невольно улыбался, рисуя его фигуру.

Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ почтенный ученый находится въ стаціонарномъ положеніи — изъ года въ годъ повторяетъ слово въ слово одно и то же, такъ что передъ его первой лекціей въ семестрѣ студенты знаютъ ее наизусть. И многіе съ разныхъ курсовъ нарочно приходятъ послушать, какъ онъ начнетъ повторять то же, что повторяетъ двадцать лѣтъ. Вся аудиторія передъ появленіемъ на каѳедрѣ ученаго твердитъ въ одинъ голосъ начальную фразу его вступительной лекціи:

«Роковымъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ поръ, какъ мыслить сталъ человѣкъ»....

Какой-нибудь первокурсникъ съ улыбающимся лицомъ говоритъ нараспѣвъ: «Роковымъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ»... Ему вторитъ чей-нибудь басъ: «съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ поръ, какъ»....

— А закончитъ онъ свою лекцію — говоритъ второкурсникъ первокурснику—извѣстнымъ пушкинскимъ стихотвореніемъ—такимъ хорошимъ, что всѣ захлопаютъ.... —Вотъ увидишь....

— «Роковымъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ, мыслить сталъ человѣкъ»—доносится сзади.

Но вотъ аудиторія умолкаетъ и профессоръ всходитъ на каѳедру, откашливается и начинаетъ:

— Милостивые государи, роковымъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ поръ, какъ мыслить сталъ человѣкъ»,— и пошелъ жарить по выраженію одного «вѣчнаго» студента.

Лекція довольно длинная и пушкинское стихотвореніе

произносится въ теченіе двадцати лѣтъ уже послѣ того, какъ пробьетъ звонокъ, извѣщающій объ ея окончаніи. И конецъ неизмѣнно награждается аплодисментами...

Когда Богомазовъ вошелъ къ профессору, тотъ сидѣлъ за столомъ и разсматривалъ планъ какой-то богадѣльни. Нужно сказать, что профессоръ, кромѣ своей профессуры, занималъ мѣсто предсѣдателя въ нѣсколькихъ благотворительныхъ обществахъ, вице-предсѣдателя просто въ обществахъ, состоялъ гласнымъ думы, членомъ въ двухъ комиссіяхъ и еще чѣмъ-то, гдѣ-то.

Почтенный ученый встрѣтилъ Богомазова, очень вѣжливо и нѣсколько конфузясь,—въ немъ была слишкомъ развита совѣсть и передъ каждымъ студентомъ онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Видите ли, господинъ профессоръ, я очень люблю вашъ предметъ...

— Какой предметъ?—спросилъ профессоръ разсѣянно, такъ какъ онъ вновь погрузился въ планъ богадѣльни.

— Предметъ лекцій,—повторилъ удивленный Богомазовъ.

— А-а, лекцій! Да, да, да! Интересный предметъ совершенно вѣрно. Такъ въ чемъ же дѣло?

— Мнѣ хотѣлось бы... я, господинъ профессоръ, занимаюсь вашимъ предметомъ сверхъ программы...

— Сверхъ программы?! Зачѣмъ же это?

— Я люблю науку, которую вы преподаете въ университетѣ.

— Ахъ, извините, я васъ не сразу понялъ,—сказалъ ученый, оторвавшись отъ плана, и покраснѣлъ.—Видите, дѣлъ очень много. Заваленъ по горло. Такъ чѣмъ же могу служить?

— Не могу ли я, господинъ профессоръ, разсчитывать, что вы возьмете мои занятія подъ свое руководство. Можетъ-быть, вы рекомендуете кой-какія пособія? Я бы сталъ писать рефераты для практическихъ занятій — самому трудно разобраться въ выборѣ темъ.

Профессоръ внимательно выслушалъ Богомазова и задумчиво повертѣлъ карандашомъ между среднимъ и указательнымъ пальцемъ. Карандашъ вырвался изъ руки и упалъ на полъ. Богомазовъ кинулся подъ столъ поднимать его.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, не безпокойтесь!—говорилъ ученый, самъ ища карандашъ... Видите ли, господинъ, господинъ...

— Богомазовъ.

— Господинъ Богомазовъ. Я вамъ вотъ что посовѣтую: пишите сочиненіе на золотую медаль, а тамъ посмотримъ...

— Я на четвертомъ курсѣ, къ сожалѣнію, и у меня нѣтъ времени для такой большой и кропотливой работы... Видите ли, господинъ профессоръ, меня хотѣлъ оставить при своей каѳедрѣ Николай Арсеньевичъ Мукомоловъ, но ему помѣшало одно обстоятельство—очень уважительное. И я теперь, такъ сказать, безъ мѣста, хотя очень люблю науку. Вы справьтесь у Мукомолова, онъ хорошо знаетъ меня. «Сегодня же предупрежу Мукомолова,—подумалъ Богомазовъ,—э-э, нелегкая, вывози, куда ни шло!».

Профессоръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Но, господинъ Подмазовъ, войдите же и въ мое положеніе. У меня рѣшительно нѣтъ свободнаго времени заниматься съ вами. Вотъ видите планъ богадѣльни, потомъ засѣданіе Синяго креста, потомъ засѣданіе думы, потомъ... Ей Богу, мнѣ не до универс...—но тутъ ученый спохватился и закончилъ такъ.

— Да вы, быть-можетъ, найдете время написать сочиненіе?.. Что жъ дѣлать, что жъ дѣлать, до свиданія, сказалъ профессоръ, видя, что Богомазовъ приподнимается...

— Прощайте, господинъ профессоръ,—сказалъ грустно Богомазовъ...

«Тяжела ты шапка Мономаха» меланхолически произнесъ нашъ герой вечеромъ въ этотъ день, ложась спать...

Однако, медлить было некогда. «Придется довольствоваться профессоромъ, у котораго никто не остается въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ» — рѣшилъ Богомазовъ. Этотъ профессоръ *окончательно* замѣтилъ его, такъ какъ Богомазову пять разъ приходилось быть единственнымъ слушателемъ лекціи и нѣсколько разъ вести «частный» разговоръ съ лекторомъ.

И вотъ однажды, когда профессоръ кончилъ читать, Богомазовъ подошелъ къ ученому и, заикаясь,— онъ былъ обезкураженъ многими неудачами, — заявилъ о своей любви къ наукѣ.

Профессоръ пришелъ въ умиленіе и, нѣжно взявъ подъ руку своего единственнаго слушателя, отвелъ его въ уголокъ, гдѣ они поговорили по душамъ.

Богомазовъ далъ профессору честное слово, что онъ будетъ посѣщать по вечерамъ практическія занятія, которыя до сихъ поръ не могли состояться за полнымъ отсутствіемъ желающихъ. Потомъ будущій профессоръ долженъ былъ написать зачетное сочиненіе, необходимое каждому студенту для полученія диплома...

Разумѣется, Богомазовъ съ радостью согласился на предложенныя условія: они были вовсе не трудны и соотвѣтствовали его намѣреньямъ. Стояла уже середина октября и Богомазовъ рѣшилъ безотлагательно приняться за занятія. . . . . .

. . . . . .

Лѣтомъ, пріѣхавъ домой послѣ Государственнаго экзамена, оставленный при университетѣ съ гордостью говорилъ всѣмъ:

— Я оставленъ при университетѣ по такой-то каѳедрѣ. Я выбралъ эту науку потому, что считаю ее самой интересной и жизненной на факультетѣ... Мнѣ многіе профессора предлагали остаться у нихъ, но я предпочелъ любимый предметъ. Ну, что читаетъ тотъ же Гниповъ? Мертвечина какая-то!

И Богомазовъ пользуется особымъ почетомъ у провинціальныхъ барышень и чиновниковъ:

— Ученый человѣкъ! — говорятъ про него. — Помилуйте, оставленъ при университетѣ!

И многіе даже боятся съ нимъ говорить, чтобы не остаться профанами...

Когда же какой-нибудь товарищъ спрашиваетъ у будущаго приватъ-доцента:

— Скажи, пожалуйста, Богомазовъ, отчего это твой патронъ никого такъ долго не оставлялъ при себѣ?

Богомазовъ пожимаетъ плечами и рѣшительно отвѣчаетъ:

— Не находилъ достойнаго...

Праздникъ своевольнаго духа.

(12 января).

„Gaudeamus igitur, juvenes dum summus"

Веселье безумное, безпредѣльное — девизъ Татьянина дня. Этотъ день — праздникъ безудержнаго, своевольнаго духа, сбросившаго повседневную оболочку...

Забыть обычную жизнь мелкихъ заботъ и умственнаго напряженія. Забыться. Отуманить голову. Набросить покрывало на все, что мѣшаетъ... Опьянить себя и веселиться, веселиться, веселиться... Жизнь вдругъ теряетъ здравый смыслъ, переворачивается вверхъ дномъ. Глубокій безумный круговоротъ подхватываетъ весь университетъ, всѣхъ студентовъ. И все кружится, кружится въ какомъ-то фантастическомъ полубреду, въ бѣшеной вакханаліи...

Этотъ день всеобщаго безумія бываетъ разъ въ году. Онъ необходимъ, какъ необходимо переживаніе всякаго настроенія: иначе жизнь не была бы полна... Это сверхъ-праздникъ.

День начинается торжественно—актомъ въ университетѣ. Большая зала. Темная зелень тропическихъ растеній. Ряды стульевъ. Каоедра. Отсутствіе яркаго свѣта. Важныя лица, звѣзды, ленты черезъ плечо, мундиры, корректные фраки, профессорская корпорація въ полномъ составѣ. За колоннами синіе воротники студенческихъ сюртуковъ. Чинно, строго, невозмутимо... Академическая рѣчь. Рѣчь размѣренная, тягучая, безъ увлеченія и безъ эффектовъ... Затѣмъ университетскій отчетъ... Скоро конецъ. Студенты начинаютъ

перешептываться. Раздача медалей. Тушъ. Зала подаетъ признаки жизни. Народный гимнъ. Несмѣлыя крики ура...

Актъ конченъ. Важныя лица удаляются... Откуда-то сзади доносятся отдѣльные голоса:

— «Gaudeamus!», «Gaudeamus!!»

Эти крики растутъ. Постепенно заполоняютъ всю залу.

— «Gaudeamus!» «Gaudeamus!».

Музыка играетъ «Gaudeamus».

— Ура! Ура!

Поднимается ревъ. Невообразимый шумъ. Своевольный духъ вступаетъ въ свои права. Опьяненіе начинается.

«Gaudeamus» играютъ разъ, два, три...

Далѣе дѣйствіе переносится въ трактиры, въ пивныя, въ рестораны средней руки... Теперь все сводится къ одному: подготовить почву для праздника своевольнаго духа. Нѣтъ денегъ, чтобы опьянить себя благороднымъ шампанскимъ. Пьяная водка и мутное пиво—два напитка Татьянина дня.

Къ 6-ти часамъ вечера толпы студентовъ съ пѣснями направляются къ Эрмитажу... Замираетъ обычная жизнь улицъ и Москва обращается въ царство студентовъ. Только однѣ синія фуражки видны повсюду. Быстрыми, волнующимися потоками студенты стремятся къ Эрмитажу—къ центру. Идутъ группами, въ одиночку, толпами, посрединѣ улицы. Встрѣчные смѣшиваются, группы примыкаютъ къ толпѣ. Толпа растетъ, расширяется. Впереди ея пляшутъ два студента и между ними женщина машетъ платочкомъ. Всѣ трое выдѣлываютъ отчаянныя па. Сзади толпа распѣваетъ хаотическую пѣсню.

Но вотъ Эрмитажъ. До 5 часовъ здѣсь сравнительно спокойно. Говорятъ рѣчи, обѣдаютъ. Къ пяти часамъ Эрмитажъ теряетъ свою обычную физіономію. Изъ залы выносятся растенія, все, что есть дорогого, цѣннаго, все, что только можно вынести. Фарфоровая посуда замѣняется глиняной. Число студентовъ растетъ съ каждой минутой. Сначала швейцары даютъ номерки отъ платья. Потомъ вѣшалокъ не хватаетъ. Въ роскошную залу вваливается толпа въ калошахъ, фуражкахъ, въ пальто. Исчезаетъ вино

и закуска. Появляется водка и пиво. Поднимается невообразимая кутерьма. Всѣ уже пьяны. Кто не пьянъ, хочетъ показать, что онъ пьянъ. Всѣ безумствуютъ. опьяняютъ себя этимъ безумствованіемъ. Распахиваются сюртуки, разстегиваются тужурки. Появляются субъекты въ цвѣтныхъ рубахахъ. Воцаряется безпредѣльная свобода. Студенты составляютъ отдѣльныя группы. Въ одномъ углу малороссы поютъ національную пѣсню. Въ другомъ—грузины пляшутъ лезгинку. Армяне тянутъ «Мравалъ жаміеръ»... Въ центрѣ ораторы, взобравшись на столъ, произносятъ рѣчи—уже совсѣмъ пьяныя рѣчи. Хоръ студентовъ поетъ «Gaudeamus»... Шумъ страшный. То и дѣло раздается звонъ разбитой посуды. Весь полъ и стѣны облиты пивомъ...

За отдѣльнымъ столомъ плачетъ пьяный, лохматый студентъ...

— Что съ тобой, дружище?

— Падаетъ студенчество. Падаетъ,—рыдаетъ студентъ.

Больше ничего онъ не можетъ сказать.

— На столъ его! На столъ! Пусть говоритъ рѣчь!—кричатъ голоса.

Студента втаскиваютъ на столъ.

— Я, коллеги,—лепечетъ онъ,—студентъ. Да, я студентъ,—вдругъ реветъ онъ дикимъ голосомъ.—Я... народъ... я человѣкъ...

Онъ скользитъ и чуть не падаетъ.

— Долой его! Долой!

Его стаскиваютъ со стола.

— Товарищи,—пищитъ новый ораторъ, маленькій, юркій студентъ,—мы никогда не забудемъ великихъ началъ, которыя дала намъ великая, незабвенная Alma mater...

— Браво! Брависсимо! Брависсимо! Качать его! Качать!

Оратора начинаютъ качать. Онъ поливаетъ всѣхъ пивомъ изъ бутылки.

— Господа, «Татьяну»,—предлагаетъ кто-то.

Внезапно все умолкаетъ. И затѣмъ сотни голосовъ подхватываютъ любимую пѣсню:

«Да здравствуетъ Татьяна, Татьяна, Татьяна.
Вся наша братья пьяна, вся пьяна, вся пьяна..
Въ Татьянинъ славный день»...

Одинъ громовой голосъ спрашиваетъ:

— «А кто виноватъ? развѣ мы?»

Хоръ отвѣчаетъ:

«Нѣтъ! Татьяна!»

И снова сотни голосовъ подхватываютъ:

«Да здравствуетъ Татьяна!»

Одинъ запѣваетъ:

«Насъ Левъ Толстой бранитъ, бранитъ
И пить намъ не велитъ, не велитъ, не велитъ
И въ пьянствѣ обличаетъ!..»
— «А кто виноватъ? Развѣ мы?»
«Нѣтъ! Татьяна!»
«Да здравствуетъ Татьяна!»

Опять запѣваютъ:

«Въ карманѣ безъ изъяна, изъяна, изъяна
Не можетъ быть Татьяна, Татьяна, Татьяна.
Всѣ пусты кошельки,
Заложены часы»...
— «А кто виноватъ»?.. и т. д.

Въ 9 часовъ Эрмитажъ пустѣетъ. Лихачи, ваньки, толпы студентовъ пѣшкомъ — все летитъ, стремительно несется къ Тверской заставѣ—въ Яръ и Стрѣльну, гдѣ разыгрывается послѣдній актъ этой безумной фееріи. Тамъ въ этотъ день не поютъ хоры, не пускаютъ обычную публику, закрываютъ буфетъ и за стойкой наливаютъ только пиво и водку прямо изъ боченковъ.

Въ Яру темпъ настроенія повышается. Картина принимаетъ фантастическую окраску. Бѣшенство овладѣваетъ всѣми. Стонъ, гулъ, громъ, нечеловѣческіе крики. Каждый хочетъ превзойти другого въ безуміи. Одинъ ѣдетъ на плечахъ товарища къ стойкѣ, выпиваетъ рюмку водки и

отъѣзжаетъ въ сторону. Другіе лѣзутъ на декоративныя растенія. Третьи взбираются по столбамъ акваріума вверхъ. Кто-то купается въ акваріумѣ.

Опьяненіе достигло кульминаціонной точки...

Вдругъ раздаются бѣшеные звуки мазурки. Играетъ духовой оркестръ. Музыканты дуютъ изо всѣхъ силъ въ инструменты, колотятъ молотками въ литавры... Зданіе дрожитъ отъ вихря звуковъ. И всѣ, кто есть въ залѣ, бросаются танцовать мазурку. Несутся навстрѣчу другъ къ другу въ невообразимомъ бѣшенствѣ...

И это продолжается до 3—4 часовъ ночи. Потомъ студенты ѣдутъ и идутъ въ городъ. Иногда устраиваются факельныя шествія со свѣчами до Тверской заставы. И опять пѣсни. Оргія пѣсенъ...

Потомъ постепенно все стихаетъ, испаряется, исчезаетъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. Зарождается тусклый день. Унылый день мелочныхъ заботъ и житейской повседневности...

Седанъ.

Вмѣстѣ съ прекращеніемъ свободной продажи спиртныхъ напитковъ покончило свое существованіе одно изъ замѣчательныхъ учрежденій Москвы. Впрочемъ, духъ этого учрежденія не умеръ...

Я говорю о пивной у Никитскихъ воротъ, которая была извѣстна подъ кличкой «Седанъ» и пользовалась почетнымъ титуломъ «студенческой» *). Этотъ титулъ принадлежалъ ей по праву. Въ теченіе долгихъ лѣтъ «Седанъ» былъ главнымъ питомникомъ студенческаго алкоголизма и чѣмъ-то въ родѣ студенческаго клуба. По вечерамъ сюда собирались многіе представители изъ среды студенческой бѣдноты,—люди, которымъ не доступны по своей дороговизнѣ рестораны и другія мѣста, гдѣ можно скоротать вечеръ. Сюда приходили они отдохнуть послѣ цѣлаго дня усиленныхъ занятій или забыться отъ тяжелаго одиночества студенческой жизни. Два товарища, которыхъ капиталъ равнялся двугривенному, шли посидѣть и побесѣдовать въ людномъ мѣстѣ «Седанѣ». Приходили сюда и большія компаніи, человѣкъ въ 12—они пѣли здѣсь пѣсни и веселились подъ звонъ пивныхъ кружекъ. Иногда въ тяжелую минуту жизни какой-нибудь бѣдный студентъ пропивалъ здѣсь послѣдніе гроши. Но нѣкоторыхъ исключительно привлекла вольная атмосфера «Седана», его свободный и легкій «духъ». Поэтому среди посѣтителей пивной встрѣчались студенты болѣе или менѣе со-

*) Теперь ходятъ слухи о какомъ-то „Длинномъ Томѣ“, замѣнившемъ будто-бы „Седанъ“.

стоятельные... Рѣдкій студентъ не побывалъ, хотя разъ, въ «Седанѣ», чтобы познакомиться съ этимъ учрежденіемъ.

Въ «седанской» атмосферѣ водились особые микробы—микробы пивного запоя. И каждый годъ бывало нѣсколько случаевъ, что студенты заболѣвали этой болѣзнью и оставались въ «Седанѣ»—дѣлались его завсегдатаями. Въ теченіе года или двухъ «Седанъ» высасывалъ изъ нихъ всѣ жизненные соки. И въ концѣ концовъ, отнявъ у своихъ жертвъ самое цѣнное — «душу живу», онъ выбрасывалъ уже негодные человѣческіе остатки въ психіатрическую клинику или на Хитровъ рынокъ. И принимался за новыя жертвы.

Онѣ приходили сюда еще совсѣмъ молодыя, здоровыя, съ жизнерадостными глазами, въ которыхъ отражалось ихъ будущее, въ новенькихъ тужуркахъ, а удалялись отсюда съ обрюзгшими, блѣдными лицами, опустившіяся, въ засаленномъ, истрепанномъ платьѣ.

Это придавало «Седану» мрачный колоритъ и зловѣщую окраску. Нѣсколько десятковъ студентовъ обязаны ему своей гибелью.

Собственно говоря, «Седанъ» былъ грязный и отвратительный притонъ и только студенческая бѣдность, да люди, «особо настроенные», могли мириться съ безобразіемъ его обстановки. Кромѣ студентовъ, эту пивную посѣщали женщины Тверского бульвара—самыя отчаянныя изъ нихъ. Онѣ шли сюда, привлекаемыя атмосферой, насыщенной пьянствомъ, скандалами, безудержнымъ прожиганіемъ жизни. Pendant къ этимъ «карменъ» составляли пропойцы и «всякій сбродъ», въ изобиліи наполнявшіе «Седанъ». Изъ людей съ «опредѣленнымъ» положеніемъ пивную посѣщали швейцары, мелкіе чиновники, военные писаря и проч. Время отъ времени сюда заходили женщины высшаго общества, любительницы сильныхъ ощущеній, желающія узнать «все», — онѣ заходили, конечно, переодѣтыя и въ сопровожденіи рослыхъ кавалеровъ.

Настоящей жизнью «Седанъ» жилъ вечеромъ. По утрамъ въ немъ не было ничего специфическаго, если не

считать студентовъ «завсегдатаевъ», съ 9 — 10 часовъ уже начинавшихъ свое безумное саморазрушеніе. Только къ вечеру они достигали блаженства небытія, котораго такъ жаждали, а днемъ сидѣли мрачные и насупленные, съ остатками вчерашняго хмеля въ головахъ и съ гадкимъ сознаніемъ своего образа жизни.

Одинъ «Пивной Левъ» нарушалъ гармонію дневной «седанской» тишины. Онъ разсказывалъ анекдоты и старался обратить на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ, объединить всѣхъ своей особой: онъ любилъ жизнь общую и терпѣть не могъ, когда всѣ сидѣли вразбродъ за отдѣльными столиками, пили свое пиво и читали газету. Онъ подсаживался то туда, то сюда и забавлялъ посѣтителей кабачка подвижностью и остротами. Это былъ студентъ небольшого роста съ громадной шевелюрой свѣтлыхъ волосъ, съ бѣлымъ лицомъ, одутловатымъ, какъ у больного водянкой, съ большими глазами на выкатѣ, самый заслуженный завсегдатай, уже два раза успѣвшій побывать въ психіатрической клиникѣ и несомнѣнный кандидатъ въ желтый домъ. По вечерамъ онъ бывалъ страшенъ, а утромъ очень милъ и веселъ. Его любили послушать, да и вообще онъ слылъ за любимца «седанской» прислуги и публики. У него были даже свои поклонники. Служители усердно ухаживали за нимъ и почтительно величали по имени и отчеству. Это не удивительно: «Пивной Левъ» человѣкъ состоятельный и не одну сотню рублей оставилъ въ «Седанѣ».

— Вы въ университетѣ изволите обучаться?—спрашиваетъ приказчикъ, къ которому только что подсѣлъ нашъ герой.

— Естественникъ 2-го курса, съ золотой медалью кончилъ гимназію. А слышали ли вы, что меня въ Международный не пускаютъ?

— Какимъ такимъ манеромъ?

— Приходитъ ко мнѣ однажды товарищъ въ два часа ночи. Нужно водки. Я въ Международный. — Водки!— говорю. «Нельзя-съ, поздно».—Давай водки!—«Нельзя-съ».

Давай водки!—Подхожу къ акваріуму. — «Пивной Левъ» встаетъ и становится въ трагическую позу съ поднятой рукой. — Расшибу, говорю, давай водки!.. Водку дали, а въ ресторанъ перестали пускать.

— Хе, хе, хе... — смѣется почтительно приказчикъ, которому «Левъ» разсказываетъ эту печальную исторію.

Пивная аудиторія съ удовольствіемъ слушаетъ разсказъ о похожденіяхъ рыцаря «Седана». Вдохновившись общимъ вниманіемъ, рыцарь продолжаетъ:

— Въ Санъ-Стефано тоже не пускали одно время, да я къ знакомому приставу сходилъ—онъ мнѣ записку далъ: «Пропускать». — По запискѣ пропускаютъ. .

— Самъ приставъ, — хихикаетъ лавочникъ. — Самъ приставъ...

Къ 6 — 7 часамъ вечера физіономія пивной рѣзко мѣняется...

... Стеклянная двойная дверь ежеминутно распахивается, впуская все новыхъ и новыхъ посѣтителей. Струя холоднаго воздуха, врываясь въ помѣщеніе пивной, растворяется въ атмосферѣ пивныхъ испареній, сырости, табачнаго дыма и человѣческаго дыханія. Это плотная атмосфера, тяжелая и удушливая, нависшая непроницаемымъ, грязнымъ облакомъ, среди котораго бродятъ человѣческія фигуры. Крики, визгъ женщинъ, пѣсни, пьяный говоръ. Какой-то хаосъ. Словно все здѣсь одурманено невыносимой атмосферой. Самая скверная брань застыла въ воздухѣ. Невообразимая грязь всюду. На «мраморныхъ» столикахъ, на полу, на стульяхъ — разлитое пиво... Мутно, пьяно и омерзительно.

По пивной бродитъ «Левъ». Ему уже больше не даютъ пива. И онъ ругается какими-то безумными словами, навѣрное, не сознавая ихъ. Его громадные глаза на выкатѣ мутны и страшны. Онъ безсмысленно водитъ ими по сторонамъ и вдругъ останавливаетъ на какомъ-нибудь изъ посѣтителей. Кажется, что «Левъ» не видитъ ничего, но глаза его упрямо, невыносимо устремлены на васъ. И дѣлается жутко отъ этого взгляда, отъ этихъ огромныхъ,

безсмысленныхъ, но страшно живыхъ глазъ. По временамъ раздается его смѣхъ. Онъ смѣется непонятнымъ смѣхомъ замогильнаго человѣка. «Левъ» всѣхъ затрогиваетъ, но его не смѣютъ тронуть.

— Колька, угости пивомъ?—пристаетъ къ нему пьяная женщина съ набѣленнымъ лицомъ.

«Левъ» размахиваетъ руками и ругается.

— Угости!

— Оставь его! — кричитъ одинъ изъ поклонниковъ «Льва».—Убирайся, пока жива.—И, оттолкнувъ женщину, защитникъ беретъ подъ руку «Льва» и уводитъ его въ такъ называемый «чортовъ» уголъ.

Полутемный и таинственный этотъ уголъ помѣщался возлѣ самой стойки и давалъ тонъ всей пивной. Отсюда безпрерывно неслись дикіе крики, слышались голоса возбужденныхъ до послѣдней степени людей, отвратительный визгъ пьяныхъ женщинъ. Здѣсь засѣдали «седанцы» чистой крови. И здѣсь, навѣрное, распивали, кромѣ пива, еще и водку, а пиво пили исключительно боченками.

Обиженная защитникомъ «Льва», женщина пробирается къ блѣдному студенту, сидящему въ сторонѣ.

— Коллега, — говоритъ она хриплымъ голосомъ, — пойдемъ ко мнѣ. У меня чисто, хорошо, не такъ, какъ у другихъ...

Но блѣдный студентъ не отвѣчаетъ ей: онъ не слышитъ и даже не видитъ ея. Онъ ничего не слышитъ и не видитъ, потому что находится подъ вліяніемъ наркоза. Опытный человѣкъ сейчасъ бы призналъ въ этомъ господинѣ «седанскаго» завсегдатая особаго типа. На лицѣ у него ясно написано, что держитъ его въ «Седанѣ». Воздухъ тяжелый для дыханія, но легкій для мыслей. Мыслей нѣтъ. И даже нѣтъ жизни, вмѣсто нея легкій одуряющій паръ. Человѣкъ забылся въ странной полудремотѣ. Всѣ звуки доносятся издалека, сквозь сонъ. На всемъ лежитъ пелена дали, эта загадочная пелена, обращающая все во что-то чрезвычайно пріятное. Члены скованы сладкой истомой. Лицо блѣдное, сосредоточенное, въ чертахъ мертвая непод-

вижность, только глаза, устремленые въ пространство, лихорадочно блестятъ.

Этотъ студентъ почти вовсе не сходитъ съ мѣста и ничего не говоритъ.

Рядомъ съ нимъ сидитъ субъектъ въ партикулярномъ пальто и студенческой фуражкѣ—студентъ старшаго курса—тоже завсегдатай. Онъ пьянъ и ему хочется кого-нибудь затронуть.

— Милочки,— говоритъ онъ, увидя двухъ молодыхъ студентовъ, только что вошедшихъ въ пивную въ сопровожденіи стараго матераго студента въ поношенномъ сюртукѣ на бѣлой подкладкѣ. Очевидно, послѣдній знакомитъ фуксовъ съ прелестями студенческой жизни, таская ихъ по различнымъ притонамъ. Всѣ трое усаживаются рядомъ съ пьянымъ завсегдатаемъ.

— Мило-очки,— насмѣшливо тянетъ завсегдатай, уставясь на молоденькихъ сосѣдей, — вы милочки и больше ничего.

Тѣ смотрятъ на него съ жаднымъ любопытствомъ. Но завсегдатаю хочется непремѣнно раздразнить ихъ.

— Сюртукъ на бѣлой подкладкѣ—говоритъ онъ, указывая на сюртукъ «просвѣтителя»-студента, и безсмысленно смѣется.

«Милочки» возмущаются. Особенно одинъ изъ нихъ съ дѣтскимъ, миловиднымъ лицомъ.

— Да знаете ли вы, сколько за этотъ сюртукъ заплачено? 10 рублей: его старымъ купили.

— Вѣдь вы милочки!— не унимается пьяный.

— Да какъ вы смѣете?

— Оставь—резонно замѣчаетъ его старшій товарищъ.

— Да какъ онъ смѣетъ?— шопотомъ, но горячо говоритъ молоденькій студентъ и бросаетъ на обидчика молніеносные взгляды.

— Милочки,—пьяно смѣется тотъ,—милочки!

Раздается чей-то крикъ. Кто-то летитъ на полъ. Кто-то кого-то побилъ.

Фуксы испуганно смотрятъ по сторонамъ:

— Что будетъ?

Но все идетъ постарому. Минутное смятеніе потонуло въ общемъ гомонѣ, смутѣ, безобразіи «Седана»... Двери визжатъ и хлопаютъ. Врывается холодный паръ и окутываетъ облакомъ «седанцевъ».

Входятъ новыя лица.

Студентъ съ двумя женщинами въ платочкахъ.

У него жалкое, растерянное лицо. Одна изъ женщинъ, довольно миловидная, но уже изрядно отвѣдавшая жизни, распоряжается съ видомъ хозяйки. Спутника своего она называетъ Ваней и обращается съ нимъ, какъ съ законной собственностью. Она угощаетъ подругу изъ «падшихъ» пивомъ, а сама пьетъ квасъ. Хочетъ показать, что она не «такая», а «выше» — живетъ съ любовникомъ, котораго сумѣла забрать въ руки и собирается выйти за него замужъ.

Совершенно пьяный студентъ стоитъ посрединѣ пивной, держитъ въ рукахъ вывернутый наизнанку кошелекъ, блаженно улыбается и читаетъ себѣ мораль:

— Наши отцы послѣднія деньги высылаютъ, а мы вотъ что... 6 копеекъ осталось, цѣлый мѣсяцъ жить надо: и на чай 6 копеекъ, и на обѣдъ 6 копеекъ, и за квартиру 6 копеекъ.— Мишка! Мишка!— вдругъ отчаянно реветъ онъ. Десятокъ папиросъ! Теперь легче: яко нагъ, яко благъ... Мишка, на чай не дамъ тебѣ больше!..

Изъ-за одного стола поднимается высокая фигура студента съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами,— въ правой рукѣ у него кружка съ пивомъ. Онъ обводитъ сидящихъ кругомъ сверкающимъ взглядомъ и декламируетъ трагической октавой:

— Мракъ ночи насталъ, слышнѣй стали пѣсни бѣгущихъ ручьевъ. Проснулися пѣсни всѣхъ любящихъ. Моя душа—вѣдь она тоже пѣснь любящаго. Люблю человѣчество! — голосъ студента возвышается.—Слышите, люблю, люблю!.. Но откуда столько зла?.. Слышите, васъ спрашиваю—откуда зло?. Зачѣмъ его столько. Задыхаюсь отъ зла. Вы, извивающіеся! О, какъ ненавижу васъ и себя...—и студентъ опускается на стулъ и рыдаетъ. Пьяная женщина

тянется къ нему, хочетъ поцѣловать въ губы, но онъ вдругъ приподнимается снова, страшно ударяетъ кулакомъ по столу и кричитъ:

— Выбылъ я изъ дома ученыхъ и даже крѣпкимъ ударомъ захлопнулъ дверь за собой. Слишкомъ долго душа моя сидѣла голодной у нихъ за столомъ...

Вваливается толпа студентовъ, въ изношенныхъ пальто, въ длинныхъ сапогахъ, въ потертыхъ фуражкахъ.

Мальчики-прислужники сдвигаютъ три стола вмѣстѣ и компанія, молча, важно разсаживается. Одинъ приказываетъ:

— Полдюжины пива!

И всѣ вдругъ затягиваютъ пѣсню:

Изъ страны, страны далекой!
Съ Волги-матушки широкой,
Ради вольности веселой,
Ради сладкаго житья
Собрался мы сюда...

Голоса умолкаютъ.

— Ничего, ничего,—одобряетъ полушопотомъ дирижеръ въ очкахъ,—со стороны хорошо.—Онъ говоритъ съ такимъ серьезнымъ видомъ, какъ будто пѣсней рѣшается его и ихъ участь.—Ну, начинай—и дирижеръ снова машетъ рукой.

Первый тостъ за нашъ народъ
За святой девизъ впередъ...

— Впере-едъ,—заливается теноръ.

Изъ «чортова» угла вылѣзаютъ «седанцы» и присоединяются къ компаніи.

— Господа, позвольте я затяну,—говоритъ субъектъ въ опоркахъ и рваномъ пальто,—позвольте, я знаю.

И хриплымъ голосомъ онъ начинаетъ пѣть, но на второмъ куплетѣ путаетъ, останавливается и растерянно смотритъ по сторонамъ...

Кругомъ смѣхъ.

— Вотъ сейчасъ въ головѣ было... Позвольте!.. Но

«Пивной Левъ» схватываетъ его за волосы и оттаскиваетъ прочь.

Тотъ опять лѣзетъ назадъ и пытается говорить, вызывая общій смѣхъ.

Уже давно этотъ человѣкъ—бывшій студентъ—захлебнулся въ пивномъ омутѣ «Седана». Уже давно потерялъ онъ самый обликъ человѣческій. И только въ застывшей улыбкѣ его, жалкой и безпомощной, чудится что-то былое, добродушное и застѣнчивое.

Это «седанскій» шутъ. Надъ нимъ всѣ издѣваются и острятъ.

— Пошелъ прочь!—кричитъ «угловой седанецъ», которому шутъ надоѣлъ своимъ приставаньемъ. — Смотри у меня...

И шутъ исчезаетъ въ хаосѣ «Седана». Опять приподнимается студентъ высокаго роста.

— Все пустое, все уже было,—возглашаетъ онъ съ горькой улыбкой.—Было ужъ все, я говорю. И этотъ медлительный паукъ, ползущій въ лунномъ свѣтѣ, и самый этотъ лунный свѣтъ и я, и ты, и ты—онъ возвышаетъ голосъ—и ты, который уставился тамъ на меня? Душу мою зачѣмъ выворачиваешь?.. Рожа!..

И вдругъ онъ размахивается кружкой и съ силой бросаетъ ее въ кого-то. Кружка ударяется о стѣну и со звономъ разлетается вдребезги...

Декадентщина звенитъ! — странно усмѣхаясь, говоритъ молодая женщина, обращаясь къ двумъ собесѣдницамъ.—Выпьемъ запостоянно!

И онѣ, чокнувшись кружками, пьютъ.

— Запостоянно!

И снова пьютъ...

Странный контрастъ представляетъ изъ себя это женское тріо. Первая изъ женщинъ—красивая брюнетка, съ блѣднымъ, интеллигентнымъ лицомъ.—Двѣ другія—старыя, съ физіономіями, давно уже утерявшими всякое человѣческое выраженіе. Всѣ трое пьютъ страшно много. Но въ то время, какъ старыя пьяны до омерзѣнія, красавица

вовсе не пьяна, только глаза ея блестятъ ярче и лицо дѣлается блѣднѣе. И кажется, что она горитъ откуда-то изнутри. Она нѣжно ухаживаетъ за подругами, которыхъ привела съ собой, и не позволяетъ никому ихъ трогать.

— Гланя.—говоритъ красавица – помни, какъ я тебя люблю, помни!

Гланя что-то бормочетъ въ отвѣтъ.

— Ну, довольно — за мной! Въ чайную! — говоритъ молодая женщина – будемъ бражничать всю ночь. И она направляется къ выходу. За ней покорно плетутся, какъ тѣни, ея спутницы...

Въ продолженіе многихъ дней я видѣлъ эту загадочную тройку въ «Седанѣ» и окрестныхъ кабакахъ - всегда неизмѣнно вмѣстѣ. И мнѣ казалось, что молодая и красивая наслаждается, глядя на сопровождающее ее безобразіе, глубиною своего паденія...

А въ «Седанѣ» жизнь все кипитъ, разгорается. Между столиками гуляетъ знаменитый Артемій Ананьевичъ, главный приказчикъ «Седана» и божокъ всѣхъ «седанцевъ». Къ вечеру онъ вмѣстѣ съ своими посѣтителями напивается пьянъ и вдохновляетъ гостей примѣромъ и готовностью поддержать компанію.

— Колька,—разносится визгъ по «Седану»,—уйди отъ меня, не лѣзь! Но «Пивной Левъ» продолжаетъ безсмысленно разводить руками и ловитъ небольшого роста блондинку. Она отталкиваетъ его.

— Ишь ты, до чего допился, а еще ученый—остритъ дѣтина гигантскаго роста, видомъ смахивающій на кузнеца Вакула...

Дуракъ,—кричитъ «Левъ», воинственно размахивая руками.

Тотъ отвѣчаетъ въ рифму:

Не говори, что дуракъ—
Ты не ракъ.

— Скотина!—возвышаетъ голосъ «Левъ».

Не въ томъ тина,
Что ты скотина.

Дальше идутъ нецензурныя ругательства и такіе же отвѣты въ рифму.

«Седанская» публика захлебывается отъ наслажденія этимъ словеснымъ турниромъ. Особенно счастливъ небольшого роста подмастерье, явившійся вмѣстѣ съ геркулесомъ. Онъ страшно гордится своимъ спутникомъ.

— Это нашъ кузнецъ,—говоритъ подмастерье съ блаженной улыбкой, не будучи въ состояніи скрывать переполнившаго его чувства,—замѣчательный человѣкъ.

— Вы откуда?—спрашиваетъ кто-то.

Но подмастерье, упоенный поэзіей своего кузнеца, не слышитъ вопроса...

Между тѣмъ пивные пары будятъ воинственный духъ «седанцевъ». Господинъ съ круглымъ, непріятнымъ лицомъ говоритъ, указывая на дно пивной кружки,

— Этой кружкой хорошо бить по головѣ...

Изъ «чортова» угла раздается дикій визгъ и по пивной проносится растрепанная женщина. За ней гонится небольшого роста, пьяный, кудлатый студентъ.

— А-ту ее! Держи!—кричатъ «седанцы».

Не догнавъ женщину, студентъ вдругъ бросается на солдата, сидящаго въ сторонѣ.

— А-а, ты военный! — реветъ онъ дикимъ голосомъ.

Его оттаскиваютъ. Онъ рвется и злобно рычитъ.

И вдругъ трагическая октава заглушаетъ на мгновенье адскій грохотъ пивной:

— Я пью за красоту отношеній...

— Дай ему въ рыло,—рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ вопитъ господинъ съ круглымъ лицомъ—въ р-рыло ему...

— Колька! — раздается изъ другой комнаты. — Не трогай мою шляпу.

Но «Пивной Левъ» приходитъ въ ярость.

— Моя шляпа,—бѣшено реветъ онъ, размахивая руками.—Моя шляпа!—и «Левъ» уноситъ шляпу въ дальній уголъ, садится за столъ, кладетъ передъ собой шляпу и безсмысленно, упрямо твердитъ:

— Моя шляпа, моя шляпа, моя шляпа...—И его мут-

ные, огромные глаза устремлены на что то. И опять кажется, что онъ не видитъ ни шляпы, ни окружающихъ, ничего...

— Бороться будутъ, — вдругъ проносится говоръ по «Седану».—Бороться! Бороться!

Всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ и составляютъ большой кругъ въ первой комнатѣ. Посрединѣ два борца—господинъ съ круглымъ лицомъ и большого роста, неуклюжій студентъ—оба сняли пиджаки и съ остервенѣніемъ бросаются другъ на друга, стараясь повалить противника на полъ. Кругомъ летятъ стулья, столы, визжатъ женщины, раздаются дикіе возгласы ожесточенныхъ «седанцевъ». И, наконецъ, оба противника падаютъ на грязный, залитый пивомъ полъ и катаются изъ стороны въ сторону...

Вакханалія переходитъ границы. Пивной дурманъ достигъ своего апогея..

Но уже 11 часовъ. Тушится газъ.

— Господа, пора кончать!—предлагаютъ служители.

Черезъ нѣсколько минутъ «седанцы» гурьбой высыпаютъ на улицу. Одного, двухъ невмѣняемыхъ гостей подъ руки выводятъ на свѣжій воздухъ и сажаютъ на ступеньки «Седана»

— Пусть провѣтрятся!

И тѣ сидятъ здѣсь, пока не придутъ въ себя....

А въ «Седанѣ» воцаряется мракъ и безмолвіе. Только слабый лучъ уличнаго фонаря странно прыгаетъ на залитомъ пивомъ полу. И вдругъ откуда-то раздается тихій, злорадный, зловѣщій смѣхъ. Изъ «чортова» угла выползаетъ отвратительная старуха—Хитровка—и заливается поганымъ, торжествующимъ смѣхомъ. Сегодня чудовище намѣтило новую жертву...

Между тѣмъ компанія гулякъ изъ «Седана» перекочевываетъ въ чайную, напротивъ. Отсюда кто-то предлагаетъ отправиться на «Кисловку». И всѣ бредутъ въ кабакъ на одной изъ Кисловокъ.

Такъ какъ трактиръ уже запертъ, то «седанцы» проби-

раются черезъ вонючій дворъ и черную лѣстницу въ потайное помѣщеніе притона — небольшую комнату, слабо освѣщенную жестяной лампой съ тусклымъ стекломъ, на которомъ налѣплена газетная бумажка. Здѣсь, за грязной, облитой спиртными напитками стойкой, человѣкъ угрюмаго вида разливаетъ водку въ большіе, немытые стаканы. Ее пьютъ безъ закуски...

Выпивъ по стакану, большинство снова тянется въ чайную—до утра...

А въ восемь часовъ открывался «Седанъ».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строка.*	*напечатано:*	*нужно:*
5	3 (сверху)	эа	за
10	14 (снизу)	подмываютъ	подмываетъ
—	4 „	Впрочемъ при посѣщеніи	При посѣщеніи
13	17 (сверху)	знакомымъ	знакомыхъ
49	15 „	тарелка	тарелки
53	9 „	человѣкъ.	человѣкъ даромъ.
64	8 „	университетъ вновь сдѣлавши	университетъ, сдѣлавши
85	16 (снизу)	almae	Almae
164	1 „	илшенія	лишенія
193	15 „	воспоминаніе.	воспоминанія.
232	3 „	выступалъ	выступилъ
269	5 (сверху)	живѣе?	живѣе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Бюджеты. Средній. Минимальный. Высшій. Идеальный.	3
Квартирный вопросъ. Сущность квартирнаго вопроса. Хожденіе по мытарствамъ. Гиршъ. Студенческій лагерь. Chambres-Garnies. Курьезы квартиръ. Картинка съ натуры.	12
О студенческомъ питаніи. Общая характеристика. Обѣды. Комитетскія столовыя. Кухмистерскія. . .	41
Организація помощи недостаточнымъ студентамъ.	57
Общежитія. «Ляпинка». Лепешкинское общежитіе. Общежитіе имени Императора Николая II. . . .	66
Борьба за существованіе (о заработкѣ). . . .	82
Отсутствіе семьи.	95
О студенческомъ бракѣ.	99
Студенческая свадьба (Картинка)	111
Типы:	
Первокурсникъ.	117
Неуравновѣшенный.	127
Философъ съ Козихи	163
Декадентъ (Общая характеристика. Письмо Студента Z. къ г-жѣ N. Дѣло студента Мищенко).	184
Дѣятель.	211
Бонвиванъ.	219
Типъ экзотическій.	230
Просвѣтитель барышень.	242

Стр.

Юристъ 4-го курса 250

Голубая подкладка. 255

Какъ онъ былъ оставленъ при университетѣ

(Современная повѣсть). 262

Праздникъ своевольнаго духа (Татьянинъ день). 284

Седанъ (пивная). 289